

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 5⁽¹⁾/2019

Специальный выпуск к 70-летию
Китайской Народной Республики

Российско-китайские отношения
на новом этапе развития

Семь десятилетий
экономического развития КНР

Законодательство
нового Китая

Внешняя политика КНР

Китайская литература
после 1949 г.

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

5⁽¹⁾/2019

Специальный выпуск к 70-летию КНР

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
Российской академии наук

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия

О.Н. Борох, к.э.н., А.В. Виноградов, д.полит.н.,
А.Д. Воскресенский, д.полит.н., проф., А.С. Давыдов, к.и.н.
(зам. главного редактора), В.Г. Дацышен, д.и.н., проф.,
А.З. Жебин, к.полит.н., В.П. Зимонин, д.и.н., проф., А.Н. Карнеев,
к.и.н., В.О. Кистанов, д.и.н., Я.В. Лексютина, д.полит.н.,
А.В. Ломанов, д.и.н., проф. РАН, С.Г. Лузянин, д.и.н., проф.,
В.М. Мазырин, д.э.н., О.И. Мальцева (ответственный
секретарь), Н.Л. Мамаева, д.и.н., П.А. Минакир, академик
РАН, Л.В. Новоселова, д.э.н., А.В. Островский, д.э.н., проф.,
В.Е. Петровский, д.полит.н., Н.А. Самойлов, д.и.н.,
С.С. Суслина, д.э.н.

Иностранные члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских исследований
(Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгер, проф., Национальный
центр исследований по общественным наукам (Париж, Франция),
У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин,
КНР), Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу
Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция

К.В. Асмолов зав. *отделом Кореи*
Е.В. Белипина
зав. *отделом внешней политики*
А.Н. Карнеев
зав. *отделом истории и*
внутренней политики
А.Н. Коробова
зав. *отделом культуры*
А.С. Крушинский
зав. *отделом экономики*
В.В. Кузьминков
зав. *отделом Японии*
Л.С. Лаврова экспедитор
Е.А. Лапшина зав. *редакцией*
Г.П. Манчха редактор
Д.Б. Славинский оператор ЭВМ
А.Б. Старостина
зав. *отделом идеологии и*
философии

Содержание

К 70-ЛЕТИЮ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

От главного редактора	3
<i>И.В. Моргулов.</i> Российско-китайские отношения на новом историческом старте развития	4
<i>Ли Хуэй.</i> Золотое десятилетие китайско-российских отношений	12
<i>Г.В. Куликова.</i> Китай в моей жизни.....	19
<i>С.Г. Лузянин.</i> Россия — Китай: стратегические, военно-политические и экономические параметры партнерства 2019 г.....	29
<i>П.В. Трощинский.</i> Законодательное развитие нового Китая.....	39
<i>А.В. Островский.</i> Социально-экономическое развитие КНР за 70 лет (1949–2019 гг.).....	55
<i>Л.Д. Бони.</i> Китайская деревня накануне 70-летия образования КНР (Решающая битва за сяокан).....	73
<i>В.Я. Портяков.</i> Внешнеэкономические связи Китайской Народной Республики	87
<i>Е.С. Баженова.</i> Население Китая: новые тенденции в эпоху модернизации и экономических реформ	101
<i>И.В. Ушаков.</i> Экологическая цивилизация: мечта или мираж?	112
<i>С.В. Уянаев.</i> Внешняя политика Китая в год 70-летия образования КНР	123
<i>А.С. Давыдов.</i> Год 2019: «Большая тройка» в череде юбилеев	129
<i>А.О. Виноградов.</i> КНР — страны Европейского союза	139
<i>Е.Н. Сафронова.</i> КНР и страны Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока в 2018 г.....	143
<i>П.Б. Каменнов.</i> Российско-китайское военное и военно-техническое сотрудничество	149
<i>А.В. Ломанов.</i> Международные исследования в институтах Китайской академии общественных наук.....	161
<i>Ю.А. Дрейзис.</i> Основные тренды в развитии литературы КНР с 1949 года по настоящее время.....	173
Contents	189
Summary	190

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается специальный выпуск журнала «Проблемы Дальнего Востока». Он посвящен 70-летию со дня основания Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г. и 70-летию установления дипломатических отношений молодого государства с Советским Союзом, которое состоялось на следующий день, 2 октября 1949 г.

За далью лет становится все яснее, насколько эпохальными вехами во всемирной истории были эти события, насколько серьезные изменения в геополитике и геэкономике, в мировом порядке в целом они повлекли за собой. Некоторые из этих перемен отражены в статьях специального выпуска. О двусторонних отношениях России и Китая, их позиционировании на мировой арене рассказывается в материалах заместителя министра иностранных дел И.В. Моргулова, посла КНР в РФ Ли Хуэя (недавно завершившего свою миссию в России и вернувшегося на родину), директора Института Дальнего Востока РАН С.Г. Лузянина. Народной дипломатии, являющейся важным неотъемлемым элементом российско-китайских связей, посвящена статья Г.В. Куликовой, многолетнего первого заместителя председателя Общества российско-китайской дружбы.

Крупные блоки материалов посвящены таким критически важным для КНР сферам, как экономика и внешняя политика. Прослежена эволюция правовой системы страны, показаны характерные черты китайской литературы народного периода. Рассмотрены достижения и проблемы КНР в экологии.

Симптоматично, что российская общественность встречает юбилейный год дальнейшим расширением географии изучения Китая в нашей стране, существенным уплотнением ткани и ростом масштабов российско-китайского сотрудничества на международной арене и во всех сферах двусторонних отношений.

В заключение позвольте от имени коллективов сотрудников Института Дальнего Востока Российской академии наук, редколлегии и редакции журнала «Проблемы Дальнего Востока» поздравить великий китайский народ с праздником и пожелать ему новых успехов.

*Главный редактор журнала
«Проблемы Дальнего Востока»
В.Я. Портяков*

Российско-китайские отношения на новом историческом старте развития

© 2019

И.В. Моргулов
Заместитель Министра иностранных дел
Российской Федерации

В 70 лет я стал следовать стремлениям сердца, не преступая установлений.
Конфуций.

В текущем году Россия и КНР отмечают знаменательный юбилей — 70-летие установления дипломатических отношений. Китайская Народная Республика была образована 1 октября 1949 года, и уже на следующий день Советский Союз стал первым, кто признал молодое государство.

В истории двусторонних контактов были разные периоды, однако сегодня можно уверенно утверждать, что определяющим стал вектор на добрососедство, дружбу и сотрудничество. Особенно яркими успехами отмечены последние три десятилетия, когда стороны не только вернулись к традициям товарищества 1950-х годов, но и сумели придать взаимоотношениям новое качество.

Ключевые вехи на этом пути — полная нормализация двусторонних связей в 1989 г., установление стратегического партнерства в 1996 г., подписание Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве в 2001 г., создание Шанхайской организации сотрудничества, решение пограничного вопроса, выход на уровень всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия.

Сейчас российско-китайские отношения отличаются мощной, устойчивой динамикой и по праву характеризуются как лучшие в своей истории. Они базируются на прочном фундаменте взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела друг друга, исключаяшем привнесение конъюнктурного содержания в двусторонний диалог. Такой формат позволяет не только сохранять нарабатанный позитив, но и эффективно уплотнять взаимодействие, выходить на решение самых чувствительных вопросов.

При этом наши страны не останавливаются на достигнутом и на постоянной основе обогащают диалог новым содержанием. Главной движущей силой на этом пути выступают интенсивные и доверительные контакты лидеров. Президент Российской Федерации В.В. Путин и Председатель КНР Си Цзиньпин, начиная с 2010 г., встречались 31 раз, в том числе дважды в 2019 — «на полях» 2-го Международного форума высокого уровня «Один пояс, один путь» в апреле и в рамках государственного визита китайского руководителя в Россию в июне.

По итогам саммита подписано Совместное заявление о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпо-

ху, в котором обозначен выход российско-китайских отношений на новые рубежи. В документе зафиксировано, что стороны будут оказывать друг другу еще более решительную и энергичную стратегическую поддержку по всем направлениям, акцентирован устойчивый и стабильный характер двусторонних отношений, их неподверженность влиянию извне, определены перспективные направления дальнейшего развития взаимодействия в практических областях и в мировых делах. Консолидированная реакция Москвы и Пекина на линию США и ряда их союзников на фактический слом действующих инструментов обеспечения стратегической безопасности отражена в Совместном заявлении об укреплении глобальной стратегической стабильности в современную эпоху.

Диалог на высшем уровне дополняется эффективной работой разветвленных и разноплановых механизмов межгосударственного взаимодействия, включая регулярные встречи глав правительств, руководства парламентов, консультации по линии Администрации Президента Российской Федерации и Канцелярии ЦК КПК, высоких представителей по стратегической безопасности и вопросам общественной безопасности, правопорядка и юстиции, заседания пяти возглавляемых вице-преьерами межправительственных комиссий (по подготовке вышеупомянутых встреч глав правительств, инвестиционному, энергетическому и гуманитарному сотрудничеству, по развитию Дальнего Востока и Байкальского региона России и Северо-Востока КНР), а также входящих в их состав порядка 60 подкомиссий и рабочих групп. Налажены прямые связи между всеми основными министерствами и ведомствами. Заключено более 200 договоров и соглашений, регулирующих двустороннее взаимодействие в различных сферах.

Высокая степень политического доверия позволила сторонам добиться значимых результатов в развитии военного и военно-технического сотрудничества. Интенсивные контакты осуществляют руководители оборонных ведомств. С 2005 г. проводятся совместные военные учения «Мирная миссия». В крупнейших в современной истории России маневрах «Восток — 2018» в сентябре 2018 г. впервые участвовали 3,5 тыс. военнослужащих Народно-освободительной армии Китая. Динамично расширяется взаимодействие и в других приоритетных областях — борьбе с терроризмом, организованной преступностью и незаконной миграцией, оповещении и обмене информацией при трансграничных чрезвычайных ситуациях экологического характера.

В 2020 г. Россия и КНР будут отмечать 75-летие Победы во Второй мировой войне. Наши страны были союзниками в борьбе с германским фашизмом и японским милитаризмом, приняли на себя их главный удар, прошли через трагические испытания, понесли наибольшие людские потери. Мы придерживаемся схожих взглядов на причины, ход и итоги Второй мировой войны, единым фронтом выступаем против попыток фальсифицировать историю, героизировать нацистов, милитаристов и их пособников. В России ценят бережное отношение китайских друзей к расположенным на территории КНР мемориалам павших воинов Красной Армии.

Продолжается слаженная работа по продвижению всего комплекса двусторонних связей на основе Планов действий по выполнению положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. В настоящее время успешно реализуется четвертый по счету документ, рассчитанный на период с 2017 по 2020 г.

С каждым годом углубляется кооперация в практических областях. В 2018 г. двусторонний товарооборот преодолел отметку в 100 млрд долл., продемонстрировав рекордные темпы роста (+24,5% к 2017 г.). По итогам первого квартала 2019 г. позитивные тенденции в торговой сфере удалось закрепить. Самый большой объем внешней торговли нашей страны приходится на Китай. Россия, в свою очередь, вышла на 11-е место среди основных торговых партнеров КНР.

Одновременно улучшаются качественные параметры и структура двусторонней торговли, растут взаимные поставки высокотехнологичных товаров. Повышается взаимная заинтересованность в расширении инвестиционного сотрудничества. Из 70 утвер-

жденных на высшем уровне приоритетных двусторонних проектов общей стоимостью 120 млрд долл. успешно завершены 11, еще 15 — в стадии активной реализации. Ведется работа по подключению банковских структур двух стран к созданию инвестиционных фондов и адресному финансированию взаимных капиталовложений.

Россия и Китай намерены внедрять практику расчетов в национальных валютах. Важным шагом к дальнейшему расширению использования рубля и юаня в двусторонней торговле, обеспечению бесперебойности банковского обслуживания сделок в условиях нестабильности на глобальных рынках стало подписание в июне 2019 г. межправительственного соглашения о расчетах и платежах.

Успешно продвигается взаимодействие в сельскохозяйственной сфере. В 2018 г. двусторонний товарооборот сельхозпродукции вырос на четверть и продолжает увеличиваться. Последовательно идет работа с китайскими партнерами над взаимным открытием рынков для зерновых, молочной и животноводческой продукции. Серьезное внимание уделяется реализации планов по развитию сельского хозяйства Дальнего Востока и Байкальского региона России и Северо-Востока Китая.

Важнейшим направлением масштабного долгосрочного сотрудничества является энергетика. За последние 10 лет российские компании экспортировали в КНР более 300 млн т нефти, 55 млн т нефтепродуктов, 150 млн т угля и 20 млрд кВт·ч электроэнергии.

Бесперебойно функционирует российско-китайский нефтепровод «Сквородино — Мохэ», завершены работы по строительству его второй нитки. По итогам 2018 г. Россия вышла на 1-е место среди поставщиков сырой нефти в Китай.

В декабре 2019 г. ожидается запуск в эксплуатацию первого российско-китайского газопровода, по которому в течение 30 лет планируется ежегодно поставлять в Китай по 38 млрд куб. м «толубого топлива». Продолжается обсуждение перспектив поставок российского природного газа в КНР по «западному» маршруту.

Наращивается взаимодействие в области производства и сбыта сжиженного природного газа. В ноябре прошлого года с опережением графика запущена третья очередь завода «Ямал СПГ», значительная доля в котором принадлежит китайским инвесторам. Начаты регулярные отгрузки ямальского газа в КНР. Подписаны контракты об участии китайских партнеров в еще более масштабном проекте — «Арктик СПГ 2» мощностью 20 млн т СПГ в год.

Нашими странами накоплен многолетний опыт успешной кооперации в атомной энергетике. Надежно работают четыре ядерных энергоблока российского дизайна на Тяньваньской АЭС, достигнуты договоренности о строительстве двух дополнительных блоков на этой станции и еще двух на новой площадке — АЭС «Сюйдапу». Хорошие перспективы у сотрудничества по тематике реакторов на быстрых нейтронах.

Налажено прочное взаимодействие в области космоса. Выполняется пятая по счету программа сотрудничества в космической сфере, рассчитанная на 2018–2022 гг. и охватывающая такие направления, как ракеты-носители и ракетные двигатели, исследование Луны и дальнего космоса, дистанционное зондирование Земли, электронная компонентная база космического назначения, мониторинг космического мусора, низкоорбитальная система спутниковой связи. Продвигается работа по применению навигационных спутниковых систем ГЛОНАСС и «Бэйдоу».

Россия и Китай намерены сообща развивать международные транспортные коридоры и с этой целью активнее задействовать потенциал Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей.

Большое внимание уделяется развитию Северного морского пути (СМП), где создаются условия для круглогодичной навигации и транзита грузов за счет мероприятий по обеспечению безопасности мореходства, навигационно-гидрографическому обеспечению, строительству ледокольного флота и портовой инфраструктуры. Рассматривается возможность «стыковки» СМП с китайской инициативой «Морской шелковый путь».

XXI века» и создания тем самым глобального конкурентоспособного маршрута, связывающего Северо-Восточную, Восточную и Юго-Восточную Азию с Европой.

Ведется планомерная совместная работа над формированием дополнительных «точек роста» в области транспорта и логистики, в том числе в контексте совершенствования трансграничной инфраструктуры. Завершается строительство международного железнодорожного моста Нижнеленинское — Тунцзян в Еврейской автономной области. Проведена церемония стыковки трансграничного автомобильного мостового перехода Благовещенск — Хэйхэ в Амурской области. В 2020 г. оба объекта будут сданы в эксплуатацию, что существенно улучшит транспортное сообщение и создаст благоприятные условия для масштабного наращивания хозяйственных связей, прежде всего, между сопредельными регионами двух стран.

Еще один значимый «блок» сотрудничества — обеспечение стабильного российско-китайского режима границы, проверка линии ее прохождения, охрана окружающей среды в приграничных областях, мониторинг качества водотоков, распределение трансграничных водных ресурсов, контроль за осуществлением берегоукрепительных работ, согласование режима плавания по пограничным рекам, координация развития отдельных приграничных территорий.

Важное значение придается межрегиональному измерению торгово-экономических, научно-технических и гуманитарных связей. Координационную роль в стимулировании практического взаимодействия между восточными регионами наших государств играет Межправительственная комиссия по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона России и Северо-Востока Китая. Эффективно работает формат «Волга — Янцзы», охватывающий субъекты Приволжского федерального округа (ПФО) и верхнего, среднего течения р. Янцзы. В конце мая 2019 г. в Чебоксарах состоялось очередное заседание Совета по сотрудничеству данного механизма под председательством полномочного представителя Президента Российской Федерации в ПФО И.А. Комарова и члена Госсовета КНР Ван Юна. Подписано 14 соглашений о торгово-экономическом и гуманитарном сотрудничестве, проведен Форум Ассоциации вузов «Волга — Янцзы».

В июне этого года достигнута договоренность об учреждении новых форматов взаимодействия между Центральным федеральным округом и севером Китая, а также между Северо-Западным федеральным округом и приморскими регионами юго-востока КНР.

С успехом реализуется проект Годов межрегионального сотрудничества России и Китая (2018–2019 гг.), нацеленный в том числе на содействие развитию инфраструктуры, внедрение современных технологических решений, рост въездного туризма, вовлечение в совместные мероприятия сотен тысяч граждан, укрепление взаимопонимания между народами двух стран. В сентябре 2018 г. в рамках IV Восточного экономического форума во Владивостоке проведен круглый стол глав регионов двух стран, в работе которого приняли участие лидеры России и Китая. Заметно активизировались контакты по линии муниципалитетов. 20–22 июня 2019 г. в Рязани прошел 1-й Российско-Китайский муниципальный форум, который призван стать новой площадкой сотрудничества на местном уровне.

На фоне обострения глобальной конкуренции за технологическое лидерство отчетливо вырисовывается роль инновационного вектора как новой движущей силы российско-китайского партнерства. В развитие хорошо зарекомендовавшей себя практики проведения перекрестных тематических годов 2020 и 2021 г. объявлены Годами научно-технического и инновационного сотрудничества. Достигнуты договоренности о создании фонда совместных научно-технических инноваций, дальнейшем расширении научно-образовательных обменов. Продвигается взаимодействие по таким «якорным» высокотехнологичным проектам в области авиастроения, как создание широкофюзеляжного дальнемагистрального самолета (CR929) и перспективного гражданского тяжелого вертолета.

С обеих сторон подтверждается готовность развивать кооперацию в информационно-коммуникационной отрасли.

Обогащаются новым содержанием обмена с Китаем в гуманитарной области, в том числе в культурной, образовательной, туристической и других сферах, что способствует укреплению социальной базы стратегического партнерства.

Проводятся ежегодные «перекрестные» фестивали культуры. Россию и Китай посещают ведущие театральные коллективы двух стран, организуются музейные выставки. Осуществляется сотрудничество по совместному производству кинематографической продукции. Отечественные фильмы с успехом демонстрируются в КНР на широком экране в коммерческом прокате.

Дан старт по проекту совместного университета в Шэньчжэне, в котором уже обучаются 325 человек. В перспективе число студентов и аспирантов планируется увеличить до 5 тысяч. Всего в России сейчас учатся более 35 тыс. граждан КНР, в Китае — около 20 тыс. россиян.

Залогом крепкой дружбы, добрососедства и сотрудничества двух стран в будущем служат контакты молодежи, визиты делегаций молодых парламентариев и представителей деловых кругов, совместные спортивные, культурные, образовательные мероприятия.

С удовлетворением отмечаем высокие темпы роста туристических обменов, что свидетельствует об устойчивом взаимном интересе россиян и китайцев к культуре и традициям страны-партнера. В прошлом году Поднебесную посетили около 2,2 млн наших соотечественников, а в России побывали более 1,7 млн граждан КНР.

Регулярно проводятся заседания двусторонней подкомиссии по сотрудничеству в области средств массовой информации. Важную роль во взаимодействии на данном направлении играют ежегодные российско-китайские медиафорумы, участие в которых принимают представители руководства госорганов и ведущих СМИ наших стран. В КНР осуществляют вещание три российских телеканала — «РТР-Планета», Russia Today и «Катюша».

Ведется продуктивный диалог по религиозной тематике по линии двусторонней Группы по контактам и сотрудничеству в религиозной сфере.

Активно развивается «народная дипломатия» под эгидой Российско-Китайского Комитета дружбы, мира и развития, а также обществ российско-китайской и китайско-российской дружбы.

Символическим событием стало участие в июне 2019 г. Президента В.В. Путина и Председателя Си Цзиньпина в церемонии передачи Московскому зоопарку привезенной из Китая пары больших панд, что продемонстрировало особый характер дружественных отношений между нашими государствами.

Россия и Китай все плотнее взаимодействуют на международной арене. В силу общности взглядов на ситуацию в мире и на перспективы ее дальнейшего развития наши подходы к большинству вопросов глобальной и региональной повестки дня как минимум близки, а чаще полностью совпадают. Яркое тому свидетельство — тематические совместные заявления, регулярно принимаемые на уровне руководителей государств или глав внешнеполитических ведомств двух стран.

Москва и Пекин неизменно выступают за полицентричное мироустройство. Современная международная система эволюционирует в данном направлении — это объективный процесс, который можно лишь ускорять или сдерживать, но не остановить. Строго говоря, мир уже перестал быть однополярным. К настоящему времени сформировались несколько «полюсов» в виде как отдельных государств, включая Россию и Китай, так и межгосударственных объединений, и их количество, судя по всему, будет увеличиваться. Такая форма международной архитектуры призвана обеспечить устойчивый ба-

ланс сил, большой учет интересов различных членов мирового сообщества, в том числе развивающихся.

При этом, как мы с китайскими друзьями постоянно подчеркиваем, крайне важно сохранять ведущую роль ООН в глобальном управлении, обеспечивать верховенство международного права, выстраивать межгосударственные отношения на принципах взаимного уважения и учета интересов, справедливости, взаимовыгодного сотрудничества, невмешательства во внутренние дела друг друга, отказа от конфронтации и конфликтов.

Общность взглядов и подходов — основа для плотного взаимодействия наших государств на всех ведущих многосторонних площадках. Главная из них — это, естественно, ООН как универсальная, самая представительная и авторитетная международная организация. Плотно, в режиме реального времени координируем с Пекином работу в Совете Безопасности, Генеральной Ассамблее, спецучреждениях ООН. Противодействуем попыткам подменить ооновскую систему «альтернативными» механизмами с узким кругом участников, а также заместить международное право некими «правилами», на которых, по мнению их проponentов, должен основываться миропорядок.

С расширением состава членов открылись новые горизонты для развития Шанхайской организации сотрудничества. Россия и Китай, которые стояли у истоков ее создания, сообща с другими входящими в нее государствами приложили немало усилий, для того чтобы за 18 лет существования ШОС превратилась в одно из влиятельнейших региональных объединений, по сути — в еще один мировой «полюс», настроены и дальше сообща делать все для углубления многовекторного и разноуровневого взаимодействия внутри Организации, повышения ее влияния на международную обстановку.

С удовлетворением отмечаем укрепление сотрудничества в рамках БРИКС. Повышается авторитет Объединения, о чем свидетельствует интерес многих стран к партнерству с ним — оптимальным инструментом для такого взаимодействия стал недавно введенный в практику формат «БРИКС плюс». Россия и Китай со своей стороны всеми силами содействуют развитию БРИКС, поиску точек соприкосновения интересов пяти государств, наполнению практического сотрудничества новым содержанием.

Вместе с китайскими и индийскими коллегами Россия предпринимает меры по углублению и расширению диалога Россия — Индия — Китай. Встреча лидеров трех стран, состоявшаяся после длительного перерыва в ноябре прошлого года в Буэнос-Айресе на полях саммита «Группы двадцати», позволила вывести данный механизм на новый уровень. Мощный импульс его развитию придала очередная встреча в верхах, прошедшая 28 июня 2019 г. в Осаке. Учитывая особый характер партнерства Москвы с Пекином и Нью-Дели, а также серьезные позитивные сдвиги в китайско-индийских отношениях, можно рассчитывать на то, что формат РИК станет еще одним существенным фактором в формировании полицентричного мироустройства, созидательной силой в обеспечении региональной стабильности и продвижении интеграционных процессов на пространстве Евразии.

Развивается и другой перспективный механизм трехстороннего взаимодействия — Россия — Монголия — Китай (РМК). 14 июня 2019 г. по завершении саммита ШОС в Бишкеке успешно прошла очередная встреча лидеров трех стран. Реализуются утвержденные главами государств «дорожная карта» тройственного сотрудничества и Программа создания экономического коридора РМК. Настроены продолжить в полной мере раскрывать потенциал практического взаимодействия в данном формате, в том числе путем сопряжения национальных и региональных интеграционных проектов.

Президент В.В. Путин выдвинул, а китайские друзья поддержали инициативу построения Большого Евразийского партнерства (БЕП) — единого экономического пространства от Атлантики до Тихого океана, на котором на основе открытости, транспарентности и взаимного учета интересов будут сопряжены потенциалы различных интеграционных форматов, в первую очередь, ЕАЭС, китайского проекта «Один пояс, один

путь», ШОС и АСЕАН, а в перспективе, возможно, и ЕС. Первые шаги на пути к БЕП уже сделаны: в мае 2018 г. подписано соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами с одной стороны, и КНР — с другой.

Год за годом Россия плотно контактирует с Китаем по проблемам глобальной экономики, международной торговли и финансов, вопросам противодействия протекционизму и односторонним санкциям, уделяя серьезное внимание наращиванию двустороннего взаимодействия в профильных форматах, в первую очередь в ВТО, «Группе двадцати» и АТЭС. Что касается двух последних, то рассматриваем их как оптимальные платформы для обсуждения путей формирования архитектуры равноправных и взаимовыгодных экономических отношений, а также для противодействия протекционистским устремлениям отдельных стран. С единых позиций выступаем на асеановских площадках (Восточноазиатские саммиты, АРФ, «СМОА плюс») за построение равной и неделимой архитектуры безопасности в АТР. В этом плане негативно относимся к западным «Индо-Тихоокеанским стратегиям», которые ведут к созданию новых разделительных линий в регионе и имеют откровенно антироссийский и антикитайский подтекст.

Сообща с Пекином противодействуем попыткам ряда сил размыть сложившееся к настоящему времени понятие стратегической стабильности, подменить ее неким «новым видением», что может привести к разрушению целого ряда важных договоренностей в сфере контроля над вооружениями, распространения и нераспространения, и в итоге — к разбалансировке сил и новой гонке ядерных и неядерных вооружений.

На фоне ускоряющегося развития высоких технологий серьезную обеспокоенность вызывает ситуация в сфере международной информационной безопасности. С одной стороны, США и их союзники бездоказательно обвиняют Россию и КНР в кибератаках, а с другой — хотят узаконить право силовой реакции на гипотетические угрозы в виртуальном мире. Это неприемлемо ни для нас, ни для китайских партнеров.

Что касается региональных дел, то необходимо упомянуть, в первую очередь, ситуацию на Корейском полуострове. Сейчас она развивается фактически в соответствии с прописанной в Совместном заявлении МИД России и МИД КНР от 4 июля 2017 г. «дорожной картой», во многом благодаря которой удалось заметно снизить накал обстановки в субрегионе и запустить переговорные процессы в различных форматах. Предпринимаемые нами усилия направлены не только на дезэскалацию напряженности вокруг КНДР, но и на решение более комплексной задачи — формирование механизма мира и безопасности во всей Северо-Восточной Азии.

Москва и Пекин все теснее координируют шаги в деле международного сопровождения внутриафганского урегулирования. Основной площадкой для реализации этой цели служит созданный нашими странами Московский формат консультаций, объединивший всех соседей Афганистана и большинство политических сил этой страны, а также Контактная группа ШОС — Афганистан.

Пекин повышает свой профиль в сирийских делах, что с учетом заметного улучшения ситуации в САР открывает перспективы участия КНР наряду с Россией и другими государствами в постконфликтном восстановлении этой страны. Настроены на самое тесное сотрудничество с китайскими партнерами в решении насущных проблем Сирии, содействии скорейшей нормализации жизни сирийского народа. Высоко оцениваем российско-китайское взаимодействие в противодействии безапелляционным попыткам Запада обвинить Дамаск в химических атаках и в этом контексте навязать Организации по запрещению химического оружия несвойственные ей атрибутивные функции.

Несмотря на отказ США от исполнения резолюции СБ ООН 2231, которой был утвержден Совместный всеобъемлющий план действий по урегулированию ситуации во-

круг иранской ядерной программы, Россия и Китай, как ответственные члены мирового сообщества, продолжают предпринимать усилия по сохранению этой международной договоренности. Считаю ее крайне важной не только для поддержания глобального режима нераспространения, но и в плане обеспечения условий для нормального взаимодействия с Ираном, защиты интересов российских и китайских экономических операторов в этой стране.

Попытки незаконной смены власти в Венесуэле при активном содействии «извне» вызывают у здравомыслящих людей резко негативную реакцию. В Москве и Пекине не приемлют «цветные революции», под какими бы привлекательными лозунгами они ни проходили. Единственно приемлемый путь урегулирования ситуации в Боливарианской Республике — запуск внутривенесуэльского диалога между конфликтующими сторонами с целью выйти на политическое, правовое разрешение кризиса. Что касается международного сообщества, то оно — тут мы тоже едины с Пекином — должно содействовать этому процессу, а не вмешиваться во внутренние дела суверенного государства.

Эти и многие другие международные проблемы остаются в поле самого пристального внимания наших стран. Наиболее актуальные темы регулярно обсуждаются на высшем уровне, а также по линии внешнеполитических ведомств. Министры иностранных дел России и КНР только в 2018 г. встречались шесть раз, в 2019 — уже трижды. На ежегодной основе на уровне заместителей министров иностранных дел и профильных подразделений МИД проводятся консультации по самому широкому кругу вопросов. Дипмиссии наших государств в других странах и при международных организациях также находятся в самом тесном контакте. Все это — показатель плотности российско-китайского стратегического взаимодействия.

К празднованию 70-летия установления дипломатических отношений наши страны подошли с весьма внушительным багажом и еще более амбициозными задачами. Российско-китайские отношения вступают в новый этап развития. Дальнейшее их углубление по всем направлениям — веление времени, отвечающее интересам народов двух государств, способствующее обеспечению безопасности и стабильности в региональном и глобальном измерениях, достижению идеалов прочного мира и устойчивого развития.

Золотое десятилетие китайско-российских отношений

© 2019

Ли Хуэй

Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ

В 2019 году Китай и Россия отмечают 70-летие дипломатических отношений. Это — знаковое событие в двусторонних отношениях. В 2019 также исполняется десятилетие моей деятельности на посту посла Китая в России. Последнее десятилетие — это лишь седьмая часть в течение долгих 70 лет в отношениях между нашими странами, однако именно эти годы можно назвать «золотым десятилетием», так как именно последние 10 лет были свидетелями череды ярких моментов в развитии двусторонних связей, именно последнее десятилетие вписало блестящую страницу в историю китайско-российской дружбы.

В настоящее время в отношениях всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнерства Китая и России наступил этап наиболее благоприятного развития за всю историю. Реализуются частые контакты на высоком уровне между странами, сформировалась практика ежегодных визитов лидеров, создан механизм регулярных встреч премьеров, создан комитет межпарламентского сотрудничества, а также комплексный механизм взаимодействия на всех уровнях, охватывающий энергетику, инвестиции, гуманитарное общение, торгово-экономическую сферу, межрегиональное взаимодействие, координацию в правоохранительной сфере и в области стратегической безопасности. Стороны постоянно углубляют политическое взаимное доверие, поддерживают друг друга в вопросах, касающихся ключевых интересов, — государственного суверенитета, государственной безопасности, территориальной целостности, развития и других. Возрос и двусторонний торговый оборот — с 38 млрд 140 млн долл. в 2009 г. до 107 млрд 60 млн долл. в 2018 г., что стало рекордно высоким показателем. Ярко развивается и гуманитарное общение — стороны провели ряд «тематических годов», перекрестные национальные годы, Годы языков, Годы туризма, Год молодежных обменов, Год медиа-сотрудничества, Годы регионального взаимодействия и другие важные государственные мероприятия, на фоне которых в фокусе внимания постоянно находится дипломатическая деятельность лидеров наших стран. Председатель КНР Си Цзиньпин и президент РФ В.В. Путин поддерживают тесные контакты в разных форматах. Благодаря стратегическому руководству с их стороны китайско-российские отношения всеобъемлющего взаимодействия и партнерства поднялись на новую ступень развития.

Частые встречи стали «нормой»

Анализируя встречи и переговоры лидеров обеих стран в последние годы, можно заметить, что тесное общение между ними не только вписало новую страницу в историю внешнеполитической деятельности руководителей Китая и России, но и способство-

вало эффективному выведению двусторонних отношений на самый благоприятный этап развития за всю историю.

С марта 2013 г., когда Председатель КНР Си Цзиньпин впервые в качестве главы государства побывал с государственным визитом в России, и вплоть до апреля 2019 г., до проведения Второго форума на высоком уровне по международному сотрудничеству в рамках инициативы «Один пояс, один путь», Си Цзиньпин и В.В. Путин провели 30 встреч, то есть около пяти встреч в год. Для лидеров двух крупных держав, у которых сверхнапряженный график работы, проведение столь частых встреч действительно должно обладать «исключительной ценностью», заслуживающей того, чтобы выкраивать на них время. В этом контексте проходят и регулярные обмены визитами, и двусторонние встречи на полях крупных форумов, проводимых международными организациями, а также специальные поездки для участия в важных мероприятиях в обеих странах. За последние шесть лет Председатель КНР Си Цзиньпин совершил семь визитов в Россию, а Президент РФ В.В. Путин побывал в Китае восемь раз. Постоянные взаимные визиты руководителей двух стран столь часты, что напоминают посещения близких родственников. Между лидерами сложились тесные рабочие отношения и добрая дружба, что помогает выведению двустороннего взаимодействия на новый уровень развития. Такой высокий уровень, частые встречи и высокая эффективность, присущие общению руководителей, — уникальное явление в дипломатии крупных держав, демонстрирующее не только серьезное внимание, которое придают обе стороны развитию китайско-российских отношений всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнерства, но и незаменимую стратегическую направляющую роль в укреплении сотрудничества в разных сферах.

В качестве посла КНР в России мне посчастливилось принять участие во всех двусторонних мероприятиях председателя Си Цзиньпина и президента В.В. Путина. Я лично участвовал в важных событиях в истории китайско-российских отношений, почувствовал высокий уровень приема, оказываемый ими друг другу и особую организацию взаимных встреч, стал свидетелем растущей личной дружбы глав государств, а также стремительного развития китайско-российского взаимодействия под дипломатическим руководством лидеров. До сих пор в моей памяти свежи воспоминания о важнейшем консенсусе, достигнутом лидерами стран во время встречи в марте 2013 г., а именно о переходе от приоритета высокого уровня политических связей к прагматичному сотрудничеству во всех областях. Ныне это стало направляющим вектором долгосрочного, здорового и стабильного развития двусторонних отношений.

Многочисленные «новации» отражают особый характер отношений

Кроме частых встреч, Председатель КНР Си Цзиньпин и Президент РФ В.В. Путин создали множество «новаций» в истории общения лидеров, что в полной мере отразило высокий уровень и особый характер китайско-российского взаимодействия.

В марте 2013 г. после того, как Си Цзиньпин был избран Председателем КНР, В.В. Путин стал первым главой зарубежного государства, который провел телефонный разговор с новым китайским лидером, а Россия стала первой страной первого зарубежного визита Си Цзиньпина. Во время мартовского визита, когда в Кремле проходила торжественная церемония встречи, российская сторона впервые привлекла к участию во встрече кортежа китайского лидера кавалерийский почетный эскорт Президентского полка, который выстроился во дворе Кремля. В.В. Путин сопровождал Си Цзиньпина по всему маршруту — всего восемь часов. Минобороны РФ и Центр оперативного управления Вооруженными силами РФ впервые открыли свои двери для зарубежного лидера. В июне 2018 г., когда В.В. Путин начал новый президентский срок, первый визит он так-

же совершил в Китай. Это говорит о том, что Китай и Россия дорожат традиционной дружбой, рассматривая друг друга в качестве приоритетов во внешнеполитическом курсе.

В начале 2014 г. Председатель КНР Си Цзиньпин по приглашению Президента РФ В.В. Путина присутствовал на открытии XXII зимней Олимпиады в Сочи, что положило начало традиции посещения китайским лидером крупных международных спортивных соревнований. В ходе встречи с В.В. Путиным председатель Си Цзиньпин констатировал: «Китай и Россия — добрые соседи, близкие партнеры и добрые друзья. В Китае заведено: когда у соседа радость, надо непременно приехать, чтобы лично его поздравить, разделить радость с народом России». Поездка председателя Си Цзиньпина имела огромное значение для распространения Олимпийского духа и дальнейшего углубления сотрудничества между Китаем и Россией, к тому же таким образом Китай в полной мере продемонстрировал всему миру имидж ответственной державы.

В июле 2017 г. в ходе визита в Россию председателя Си Цзиньпина, президент В.В. Путин в Большом Кремлевском дворце в Москве вручил ему орден Святого апостола Андрея Первозванного, высшую государственную награду России. В июне 2018 г. Председатель КНР Си Цзиньпин в Золотом зале Дома народных собраний в Пекине вручил Президенту России В.В. Путину первый орден Дружбы КНР. Главы обеих стран стали инициаторами, активными сторонниками и координаторами нынешнего китайско-российского взаимодействия на высоком уровне, внося чрезвычайно важный вклад в дело традиционной китайско-российской дружбы. Именно поэтому вручение высших государственных наград стало достойным признанием их реальных достижений и вклада. Также впервые главы двух государств, прибыв в город Тяньцзинь на высокоскоростном поезде, присутствовали на товарищеском хоккейном матче юниорских команд Китая и России, что не только создало прецедент в истории общения лидеров, но и придало импульс укреплению сотрудничества в области высокоскоростного железнодорожного сообщения и в зимних видах спорта.

«Взаимные визиты» означают взаимную поддержку

Практика ежегодного взаимного обмена визитами глав государств сопровождается традицией поддержки друг друга в проведении больших мероприятий, что не только идет на пользу позитивному взаимодействию в контексте отношений между крупными державами, но и придает новый стимул, оказывает широкое влияние на развитие международных отношений.

В 2015 г. в Китае отмечали 70-летие Победы в антияпонской и Второй мировой войнах, а в России отмечали 70-летие Победы в Великой Отечественной войне. Для того чтобы отметить этот славный исторический юбилей, главы государств Китая и России приезжали для участия в торжественных праздничных мероприятиях друг друга — «9 мая» и «3 сентября». Это еще более четко продемонстрировало твердую решимость Китая и России совместно отстаивать итоги Победы во Второй мировой войне и послевоенный миропорядок, в структуре которого ведущую роль играет ООН. Вместе с тем это придало положительный импульс содействию мира и стабильности в регионе и в мире, а также способствовало миру и прогрессу человечества.

В мае 2017 г. Президент России В.В. Путин по приглашению китайской стороны прибыл в Пекин для участия в Первом форуме на высоком уровне по международному сотрудничеству в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Таким образом Россия подтвердила свою готовность участвовать в инициативе, что послужило конструктивным сигналом к совместному стремлению Китая и России к глобальной экономике открытого типа. В сентябре 2018 г. Председатель КНР Си Цзиньпин прибыл во Владивосток для участия в 4-м Восточном экономическом форуме. Вместе с В.В. Путиным он заявил об углубленном развитии китайско-российских отношений в новую эпоху, обсудил пла-

ны регионального развития и мира со странами Северо-Восточной Азии, открыв новые перспективы на благо сотрудничества в этом регионе и взаимодействия регионов Китая и России. В третьей декаде апреля 2019 г. президент В.В. Путин вновь по приглашению китайской стороны принял участие во Втором международном форуме «Один пояс, один путь», что полностью отразило активную личную и президентскую поддержку В.В. Путиным реализации инициативы «Пояс и путь».

Кроме того, по приглашению российской стороны Председатель КНР Си Цзиньпин принял участие в Восьмом саммите «Двадцатки» в Санкт-Петербурге и Седьмой встрече руководителей стран БРИКС в Уфе. В свою очередь, президент В.В. Путин участвовал в Одиннадцатом саммите «Группы двадцати» в городе Ханчжоу на востоке Китая, в Девятой встрече руководителей стран БРИКС в южном городе Сямэнь и в Саммите ШОС в городе Циндао (Восточный Китай). После участия российского Президента В.В. Путина во Втором международном форуме «Один пояс, один путь» Председатель КНР Си Цзиньпин намерен совершить государственный визит в Россию. Так год от года продолжается прекрасная китайско-российская традиция взаимного обмена визитами глав государств.

Новое содержание стратегического взаимодействия

Каждая встреча глав государств Китая и России обладает важным стратегическим значением. Взаимные обмены визитами между лидерами раз от разу открывают новые возможности для двустороннего сотрудничества, непрерывно стимулируя дальнейшее развитие двусторонних отношений.

Начиная с марта 2013 г. и вплоть до настоящего времени главы КНР и РФ подписали целый ряд совместных заявлений, обладающих важным стратегическим значением. Лидеры наших стран совместно присутствовали на подписании нескольких сотен документов о двустороннем деловом сотрудничестве. Исходя из содержания подписанных документов, становится очевидным, что китайско-российское стратегическое взаимодействие заметно не только в контексте двусторонних отношений, но и в глобальном масштабе. В 2013 г. страны подписали «Совместное заявление РФ и КНР о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия». В 2014 г. было согласовано «Совместное заявление РФ и КНР о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия». В 2015 г. стороны подписали «Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению реализации Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза» и «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества». В 2016 г. Китай и Россия торжественно отметили 15-летие подписания «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ», заключили и опубликовали такие документы, как «Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики об укреплении глобальной стратегической стабильности», «Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики о взаимодействии в области развития информационного пространства», «Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации». В 2017 г. Китай и Россия опубликовали «Совместное заявление о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия», «Совместное заявление о текущей ситуации в мире и важных международных проблемах», утвердили «План действий по реализации Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве на 2017–2020 годы». В 2018 г. было подписано «Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации».

Из 30 встреч Председателя КНР Си Цзиньпина и Президента РФ В.В. Путина больше половины прошло на полях крупных международных конференций. Стороны ведут эффективную координацию в рамках многосторонних механизмов с участием Китая и России, в частности в ООН, «Группе двадцати», БРИКС, АТЭС, ШОС, Совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии и других. Стороны поддерживают тесные контакты и координацию по глобальным проблемам, включая защиту международного права и основных норм международных отношений, реформирование ООН, борьбу с терроризмом, противостояние климатическим изменениям. Стороны прилагают совместные усилия для защиты итогов Победы во Второй мировой войне, отстаивают беспристрастный и справедливый подход на международной арене, вносят активный вклад в создание международных отношений нового типа и формирование глобального сообщества единой судьбы, совместными усилиями продвигают развитие более справедливого и рационального международного порядка. Стратегическое сотрудничество Китая и России не только приносит пользу двум странам и их народам, но и служит образцом равноправия и взаимовыгоды, обоюдного выигрыша в сотрудничестве и совместного развития, провозглашаемых в современном мире.

Добрососедство и дружба из поколения в поколение

Председатель КНР Си Цзиньпин и Президент РФ В.В. Путин уделяют повышенное внимание поддержанию двустороннего добрососедства и дружбы, общению между молодежью и подрастающим поколением двух стран, чтобы воспитать преемников дела китайско-российской дружбы, с тем, чтобы она передавалась из поколения в поколение.

В 2013 г. во время визита в Россию Председатель КНР Си Цзиньпин выступил в МГИМО с речью на тему: «Идти в ногу со временем, содействовать миру и развитию на планете». В этом выступлении он четко проанализировал текущую ситуацию в мире, рассказал о трогательных историях в контексте китайско-российской дружбы в новую эпоху. Обращаясь к молодому поколению обеих стран, Си Цзиньпин заявил, что молодежь — будущее каждого отдельно взятого государства и всего мира, за молодыми — будущие перспективы дружбы Китая и России. Он выразил надежду на то, что еще больше молодых людей в Китае и России будут передавать эстафету китайско-российской дружбы, принимая активное участие в ее развитии и укреплении. Главы обоих государств объявили о проведении в 2014 и 2015 г. «Годов молодежных обменов Китая и России».

Когда лидеры двух стран совместно присутствовали на товарищеском хоккейном матче юниорских команд двух стран, председатель Си Цзиньпин сказал президенту В.В. Путину, что «игра между юниорами Китая и России вдохновляет, в этом матче проявляется дружба молодежи. Молодые люди двух стран должны укреплять общение, чтобы добрососедство и дружба Китая и России передавалось из поколения в поколение». Российский Президент В.В. Путин выразил надежду, что такие матчи по хоккею среди юниоров станут новым связующим звеном для продолжения российско-китайской дружбы. После завершения игры лидеры двух стран сделали памятные фото вместе с юными спортсменами, тепло побеседовали с ними, призвав их стать добрыми друзьями и хорошими товарищами в учебе и общении, стать преемниками китайско-российской дружбы.

В сентябре 2018 г. во время участия в 4-м Восточном экономическом форуме председатель Си Цзиньпин вместе с президентом В.В. Путиным посетили Всероссийский детский центр «Океан», навестив группу китайских детей, проходящих реабилитацию после землетрясения в провинции Сычуань, а также российских учителей и ребят, оказывавших бескорыстную помощь пострадавшим. Слова Си Цзиньпина «надеюсь на то, что молодежь и подростки обеих стран укрепят общение, будут учиться друг у друга, став достойными преемниками дела китайско-российской дружбы», вызвали шквал горячих аплодисментов. Президент В.В. Путин также отметил, что дружественное общение

между молодежью двух стран заложит более прочную основу для двусторонних отношений, сыграет ключевую роль для будущего российско-китайских отношений. Он выразил надежду на то, что молодое поколение России и Китая будет наследовать традиционную дружбу между народами двух стран, расширять и углублять ее. Далее в присутствии лидеров двух стран китайские и российские ребята зачитали «Декларацию вековой дружбы китайской и российской молодежи».

Старая китайская поговорка гласит: «близкий сосед лучше дальнего родственника». История свидетельствует, что только добрососедство и дружба Китая и России отвечают коренным и долгосрочным интересам обеих стран и их народов, именно дружба способна вывести двусторонние отношения на путь совместного развития и процветания.

Личная дружба способствует развитию межгосударственных отношений

Председатель Си Цзиньпин называет президента В.В. Путина «моим старым другом», «добрым другом»; а президент В.В. Путин говорит о председателе Си Цзиньпине как о «хорошем друге» и «очень надежном партнере». Главы государств КНР и РФ вручили друг другу высшие государственные награды двух стран. Это служит важным символом их крепкой дружбы, а также наилучшим свидетельством дружбы Китая и России.

Летом 2017 г. в Кремле состоялась встреча председателя Си Цзиньпина и президента В.В. Путина. После встречи президент В.В. Путин вручил Си Цзиньпину орден Святого апостола Андрея Первозванного. Я много раз был в Кремле, но на этот раз посещение Кремля произвело на меня самое глубокое впечатление. Президент В.В. Путин отметил: «Для меня большая честь вручить высшую награду Российской Федерации, Орден апостола Андрея Первозванного нашему большому другу, Председателю КНР Си Цзиньпину». Председатель КНР Си Цзиньпин стал первым кавалером Ордена из числа глав зарубежных стран. Через год в Доме народных собраний в Пекине Председатель КНР Си Цзиньпин, вручив Президенту РФ В.В. Путину первый орден Дружбы, сказал: «Президент Путин остается моим лучшим близким другом. Орден Дружбы — важная государственная награда, символизирующая высокое признание китайским народом заслуг президента Путина, в то же время Орден олицетворяет глубокую дружбу между великими народами Китая и России. Находясь в новой отправной точке, я готов вместе с президентом Путиным, придерживаясь духа добрососедства и дружбы, стратегического взаимодействия и взаимовыгодного сотрудничества, стремиться к достижению блестящего будущего в китайско-российских отношениях».

В 2013 г. на время проведения Саммита АТЭС на острове Бали в Индонезии как раз пришелся день рождения президента В.В. Путина. Председатель Си Цзиньпин преподнес имениннику торт. Президент В.В. Путин рассказал: «Я вместе с китайскими партнерами отпраздновал день моего рождения, мы пили вино, ели торт, царил теплая атмосфера, как в кругу хороших друзей». В 2014 г. во время проведения Делового саммита АТЭС президент В.В. Путин подарил председателю Си Цзиньпину новый смартфон «Йотафон», который назвали «российским iPhone». В 2015 г. главы государств Китая и России приняли участие в юбилейных мероприятиях в двух странах — 70-летию Победы в антияпонской и Второй мировой войне и 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Обе стороны подготовили друг для друга наилучший прием согласно высшему дипломатическому протоколу. Во время юбилейных торжеств на Красной площади согласно международному дипломатическому этикету председатель Си Цзиньпин сидел на самом почетном месте — по правую руку от президента В.В. Путина, а почетный караул трех родов войск Народно-Освободительной армии Китая участ-

вовал в параде последним, чтобы стать заключительным номером этого зрелища. На площади Тяньаньмэнь председатель Си Цзиньпин постоянно сопровождал президента В.В. Путина, лидеры вместе поднялись на трибуну Тяньаньмэнь, а военнослужащие России тоже замыкали торжественный парад. В 2017 г. первым дипломатическим мероприятием председателя Си Цзиньпина во время посещения России было участие в вечернем банкете от имени президента В.В. Путина. Главы государств Китая и России провели трехчасовой углубленный обмен мнениями «лицом к лицу». В 2018 г. в сопровождении председателя Си Цзиньпина президент Путин лично попробовал испечь традиционный тяньцзиньский блинчик-цзяньбин и пирожки, а три месяца спустя лидеры двух стран на 4-м Восточном экономическом форуме вместе испекли русские блинчики, попробовали мед и русскую икру...

Подобных примеров не перечислить. Благодаря личному содействию председателя Си Цзиньпина и президента В.В. Путина двусторонние связи постоянно крепнут, растет качество прагматичного сотрудничества, дружба между народами непрерывно углубляется. В первом полугодии 2018 г. в Китае и в России успешно завершились важные внутриполитические события: Си Цзиньпин вновь был избран Председателем КНР, а В.В. Путин был переизбран Президентом РФ. Таким образом, китайско-российское всеобъемлющее партнерство и стратегическое взаимодействие встало на новый исторический старт, перед ним открылись большие возможности для развития. Можно утверждать, что Китай и Россия продолжают оказывать поддержку и доверять друг другу.

Какие бы перемены ни происходили в международной ситуации, глубокие братские чувства Китая и России останутся неизменными; какие бы трудности ни встречались на пути развития, стремления Китая и России к всеобщему миру, развитию и стабильности останутся неизменными. Надеемся, что к столетию КНР и столетию установления китайско-российских дипломатических отношений двустороннее взаимодействие продолжит свое мощное движение вперед на всех парусах во имя двух стран и их народов, во имя мира и глобального развития.

Китай в моей жизни

© 2019

Г.В. Куликова

2019 год — юбилейный в жизни Китая и российско-китайских отношений — год 70-летия провозглашения Китайской Народной Республики, 70-летия установления российско-китайских дипломатических отношений и 70-летия создания Общества китайско-российской дружбы — первого в Китае общества дружбы с народами зарубежных стран.

1 октября 1949 г. с трибуны площади Тяньаньмэнь Мао Цзэдун провозгласил образование Китайской Народной Республики: Народная революция завершилась победой.

Непосредственное участие в этих исторических событиях принимал Генеральный консул СССР в Пекине Сергей Леонидович Тихвинский (1918–2018) — будущий академик, всемирно известный специалист по Китаю, председатель Общества российско-китайской дружбы.

В тот день министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай направил С.Л. Тихвинскому письмо, в котором официально сообщил о желании новой республики установить дипломатические отношения с зарубежными странами. Уже на следующий день, 2 октября С.Л. Тихвинский передал Чжоу Эньлаю ответную телеграмму советского правительства, заявившего об установлении дипломатических отношений с КНР.

С тех памятных дней прошло 70 лет. Нашими странами пройден путь, насыщенный большими, порой непростыми событиями, связанными как со своей собственной историей, так и с развитием двусторонних отношений.

Сегодня российско-китайские отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия находятся на беспрецедентно высоком уровне. Они имеют давнюю историю, мощный экономический фундамент, богатую культурную базу, широкую общественную поддержку в обеих странах и большую эмоциональную составляющую.

Это еще раз подтвердил с успехом прошедший 5–7 июня 2019 г. государственный визит Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина в Россию по приглашению Президента РФ В.В. Путина.

5 июня, первый день государственного визита. Переговоры глав государств в узком и расширенном составе. обстоятельное обсуждение двусторонних отношений, а также региональной и международной повестки, представляющих взаимный интерес; подписание двух совместных заявлений: о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, и об укреплении глобальной стратегической стабильности в современную эпоху; подписание профильными ведомствами и компаниями еще около 30 документов; участие в церемонии открытия павильона панд в Московском зоопарке, где руководителей России и Китая тепло приветствовали российские и китайские дети. В заключение напряженной программы дня — приезд в Госу-

---

Куликова Галина Вениаминовна, первый заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы, старший научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН, заслуженный работник культуры РФ. E-mail: kulikova@ifes-ras.ru.

дарственный академический Большой театр России для участия в торжественном вечере, посвященном 70-летию установления дипломатических отношений между Россией и Китаем. Более двух тысяч человек собрались в этот вечер в здании на Театральной площади Москвы в знаменитом на весь мир Большом театре. После осмотра совместной выставки ТАСС и агентства Синьхуа Президент РФ В.В. Путин и Председатель КНР Си Цзиньпин поднимаются на сцену. Зал встает и приветствует их стоя.

Президент России в своем выступлении напомнил о том, что нынешний визит Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина в Россию приурочен к знаменательному событию — 70-летию установления дипломатических отношений между Россией и Китаем. «В 1949 г. наша страна первой признала Китайскую Народную Республику — прямо на следующий день после ее провозглашения. За минувшие десятилетия пройден большой путь в истории российско-китайского сотрудничества и вписано немало примеров искренней взаимной помощи, дружбы и плодотворной совместной работы», — заявил В.В. Путин, открывая торжественный вечер¹.

«Очень приятно вместе с Президентом РФ В.В. Путиным находиться в Большом театре, одним из старейших и известнейших в мире, — сказал Председатель КНР Си Цзиньпин. 70 лет тому назад Председатель Мао Цзэдун впервые посетил СССР и знаменитый Большой театр, стал свидетелем открытия новой страницы в истории китайско-советской дружбы. И сегодня для торжественного празднования 70-летия установления российско-китайских дипломатических отношений между двумя странами мы вновь собрались здесь и стали свидетелями очередного эпохального момента в летописи китайско-российских отношений. Не будем забывать, как в тяжелейшие годы Великой Отечественной войны и Войны сопротивления японским захватчикам наши народы плечом к плечу сражались против агрессоров, кровью скрепили нерушимую боевую дружбу. На второй день после образования Китайской Народной Республики СССР признал новый Китай и установил с ним дипломатические отношения. В трудные годы восстановления и развития нашей страны многочисленный отряд советских специалистов своим умом и трудом помогли нам заложить промышленную базу Китая, оставили яркие следы в истории дружбы между народами двух стран»². Выступления лидеров двух стран многократно прерывались аплодисментами.

После выступлений глав государств на сцене Большого театра состоялся концерт Государственного академического русского народного хора им. М.Е. Пятницкого и Центрального оркестра народных инструментов КНР. В концерте в прекрасном исполнении солиста Московского музыкального театра «Геликон-опера» Шоты Чибирова прозвучали песни «Калинка», «Дорогой длинною». Мелодию «Зенит цветения» китайского композитора Ма Цзюэ исполнил молодой российский солист на балалайке Александр Николайчук и китайская солистка на пипе Чжао Цзуи, а композиция «Пожелание с Востока» композитора Цзян Ин прозвучала в виртуозном исполнении Центрального оркестра народных инструментов КНР. Программа концерта прекрасно представила культуру двух стран и их талантливых молодых исполнителей.

Три юбилейные даты из жизни Китая и наших двусторонних отношений. Они прошли через всю мою жизнь...

Мне довелось быть не только современницей и свидетельницей, но порой и участницей многих событий, имевших место в отношениях между нашими странами и народами на протяжении этих 70 лет; встречаться, общаться и быть хорошо знакомой со многим творцами российско-китайских отношений.

В канун государственного визита в нашу страну Председателя КНР Си Цзиньпина ко мне обратился шеф-корреспондент газеты «Гуанмин жибао» в Москве Хан Сяньин с просьбой рассказать о моих связях с Китаем, участии в деятельности Общества российско-китайской дружбы, моих китайских друзьях. Свою беседу он начал с вопроса

о том, как давно я занимаюсь участием в развитии российско-китайских отношений. Я ответила: «Всю жизнь».

(Очень благодарна корреспонденту Хан Сяньину за то, что подробное изложение нашей полторачасовой беседы 2 июня было опубликовано на страницах газеты «Гуан-мин жибао»).

Китай вошел в мою жизнь еще в школьные годы. 1 октября с трибуны ворот Тяньаньмэнь Мао Цзэдун на весь мир провозгласил рождение на китайской земле нового молодого государства. Советский народ с большой радостью и воодушевлением воспринял сообщение о рождении Китайской Народной Республики. События, происходящие в Китае, широко освещались по нашему радио и в печати. У всех на слуху были стихи известного советского поэта А.А. Суркова, которые я запомнила на всю жизнь.

Над океаном крови, морем слёз
Народ-герой прошел, преграды руша,
Сквозь пять тысячелетий он пронёс
Свою живую молодую душу.
Он смело прорывается вперед,
Не околдован вековыми снами...
Какое счастье, что такой народ
Идёт в большое завтра вместе с нами.

Сегодня, по прошествии 70 лет, хочется сказать: как хорошо, что мы с таким народом вместе идем в большое завтра! Помню, какое большое впечатление на меня произвели фильмы С.А. Герасимова «Победа китайского народа» и «Освобожденный Китай». В те годы почти ежедневно по радио звучала песня В. Мурадели «Москва — Пекин», которую называли гимном советско-китайской дружбы. Слова «Москва — Пекин» и сегодня имеют особый смысл для нынешнего поколения народов России и Китая.

События, происходящие в Китае, повлияли на то, что к окончанию школы у меня созрело твердое решение поступать в тот институт, в котором изучают Китай. Моя мечта сбылась. Я стала студенткой китайского отделения Московского института востоковедения. После реорганизации института была переведена, продолжала учиться и успешно закончила Московский государственный институт международных отношений МИД СССР. В Институте лекции по истории Китая нам читал известный ученый-китаист и дипломат, стоявший у истоков установления дипломатических отношений между нашими странами, профессор С.Л. Тихвинский. Мы, студенты-китаисты, гордились тем, что Советский Союз был первой страной в мире, на следующий день после провозглашения КНР признавшей Китайскую Народную Республику и установившей с ней дипломатических отношений.

Мои первые встречи с Китаем произошли еще в студенческие годы. Вместе со мной в институте учились китайские студенты, поражавшие всех своим необыкновенным трудолюбием. Среди них были и Ма Сюйшэн, возглавивший после работы в МИДе Китайскую дипломатическую ассоциацию; и Хэ Лилян — супруга Хуан Хуа, министра иностранных дел КНР, и многие другие, будущие известные китайские дипломаты.

Мне посчастливилось работать с китайскими участниками — золотыми призерами VI Московского фестиваля молодежи и студентов 1957 г. и впервые познакомиться с китайским национальным искусством.

В ноябре 1957 г., в числе небольшой группы однокурсников, я была направлена на преддипломную практику в Пекин. В Китае я стала свидетелем не только большого трудового подъема, царившего в стране, решавшей задачи восстановления и развития народного хозяйства, но и участия советских людей в оказании помощи китайскому народу.

В канун отъезда в Китай произошло событие, повлиявшее на всю мою жизнь. 29 октября 1957 г. в Большом зале Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского состоялось учредительное собрание с участием более двух тысяч пред-

ставителей различных слоев советской общественности, единогласно принявших решение о создании в Советском Союзе Общества советско-китайской дружбы — также первого в нашей стране общества дружбы с народами зарубежных стран. Среди молодежи, приглашенной на учредительное собрание Общества, посчастливилось быть и мне. Помню, под каким большим впечатлением от ярких выступлений участников собрания и с какой большой мечтой участвовать в работе вновь созданной организации покидала я Большой зал консерватории...

Моя мечта сбылась. В марте 1960 г. меня пригласили на работу в созданный в феврале 1958 г. Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД) в Отдел социалистических стран Востока. ССОД координировал деятельность создаваемых в нашей стране обществ дружбы с народами зарубежных стран, в том числе первого из них — Общества советско (российско)-китайской дружбы.

С этого дня моя жизнь, судьба и трудовая деятельность была и продолжает оставаться тесно связанной с Обществом российско-китайской дружбы, вписавшем немало ярких страниц в летопись отношений между нашими странами и народами.

В первые годы работы в Обществе я познакомилась и часто общалась с видными полководцами и военачальниками Красной Армии, будущими маршалами Советского Союза В.И. Чуйковым, П.С. Рыбалко; генералами П.Ф. Батицким, П.И. Батовым, А.И. Черепановым и А.Я. Калягиным и другими прославленными командирами, прошедшими горнила Гражданской войны в России и пришедшими на помощь китайскому народу в его борьбе за свободу и независимость. В деятельности Общества с момента его создания участвовали также летчики-добровольцы, защищавшие китайские города от японских агрессоров. Частыми участниками наших мероприятий были Герои Советского Союза А.С. Благовещенский, А. А. Губенко, К.К. Коккинаки, Ф.П. Полынин, С.В. Слюсарев и многие, многие другие советские асы, с которыми у меня установились хорошие, дружеские отношения. Они часто выступали на наших мероприятиях, рассказывали о своей работе в Китае, об уважении к китайскому народу и преклонении перед его стойкостью и героизмом. Сегодня нет уже этих героев, а у меня как память о нашей совместной работе остались написанные ими книги с теплыми авторскими посвящениями.

Много светлых воспоминаний осталось от дружеских контактов с И.В. Архиповым — Героем Социалистического Труда, кавалером четырех Орденов Ленина. По личному указанию И.В. Сталина И.В. Архипов в течение восьми лет работал в Китае главным советником Госсовета КНР и возглавлял десятитысячный отряд советских специалистов, трудившихся в Китае в первые годы после образования КНР; с К.С. Силиным — Героем Социалистического труда, известным советским мостостроителем Большого Уханьского моста, впервые соединившего два берега непокорной Янцзы.

Когда я слушала выступления Президента РФ В.В. Путина и Председателя КНР Си Цзиньпина на торжественном вечере в Большом театре, казалось, что они говорили именно о них, героях, вписавших яркие страницы в летопись дружбы между нашими странами и народами.

Мне выпала большая честь быть знакомой и работать вместе с такими выдающимися деятелями нашей страны — руководителями Общества советско-китайской дружбы, как А.А. Андреев — член Президиума Верховного Совета СССР; народными артистами С.А. Герасимовым и Г.С. Улановой, Б.П. Царевым, Р.Л. Карменом и многими, многими другими представителями научной и творческой интеллигенции нашей страны.

Моим руководителем и наставником в Обществе многие годы был академик С.Л. Тихвинский, бывший сначала заместителем председателя, затем председателем, а в последние годы жизни — почетным председателем Общества. Академик С.Л. Тихвинский всегда был активным сторонником и проводником народной дипломатии в российско-китайских отношениях, а для меня он всегда был учителем, примером преданного служения Родине. Академик С.Л. Тихвинский не дожил полгода до своего столетия,

оставив нам свой последний труд: 10-томную «Историю Китая с древнейших времен до начала XXI века». К сожалению, уже без его участия мы отметили 100-летний юбилей этого великого дипломата и ученого, наследием которого будет пользоваться не одно поколение людей, проявляющих интерес к Китаю и его многотысячелетней истории.

Более тридцати лет жизни посвятил академик М.Л. Титаренко (1934–2016) — директор Института Дальнего Востока РАН деятельности Общества. После распада СССР он не только сохранил Институт Дальнего Востока РАН и его кадры, но и предоставил возможность нашей общественной организации работать на площадках Института. М.Л. Титаренко всегда был душой Общества, убежденным сторонником дружбы и сотрудничества с Китаем и много делал для развития отечественной китаеведческой науки, российско-китайских отношений.

27 апреля 2019 г. Общество российско-китайской дружбы совместно с Институтом Дальнего Востока РАН провело торжественное заседание, посвященное 85-летию со дня рождения академика М.Л. Титаренко — председателя ОРКД.

Общество российско-китайской дружбы предоставило мне возможность быть не только свидетельницей жизни и успехов нашего великого соседа Китая, но и познакомиться с его выдающимися представителями.

Никогда не изгладятся из памяти встречи с премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем; великой дочерью китайского народа, председателем Общества китайско-советской дружбы Сун Цинлин; секретарем ЦК КСМ Китая Ху Яобаном и другими руководителями страны, встречавшимися с делегациями, в которых мне посчастливилось участвовать. Работая в Пекине в качестве представителя ССОД и ОСКД, я познакомилась с Хань Сюем — бывшим секретарем Чжоу Эньлая, главой Китайского народного общества дружбы с иностранной, а также Чжу Цзяму — секретарем Чэнь Юня, затем вице-президентом Академии общественных наук, директором Института современного Китая, заместителем председателя Общества китайско-российской дружбы. Хорошо помню встречу с министром иностранных дел КНР маршалом Чэнь И, принимавшим нашу делегацию в 1965 г., в пору непростых отношений между нашими странами. Разве могла я тогда представить, что по прошествии многих лет не только познакомлюсь, но и буду часто общаться с его сыном, Чэнь Хаосу — известным государственным и общественным деятелем, в течение более двадцати лет возглавлявшим Общество китайско-российской дружбы и много сделавшим для укрепления и развития китайско-российских общественных связей и контактов.

В июле 1988 г. мне выпала честь сопровождать прибывшего в нашу страну У Сюцюаня — председателя Общества китайско-российской дружбы, известного китайского государственного и общественного деятеля, и его супругу Сюй Хэ. Во время нашей совместной с председателем ОСКД академиком С.Л. Тихвинским поездки с делегацией во главе с У Сюцюанем по Москве, пребывания в Ленинграде и Ялте мы услышали много интересного о том, как он как учился в Москве вместе Чжан Вэньтянем, Ван Цзясяном и Уланьфу в Университете имени Сунь Ятсена; как осваивал военное дело в Московском пехотном училище, как 7 ноября 1927 года, он — юный курсант пехотного училища, с винтовкой в руках шагал по Красной площади на военном параде, посвященном 10-й годовщине Великого Октября. При посещении Ливадийского дворца, где проходила знаменитая Ялтинская конференция, он вспоминал о том, как во главе делегации КНР в ноябре 1950 г. участвовал в заседании Совета Безопасности ООН, и какую помощь в отстаивании интересов молодой республики оказал делегации также участвовавший в заседании молодой дипломат С.Л. Тихвинский; тепло вспоминал У Сюцюань торжества в Москве, посвященные 47-й годовщине Октября.

В Пекине я часто бывала в гостях в семье У Сюцюаня, где меня радушно принимали его супруга Сюй Хэ и дочь У Имань... Когда У Сюцюань скончался, мы с послом И.А. Рогачевым участвовали в траурных мероприятиях и от имени российской общест-

венности выразили наше глубокое соболезнование по поводу ухода из жизни известного государственного и общественного деятеля Китая, большого друга нашей страны.

Никогда не забуду еще об одной встрече. В 1988 г. я познакомилась с Жэнь Дунляном — сыном легендарного китайского командира Жэнь Фучэня. Тогда по инициативе Общества советско-китайской дружбы на станции Выя Свердловской области был сооружен памятник китайскому герою Гражданской войны, на открытии которого и приехала в СССР семья Жэнь Дунляна. В начале 1900-х годов Жэнь Фучэнь, один из китайских кули, волею судеб заброшенных в Россию, трудился в Зауралье на лесозаготовках. Грянул 1917 год, и Жэнь Фучэнь со своим отрядом, не колеблясь, встал на сторону революции: отряд Жэнь Фучэня из трудового стал боевым. Слава о героическом китайском отряде, снискавшем звание «красные соколы» гремела не только по всему Зауралью, но и доходила до Москвы. В 1918 г. на станции Выя 34-летний красный командир Жэнь Фучэнь пал смертью храбрых. Командование Красной армии не оставило в беде его вдову и двоих детей и направило в Москву, где в кремлевском кабинете их принял В.И. Ленин. Жэнь Дунляну было тогда 13 лет, и он до последних дней своей жизни помнил эту встречу, внимание и заботу, проявленную В.И. Лениным во время более чем часовой беседы, к его матери, младшей сестре, добрые слова о его отце. В.И. Ленин предложил семье погибшего остаться в Москве, но семья отказалась. Как только ситуация в Сибири нормализовалась, семья Жэнь Фучэня вернулась в Харбин. Жэнь Дунляну и его сестре удалось окончить Харбинский политехнический институт, где в 1920-е годы работали русские преподаватели. Победа революции в 1949 г. застала его на посту директора одной из электростанций в провинции Сычуань. В начале 50-х он вместе с советскими специалистами возводил Чанчуньский автомобильный завод. Вместе с супругой Сунь Фаньцин они вырастили пятерых сыновей и двух дочерей, дав им высшее образование, помогли растить девятерых внуков...

Когда семья узнала о моем приезде в Пекин, меня пригласили в гости. Семья Жэнь Дунляна жила тогда в традиционном китайском маленьком домике в районе Сидань. При входе в дом на одной стене висел портрет легендарного Жэнь Фучэня в красной папахе, а на противоположной — портрет В.И. Ленина рядом с маленьким мальчиком, это был Жэнь Дунлян. Последняя наша встреча с Жэнь Дунляном состоялась уже в новой просторной квартире в новом жилом комплексе Фаньчжуан, которую ему предоставило правительство Пекина. Помню, как на одной из наших встреч старший сын Жэнь Дунляна, Жэнь Гунвэй, сказал, что история российско-китайских отношений пошла через судьбу трех поколений семьи: дед сражался за власть Советов, отец строил первый в Китае Чанчуньский автомобильный завод, а сам он стал художником и активно участвует в организации выставок российской масляной живописи.

В 2004 г. ушел из жизни Жэнь Дунлян — единственный не только в Китае, но и в нашей стране человек, который общался с В.И. Лениным. В 2018 г. в возрасте 103 лет не стало Сун Фанци — супруги Жэнь Дунляна. Семья бережно хранит традиции семьи, а значит и нашей дружбы. Жэнь Гунвэй часто приезжает в Москву вместе с китайскими художниками. Мы встречаемся, и он снова и снова с огромным уважением рассказывает о родителях, о внимании, которое российская сторона всегда уделяла его семье, о его личном большом интересе к развитию российско-китайского культурного сотрудничества в области изобразительных искусств.

Моя работа в Обществе российско-китайской дружбы дала мне счастливую возможность быть знакомой и общаться с такими выдающимися представителями китайской творческой интеллигенции, как, сожалею, ушедшие от нас, Мэй Ланьфан, Гэ Баоцюань, профессор Цао Цзиньхуа и Е Шуйфу; известный популяризатор русской и советской литературы неутомимый Гао Ман, почти 70 лет посвятивший изучению и популяризации в Китае литературы и искусства нашей страны; а также ныне живущими профессорами

Ли Минбинем, Чжэн Тиу, Чжан Цзяньхуа, Жэнь Гуансюанем, писателями Фэн Цицаем, Ван Мэнном, многими другими представителями современной китайской культуры.

Прошло много лет, а в моей памяти до сих пор живет работа с делегацией Общества китайско-советской дружбы, в составе которой был прославленный мастер пекинской оперы, всемирно известный Мэй Ланьфан. «Чародей грушевого сада» — так назвал Мэй Ланьфана С.М. Эйзенштейн в преддверии гастролей театра Пекинской оперы в Советском Союзе весной 1935 г. Приехав в нашу страну через четверть века, Мэй Ланьфан выразил желание побывать в театре имени К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко, где проходили гастролы его театра в 1935 г. Мне поручили сопровождать Мэй Ланьфана. В театре шел балет «Корсар»... Помню волнение Мэй Ланьфана, когда в антракте он неожиданно увидел в фойе свое фото в окружении В.И. Немировича-Данченко, В.Э. Мейерхольда и А.Л. Таирова, сделанное на вечере, посвященном успешному завершению его гастролей в 1935 г. Перед началом второго действия балета «Корсар» дирижер, обращаясь к зрителям, сообщил, что в зале находится Мэй Ланьфан — всемирно известный мастер пекинской оперы, и зал стоя зааплодировал. Встал и Мэй Ланьфан, на глазах у него блеснули слезы. Когда мы возвращались в гостиницу, он сказал, что мечтает снова вернуться в Москву со своим театром, так как убежден в том, что взаимное проникновение культур содействует развитию добрососедских отношений между странами. Однако судьба распорядилась иначе. Вскоре Мэй Ланьфана не стало. Но сегодня гордостью Пекина является расположенный в новом прекрасном здании театр Пекинской оперы. Театр носит имя Мэй Ланьфана и продолжает восхищать своей неповторимой самобытностью почитателей высокого искусства. Театр внесен в перечень памятников всемирной культуры ЮНЕСКО. А у меня бережно хранится фотография, подаренная великим мастером, с теплой дарственной надписью.

Хотелось бы сказать много добрых слов о Сюэ Фане. С детства прикованный к инвалидной коляске, он стал известным переводчиком, композитором, писателем, и много сделавшим продолжающим работать над тем, чтобы в Китае знали и пели русские, советские и современные популярные песни России, а в нашей стране — популярные народные и современные песни Китая. С Сюэ Фанем мы поддерживаем дружеские связи, и я с большим удовольствием поздравляю его с присуждением премии ТАСС и газеты «Гуанмин жибао» «За выдающиеся достижения в гуманитарном сотрудничестве между Россией и Китаем» по случаю 70-летия установления российско-китайских дипломатических отношений.

Работая в Китае, я также была хорошо знакома с Ли Дэлунем — основателем и первым дирижером Пекинского симфонического оркестра, У Цзюцзяном — ректором Пекинской консерватории, оперной певицей Го Шучжэнь и первой в Китае женщиной-дирижером Чжэн Сяоин — все они были выпускниками Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского и на наших встречах много и тепло говорили о своих советских преподавателях, вспоминали свою жизнь и учебу в Москве. В Пекине я познакомилась также с Чжэн Пэнном — доктором искусствоведения, автором монографии по русскому и советскому изобразительному искусству; профессором Хуан Сяохэ — автором «Истории советской музыки», Бай Шусянь — одной из первых китайских балерин и Чэнь Жун — выпускницей ГИТИСа им. А.В. Луначарского, в течение многих лет бывшей главным режиссером Пекинского молодежного театра; китайскими художницами Ду Хэн и Го Юньцзюань. Общение с этими людьми, посещение концертов, в которых они участвовали, спектаклей, которые они ставили, и выставок их работ не только давали мне возможность ближе познакомиться с китайским искусством, но и почувствовать влияние на их творчество русской культуры.

Большая личная дружба в течение всей моей жизни связывала и связывает меня с бывшими китайскими воспитанниками Ивановского интернационального детского дома: Ли Минь — дочерью Мао Цзэдуна, Лю Айцин — дочерью Лю Шаоци; к сожалению,

ушедшей из жизни Чжу Минь — дочерью маршала Чжу Дэ; Чэнь Сун — дочерью Жэнь Биши; Цюй Дунъи — дочерью Цюй Цюбо; Ли Тэтэ — дочерью Ли Фучуна и Цай Чан; Ци Фаном — внуком Ли Боцюя и Ли Сяоли — правнучкой Ли Дачжао, а также Ли Доли и Сяо Лианом и многими, многими моими друзьями, называющими нашу страну своей второй Родиной.

В Москву часто приезжает Цао Юньшань — внук Мао Цзэминя, младшего брата Мао Цзэдуна. Он с коллегами из провинции Хунань много делает для сбора в наших архивах материалов об их легендарных родственниках, занимается организацией фотовыставок, рассказывающих о героической истории и сегодняшней жизни своей Родины, активно общается с представителями российской и китайской молодежи.

Работая в Пекине в качестве представителя СООД, а позже Росзарубежцентра и Общества российско-китайской дружбы, я общалась не только с давними партнерами наших организаций — Китайским народным обществом дружбы с заграницей (КНОДЗ) и Обществом китайско-российской дружбы (ОКРД), которые на протяжении многих лет возглавлял Чэнь Хаосу — известный государственный и общественный деятель КНР, сын маршала Чэнь И, но и познакомилась с руководителями других китайских организаций: Китайской ассоциации дружественных связей с заграницей во главе с Дэн Жун — дочерью Дэн Сяопина; Китайской ассоциации содействия международной дружбе во главе с Хуан Хуа — бывшим министром иностранных дел КНР и его супругой Хэ Лилян — моей однокурсницей по МГИМО. Мы часто встречались в российском Посольстве, а также на мероприятиях, организуемых этими организациями по случаю китайских национальных праздников.

Хорошие отношения в дни работы в Пекине сложились у меня с руководителями и членами (КАВС) — китайской ассоциации выпускников вузов бывшего Советского Союза и стран СНГ. КАВС была создана 14 мая 1989 г. в Пекине в качестве одного из филиалов Всекитайской ассоциации выпускников учебных заведений стран Европы и Америки, имеющей более чем 100-летнюю историю. Первым председателем КАВС был У Сюцюань, которого на этом посту заменил Чжу Сюнь — выпускник Новочеркасского горного института, возглавлявший в Китае Министерство геологии и много сделавший для развития отечественной геологической науки.

Часто вспоминаю мои встречи в КАВС, расположенной в центре Пекина рядом с гостиницей Гранд-отель. Сюда я приходила по случаю Нового года и китайского национального Праздника Весны, а также для участия в совместных мероприятиях, посвященных памятным датам, связанным с немеркнувшей историей наших двусторонних отношений. Эти встречи для меня всегда были еще одним подтверждением того, что люди, получившие образование в нашей стране — наши искренние друзья.

В 1999 г. к 50-летию КНР и наших дипломатических отношений КАВС выпустила прекрасный альбом «Путь молодых людей, стремящихся овладеть наукой», название которому дал Председатель КНР Цзян Цзэминь. В альбоме на 275 страницах опубликованы имена всех 11 068 китайских выпускников советских вузов: 6655 студентов, 2142 аспирантов, 740 стажеров и 1531 практиканта, походивших учебу, стажировку и практику в 259 вузах, 181 НИИ и на предприятиях Москвы, Ленинграда, Новочеркаска, Волгограда, Воронежа, Свердловска, Новосибирска, Иркутска. В альбоме приведены имена 890 бывших выпускников, ставших академиками Академии наук Китая, и 63 академиков Инженерной академии наук Китая. На многочисленных фотографиях, помещенных в альбоме, рассказывается о том, как приезжали в СССР первые группы, как учились, стажировались и жили китайские студенты, как они работали после возвращения на Родину.

Альбом «Путь молодых людей, стремящихся овладеть наукой» был вручен Президенту РФ В.В. Путину в дни его первого государственного визита в КНР в июле 2000 г. Вручая альбом, председатель КАВС Чжу Сюнь сказал: «Сегодня мы хотим еще раз подчеркнуть, что китайский народ, недавно отметивший пятидесятилетний юбилей КНР,

не забыл об усилиях и сердечных стремлениях российских друзей в деле содействия развитию Нового Китая, не забыл о колоссальной помощи и поддержке, которые оказали россияне нашей страны. На пороге вступления мира в новый век желаем великой Российской Федерации процветания и развития, ее народу — счастья, благополучия и благоденствия; китайско-российским отношениям в XXI веке — еще большего и лучшего расцветах³.

Многие китайские выпускники советских вузов — герои этого альбома — были и продолжают оставаться моими друзьями. Хотелось бы добрые слова сказать о Лю Шу и Тянь Ючжао — выпускниках Ленинградской лесотехнической академии, с которыми мы поддерживаем дружеские отношения и сегодня. Профессоров Лю Шу и Тянь Юйчжао как специалистов в области борьбы с песками хорошо знают в провинции Ганьсу, Автономном районе Внутренняя Монголия и других засушливых районах страны, где они вернули к жизни многие гектары пустынных земель. Лю Шу долгое время была заместителем председателя Всекитайской ассоциации по науке и технике, постоянным заместителем председателя Общества китайско-российской дружбы. И сегодня, в качестве почетного заместителя председателя Общества, она принимает участие в его деятельности.

По случаю 70-летнего юбилея российско-китайских дипломатических отношений и 70-й годовщины со дня создания ОКРД особые слова благодарности и признательности хочется обратиться к нашим коллегам — руководителям и сотрудникам Общества китайско-российской дружбы. Почти двадцать лет Общество китайско-российской дружбы возглавлял Чэнь Хаосу — известный государственный и общественный деятель Китая, а с 2014 г. председателем Общества стал Чэнь Юань — известный в Китае государственный деятель, до недавнего времени президент Банка развития Китая и заместитель председателя Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая. Вместе с этими известными в Китае деятелями, продолжающими традиции своих отцов — руководителей страны первого поколения маршала Чэнь И и вице-премьера Госсовета КНР Чэнь Юня, с заместителем председателя ОКРД Сун Цзинью и при активном участии молодых коллег — Ху Чуньмэй, Чэнь Лэя, Вэнь Гуанмэй, Чжэн Чэня, Цай Юньчжэ и Фэн Мяо мы участвовали и продолжаем участвовать в таких крупномасштабных акциях, как Национальные годы, Годы туризма, Годы СМИ и межрегионального сотрудничества. Сколько различных мероприятий совместно поведено нами, сколько россиян и жителей Китая благодаря нашей совместной работе стали лучше понимать друг друга, стали друзьями и партнерами... В течение последних пяти лет многие наши мероприятия были посвящены содействию в реализации программы сопряжения «Одного пояса, одного пути» с Евразийском экономическим союзом, также как и другим направлениям нашего практического сотрудничества.

Выступая 5 июня в Большом театре на торжественном вечере, посвященном 70-летию установления российско-китайских дипломатических отношений, Президент РФ В.В. Путин сказал: «Сегодня Российскую Федерацию и Китайскую Народную Республику объединяет многоплановое, действительно всеобъемлющее стратегическое партнерство, в основе которого — незыблемые принципы уважения суверенитета, национальной самобытности, равноправия, добрососедства, учета интересов друг друга...»⁴

Председатель КНР Си Цзиньпин в своем выступлении со сцены Большого театра также подчеркнул, что «наши двусторонние отношения прежде всего характеризуются прочным политическим взаимодоверием и твердой взаимной поддержкой»... В духе всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия Китай и Россия рассматривают друг друга как один из главных приоритетов внешней политики... Нам следует как зеницу ока беречь и сохранять установленное между нами драгоценное взаимодоверие... 70-летний исторический опыт убедительно показывает, что связи между Китаем и Россией как добрыми соседями и надежными партнерами были, есть и останутся неразрывными навсегда»⁵.

5 июня 2019 г. в Москве было подписано Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. Этим историческим документом Главы России и Китая приняли решение поднять уровень отношений между двумя странами до китайско-российских всесторонних отношений стратегического взаимодействия и партнерства в новую эпоху.

В Совместном заявлении 2020–2021 годы названы Годами российско-китайского научно-технического и инновационного сотрудничества, драйверами которого является электронная торговля, цифровая экономика и сфера научно-технических инноваций.

Общество российско-китайской дружбы совместно со своим китайским партнером — Обществом китайско-российской дружбы посвятит этим направлениям форумы и другие мероприятия с участием молодого поколения наших стран; будет осуществлять работу по поддержке и популяризации российско-китайских бизнес-инкубаторов, способствующих реализации предпринимательских инициатив молодежи России и Китая.

Все это — большие планы на будущее.

А пока наши организации дружбы готовятся широко и торжественно отметить 70-летние юбилеи в жизни КНР и наших двусторонних отношений. Проводятся Круглые столы и форумы, на которых обсуждаются итоги, нынешнее состояние и перспективы реализации таких крупномасштабных межгосударственных проектов, как сопряжение «Одного пояса, одного пути» и Евразийского экономического союза, дальнейшее расширение межрегионального сотрудничества и др.

Центральным мероприятием, посвященным знаменательным юбилеям, будет торжественное собрание, которое состоится 12 сентября в Москве в одном из лучших московских концертных залов «Зарядье» с участием москвичей и гостей столицы и выступлением на нем Академического ансамбля песни и пляски Российской Армии им. А.В. Александрова.

Для участия в этом мероприятии в Москву прибудет делегация Общества китайско-российской дружбы во главе с председателем Чэнь Юанем. Общество российско-китайской дружбы выступит также одним из организаторов Фестиваля Китая в Москве, выставок и музыкальных вечеров и других мероприятий, посвященных знаменательным юбилеям.

Руководители России и Китая неоднократно подчеркивали, что «России нужен процветающий и стабильный Китай, а Китаю — сильная и успешная Россия». Подписанное в Москве 5 июня 2019 г. «Совместное Заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху», направлено на дальнейшее всестороннее развитие российско-китайских отношений во имя того, чтобы мы всегда оставались «добрыми друзьями, хорошими соседями и надежными партнерами».

1. Торжественный вечер, посвященный 70-летию установления дипломатических отношений между Россией и Китаем. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60674>.
2. Обреченные на дружбу. О чем сказал Си Цзиньпин на ПМЭФ? URL: http://www.aif.ru/politics/world/obrechennye_na_druzhu_o_chem_skazal_si_czinpin_na_pmef.
3. Материалы личного архива автора. 2000 г.
4. Торжественный вечер, посвященный 70-летию установления дипломатических отношений между Россией и Китаем. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60674>.
5. Обреченные на дружбу. О чем сказал Си Цзиньпин на ПМЭФ? URL: http://www.aif.ru/politics/world/obrechennye_na_druzhu_o_chem_skazal_si_czinpin_na_pmef.

Россия — Китай: стратегические, военно-политические и экономические параметры партнерства 2019 г.

© 2019

С.Г. Лузянин

В статье анализируются ключевые тенденции развития российско-китайского стратегического партнерства на современном этапе. Особое внимание уделено исследованию военно-политического взаимодействия двух стран в условиях обострения современной международной обстановки и усиления американского давления на Россию и Китай. Автор освещает специфику российско-китайского взаимодействия в Евразии, других регионах мира, дает рекомендации по углублению российско-китайского стратегического и экономического партнерства.

Ключевые слова: Россия, Китай, безопасность, сдерживание, США, союз, партнерство, сопряжение.

DOI: 10.31857/S013128120007114-6

К вопросу о методологии и рамках исследований

Общая проблема, которая объединяет ученых-международников, политологов, социологов, экономистов, — определение рамок и ключевых трендов текущей картины мира и его ближайшего будущего. Сложность, а скорее всего невозможность ее реализации связана не только с быстро меняющимся характером мировой политики, но и с наличием разнонаправленных процессов, развивающихся одновременно и базирующихся в различных регионально-глобальных, международно-политических и методологических контекстах. Другими словами, мир глазами экономиста, историка, политолога, социолога воспринимается по-разному — каждый эксперт выделяет «свой» базовый алгоритм и из него выводит свою версию прочтения. Причем каждая версия объективна и имеет право на жизнь.

Современные международные отношения в нынешней неустойчивой и конфликтной среде могут быть объективно осмыслены в основном в отдельных (страновых, субрегиональных, отраслевых и пр.) опциях. При этом опции глобального анализа и прогноза не исключены, но они, как правило, успешно реализуются на основе и в сочетании альтернативных методик, методологий и профильных специализаций.

Подобные подходы характерны и для востоковедения, а также китаеведения как его органичной и неотделимой части. Наш интерес, в данном случае, сконцентрирован на современной российско-китайской проблематике, в которой также имеет место синтез различных факторов — от глобальных (геополитических, военно-стратегических, экономических др.), до регионально-страновых. Принципиально важным явля-

ется анализ двух ключевых позиций: а) изучение набора ситуативных явлений, которые не имеют долгосрочной перспективы развития, б) анализ стратегических, системных процессов, определяющих долговременную матрицу российско-китайского взаимодействия. Системные, базисные факторы, на наш взгляд, существуют в сфере межкультурного общения двух государств и народов, сохраняя свою сущность вне зависимости от государственно-идеологической оболочки их субъектов взаимодействия — России и Китая. Текущий, ситуативный ряд факторов и процессов, несмотря на внешнюю важность и «судьбоносность», фактически является лишь отражением времени, его специфики на сегодняшний и завтрашний день. В данном случае речь пойдет скорее об изучении именно текущего ряда явлений в российско-китайском стратегическом партнерстве, в особенности его военно-стратегических параметров, что не снижает актуальности и важности поставленной задачи.

Военно-стратегические параметры. Новое качество сдерживания Америки

Современная картина российско-китайских отношений складывается на фоне важных юбилеев двух стран — 70-летия установления дипломатических отношений и 70-летия образования КНР, а также общей неустойчивой и противоречивой мировой политики.

Положение России и Китая в системе глобальных военно-стратегических, экономических и геополитических вызовов определяется, на наш взгляд, следующими факторами.

– Сложившейся структурой международного разделения труда, в центре которой традиционно были Европа и США и которая в последние годы стремительно деформируется, порождая новую идеологию глобального управления¹. Основным риском в 2019 г. представляется неопределенность мировой политики на фоне фрагментации мирового экономического порядка. Антироссийские санкции и торговые противоречия между КНР и США представляют угрозу не только собственно России и Китаю, но и многосторонней торговле и международному управлению. При этом международные организации (ВТО, ВБ, МВФ) давно нуждаются в реформах, чтобы отразить объективные изменения в мировой экономике, включая интересы стран с формирующейся рыночной экономикой. Очевидно, что повестку ВТО следует дополнить соглашениями по информационным технологиям, по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности и др. РФ и КНР выступают за реформирование этих институтов с учетом новых реалий.

– Разрушительным влиянием нынешнего американского фактора на глобальную и региональную безопасность, определением России и Китая в качестве основных стратегических противников США. В феврале 2018 г. в Обзоре ядерной политики США было отмечено, что «Россия и Китай пополняют арсеналы новыми видами ядерных средств, повышают роль ядерных сил в стратегиях и планах и ведут себя все более агрессивно, в том числе в космосе и киберпространстве»². Американская администрация, ссылаясь на рост угроз со стороны России и Китая, говорит о необходимости повышения гибкости американских ядерных сил, в том числе установки боеголовок малой мощности на часть баллистических ракет подводных лодок и возвращения на вооружение крылатых ракет морского базирования в ядерном оснащении³. В этих условиях ключевой задачей двух стран стало формирование нового качества сдерживания Соединенных Штатов Америки и их союзников. Со стороны Москвы и Пекина процессы этого сдерживания стали охватывать не только традиционные военно-стратегические сферы, но и приобретать некий специализированный характер. Так, Россия оппонирует США и их союзникам в области передовых ракетно-ядерных вооружений, урегулирования региональных конфликтов

и других вопросов; Китай же действует в сфере мировых финансов, экономической интеграции и регионализации.

– Демонтированием договорных основ двустороннего (Россия — США) и многостороннего военно-стратегического сдерживания. Очевидно, что уничтожение американцами основ системы контроля над вооружениями не в интересах Китая, который официально никогда не входил в переговорные процессы по ядерному оружию между РФ и США. Москва и Пекин являются членами Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), формат которого активно поддерживают, хотя понимают, что процесс нуклеаризации быстро распространяется по планете, приводит к образованию неофициальных ядерных государств, число которых быстро растет. Китай скорее всего будет и дальше продвигать политику «неприсоединения» к российско-американскому переговорному процессу по ракетам разных классов и радиусов действия, несмотря на усилия Вашингтона вовлечь Пекин в стратегический переговорный процесс, превратив двусторонние форматы ДРСМД и СНВ в трехсторонние. Китай вкладывал огромные ресурсы в развитие ракет средней и малой дальности на протяжении десятилетий, чтобы компенсировать американское превосходство в авиации и флоте. В настоящее время КНР вступила в фазу активного строительства и наращивания стратегических ядерных сил⁴.

– Поиском Россией и Китаем оптимального формата партнерства, который, с одной стороны, сохранял бы «свободу рук» в отношениях с третьими странами, а с другой — отвечал старым и новым вызовам, угрозам безопасности двух стран. 14 февраля 1950 г. СССР и КНР был подписан известный «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи», 16 июля 2001 г. Договор «О добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» между РФ и КНР, оформивший стратегическое партнерство и доверительное взаимодействие. Между этими двумя датами — эпоха союзничества, взаимопомощи, вооруженных конфликтов, идеологических противостояний, нормализации и стратегического партнерства. Другими словами, исторический отрезок в 51 год вобрал весь спектр межгосударственных отношений: от союза и конфликтов до нормализации и партнерства.

В настоящее время в отношениях двух стран фактически стирается грань между моделями стратегического партнерства и союзничества. Внешние вызовы и угрозы (прежде всего, со стороны США) подогревают в обществах и СМИ России и Китая тенденцию в направлении союза. При этом в российских и китайских правящих элитах доминирует мнение о том, что союзнические отношения нежелательны, поскольку предполагают жесткие взаимные обязательства и ограничение в отношениях с третьими странами. При этом есть общее понимание, что действующий Договор 2001 г. (пролонгация через 2 года) необходимо расширить и дополнить. Видимо, речь пойдет в первую очередь о ст. 9 договора.

В статье 9 говорится: «В случае возникновения ситуации, которая, по мнению одной из Договаривающихся Сторон, может создать угрозу миру, нарушить мир или затронуть интересы ее безопасности, а также в случае возникновения угрозы агрессии против одной из Договаривающихся Сторон, Договаривающиеся Стороны незамедлительно вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы»⁵. Очевидно, что содержание статьи уже не отвечает уровню безопасности двух стран, потребуются диверсификация не только текста договора, но и всей двусторонней военно-технической повестки, качественное углубление сотрудничества на данном направлении.

Рассуждения ведущих российских экспертов в сферах военной безопасности Китая относительно перспективности или неперспективности российско-китайского союза касаются в основном идеи об «устаревании» классических военных союзов, их правовой противоречивости и формировании в российско-китайских отношениях фактически неформального «квасисоюза», который по сути уже сегодня выполняет сдерживающую третьи страны роль. «Старые союзы, — отмечает известный эксперт В.Б. Кашин, — соб-

ственно, и строились вокруг общей цели (общего врага) на определенное время и не исключали разности интересов по второстепенным направлениям политики... Подобные второстепенные противоречия не исключают упорной совместной борьбы во имя общей цели. Таким образом, качественный сдвиг в российско-китайских отношениях в военно-политической сфере уже произошел в период 2018–2019 гг. Окончательная формализация союзнических отношений может произойти в перспективе, а может и не произойти никогда, по сути это мало что изменит»⁶.

В этой парадигме — формирования нового типа «полусоюзнических отношений» между Россией и Китаем происходит обновление и наполнение *военно-стратегической повестки* двух стран. Явным дополнительным стимулом к ее углублению стало официальное решение руководства США (2018) об определении Китая и России в качестве главных военно-стратегических противников Америки. Стороны, начиная с 2018 г., перешли к дополнительным формам военного сотрудничества, которые позволяют говорить о новом качестве отношений. В ближайшее время можно ожидать заключения нового соглашения о военном сотрудничестве между РФ и КНР, которое заменит соглашение 1993 г. Россия завершила поставки в КНР 24 истребителей Су-35С и заканчивает поставки комплекса ПВО С-400. Регулярный характер принимают стратегические учения: «Восток-2018», в текущем году — «Центр-2019». Наряду с этим продолжается проведение совместных учений («Морское взаимодействие», «Воздушно-космическая безопасность» и др.). Регулярным стало боевое патрулирование дальней бомбардировочной авиации двух стран над Тихим океаном. Находится в стадии обсуждения вопрос о проведении совместных учений в различных точках мира, например, на Ближнем Востоке, создании военно-морских баз на дальних рубежах.

Китайцы вполне осознают, что стоят на пороге гонки ядерных вооружений в Азии, где их противником будут США, которые в настоящее время заняты активным поиском мест размещения в Азии ракетного оружия средней дальности наземного базирования. Для Китая поддержание с Россией высокого уровня военно-стратегического взаимодействия стало одним из ключевых приоритетов национальной безопасности. Понятно, что Китай исходит прежде всего из собственных интересов и российский стратегический потенциал рассматривается Пекином в контексте китайской безопасности. При этом и Россия рассматривает китайский стратегический фактор с точки зрения своих интересов. Сложение этих интересов дает важный политический баланс взаимодействия России и Китая в сфере стратегической, военной безопасности.

Большая Евразия: безопасность и сопряжение

Достаточно новой и чрезвычайно сложной проблемой в российско-китайских отношениях является формирование так называемого *Большого Евразийского пространства (БЕП)*, или *Большой Евразии*, в котором Россия и Китай выступают в качестве ключевых акторов. Институционально данный процесс развивается в рамках взаимодействия двух основных континентальных проектов — Евразийского экономического сообщества (ЕАЭС) и китайской инициативы «Один пояс, один путь»⁷. Инициатива Одного пояса — это долговременная стратегема китайского освоения Евразии, выход Поднебесной во вне⁸. Поэтому проект несет для России и вызовы, и определенные риски, и возможности в плане использования китайского потенциала для собственного развития.

До 8 мая 2015 г., то есть до подписания Совместного заявления двух стран о запуске механизма сопряжения между ЕАЭС и Китаем, Пекин достаточно критично воспринимал деятельность Евразийского сообщества. Многие китайские эксперты говорили о возможной конкуренции ЕАЭС и китайской инициативы Одного пояса. В настоящее время Совместное заявление между ЕАЭС и Китаем является важным политическим

компромиссом двух стран на признание (де-юре и де-факто) равных прав на самостоятельное развитие обоих проектов и их сопряжение /стыковку, взаимодействие.

Экономическая часть «сопряжения», которая предполагает, в том числе, совместное развитие транспортной инфраструктуры, торговли и инвестиций, пока отстает от политической части. Наблюдается китайское превосходство в сфере торговли, инвестиций и транспортно-логистических операций, преимущественно идущих через Казахстан и другие государства, минуя восточную часть российского Транссиба⁹.

При этом реализация сопряжения происходит на фоне активной инфраструктурной и инвестиционной политики Китая в государствах Центральной Азии и других субрегионах¹⁰. Россия явно уступает КНР в этой конкуренции, сохраняя свои позиции в основном в сфере безопасности в регионе благодаря формату ОДКБ. Отношения ЕАЭС и Китая пока строятся на не преференциальной основе, что было формализовано и подтверждено в рамках соглашения между ЕАЭС и КНР от 17 мая 2018 г. о развитии торгово-экономического сотрудничества с евразийским союзом.

Для России, как считает большая часть российских экспертов, создание зоны свободной торговли между ЕАЭС и КНР — пока преждевременный шаг в нынешних условиях китайского экономического доминирования в регионе. При этом Пекин согласен на создание с ЕАЭС зоны свободной торговли в отдаленной перспективе¹¹.

Региональная повестка

Международная (региональная) повестка строится на общности подходов России и Китая по принципиальным вопросам современного миропорядка и ключевым международным проблемам, включая ситуацию на Корейском полуострове, в Афганистане, на Ближнем Востоке, в Северной Африке, в Латинской Америке. Позиции совпадают или близки. Особую ответственность Москва и Пекин чувствуют за положение дел в АТР. Совместные усилия двух стран привели к расширению ШОС (за счет вступления Индии и Пакистана) до 8 постоянных членов и диверсификации повестки БРИКС. Оба этих проекта отражают *рост регионального и глобального веса России и Китая в мире*¹².

Для России особую значимость имеет укрепление ШОС не только в плане усиления региональной безопасности (борьба против трансграничного терроризма, вопросы Афганистана, страны Центральной Азии и др.), но и континентальных перспектив обустройства Большого Евразийского пространства. Явной альтернативой региональным интересам России и Китая в АТР выступает новый проект Вашингтона — Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) в составе США, Индии, Австралии и Японии. Очевидно, что формируется многоуровневая конфликтная среда в экономико-интеграционных, финансово-технологических, военно-политических и институциональных сферах, в которой китайско-американское противостояние, видимо, будет ключевым, длительным и системным.

Приоритетным в международной региональной повестке является развитие координации в рамках стратегического треугольника Россия — Индия — Китай. Сформирован механизм регулярных встреч руководителей, премьер-министров, министров иностранных дел трех стран. Формат РИК фактически формирует ядро Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и рамки евразийского сотрудничества, в котором Индия пока относительно новый участник.

Торговля, инвестиции, наука и образование

В двусторонней российско-китайской торговле в 2018 — первой половине 2019 г. сохранялись противоречивые тенденции. С одной стороны, скачок нефтяных цен привел в 2018 г. к резкому (на 27,1%) увеличению товарооборота до 107 млрд долл. с появлением у России небольшого положительного сальдо в 4 млрд долл. При существенном росте поставок в КНР минерального топлива и ряда сельхозкультур имел место рез-

кий спад в российском экспорте (до 1%) отдельных видов гражданской машино-технической продукции. Статистика 1 кв. 2019 г. показывает, что тенденции к спаду гражданских машино-технических поставок в Китай ослабли, есть небольшой рост. Растет сотрудничество в научно-технической сфере, увеличивается интерес китайских высокотехнологичных компаний к российскому рынку, российскому инновационному потенциалу (закупка «Хуавэй» российских активов в сфере искусственного интеллекта) и осуществлению совместных проектов. В настоящее время сняты технические ограничения и барьеры для сельхозимпорта из России (рис, соя, кукуруза и др.).

С другой стороны, полностью сохраняются диспропорции — доминирование ресурсно-сырьевой в российской и машино-технической продукции в китайской части двусторонней торговли. В 2019 г. данная тенденция при дальнейшем увеличении общего товарооборота будет нарастать. Подобная модель, сложившаяся еще в 1990-е годы, объективно отражает *асимметрию экономических потенциалов и структуры экономик двух стран*. Очевидно, что необходима диверсификация российского экспорта и развитие совместных проектов в сферах высоких технологий и пр.

Слабым местом на российско-китайском экономическом треке остается *инвестиционное сотрудничество*. Уровень взаимодействия пока не соответствует ожиданиям сторон. Среди факторов, увеличивающих издержки бизнеса в России, недостаточный уровень защиты прав собственности, сложность процедур доступа к финансовым услугам, недостаточный уровень правоохранительной деятельности, бюрократизм и пр.

Многие российские и китайские эксперты справедливо ссылаются на вполне успешный опыт Китая при реализации различных инвестиционных проектов в других странах и регионах. Так, в 2017 г. объем общемировых исходящих *прямых нефинансовых инвестиций из Китая* составил 120,1 млрд долл., что на 29,1% ниже по сравнению с 2016 г. В 2017 г. деньги были направлены на развитие 6236 предприятий в различных странах мира. Объем *портфельных инвестиций* за рубежом в 2017 г. составил 102,1 млрд долл. Китай подписал инвестиционных соглашений на реализацию 782 проектов на сумму 197,7 млрд долл.¹³

В отличие от российско-китайской торговли, объем прямых китайских инвестиций в Россию в 2018 г. сократился. По оценкам экспертов, объем ПИИ из КНР в Россию с января по июнь 2018 г. снизился на 24% по сравнению с аналогичным периодом 2017 г. Объем китайских инвестиций в Россию значительно превышает российские инвестиции в Китай. Китайские инвесторы в России в основном вкладывают средства в энергетический, сельскохозяйственный, строительный сектора и в сферу легкой промышленности. Российские инвестиции в Китае направлены преимущественно в производственную отрасль, сектор строительства и транспортных перевозок¹⁴.

Многие китайские эксперты как один из вариантов снижения рисков и барьеров на пути российско-китайского инвестиционного и торгового сотрудничества предлагают создание зоны свободной торговли (ЗСТ) между двумя странами. В частности, следует разработать совместное технико-экономическое обоснование для постепенного продвижения переговоров по российско-китайскому соглашению о ЗСТ¹⁵.

Если сравнить объемы накопленных прямых китайских иностранных инвестиций в отдельных западных странах за 2005–2017 гг., очевидно, что Россия значительно отстает по данному показателю.

В декабре 2018 г. Министерство финансов РФ сообщило о планах размещения государственных облигаций в юанях в 2019 г. Стороны на экспертном уровне продолжают обсуждение проблемы снижения зависимости от универсальной платежной системы SWIFT. Создание российско-китайского аналога позволило бы снизить уязвимость финансовых систем двух стран. Первым шагом в данном направлении стала в 2018 г. эмиссия Всероссийским банком развития регионов карт «Union Pay—Мир». Использование таких карт позволяет осуществлять транзакции на территории России

с помощью платежной системы «Мир», за границей оплата происходит через Union Pay. В России также запущен платежный сервис Alipay и другие способы оплаты. Однако пока не удалось решить проблему отказа в осуществлении операций или удлинении срока транзакций со стороны китайских банков по отношению к российским компаниям и физическим лицам¹⁶.

Таблица

Распределение объема накопленных инвестиций Китая за 2005–2017 гг. по отдельным странам, млрд долл.

Страна получатель	Объем инвестиций
США	171,04
Великобритания	72,39
Швейцария	60,01
Бразилия	54,56
Канада	49,42
Россия	38,15

Источник: *Does China Dominate global investment?* URL: <https://chinapower.csis.org/china-foreign-direct-investment/> (Эти данные намного превышают официальные данные китайской статистики. — Авт.)

Гуманитарное и научно-техническое сотрудничество двух стран носит многоплановый, комплексный характер. В рамках визита Си Цзиньпина на Петербургский экономический форум (июнь 2019) было подписано Совместное заявление об отношениях всестороннего стратегического сотрудничества в новую эпоху. Документ содержит большой раздел о гуманитарном сотрудничестве из 11 пунктов, охватывающих сферы образования, молодежных обменов, здравоохранения, культуры и искусства, спорта (включая подготовку к зимней Олимпиаде 2022 г. в КНР), туризма, охраны природы, лесов и редких животных, увековечения памяти героических деятелей и т.д.¹⁷. Гуманитарное сотрудничество осуществляется не только за счет контактов на высшем уровне, но и на среднем и низших этапах.

В 2018–2019 гг. объявленных годами межрегионального сотрудничества, создано 135 пар городов-побратимов, дружественных провинций и краев. По последним данным, китайских студентов, обучающихся в вузах РФ, насчитывается около 30 тысяч¹⁸. Китайские студенты занимают второе место в России, уступая только студентам из Казахстана. Количество российских студентов в КНР немного не дотягивает до 20 тысяч. По данным на 2019 г., в России действуют 19 Институтов Конфуция и 5 кабинетов Конфуция. Россия же в КНР открыла 35 центров русского языка и культуры. В Китае русский язык преподается в 153 вузах и в 83 средних учебных заведениях. В России по статистике китайский язык преподается в 230 учебных заведениях, общее количество изучающих китайский язык — 26 тыс. человек.

В ежегодных докладах РСМД¹⁹ о состоянии российско-китайских отношений отмечалась пилотная роль Совместного университета МГУ — Пекинского политехнического института (ППИ) в Шэньчжэне. 18 июля 2019 г. состоялось подписание Дорожной карты сотрудничества Российской академии наук и Академии наук Китая²⁰, участники подписания — президент РАН А.М. Сергеев и президент КАН Бай Чунли. «Этот документ предусматривает договоренности о следующих проектах: совместные морские экспедиции в Южно-Китайское море и восточную Арктику для установления источников выбросов метана; научное сотрудничество по изучению Тибетского плато; исследования деятельности мозга и другие», — отмечалось в сообщениях информационных агентств²¹.

Итоги и рекомендации

– Россия и Китай должны выступать против фрагментации международных отношений, поддерживать открытость и свободу торговли, укреплять центральную роль ООН, систему международного права, реагировать на опасные тенденции демонтажа механизмов глобального управления. Россия и Китай, несмотря на экономические санкции и торговые войны, пока не могут игнорировать роль западных рынков, капитала, технологий в обеспечении экономической безопасности и развития.

– В настоящее время просматривается два сценария эволюции модели российско-китайских отношений: а) превращение Договора 2001 г. в союзнический при возникновении форс-мажорных обстоятельств; б) радикальное углубление формата стратегического партнерства за счет дальнейшей военно-политической интеграции. Неизбежна диверсификация договора 2001 г. и формирование некоего квазисоюза, основанного не на обязывающем договоре, а на политическом консенсусе. Текущий анализ указывает на большую вероятность данного сценария.

– Российско-китайские отношения в военно-политической сфере достигли такого уровня развития, что даже при отсутствии формального военного союза противник, готовящий нападение на одну из стран, должен будет принимать во внимание различные варианты совместного реагирования России и Китая. Подобная *стратегическая определенность* уже оказывает существенное сдерживающее влияние на поведение США.

– Развитие российско-китайского взаимодействия в Большой Евразии, углубление торгово-инвестиционного, инфраструктурного развития континента — стратегическая цель обоих государств. Россия, являясь ядром Евразии, имеет объективные возможности стать системообразующим звеном трансконтинентальных перевозок и региональной интеграции.

– Принципиально важной задачей на перспективу является внутренняя сбалансированность российско-китайских отношений с точки зрения экономики и безопасности. Возможности выравнивания торгового баланса связаны с необходимостью *диверсификации российского экспорта*, совместным развитием цифровой экономики, развитием высоких технологий и сотрудничеством в Евразии. Учитывая остроту американо-китайской торгово-тарифной войны, для России возникают дополнительные «окна возможностей» расширения экспорта сельхозпродукции и ряда других отраслей. Российским производителям необходимо создавать на территории Китая «систему доводки» своих товаров до потребителя — дистрибьюторские сети и пр.

– Для увеличения объема инвестиций Китая в России требуется создание стабильных и прозрачных условий для инвестирования, включая возможность для инвесторов зафиксировать условия ведения проектов на длительный промежуток времени (речь идет о фиксации налогов, определении количества административных процедур и т.д., с тем чтобы они не менялись в течение длительного периода времени). Снижение неопределенности, упрощение процедуры позволит повысить ожидаемую доходность того или иного планируемого проекта.

– Для России и Китая все более актуальным становится углубление и расширение научных связей и повышения эффективности взаимодействия в области прикладных технологий. К приоритетным сферам научной кооперации относятся космонавтика, атомная энергетика, предотвращение природных катастроф и их последствий, борьба с загрязнениями воды и воздуха, геопространственные технологии, новая и возобновляемая энергия, биотехнология и биомедицина, ядерная физика, оксаническая и полярная науки, нанотехнологии, фотоника и проекты в области искусственного интеллекта.

– Тысячелетний политический менталитет Поднебесной лежит в основе китайских шагов в отношении России и других стран. Очевидно, что в рамках двустороннего российско-китайского партнерства просматривается прагматизм Китая и его собствен-

ные интересы. Россия должна также выстраивать диалог на основе собственного прагматизма, своих интересов развития и своей безопасности. В данной констатации нет противоречия, поскольку наличие собственных «параллельных» интересов у России и Китая не противоречит общей взаимовыгодной российско-китайской повестке, в которой ключевыми параметрами являются: общая безопасность, взаимное право на развитие и равноправное сотрудничество. Ключевыми балансирами российско-китайских отношений для России на ближайшую и отдаленную перспективу являются сохранение роли РФ как мировой державы и укрепление ее военно-стратегических сил.

– На фоне углубления всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия Россия и Китай в 2019 г. отмечают 70-летие установления дипломатических отношений. Глобализация и регионализация двусторонней повестки не означает, что Москва и Пекин пытаются восстановить один из «полюсов» классической биполярной системы эпохи холодной войны. Принцип функционирования российско-китайского партнерства — это наращивание совместных возможностей в сфере защиты суверенитета, укрепления безопасности двух стран и развития.

1. По мнению китайской стороны, посредством инициативы Пояса и пути КНР бросила вызов модели разделения труда и структуре управления, в которой доминирует Запад. Китай предлагает свою концепцию общего развития, включающую «сообщество единой судьбы человечества» и «сообщества развития».
2. Обзор ядерной политики. Февраль 2018 г. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872876/-1/-1/1/EXECUTIVE-SUMMARY-TRANSLATION-RUSSIAN.PDF>.
3. WSJ: США разрабатывают новую крылатую ракету морского базирования для сдерживания России и Китая // Взгляд. Деловая газета. 16.01.2018. URL: <https://vz.rw/news/2018/1/16/903684.html>.
4. Hans M. Kristensen, Matt Korda Status of World Nuclear Forces. URL: <https://fas.org/issues/nuclear-weapons/status-world-nuclear-forces/>
5. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР // Российская газета. 17.07.2001.
6. *Кашин В.Б.* Россия и Китай: союз или стратегическая неопределенность? 19.08.2019. URL: <https://www.russiancouncil.ru/vasilij-kashin/>
7. Китайская инициатива, в отличие от ЕАЭС, не является институционализированным проектом. Она представляет собой комплексное продвижение на континенте китайских товаров, услуг, капиталов, создание новой и обновление старой транспортной инфраструктуры, ориентированной на развитие Китая и сопредельных стран и регионов.
8. В течение тысячелетий Поднебесная империя была центром Азии и большинство соседних народов и государств рассматривались ею как потенциальные или фактические вассалы. Многие западные и часть российских экспертов рассматривают реализацию проекта «Одного пояса», как завуалированную китайскую версию установления в будущем в Евразии экономического доминирования КНР.
9. См. подробнее: *Сазонов С.Л.* Транспорт КНР: место и роль в развитии национальной экономики. М.: ИДВ РАН, 2018. 344 с.; *Лузянин С.Г.* Экономический пояс Шелкового пути: взгляд из России // Пути и пояса Евразии. Национальные и международные проекты развития на Евразийском пространстве и перспективы их сопряжения / под ред. А.В. Лукина и В.И. Якунина. М.: Весь Мир, 2019. С. 57–89.
10. Китай инвестирует в страны «Одного пояса» в год примерно 12% совокупного объема прямых иностранных инвестиций, которые в 2017 г. составляли 120,1 млрд долл. URL: <http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/>
11. Пути и пояса Евразии. Национальные и международные проекты развития на Евразийском пространстве и перспективы их сопряжения / под ред. А.В. Лукина и В.И. Якунина. М.: Весь Мир, 2019. 401 с.

12. См. подробнее: *Лузянин С.Г.* Россия — Китай: формирование обновленного мира: монография / С.Г. Лузянин; отв. ред. академик В.С. Мясников; предисл. В.А. Никонов. М.: Весь Мир, 2018. 328 с.
13. *Кашин В.* Много ли Китай инвестирует в Россию? URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/mnogo-li-kitay-investiruet-v-rossiyu>.
14. Российско-китайский диалог: модель 2019: доклад № 46/2019/ (С.Г.Лузянин — рук. и др.; Х. Чжао — рук. и др.: гл. ред. И.С.Иванов) / Российский совет по международным делам (РСМД). М.: РСМД, 2019. С. 57–58.
15. Там же. С. 42–43.
16. Российско-китайский диалог: модель 2019: доклад № 46/2019/...С. 64–65.
17. URL: <http://finance.eastmoney.com/a/201906061144311135.html>.
18. Чжун Э цзяоюй хэцзо сяньчжуан юй юаньцзин: [Современное состояние и перспективы сотрудничества Китая и России в сфере образования] // Гуанмин жибао. 13.06.2019.
19. Российско-китайский диалог: модель 2019: доклад № 46/2019...
20. В КНР существуют академия наук Китая (естественно-технические науки) и Китайская академия общественных наук (КАОН) — гуманитарные направления (экономика, история, философия, международные отношения и др.). На академическую науку в КНР ежегодно тратится 2% ВВП страны (около 13 трлн долл.)
21. URL: <http://www.ipgg.sbras.ru/ru/news/ran-i-akademiya-nauk-kitaya-podpishut-dorozhnyu-18072019>.

Законодательное развитие нового Китая

© 2019

П.В. Трощинский

Статья посвящена исследованию особенностей эволюции законодательства Китайской Народной Республики в период с 1949 по 2019 г. Отмечается уникальность созданного китайскими властями механизма правового регулирования, направленного, прежде всего, на защиту национальных интересов от внешних конкуренции и угроз. Правотворческий опыт китайского законодателя своей успешностью ставит под сомнение эксклюзивность и «непогрешимость» предлагаемых Западом образцов правового развития. За годы реформ Китай доказал миру возможность существования иных альтернативных и не менее прогрессивных моделей правового регулирования политической и социально-экономической сфер. Потрясающие успехи в развитии были достигнуты Китаем в условиях отсутствия правового государства, разделения властей, системы сдержек и противовесов, многопартийности, демократической избирательной системы и т.п. Несмотря на это, благодаря национально ориентированной юридической политике, интересы государства, общества и, с определенными оговорками, личности оказались под надежной правовой защитой.

Ключевые слова: Китай, право Китая, законодательство, юридическая политика, правовая система, правовое регулирование, правовое государство.

DOI: 10.31857/S013128120007116-8

Введение

Осенью 1949 г. на карте мира появилась новая китайская государственность, образование которой сопровождалось созданием уникального механизма правового регулирования, соединивший передовой правотворческий опыт советской России с особой китайской спецификой, тысячелетиями формировавшей правосознание и правовую культуру китайского индивида. Впоследствии, после известных разрушительных событий, связанных в первую очередь с «культурной революцией», Китай опять предложил миру новую и по-прежнему эксклюзивную модель правового регулирования, благодаря которой за сорок лет политики реформ и открытости были достигнуты колоссальные успехи в развитии, а КНР стала второй по мощи мировой державой.

Российский ученый А.В. Виноградов констатирует, что *китайские реформы изменили не только мир, но и теоретические представления о развитии, сформулированные на Западе*¹. Несомненно то, что Китай предложил миру не только новую политическую и экономическую модели развития. Важно, что и правовое содержание китайских реформ было чрезвычайно отличным от западных шаблонов. Власти КНР отказались от признания принципа верховенства закона, разделения властей, системы сдержек и противовесов, превращения страны в правовое государство по европейскому образцу, а не декларативного предоставления гражданам личных свобод, закрепления

приоритета норм международного права над национальным, принятия кодифицированных актов правотворчества в гражданской, налоговой, административной сферах и т.п.

Несмотря на все вышеперечисленное, масштабные зарубежные инвестиции хлынули в страну с таким специфичным режимом. Огромным капиталовложениям в китайскую экономику со стороны западного бизнеса и *хуацяо* не мешало полное отсутствие в стране регулирующих инвестиционную сферу кодексов и законов, расплывчатость законодательства, применение уголовного закона по аналогии, отсутствие механизма защиты прав интеллектуальной собственности, наличие в Уголовном кодексе около 70 составов преступлений (УК КНР 1997 г.: в настоящее время — 46), предусматривающих высшую меру наказания. Более того, зная о том, что в КНР масштабно нарушаются авторские и иные смежные права, права на торговые марки и патентные права, мировое сообщество, игнорируя вытекающие из этого риски, с распростертыми объятиями принимает Китай в ВТО, полагая, что продолжающееся усиление экономической мощи КНР выгодно и ему.

Таким образом, ни наличие в реальности однопартийной системы и смертной казни, ни отсутствие Гражданского, Налогового, Административного кодексов (они не приняты и до настоящего времени), ни отсутствие механизма защиты прав подозреваемых/обвиняемых в уголовном процессе (отсутствие реально действующего института адвокатуры) и т.д., и т.п. не стало препятствием для углубления сотрудничества Запада с Китаем. Все это еще раз подтверждает тезис о том, что в основе международного сотрудничества лежит не желание продвижения и действительной защиты фундаментальных естественных прав, а экономический (личный) интерес. До тех пор, пока с Китаем выгодно сотрудничать, это сотрудничество будет продолжаться несмотря ни на какие нарушения прав человека, которые используются лишь для оказания давления на КНР в угоду меркантильным интересам.

Особое внимание следует обратить на часто высказываемый в зарубежном экспертном юридическом сообществе тезис о том, что китайское законодательство чрезвычайно несовершенно и расплывчато, а юридическая техника китайского правотворца находится на низком уровне. С этим утверждением можно согласиться лишь в части признания китайского законодательства нечетким. Но с важной оговоркой: расплывчатость китайских законов умышленна, благодаря ей правоприменитель «поворачивает» норму в выгодную для интересов государства сторону. Отсутствие необходимого количества законов (к лету 2019 г. их общее количество не превысило 270) и кодексов позволяет китайским властям регулировать общественные отношения подзаконными актами, которые легко и быстро принимаются, и так же легко и быстро отменяются. *В таком подходе для иностранного бизнеса, присутствующего в Китае, заключается самая главная опасность:* в случае изменения внешне/внутриполитической ситуации власти страны без всяких сложностей на подзаконном уровне могут молниеносно изменить ранее принятые «правила игры», свободно «вытеснив» зарубежного инвестора со своего рынка. Для этого не понадобится созывать очередную сессию ВСНП (которая и так проходит лишь раз в год) или устраивать заседание его Постоянного комитета, а останется лишь принять подзаконный или даже ведомственный акт расплывчатого содержания.

Неслучайно полная блокировка на территории КНР (на основе подзаконных актов) работы *Google, YouTube, Facebook, Twitter, Flickr* и др. привела к вытеснению с китайского рынка не только самих западных интернет-площадок, но и крупнейших бизнес-проектов, с ними связанных. Вместо них, при отсутствии конкуренции, как грибы после дождя выросли и превратились в мегагигантов такие известные китайские интернет-корпорации, как *Baidu, Weibo, Sohu*, площадки электронной коммерции *Alibaba* (платежная система: *Alipay*) (*Aliexpress; Taobao*), *Tencent* (Мессенджер *WeChat* и платежные системы *Wechat Pay* (также: *Тенпрау; QQпрау*)) и др. Все это стало возможным благодаря «расплывчатому» и «несовершенному» законодательству, которое, при необходимости, легко уступало с пути развития собственных брендов иностранных конкурентов.

Заметим также, что китайские двери распахнулись с декабря 1978 г., однако иностранные гости вовсе не изучали особенности действующего законодательства, которое с радостью принимало от них капиталовложения, но препятствовало вывозу законно полученной прибыли. Сейчас, когда КНР превратилась в мощного игрока на международной арене, когда она все настойчивее заявляет о своих правах и защищает свои интересы, оказалось, что вложенные в китайскую экономику миллиарды долларов совсем не просто вернуть домой, а завезенные в Китай западные передовые технологии уже давно стали интеллектуальной собственностью местных «дельцов», получивших «законную» регистрацию в соответствующих китайских органах на имена и фамилии китайских граждан.

Подводя краткий итог вышесказанному, еще раз отметим особую уникальность пройденного новым китайским государством пути собственного законодательного развития и подчеркнем, что принимаемое в КНР законодательство своей целью ставило защиту национальных интересов перед лицом возможных конфликтов с окружающим его миром в будущем. Судиться с Китаем на его территории и по его законам — дело невозможное и безуспешное. Даже выиграв суд против китайских организаций в международных арбитражных органах, исполнить их решения на территории КНР также непросто. Такое положение дел является результатом национально ориентированной юридической политики китайских властей, проводимой с самого начала зарождения новой китайской государственности.

Законодательство китайских советских районов

Процесс зарождения новой китайской государственности был начат задолго до 1949 г., еще на базе создаваемых китайскими коммунистами *советских районов*. Именно тогда возникло *китайское советское законодательство*, которое впоследствии легло в основу правовой системы КНР наряду с последующим законодательством *Освобожденных районов*. Принимаемые в не подчиняющихся легитимной гоминьдановской власти советских районах законы были чрезвычайно прогрессивны и существенно (в лучшую сторону) отличались от законодательства правящего режима. Права и свободы, которые предоставлялись советским законодательством, были не известны не только императорскому, но и республиканскому Китаю. По сути законодательство советских районов открыло новую страницу в истории права Китая Нового и Новейшего времени.

Находящиеся под властью коммунистов районы с позиции юридической науки представляли собой не подчиняющиеся центральной власти анклав с *отсутствием каких-либо полномочий на принятие актов правотворчества*. Любая деятельность подобного рода «законодателей» рассматривалась как противозаконная, а принимаемые ими документы автоматически лишались юридической силы в глазах правящего режима.

Появляющиеся в китайских советских районах акты преимущественно обозначались как «положение», «правило», «законы» и даже «конституция»², несмотря на то, что в Китайской Республике действовало свое собственное законодательство, которое коммунистами не признавалось. Так, в ноябре 1931 г., после провозглашения создания Китайской Советской Республики (КСР), была принята *Основная конституционная программа* (проект), которая играла роль Конституции КСР (переработана в 1934 г.). И это при том, что на территории Китайской Республики периодически принимались и действовали различные общегосударственные Конституции, а 1 июня 1931 г. появилась *Временная Конституция для периода политической опеки*.

Таким образом, ко времени образования КНР китайские коммунисты обладали многолетним опытом правотворческой работы, вплоть до принятия собственной конституционной программы. Игнорируя гоминьдановское законодательство, действующий легитимный режим, они строили свое новое общество, которое должно было прийти на смену реакции. *Принимаемое советское законодательство как бы легитимизировало*

деятельность КПК по противостоянию законной власти в лице партии Гоминьдан. КПК создавало правовые основы борьбы с Гоминьданом, советское законодательство служило юридическим основанием, освобождающим от ответственности за совершенные в ходе гражданской войны деяния, приравненные гоминьдановским законодательством к преступлениям против государства. Партизанская деятельность КПК «облекалась» в законную форму, гарантировала бойцу красной армии защиту от уголовного преследования со стороны действующей власти, но только в случае ее свержения в будущем.

Основные этапы законодательного развития КНР

Становление китайской государственности (1949–1957 гг.)

Становление начальных правовых основ новой китайской государственности происходило в период с 1949 по 1954 г. Этот период еще можно назвать «доконституционный», «переходный», «временный» или «восстановительный». Он проходил при непосредственном участии советских ученых-юристов, которые оказывали практическую и методологическую помощь в разработке первых законов КНР. Не только законодательство, но и сам фундамент юридической науки КНР был заложен советскими специалистами³.

Имея за спиной многолетний правотворческий опыт, китайские коммунисты, придя на большей территории Китая к власти, первым делом отменили действие гоминьдановского законодательства, или «*Полной книги шести законов*» («Полной книги шести отраслей права»). Решение об отмене «реакционного» законодательства официально было оформлено нормативной директивой ЦК КПК в феврале 1949 г.⁴ (для ее выполнения был издан приказ Народного правительства северного Китая № 6, апрель 1949 г.).

Процесс подготовки провозглашения КНР занял период с 15 июня по 30 сентября 1949 г. В «доконституционный» период в самом его начале функции верховного представительного органа государственной власти осуществляла (пленарная) сессия Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) (21–30 сентября 1949 г.). Сессия НПКСК сыграла роль Учредительного собрания и приняла *три важнейших закона конституционного характера*: «Закон об организации Народного политического консультативного совета Китая» (иначе: «*Организационный статут*») (27.09.1949); «Закон об организации Центрального народного правительства» (27.09.1949) и «*Общая программа Народного политического консультативного совета Китая*» (29.09.1949)⁵. Эти три «конституционных» документа заложили основу государственного строя нового Китая переходного периода. Они явились прообразом будущей Конституции, иначе — временной, *неписанной конституцией КНР*.

После официального провозглашения в октябре 1949 г. образования КНР руководство страны продолжило работу по созданию основ правовой системы страны. Первыми законодательными актами того времени стали: «Закон КНР о браке» (13.04.1950); «Закон КНР о земельной реформе» (28.06.1950); «Положение об организации крестьянских союзов» (14.07.1950); «Временные правила о сельскохозяйственном налоге в новых освобожденных районах» (05.09.1950); «Положение о наказаниях за контрреволюционную деятельность» (20.02.1951); «Временное положение об охране государственной тайны» (01.06.1951); «Постановление Государственного административного совета о конфискации имущества лиц, совершивших контрреволюционные преступления» (22.06.1951); «Положение о наказаниях за коррупцию» (18.04.1952) и др.⁶

Рассматриваемый нами «доконституционный» период завершился принятием 20 сентября 1954 г. *первой Конституции КНР*. Конституция 1954 г. своим содержанием походила на сталинскую Конституцию 1936 г. и устанавливала общие принципы деятельности государственных органов КНР (глава 2), содержала перечень основных прав и обязанностей китайских граждан (глава 3), закрепляла особенности государственной символики КНР (глава 4). В ее основу также легла приведенная выше Общая программа

НПКСК. В первой Конституции КНР широко использовался опыт международного конституционного строительства, в частности конституционного строительства социалистических стран⁷.

Конституция КНР 1954 г. явилась базой для последующего активного развития правового регулирования в стране. Вслед за ней появились *пять важных органических законов*, устанавливающих принципы формирования и деятельности государственных органов КНР: «Закон КНР об организации Всекитайского собрания народных представителей» (20.09.1954); «Закон КНР об организации Государственного совета» (21.09.1954); «Закон КНР об организации местных собраний народных представителей и местных народных комитетов» (21.09.1954); «Закон КНР об организации народных судов» (21.09.1954); «Закон КНР об организации народной прокуратуры» (21.09.1954) и «Закон КНР о выборах во Всекитайское собрание народных представителей и местные собрания народных представителей» (11.02.1954).

Рассматриваемый период с 1949 по 1954 г. можно с уверенностью назвать «золотым» временем формирования основ законодательства новой китайской государственности. Были приняты основополагающие нормативные правовые акты, включая Конституцию КНР, которые закладывали основу существования китайского государства на долгое время в будущем. Китайский законодатель «вошел во вкус» принятия законов, общество постепенно переходило к правопорядку.

К сожалению, запущенный процесс демократизации китайского общества, перехода государства на «правовые рельсы» начиная с 1956 г. начал свертываться. В период кампании «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» (май—июнь 1957 г.) (в мае 1956 г. Мао Цзэдун выдвинул этот лозунг в отношении к интеллигенции)⁸ была высказана острая критика в адрес КПК по вопросу реального соблюдения в стране Конституции и законов. Отмечалась декларативность многих закрепленных в законодательстве положений, влияние партии на решения народных судов, отсутствие четкого процессуального порядка привлечения к юридической ответственности и др.

В противовес кампании «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» стала проводится кампания «движение за упорядочение стиля», а затем «борьба с правыми элементами». Кампании ознаменовали собой переход руководителей КНР к репрессиям в отношении своих политических противников, отходу от принципов социалистической законности и началу разрушительного для китайской государственности периода, апогеем которого стала «культурная революция». Принятое в августе 1957 г. «*Постановление о трудовом перевоспитании*» (первый антиконституционный акт) закрепило отход Мао Цзэдуна и его сторонников от провозглашенного VIII съездом КПК курса на укрепление законности в стране.

В КНР начались массовые аресты противников правящего режима, включая и работников партии, а также членов семей «правых». О соблюдении закона в новых условиях речи уже не шло. *В конце 1957 г. и в начале 1958 г. в правовой системе страны появлялись лишь единичные акты правотворчества.* Страна постепенно погружалась в «комут» повсеместного беззакония и насилия, существование которого было санкционировано ближайшим окружением Мао Цзэдуна.

Законодательство в эпоху политических кампаний (1958–1976 гг.)

Борьба Мао Цзэдуна с оппозицией внутри партии вряд ли могла быть успешной, если бы проводилась в соответствии с действующим законодательством. А оно прямо запрещало аресты граждан без решения народного суда или санкции народной прокуратуры. Об этом четко говорилось в ст.1 «Положения КНР об арестах и задержаниях», принятого ПК ВСНП в самом конце 1954 г. Кроме того, на страже социалистической законности стояли органы прокуратуры (ст.81 Конституции КНР 1954 г.), которые должны были следить за исполнением норм права в жизни китайского общества. Таким образом, един-

ственным выходом для Мао Цзэдуна и его окружения в запущенном процессе уничтожения политических противников стала масштабная дискредитация Права и Закона, ликвидация правоохранительных органов в частности и всей системы органов государства в целом, возврат общества к «первобытному состоянию», не предполагающему верховенства закона и соблюдения установленного в законодательстве процессуального порядка привлечения лица к ответственности.

В рассматриваемый исторический период ситуация в правовой системе КНР претерпела кардинальные негативные изменения. Законодательная работа практически полностью завершилась в конце 50-х годов XX столетия. В китайском государстве были попорчены нормы закона, а право признано буржуазным пережитком. *В рассматриваемый период в КНР не было принято по сути ни одного полноценного законодательного акта* (появившаяся в 1975 г. новая Конституция КНР носила исключительно декларативный характер), ликвидированной оказалась конституционная система государственных органов, уставные органы КПК и общественные организации. *Партийные директивы заменили собой акты правотворчества.*

Кампания «*Большой скачок*» (1958–1960 гг.) привела к полному отрицанию ранее закрепленных в трудовом законодательстве норм о 8-часовом рабочем дне, обязательных выходных и отпусках, оплачиваемых переработках и т.п. Задача за 15 лет догнать Англию по производству важнейших видов промышленной продукции осуществлялась за счет личного времени и труда китайских граждан, которые работали без выходных и какой-либо справедливой оплаты.

Но нарушалось не одно только трудовое законодательство. Повсеместное появление *народных коммун* означало по существу подмену действующей китайской Конституции партийной директивой. Если бы КПК придерживалась установленного Конституцией порядка, то для их создания требовалось внести поправки в Основной закон «большинством в 2/3 голосов всех депутатов Всекитайского собрания народных представителей» (ч.1 ст.29 Конституции КНР).

Закрепленные в решениях ЦК КПК положения нередко противоречили Конституции и принятым в первые годы после образования КНР нормативным правовым актам. Это касается не только создания народных коммун, лишения трудящихся в них положенных отпусков, доплаты за сверхурочную работу, замены части заработной платы общественным питанием и др. Нарушались нормы социального законодательства, полностью игнорировались акты, регулирующие деятельность ранее созданных сельскохозяйственных кооперативов. Все это способствовало укреплению в сознании китайских граждан нигилистического отношения к праву, недоверие к закону. Вместо закона предлагалось прибегать к критике и самокритике. Источником права стали выступать учение Мао Цзэдуна и решения ЦК КПК. *Заколу негласно был предан статус отмирающего явления*, в котором новое китайское общество абсолютно не нуждается. Партийные директивы, выступления руководителей страны, чиновников на местах перестали содержать какие-либо ссылки на Конституцию и действующее законодательство.

Апогеем нигилистического отношения к праву и закону стала «*Великая пролетарская культурная революция*» (1966–1976 гг.). Принятая в августе 1966 г. и состоявшая из 16 пунктов Резолюция ЦК КПК «*О великой пролетарской культурной революции*», подменяя собой действующее в стране законодательство, предоставило неограниченную власть революционным учащимся (*хунвэйбины*) и революционным комитетам («китайские парижские коммуны»). Главный идеолог «культурной революции» супруга Мао Цзэдуна Цзян Цин, выступая перед «красной молодежью», заявляла, что «*войска общественной безопасности, прокуратура, Верховный народный суд — все это органы, пришедшие к нам от капиталистических государств. Они стоят над партией, над правительством; все они в конечном счете устанавливают надзор над нами, поставляют о нас черные материалы, все они являются бюрократическими органами*»⁹.

В период «культурной революции» была практически полностью уничтожена основанная на Конституции 1954 г. политическая система, подвергнута чистке армия и правоохранительная система, репрессированы видные работники государственно-партийного аппарата. В полную силу действовало *«цитатное судопроизводство»*, когда при вынесении судебных приговоров в его мотивировочной и резолютивной частях ссылались на выдержки из работ Мао Цзэдуна.

В эти годы произвола и беззакония невозможно говорить о существовании в КНР права. Правовой нигилизм стал главной составляющей проводимых в стране репрессий. *Период с 1958 по 1976 г. можно с полным основанием исключить из истории китайского права.*

Перед самым окончанием «культурной революции» была принята *вторая Конституция КНР* (17.01.1975), число статей которой в сравнении с первой Конституцией было значительно сокращено (с 106 до 30!). Кроме Конституции, ВСНП не приняло ни одного органического закона, как это было в ходе появления в 1954 г. первой китайской конституции.

Основой новой Конституции стали тезисы Мао Цзэдуна о борьбе с контрреволюцией, «черными» бандами, шпионами, предателями. Наиболее серьезным изменением стала *ликвидация поста Председателя КНР* (занимавший во время «культурной революции» эту должность Лю Шаоци был объявлен изменником, снят Пленумом ЦК КПК с должности, хотя по Конституции это могло сделать лишь ВСНП, и физически уничтожен). Пост Председателя КНР был связан с Государственным комитетом обороны и Верховным государственным совещанием — их также исключили из системы высших органов государства. Зато юридическое право на существование получили «февкомы»: «постоянно действующие органы местных собраний народных представителей и вместе с тем местные народные правительства» (ч.1 ст.22 Конституции). (Новые органы власти были созданы в КНР согласно распоряжению Мао Цзэдуна, сделанном в январе 1967 г. Однако до 1975 г. они являлись неконституционными учреждениями.)

Кроме того, также из текста Конституции были полностью исключены демократические принципы организации и деятельности народных судов: независимость судов, их подчинение только закону и т.д. Отсутствовало положение о равенстве всех граждан перед законом. Основным правом и основной обязанностью граждан КНР объявлена поддержка руководства КПК (ч.1 ст.26).

Деятельности органов суда и прокуратуры в новой Конституции отведена лишь одна 25 статья (при этом полномочия прокуратуры «осуществляются органами общественной безопасности различных уровней» (ч. 2 ст. 25), что по сути означало *ликвидацию прокурорской системы*), компетенции Государственного совета — две статьи (19 и 20), правам и обязанностям граждан — также две статьи (26 и 27).

В таком разрушенном, погруженном в хаос состоянии китайское государство вступило в 1976 г. Смерть в сентябре этого года Мао Цзэдуна привела к кардинальному изменению внутривнутриполитической ситуации в стране, началу нового этапа развития правовой системы КНР.

Правовосстановительный процесс и реформа экономической системы (1977–1997 гг.)

Уход из жизни Мао Цзэдуна и последовавший за этим арест «группы четырех» (в большинстве русскоязычных источников под влиянием китайской пропаганды — «банды четырех») послужили началом к развертыванию крупномасштабного *правовосстановительного процесса*¹⁰. В конце 70-х годов прошлого столетия в КНР возобновилась правотворческая деятельность, прерванная в конце 50-х в результате проведения различных политических кампаний. Именно с этого времени принято говорить об *уникальном опыте правового строительства* китайского государства. Китайский законодатель предложил иную эксклюзивную модель правового регулирования общественных от-

ношений: при отсутствии кодифицированных актов правотворчества в гражданской, экономической, налоговой и административной сферах на протяжении десятилетий принимались локальные ведомственные нормативные документы, подзаконные нормативные правовые акты, редко — законы, регулирующие осуществляемую с конца 1978 г. политику реформ и открытости.

Регулирование экономических реформ осуществлялось преимущественно на подзаконном уровне, что позволяло властям оперативно реагировать на происходящие в народном хозяйстве изменения. Иностранному инвестору не требовалось ждать появления в правовой системе КНР трудноизменяемого закона: льготные налоговые режимы предоставлялись местными чиновниками в зависимости от достигнутых с инвестором договоренностей. Конечно, такого рода свобода местного правотворчества привела к росту коррупции в государственном аппарате, что, однако, на первом этапе реформ положительно сказывалось на экономическом росте реформируемого государства¹¹. Отсутствие единых законодательно прописанных правил поведения в экономической сфере с лихвой компенсировалось личной заинтересованностью коррумпированного чиновника, который думал не только о своем собственном благополучии, но и о росте экономического потенциала вверенного ему региона.

На новом этапе развития перед руководством Китая стояла задача стабилизировать положение в стране, восстановить разрушенную систему управления, стимулировать развитие народного хозяйства. *Как и в первые годы после образования КНР, законодательная деятельность становится неотъемлемой частью начавшихся в стране преобразований.* Уже в 1977 г. в правовой системе КНР начинают появляться первые акты правотворчества и нормотворчества экономической направленности¹².

Наиболее значимые законодательные акты КНР начали появляться уже с 1979 г.

Переломным событием в жизни Китая рассматриваемого периода по праву считается 3-й Пленум ЦК КПК 11-го созыва (с 18 по 22 декабря 1978 г.), с которого принято вести отсчет проводимых в стране крупномасштабных реформ. Был провозглашен курс на обновление страны, восстановление законности, акцент в государственной работе был перенесен на экономическое строительство, инициирован массовый процесс реабилитации жертв политических репрессий. Именно с этого Пленума *китайское право стало приобретать современный облик.*

Восстановление механизма правового регулирования после «культурной революции» связано, прежде всего, с принятием на 1-й сессии ВСНП 5-го созыва новой *Конституции КНР 1978 г.*, ставшей первоначальной базой этого процесса (05.03.1978)¹³. И хотя данная Конституция просуществовала совсем недолго (до 1982 г.), она явилась основой зарождающегося правотворческого процесса в масштабах всего Китая.

С 1979 г. китайский правотворец приступает к принятию основополагающих правовых документов, без которых было невозможно успешное реформирование государства. *Семьдесят процентов принимаемых законов и подзаконных нормативных правовых актов было направлено на регулирование экономической сферы.*

В первое десятилетие реформ страна переживала настоящий «правотворческий бум», во время которого на свет появлялись сотни новых нормативных правовых актов. Наряду с появлением актов правотворчества экономической направленности, высший законодательный орган Китая впервые со времени образования в 1949 г. КНР принимает *Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы (01.07.1979) (их появление связано с необходимостью проведения судебного процесса над «группой четырех»)*, а также «Закон КНР об организации народных судов», «Закон КНР об организации народной прокуратуры» (01.07.1979) и, впервые (!) «Временное положение об адвокатах» (26.08.1980). 13 апреля 1982 г. появляется «Закон КНР о нотариате».

Активное экономическое развитие страны, серьезные изменения, которые претерпевала внутривластная обстановка, способствовали разработке и принятию 4 де-

кабря 1982 г. новой, четвертой по счету, Конституции КНР (действует по настоящее время). Из ее положений были устранены все упоминания о «культурной революции» и ее установках. зафиксирован возврат страны к многоукладной экономике. По отношению к регулированию организации и деятельности государственных органов КНР Основной закон почти полностью повторяет первую китайскую Конституцию 1954 г., при этом восстанавливается пост Председателя КНР.

Бурное экономическое развитие способствовало появлению целого ряда социальных проблем и росту недовольства, что вылилось в массовые протестные выступления молодежи на площади Тяньаньмэнь (серия протестов с апреля по июнь 1989 г.). Основными требованиями протестующих были ускорение демократических преобразований, борьба с коррупцией, либерализация политической системы¹⁴. После жесткой «зачистки» центра Пекина от оппозиционно настроенных граждан (точное число погибших не известно), по стране прокатилась волна массовых арестов и судов. Наиболее активные из протестующих были приговорены к различному уголовному наказанию, включая высшую меру, пожизненное лишение свободы. Восемь приговоренных к смертной казни преступников продолжают отбывать наказание в китайских тюрьмах по настоящее время (высшая мера была заменена на срочное и бессрочное лишение свободы).

Одним из следствий произошедшей трагедии стало ускоренное утверждение «Закона КНР о собраниях, шествиях и демонстрациях» (принят 31.10.1989). Его проект был представлен в ПК ВСНП уже летом 1989 г., а принятие состоялось всего лишь через несколько месяцев. Не случайно, что положения закона в итоговом варианте закрепляли правомочия правоохранителя на применение силы в отношении протестующих (ст.27), запрет на протесты ближе чем на 300 метров от административных и военных объектов (ст.23) и многое другое. Согласно ст.15 закона предусматривается запрет гражданам на проведение митингов и демонстраций, участие в них за пределами города, в котором они проживают. *Статья 16* запрещает участие в митингах и демонстрациях работникам государственных органов.

19 февраля 1997 г. во время китайского Нового года в возрасте 93-х лет скончался реформатор Дэн Сяопин. За 20 лет проводимой экономической реформы облик Китая существенно изменился: достигнут один из самых высоких в мире среднегодовых темпов экономического роста, в 4 раза увеличен ВВП на душу населения¹⁵. *Колоссальные изменения претерпела правовая система КНР*. Оказавшись полностью разрушенной после «культурной революции», всего лишь за два десятка лет она пополнилась множеством новых законов и тысячами актов, принятых Государственным советом. Особенно успешным явился правотворческий опыт китайского законодателя в экономической сфере, появившиеся нормативные правовые акты способствовали бурному росту китайского народного хозяйства. В конституционно-правовой сфере действовали Конституция и целый ряд органических законов. Был восстановлен пост Председателя КНР, деятельность органов суда и прокуратуры. В административной сфере инициировался процесс разделения партийных и государственных функций, начала проводиться масштабная административная реформа, направленная на снижение количества разрешительных процедур. Гражданско-правовая сфера пополнилась целым рядом новых законов, к основным из которых отнесем Общие положения гражданского права (аналог первой части ГК РФ). В *уголовно-правовой сфере* действовал существенно измененный в марте 1997 г. Уголовный кодекс.

Процессуальное право также активно развивалось. Появились Уголовно-процессуальный, Административно-процессуальный, Гражданско-процессуальный и Арбитражный кодексы. Народные суды с трудом справлялись с объемом навалившейся на них работы: количество гражданских, административных и уголовных дел, ими рассматриваемых, в сравнении с периодом правления Мао Цзэдуна, увеличилось многократно.

Вместе с огромными положительными результатами, достигнутыми в ходе реформ, страна столкнулась и с целым рядом серьезных проблем. В первую очередь, к ним

относятся резкая дифференциация в доходах населения, рост общеуголовной преступности, коррупция в партийно-административном аппарате, истощение природных ресурсов и ухудшение экологической обстановки, отсутствие реальной независимости судебной системы от партийной воли и декларативность закрепленных в Конституции личных прав и свобод. Китай испытывал мощное давление со стороны международного сообщества, выступавшего с требованием ратификации основных международных документов в сфере защиты прав человека, имплементации норм международного права в национальное законодательство. Стремление КНР вступить в международные организации, в особенности в ВТО, требовало от представительных органов принятия целого пакета нормативных правовых актов, направленных на приведение китайских законов в соответствие с международными требованиями.

В таком непростоом положении китайское государство оказалось накануне важного XV съезда КПК (1997 г.), которому было суждено сформулировать курс на построение «социалистической правовой системы с китайской спецификой» с прицелом на далекий 2010 г. *С XV съезда КПК открывается новая страница в сфере правового регулирования общественных отношений в Китае в Новейшее время.*

Формирование «социалистической правовой системы с китайской спецификой» (1997–2010 гг.)

В сентябре 1997 г. в Пекине прошел XV съезд КПК. Наряду с марксизмом-ленинизмом и «идеями Мао Цзэдуна», теория Дэн Сяопина о строительстве «социализма с китайской спецификой» получила статус «руководящей партийной идеологии», что автоматически означало ее внесение в Преамбулу действующей Конституции в ближайшем будущем. КНР продолжала стремительно наращивать свой экономический потенциал. Вместе с этим происходил процесс возвращения принадлежащих Китаю ранее отторгнутых территорий: согласно достигнутых с Великобританией договоренностей *1 июля 1997 г. под китайскую юрисдикцию был возвращен Сянган (Гонконг)*. В 1999 г. был возвращен Аомэнь (Макао) (бывшая португальская колония).

Определяющим на долгие годы вектором развития правовой системы КНР стала поставленная задача по формированию к 2010 г. «социалистической правовой системы с китайской спецификой». Однако партия, как и раньше, продолжала влиять на судебные органы, партийные решения имели силу закона, права граждан ущемлялись. Тем не менее поставленная КПК задача формирования «социалистической правовой системы с китайской спецификой» стала реализовываться сразу после завершения XV съезда: законодатель принимает различные «Планы правотворческой работы» на предстоящие годы с прицелом на 2010 г., в результате которых в стране появляются новые нормативные правовые акты, а в уже действующие вносятся масштабные изменения¹⁶.

Происходящие в процессе реформ изменения понудили законодателя к внесению ряда поправок в действующую Конституцию КНР (1999 и 2004 гг.). *Мартовские поправки 1999 г.* несколько изменили содержание текста Преамбулы¹⁷. Например, вместо положения «Китай находится на начальной стадии социализма» стало: «Китай будет в течение длительного времени находится на начальной стадии социализма». В Преамбуле также упомянута «теория Дэн Сяопина» («народы всех национальностей Китая, руководимые Коммунистической партией Китая и вооруженные марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна и теорией Дэн Сяопина...»), поставлена задача «развивать социалистическую рыночную экономику».

Из текста Основного закона исключена формулировка «государство...подавляет предательскую и иную контрреволюционную деятельность...». Вместо этого содержание ст.28 гласит: «государство...подавляет предательскую и прочую преступную деятельность, подрывающую безопасность государства...». Отметим, что понятие «контрреволюционное преступление» было исключено из УК КНР еще *14 марта 1997 г.* (в резуль-

тате масштабных поправок в действующий уголовный закон). Однако в Конституции КНР оно продолжало «существовать» еще два года. Налицо парадоксальная коллизия: *в уголовном законе данный вид преступления существовать перестал, а на уровне Конституции — действовал еще два года*. И все это происходило на фоне непрекращающихся партийных заявлений о необходимости поддержания авторитета закона в китайском обществе...

В контексте рассматриваемой проблематики важной видится поправка к *ст.5* (содержание статьи дополнено новой первой частью), которая устанавливает: *«Китайская Народная Республика управляется согласно закону и становится социалистическим правовым государством»*.

Отметим, что приведенная выше формулировка, относящая Китай к правовому государству, по сути есть ни что иное, как очередная декларация, направленная больше «вовне», для международного сообщества, нежели прямое руководство к действию для национального законодателя и правоприменителя. Да и само понятие «правовое государство» применительно к КНР не может трактоваться исходя из общепринятого на Западе понимания его сущности. Лозунг становления КНР как социалистического правового государства нельзя отнести к нововведениям¹⁸, однако в 1999 г. он впервые в китайской истории получил закрепление на конституционном уровне.

2001 г. стал одним из наиболее успешных для экономического развития страны: *КНР вступила во Всемирную торговую организацию*. Вступление в ВТО сыграло решающую роль в деле стимулирования развития всего народного хозяйства.

Несмотря на заявления руководства китайского государства об успешности процесса приведения национальной системы права в соответствие с предъявляемыми международными требованиями, эти изменения все же не могут быть признанными полными и достаточными. Скорее они носят *«показательный», «умиротворяющий», «компромиссный»*, а в большинстве случаев *«временный»* характер. Китайские власти в процессе реформирования правовой системы исходят исключительно из собственных интересов, руководствуясь целями и задачами, стоящими перед лицом китайского общества, а лишь затем обращают свои взоры на предложения и замечания со стороны иностранных партнеров.

Даже те серьезные изменения, которым было подвергнуто законодательство КНР в сфере защиты прав интеллектуальной собственности, в результате так и не привели к достаточной правовой охране интересов иностранных компаний на территории Китая. Известны лишь единичные случаи, когда за неправомерное использование чужого товарного знака, патента либо авторского права недобросовестные китайские предприниматели несли юридическую ответственность. При этом положения действующих *«Закона КНР о торговой марке»* (23.08.1982), *«Закона КНР о патентах»* (12.03.1984), *«Закона КНР об авторском праве»* (07.09.1990) в общем соответствуют предъявляемым к ним международными экспертами требованиям. Однако их применение на практике невозможно из-за существования множества подзаконных и местных инструкций, правил, извещений, распоряжений, которые тормозят реализацию законодательных норм в судах КНР.

Внесенные в 1999, а затем и в 2004 г. конституционные поправки хотя были и не очень значительными (Конституция также была дополнена в 1988, 1993 и 2018 г.), однако по их результатам в правовой системе КНР стали появляться новые уникальные нормативные правовые акты. В первую очередь отметим принятый 15 марта 2000 г. *«Закон КНР о правотворчестве»* (аналог так до сих пор и не принятого в России закона *«О нормативных правовых актах Российской Федерации»*). В нем достаточно детально прописан порядок принятия актов правотворчества ВСНП и его Постоянным комитетом, Государственным советом, СНП и их постоянными комитетами на местах, другими органами государства. Отличительной чертой закона является то, что в нем прописаны не только сами виды актов правотворчества, существующие в китайском государстве, но и компетенция государственных органов по их разработке, принятию, процедуре внесения в их положения из-

менений, дополнений, а также механизм разрешения возникающих в ходе осуществления правотворческой работы противоречий между самими актами правотворчества.

В 2005 г. в правовой системе КНР появился «Закон о противодействии расколу страны» (принят ВСНП 14 марта 2005 г.). Несмотря на то, что закон состоит всего лишь из 10 статей, его принятие повлекло за собой протесты в целом ряде зарубежных государств, но в первую очередь — в Китайской Республике на Тайване. Немногочисленные положения закона направлены против так называемой независимости Тайваня, тех сил, которые политическим или иным образом поддерживают «раскол» единого Китая. Более того: часть 1 ст. 8 предоставляет право КНР на применение «немирных способов и иных необходимых мер» (иначе: использование военной силы/вооруженных сил) для «защиты суверенитета и территориальной целостности государства».

Завершая обзор развития правового регулирования в социалистическом Китае в период с 1997 по 2010 г. отметим, что согласно официальному заявлению председателя Постоянного комитета ВСНП У Банго, сделанного 10 марта 2011 г. в докладе перед делегатами 4-й сессии ВСНП 11-го созыва, «...социалистическая правовая система с китайской спецификой уже сформирована»¹⁹. *К концу 2010 г. в правовой системе Китая действовало 236 законов, 690 административных актов и более 8600 местных актов правотворчества.*

Юридическая политика и законодательство КНР на современном этапе (2011–2019 гг.)

С 2011 г. Китай вступил в новый этап государственно-правового развития, в котором основной упор делается на превращение подзаконных нормативных правовых актов в законы, принятие новых актов правотворчества в сфере обеспечения государственной безопасности, регулирование политики «углубления реформ» и повышение уровня стабильности социально-экономического развития в условиях глобального международного финансового кризиса.

Вектор государственно-правового развития Китая до 2020 г. был заложен правящей Коммунистической партией на прошедшем в Пекине в ноябре 2012 г. XVIII съезде. *Главным идеологом происходящих в правовой системе КНР изменений выступает Си Цзиньпин.* В 2017 г. исполнилось пять лет с момента его избрания главой Коммунистической партии Китая.

Мало кто из экспертов предполагал, что Си Цзиньпин, заняв высшие партийно-государственные посты, предпримет активные попытки сконцентрировать максимальную власть в своих руках, развернет широкомасштабную борьбу с коррупцией, в рамках которой уголовному преследованию подвергнутся самые высокие руководители, а всего лишь через пять лет после парламентской сессии, избравшей его Председателем, изменит Конституцию, занеся в ее Преамбулу свое имя, устранив конституционное ограничение на занятие поста Председателя КНР более двух сроков подряд, создаст новый конституционный орган — *Государственный контрольный комитет.*

Проводимые Си Цзиньпином реформы затронули все без исключения сферы общественной жизни. Достаточно серьезным изменениям была подвергнута законодательная сфера. За пять лет пребывания Си у власти (2012–2017 гг.) ВСНП и его Постоянный комитет приняли 25 новых законов, внесли изменения в 127 действующих законов, приняли 46 постановлений по соответствующим правовым и чрезвычайно важным вопросам, вынесли 9 разъяснений к законам. Такой объем законотворческой работы новому Китаю ранее был не известен, разве что в первые годы после образования в 1949 г. КНР и сразу после развертывания политики реформ и открытости в дэнсяопиновский период. Отметим, что подавляющее большинство законов в Китае по-прежнему принимается ПК ВСНП.

При Си Цзиньпине основной акцент в законотворческой работе был сделан на регулирование сферы обеспечения государственной безопасности. Наряду с традиционными (устойчивыми) видами угроз (коррупция, ухудшение экологической обстановки, нехватка

ресурсов, демографические проблемы, рост имущественного расслоения), китайская государственность столкнулась с целым рядом новых вызовов. В первую очередь, к ним относится усиление разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб (обвинения в их адрес были выдвинуты правительством КНР после массовых протестов в Гонконге в сентябре 2014 г., больше известных как «революция зонтиков») и рост террористической угрозы (массовая резня на железнодорожном вокзале в г. Куньмин (01.03.2014), подрыв смертника на центральной площади Тяньаньмэнь (28.10.2013) и др.).

Впервые в истории КНР за непродолжительный период в стране был принят целый пакет законов, направленный на усиление полномочий правоохранительных органов, ужесточение юридической ответственности в рассматриваемой сфере. В первую очередь отметим появившиеся за последние годы:

- «Закон КНР о борьбе со шпионажем» (01.11.2014) (своим вступлением с силу отменил действовавший с 1993 г. «Закон КНР о государственной безопасности»);
- «Закон КНР о государственной безопасности» (01.07.2015);
- «Закон КНР о противодействии терроризму» (27.12.2015);
- «Закон КНР об управлении деятельностью зарубежных неправительственных организаций внутри страны» (28.04.2016, с изменениями от 04.11.2017);
- «Закон КНР о транспортной коммуникации в сфере государственной обороны» (03.09.2016);
- «Закон КНР о безопасности сети Интернет» (07.11.2016);
- «Закон КНР о разведке» (27.06.2017);
- «Закон КНР о ядерной безопасности» (01.09.2017);
- «Закон КНР о контроле» (20.03.2018).

Активное принятие законов в сфере обеспечения государственной безопасности происходит на фоне отсутствия в КНР целого ряда материальных кодифицированных актов правотворчества, к основным из которых отнесем Гражданский, Налоговый и Административный кодексы.

На этом фоне первоочередное принятие законов в сфере защиты безопасности государства наводит на определенные размышления: не приведет ли появление новых законов к усилению авторитаризма в стране, эскалации напряженности в обществе, подавлению инакомыслия, повторения сценария различных разрушительных политических кампаний, апогеем которых была «культурная революция»? Либо новые угрозы и вызовы китайской государственности настолько серьезны, что лишь первоочередное усиление законодательного регулирования деятельности, связанной с противодействием им, способно защитить Китай от подрыва его устоев? Ответ на эти вопросы даст лишь время.

Отметим также, что даже принимаемые в экономической сфере долгожданные законы по своей сути также направлены на регулирование сферы обеспечения государственной безопасности. Сказанное касается, например, принятого 15 марта 2019 г. на 2-й сессии ВСНП 13-го созыва «Закона КНР об иностранных инвестициях», который, кроме прочего, устанавливает: «Государство создает систему контроля безопасности иностранных инвестиций, осуществляет проверку безопасности иностранных инвестиций, угрожающих или способных нести угрозу государственной безопасности» (ст.25).

Апогеем законодательных инициатив Си Цзиньпина, вне сомнений, стали принятые на мартовской сессии ВСНП нового, 13-го созыва (2018 г.) поправки в Конституцию КНР. Их конкретное содержание впервые было представлено широкой общественности 25 февраля 2018 г., всего лишь за несколько недель до начала работы парламента. Они сразу же вызвали острые дискуссии в экспертном сообществе. О возможном изменении Конституции исследователи Китая начали говорить еще с осени прошлого года, когда в ходе прошедшего XIX съезда КПК (18–24 октября 2017 г.) в текст Устава партии было внесено имя Си Цзиньпина и его идея «социализма с китайской спецификой новой эпохи».

В действующую Конституцию в общей сложности была внесена 21 поправка. В Преамбулу действующей Конституции КНР, наряду с именами Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, законодателем теперь вписано имя Си Цзиньпина и его «идеи» о «социализме с китайской спецификой новой эпохи» (*поправка № 1, или статья 32 Поправок 2018 г.* (по общему числу статей внесенных поправок в Конституцию с 1988 г.)). Председатель Си встал в один ряд с основателем КНР Мао и основоположником китайских экономических реформ Дэном, и это при том, что Конституция не содержит упоминания фамилий иных выдающихся руководителей КНР, внесших значительный вклад в развитие нового Китая. Нет в Основном законе и фамилий непосредственных предшественников Си — председателей Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао, хотя в Преамбуле и содержится упоминание теории Цзян Цзэминя «о трех представительствах» и внесенная рассматриваемыми поправками «концепция научного развития» Ху Цзиньтао.

Наибольшую дискуссию среди всех принятых ВСНП конституционных поправок, несомненно, вызвала *поправка № 14 (ст. 45)*, отменившая ограничение срока занятия поста Председателя КНР. Так, до внесения поправок ч. 3 ст. 79 Конституции была следующего содержания:

«Срок полномочий Председателя и заместителя Председателя Китайской Народной Республики соответствует сроку полномочий Всекитайского собрания народных представителей. *Председатель и заместитель Председателя Китайской Народной Республики могут занимать эти должности не более чем два срока*». В настоящее время фраза о занятии указанных должностей не более двух сроков исключена из Конституции.

Таким образом, Си Цзиньпин юридически теперь правомочен занимать данный пост без ограничения по времени при условии его переизбрания ВСНП каждые пять лет. Это дает возможность нынешнему Председателю КНР оставаться «у руля» государственной власти до конца своей жизни, потенциально превращаясь в пожизненного руководителя Китая.

Отмена ограничения по сроку нахождения лица в должности Председателя КНР формально приравнивает статус Си Цзиньпина к положению *конституционного монарха с неограниченным сроком правления*, полномочия которого юридически существенно ограничены действующей Конституцией (он не вправе принимать законы и в своей деятельности подотчетен парламенту). По факту же, являясь лидером правящей партии, председателем ЦВС (военный блок), Центральным комитетом по национальной безопасности (силовой блок), главой Центральной руководящей группы по углублению реформ (финансово-экономический блок), главой Центральной руководящей группы по безопасности сети Интернет и информатизации (информационный блок) и др., — Си Цзиньпин сконцентрировал в своих руках ключевые посты в государстве, что определяет его реальные мегаполномочия. Вкупе с отсутствием ограничения на срок пребывания в должности Председателя КНР он превращается в фигуру *абсолютного монарха*. Все это, с одной стороны, повышает политическую стабильность в обществе, уверенность в несменяемости проводимых экономических преобразований и борьбы с коррупцией, с другой — создает проблемы при передаче власти в будущем. Отмена принципа ротации (сменяемости) поста Председателя КНР может привести к развитию «культы личности» в будущем, и не обязательно, что он будет связан с именем Си Цзиньпина.

Заключительной конституционной поправкой *№ 21 (ст. 52)* в систему органов государственной власти введены новые органы — *Контрольные комитеты*. Конституционно-правовому регулированию деятельности контрольных комитетов посвящен теперь § 7 гл. III «Государственная структура», ст. 123–127. Кроме этого, на мартовской сессии ВСНП принят отдельный «Закон КНР о контроле», своим вступлением в силу он отменил принятый в 1997 г. «Закон КНР об административном контроле».

17 марта 2018 г. на первом заседании ВСНП 13-го созыва китайские парламентарии в рамках нового витка административной реформы приняли «Проект реформы струк-

туры Государственного совета», согласно которому Министерство контроля КНР и Государственное управление КНР по предупреждению коррупции как самостоятельные органы Государственного совета были упразднены и вошли в состав нового Государственного контрольного (надзорного) комитета. Кроме того, в состав контрольных комитетов были переданы также управления народных прокуратур по борьбе с коррупцией, взяточничеством и должностными преступлениями и работающие в них прокуроры. Таким образом, у органов прокуратуры были изъяты функции по возбуждению уголовных дел и проведению предварительного следствия по делам о преступлениях, связанных с коррупцией и взяточничеством, по делам о должностных преступлениях государственных служащих.

Комиссии КПК по проверке дисциплины не упразднены, а подверглись слиянию с новыми контрольными комитетами и теперь работают с ними «бок о бок». Создана единая контрольная система, в которой сотрудники комиссий по проверке дисциплины работают в связке с их коллегами из контрольных комитетов (бывшими прокурорами из отделов по борьбе с коррупцией; служащими бывших Министерства контроля Госсовета и Государственного управления по предупреждению коррупции). На практике это означает создание одной, единой структуры, одни из работников которой занимаются проверкой дисциплины по партийной линии (функционально отнесено к комиссиям КПК по проверке дисциплины), а другие — проверкой на предмет совершения правонарушений коррупционной направленности, включая также и должностные преступления (функционально отнесено к контрольным комитетам).

Заключение

Законодательное развитие нового Китая в период с 1949 по 2019 г. показало способность китайских властей к проведению национально ориентированной юридической политики, направленной, прежде всего, на защиту собственных государственных интересов. Уникальность пройденного пути заключается в том, что Китай предложил альтернативу популярным в мире западным политико-правовым теориям правового развития государственных образований. Опыт КНР показал, что достижение высокого уровня экономического развития возможно и при игнорировании фундаментальных западных правовых институтов, таких как многопартийность, разделение властей, система сдержек и противовесов, верховенство международного права над национальным. Успешность государственно-правового развития Китая ставит под сомнение исключительность западного подхода к формированию правового климата осуществляемых в государстве реформ, подтверждает возможность повышения уровня благосостояния народа при сохранении собственной правовой культуры и правовой самоидентичности.

1. Подробнее см.: К 40-летию начала экономических реформ в Китайской Народной Республике // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 6. С. 7.
2. Подробнее см.: Советские районы Китая. Законодательство Китайской Советской Республики. 1931–1934. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977.
3. Подробнее см.: Чжунго жэньминь дасюэ фасюэюань юаньши: [История Института права Народного университета Китая] (1950–2010). Пекин: Издательство Народного университета Китая, 2010. С. 33–40.
4. Подробнее см.: Чжунго гоцзя хэ фадэ лишн цанькао цзильяо: [Справочные материалы по истории китайского государства и права]. Пекин: Издательство Народного университета Китая, 1956. С. 1–3.
5. Русский перевод см.: Законодательные акты Китайской Народной Республики / пер. с кит.; под ред. и с вступ. статьей Е.Ф. Ковалева. М.: Издательство иностранной литературы, 1952. С. 35–40; 41–49; 50–65 соответственно.

6. Подробнее см.: Законодательные акты Китайской Народной Республики...; Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики / под ред. и с предисл. Н.Г. Сударикова. М.: Издательство иностранной литературы, 1955.
7. Подробнее см.: Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики... С. 29–53.
8. Подробнее см.: *Кюаджян Л.С.* Идеологические кампании в КНР (1949–1966). М.: Главная редакция восточной литературы «Наука», 1970. С. 49–76.
9. Цит. по: *Гудошников Л.М.* Произвол и насилие — основа политики маоистов. О попрании права и законности в КНР в годы «большого скачка» и «культурной революции» // Проблемы Дальнего Востока. 1974. № 3. С. 70.
10. Термин «правовосстановительный процесс» применительно к происходящим в Китае событиям впервые в синологической науке был применен проф. Л.М. Гудошниковым. См., например: *Гудошников Л.М.* Конституция 1978 г. и начало правовосстановительного процесса в Китае // Публично-правовые исследования. 2008. № 3. С. 119–129.
11. Подробнее см.: *Виноградов А.В.* Власть, бизнес и коррупция в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 1. С. 90.
12. Подробнее см.: Чжунъю цзинци фагуй цзилью сюаньбянь: [Избранные материалы по важнейшему экономическому законодательству]. 1977–1986. Пекин: Чжунго тунци чубаньше, 1987.
13. Подр. см.: *Гудошников Л.М.* Конституция КНР 1978 г. и начало правовосстановительного процесса в Китае // Публично-правовые исследования. 2008. № 3. С. 119–129.
14. Подробнее см.: *Гудошников Л.М.* О некоторых чертах современного внутривластного положения в Китае. // КНР в 1989 году (К оценке внутривластного положения в стране). Экспресс-информация. Выпуск 5. М.: ИДВ АН СССР, 1990. С. 5–10; *Ахметшин Н.Х.* Некоторые оценки политического кризиса в КНР в 1989 г. Там же. С. 11–18; *Петровский В.Е.* Взаимоотношения КПК и коммунистических партий: эхо трагедии на Тяньаньмэнь. Там же. С. 63–70; *Антонов В.И.* К оценке студенческих выступлений и манифестаций представителей широких слоев населения в Пекине и других городах Китая в апреле—июне 1989 года. Там же. С. 147–156; *Лазарева Т.В.* К вопросу о характере студенческих выступлений в Китае в мае-июне 1989 г. Там же. С. 157–166.
15. Подробнее см.: *Усов В.Н.* История КНР: в 2 т.: учебник. Т. II: 1966–2004 гг. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. С. 571–573.
16. Подробнее см.: Чжунго тесе шэжуэй чжун фалюй тиси цянъянь взньти яньцзю: [Исследование важных вопросов социалистической правовой системы с китайской спецификой] / под ред. Сунь Гохуа, Фэн Юйцзюня. Пекин: Чжунго миньжун фацзи, 2005. С. 11.
17. Подробнее см.: Поправки к Конституции Китайской Народной Республики // Новое законодательство Китайской Народной Республики. Экспресс-информация. № 9. М.: ИДВ РАН, 1999. С. 10–12.
18. Подробнее см.: Фали сюе: [Теория права] / под ред. Чжан Вэньсяна. Пекин: Фалюй чубаньше, 1997. С. 245–250. Хотя сама идея правового государства в ее современном виде пришла в Китай с Запада лишь в XX веке, тем не менее, предпосылки для ее возникновения на китайской почве были заложены еще в далеком XVII веке. Подробнее см.: *Максимов Д.А.* Идея правового государства в Китае в начале 20 века // Китай, Россия, страны АТР и перспективы межкультурных отношений в 21 веке. Тезисы докладов 12 Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». (Москва, 25–27 сентября 2001 г.). Часть 2. М.: ИДВ РАН, 2001. С. 144–148.
19. Цзинци жибао: [Экономическая газета]. 11.03.2011.

Социально-экономическое развитие КНР за 70 лет (1949–2019 гг.)

© 2019

А.В.Островский

Статья посвящена анализу социально-экономического развития КНР за 70 лет (1949–2019 гг.). Проведен сравнительный анализ итогов социально-экономического развития страны за период КНР, выделены два этапа в социально-экономическом развитии страны: 1) 1949–1978 гг. — командно-административная плановая экономика; 2) 1979–2019 гг. — экономическая реформа. Показаны основные направления экономической реформы, в которой было выделено четыре этапа: 1) 1979–1984; 2) 1984–1991; 3) 1992–2003; 4) 2003 — настоящее время. Значительные успехи китайской экономической реформы выражаются в стремительном росте валового внутреннего продукта (ВВП) Китая и заметном повышении жизненного уровня населения страны. За этот период происходило заметное увеличение роли страны в мировой экономике, что связано с быстрым ростом ВВП, объема внешней торговли, расширением инвестиционного сотрудничества. Успехи китайской экономики за годы реформ показывают жизнеспособность китайской модели перехода от плановой к рыночной экономике, связанной с большой ролью государственного регулирования и значительным объемом инвестиционных программ для развития страны.

Ключевые слова: КНР, валовой внутренний продукт (ВВП), жизненный уровень населения, плановая экономика, население, экономическая реформа, социально-экономическое развитие, переход к рыночной экономике.

DOI: 10.31857/S013128120007128-1

Всю историю социально-экономического развития КНР за 70 лет, с 1949 по 2019 г., можно разделить на два периода: 1949–1978 гг. — развитие командно-административной плановой экономики; 1978–2019 гг. — экономические реформы в Китае. Проводимая в КНР экономическая реформа стала переходом от командно-административной, плановой экономической модели развития экономики к рыночной экономике при сохранении курса на строительство социалистического общества. К концу 1970-х годов стало ясно, что плановая экономика при сохранении командно-административной системы не в состоянии обеспечить решение основных социально-экономических задач, стоящих перед обществом, догнать по уровню социально-экономического развития развитые страны мира и на этой основе обеспечить рост жизненного уровня населения. Поэтому с начала 1980-х в КНР начали проводить экономические реформы, направленные на *постепенный переход от плановой к рыночной экономике* и отказ от командно-административной системы. В результате в настоящее время Китай по объему валового внутреннего продукта (ВВП) занимает 1-е место в мире по паритету покупательной способности и 2-е место в мире после

США по текущему валютному курсу в пересчете ВВП на доллары. В результате проведения экономической реформы заметно вырос жизненный уровень населения страны, и Китай успешно решает задачу построения общества «малого благоденствия» (*сяо кан*), которое планируют построить к 2021 году — 100-летию образования КПК.

Социально-экономическое развитие КНР до начала реформ (1949–1978 гг.).

1 октября 1949 г. состоялось провозглашение Китайской Народной Республики и было создано Центральное народное правительство. Уже в первые годы существования КНР были проведены социально-экономические мероприятия. В июне 1950 г. был принят «Закон о земельной реформе Китайской Народной Республики». В результате аграрной реформы было распределено более 46 млн га бывшей помещичьей земли. В первые годы после образования КНР (1949–1952) основной задачей было восстановление разрушенного антияпонской войной и гражданскими войнами народного хозяйства страны. Для решения основных задач по восстановлению народного хозяйства в 1949–1952 гг. руководство КНР провело национализацию основных средств производства путем конфискации всего имущества компрадорской буржуазии (бюрократического капитала) и ликвидации в стране господства иностранного капитала. На базе имущества, конфискованного у бюрократического капитала, а также бывших предприятий японского капитала и предприятий, которыми владели военные преступники, был сформирован государственный сектор экономики, который вплоть до настоящего времени играет решающую роль в развитии страны.

В 1952 г. ЦК КПК сформулировал *генеральную линию партии* в период *перехода к социализму*, суть которой состояла в одновременной реализации двух взаимосвязанных задач — проведении индустриализации и преобразований частной и капиталистической собственности. Мао Цзэдун, обосновывая необходимость проведения генеральной линии партии, подчеркнул: «Сущность генеральной линии партии в переходный период — это превращение социалистической собственности на средства производства в единственную экономическую основу нашего государства и общества», «генеральная линия также можно сказать решает вопросы собственности»¹. Для осуществления генеральной линии КПК был разработан 1-й пятилетний план развития народного хозяйства КНР на 1953–1957 гг. Его основной задачей было создание базы для социалистической индустриализации Китая. В сентябре 1954 г. состоялась 1-я сессия ВСНП, которая приняла Конституцию КНР. Важнейшим событием в жизни страны стал VIII съезд КПК (сентябрь 1956 г.), который утвердил генеральную линию строительства социализма.

Однако позднее в КНР произошли значительные изменения в экономической политике, которые означали полный переход к мобилизационной экономике. Еще при подготовке Отчетного доклада ЦК КПК VIII съезду КПК (сентябрь 1956 г.) Мао Цзэдун поставил вопрос о выработке правильного отношения к учебе у Советского Союза. Он заявил о том, что опыт СССР надо подразделять на два вида, один вид — для Китая подходит, другой вид — надо внимательно изучать и пояснять на примерах земельной реформы и социалистического преобразования средств производства нашу политику по отношению к капиталистам. Еще он сказал о том, что после построения нового Китая в сфере финансов и экономики нечему учиться у Советского Союза, а надо действовать, исходя из ситуации в Китае². Более того, после обсуждения на одном из совещаний в марте 1956 г. доклада руководителя делегации КПК Дэн Сяопина на XX съезде КПСС (февраль 1956 г.) был сделан вывод, что СССР — «это учитель наоборот» и необходимо найти новую экономическую модель, позволяющую решить в кратчайшие сроки задачи построения социализма». В результате была создана необходимая теоретическая социально-экономическая основа для отказа от генеральной линии партии, направленной на постепен-

ные социалистические преобразования, и перехода к проведению политики «трех красных знамен» — новая генеральная линия партии, «большой скачок» и народные коммуны, предусматривавшей стремительный рывок в экономике и, на его основе, ускоренный переход к социализму.

На 2-й сессии VIII съезда КПК (май 1958 г.) была утверждена *новая генеральная линия*: «Напрягая все силы, стремясь вперед, строить социализм по принципу: больше, быстрее, лучше, экономнее». Это означало отмену прежней генеральной линии партии, рассчитанной на сравнительно длительный срок, с 1952 по 1967 г., и принятие комплекса мер: «большой скачок» в промышленности и создание народных коммун в сельском хозяйстве, направленных на достижение завышенных темпов построения социалистического общества. В августе 1958 г. состоялось расширенное заседание Политбюро ЦК КПК в курортном городе Бэйдайхэ на берегу Бохайского залива. На этом заседании были приняты решения о резком увеличении производства стали до 27–30 млн тонн в 1959 г. и до 60 млн тонн в 1960 г. и создании народных коммун в китайской деревне. *Пересмотр* генеральной линии партии, решений VIII съезда КПК и попытка осуществления «большого скачка» и создание народных коммун в деревне *имели тяжелые последствия для китайской экономики*. Из-за отказа от принципов материальной заинтересованности с 1960 г. стало резко сокращаться промышленное производство, значительно снизился сбор урожая, особенно зерновых до 150 млн тонн в год при росте численности населения на 100 млн человек. В результате в стране в 1960 г. начался голод, что *впервые в XX веке привело к абсолютному снижению численности населения Китая*.

В начале 60-х годов пришлось прибегнуть к чрезвычайным мерам для ликвидации последствий «большого скачка». Китайским руководством была принята политика «урегулирования» народного хозяйства, которая проводилась под руководством Чжоу Эньлая, Дэн Сяопина и Лю Шаоци. Ценой больших затрат к середине 60-х удалось восстановить подорванную различными неоправданными экспериментами экономику в результате «большого скачка». В декабре 1964 г. состоялась 1 сессия ВСНП 3-го созыва, на которой премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай объявил о выполнении задачи урегулирования экономики и выдвинул программу развития народного хозяйства, получившую название *«программа 4-х модернизаций»* (промышленность, сельское хозяйство, оборона, наука и техника).

Однако начавшаяся в мае 1966 г. *«культурная революция»*, продолжавшаяся более 10 лет, нанесла удар по выполнению этой программы. Она *нарушила нормальный процесс развития Китая*, принесла большой ущерб стране и оказала негативное влияние на развитие экономики Китая. Несмотря на сравнительно высокие темпы экономического развития страны (в 1953–1983 гг. прирост совокупного общественного продукта составлял в среднем 8,0% в год, валовой продукции промышленности и сельского хозяйства — 8,2%, национального дохода — 6,2% в год, валовой продукции промышленности — 10,1% в год, валовой продукции сельского хозяйства — 4,0% в год) *жизненный уровень населения по-прежнему оставался крайне низким*³.

В значительной степени такая ситуация, когда среднегодовые темпы социально-экономического развития страны достаточно высоки, а жизненный уровень населения оставался низким, особенно в китайской деревне, была связана с избранной еще до начала «культурной революции» двухсекторной моделью экономического развития. Суть этой модели состояла в повсеместной реализации курса «в промышленности учиться у Дацина, в сельском хозяйстве — у Дачжая». В результате все экономические единицы в стране должны были обеспечивать свое развитие за счет «опоры на собственные силы» и изыскивать средства внутри себя на свое развитие, направляя большую часть произведенной продукции и своих доходов в центральный бюджет для решения стоящих перед страной стратегических задач, таких как модернизация обороны. В результате в 1966–1978 гг. доля фонда накопления составила 31,2% по сравнению с периодом 1953–1957 гг. (24,2%)⁴. В 1978 г.

национальный доход на душу населения составлял всего 315 юаней, средний доход крестьян — всего 134 юаня на 1 человека *в год (примерно 65 долларов США на человека)*, а рабочих и служащих — 316 юаней (примерно 110 долларов США на человека)⁵. По-прежнему сохранялась карточная система почти на все основные виды потребительских товаров, начиная от зерна и кончая радиоприемниками и велосипедами. Верхом достатка считалось наличие в китайской семье так называемых трех вертящихся и одного звучащего (*сань чжуань и шэн* — часы, велосипед, вентилятор и радиоприемник).

По сравнению с периодом до образования КНР, в 1949–1978 гг. происходил динамичный рост производства основных стоимостных и натуральных показателей за исключением спада производства в 1960–1962 гг. после провала «большого скачка». Однако как по абсолютным показателям, так и на душу населения, Китай значительно уступал не только экономически развитым странам мира, включая СССР, но и многим развивающимся странам (табл. 1).

Таблица 1

Основные показатели развития народного хозяйства КНР в 1952–1978 гг.

	1952	1957	1965	1978
Население (млн человек)	574,8	646,5	725,4	962,6
Совокупный общественный продукт (млрд юаней)	101,5	160,6	269,5	684,6
Валовая продукция промышленности (млрд юаней)	34,9	70,4	140,2	406,7
Валовая продукция сельского хозяйства (млрд юаней)	46,1	53,7	83,3	156,7
Зерновые (млн тонн)	163,9	195,0	194,5	304,8
Хлопок (млн тонн)	1,3	1,64	2,1	2,17
Ткани (млрд м)	3,83	5,05	6,28	11,0
Уголь (млн тонн)	66	131	232	618
Нефть (млн тонн)	0,44	1,46	11,31	104,1
Электроэнергия (млрд квт.-ч)	7,3	19,3	67,6	256,6
Сталь (млн тонн)	1,35	5,35	12,23	31,78
Цемент (млн тонн)	2,86	6,86	16,34	65,24
Металлорежущие станки (тыс.)	13,7	28,0	39,6	183,2
Велосипеды (млн)	0,080	0,806	1,838	8,540

Источник: *Чжунго тунци няньцзянь — 1981: [Китайский статистический ежегодник — 1981]. Пекин, 1982. С. 5–11.*

К концу 70-х годов стало ясно, что продолжение прежней экономической политики, основанной на плановой экономике, государственной собственности, сохранении системы народных коммун в деревне и не имеющих собственных расчетных счетов крупных государственных предприятий в качестве придатков к министерствам и ведомствам, уравнительном распределении и самоизоляции от внешнего мира, выразившейся в небольшом объеме внешней торговли, не может обеспечить Китаю решения основных задач, стоящих перед страной. В этих условиях руководство КНР решительно пошло на проведение комплексной экономической реформы, которая состоит в переходе от плановой к рыночной экономике при сохранении основных преимуществ прежней системы. Важной характерной чертой экономической реформы стало использование производственного потенциала, заложенного в 50-е — 70-е годы. Это крупные предприятия тяжелой и военной промышленности, топливно-энергетического комплекса, транспорта, то есть костяк государственного сектора, обеспечивающий жизнедеятельность экономического потенциала Китая в годы экономических реформ.

В результате произошедших изменений уже в 1977 г. Дэн Сяопину удалось вернуться на все ранее занимаемые посты в партии и правительстве и в своей практической деятельности реализовать выдвинутый им тезис об ориентации на экономику как единст-

венно верный шаг по пути выхода из кризиса и возрождения страны. Основные положения программы Дэн Сяопина были изложены им в докладе на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г. «Решения 3-го пленума ЦК КПК о совершенствовании хозяйственного механизма и урегулировании экономики» стимулировали развитие в китайской деревне системы «семейного подряда и производственной ответственности», что в немалой степени способствовало оздоровлению китайской экономики на рубеже 70-х — 80-х годов.

Экономическая реформа в Китае (1978–2019 гг.)

Комплексная программа развития КНР, стратегии реформы была рассмотрена и утверждена на XII съезде КПК (сентябрь 1982 г.). В ходе работы съезда было принято решение о том, что Китай будет строить социализм с китайской спецификой. Главным принципиальным моментом в теории реформы экономической системы в Китае явилась новая постановка целей экономической реформы в условиях социализма. Китай не пошел по пути радикального перехода к новой экономической и политической системе, а ограничился реформами, связанными с последовательным переходом от плановой к рыночной экономике, разбитым на несколько этапов. На протяжении 40 с лишним лет реформы были выработаны четыре основных экономических лозунга, соответствующие четырем основным этапам реформы.

На первом этапе (декабрь 1978 г. — сентябрь 1984 г.) был выдвинут лозунг *«плановая экономика — основа, рыночное регулирование — дополнение»*. В этот период основное внимание уделялось деревне, но и в городе проводились эксперименты по расширению хозяйственной самостоятельности предприятий, создавались специальные экономические зоны (СЭЗ). *Для второго этапа* (октябрь 1984 г. — декабрь 1991 г.) развертывания реформ использовался лозунг *«плановая товарная экономика»*. На этом этапе центр тяжести реформы переместился из деревни в город, государственные предприятия стали главным звеном всей реформы в целом, и основное внимание при переходе к рынку было уделено реформе цен. При этом реформа стала постепенно распространяться на социальную сферу, развитие науки, техники и образования. *Третий этап*, который *длился с 1992 по 2003 г., проходил под лозунгом «социалистической рыночной экономики»*. На этом этапе формировалась новая экономическая система, где главным является дальнейшее расширение и развитие рынка, создание новой системы управления предприятиями, а также формирование новой системы макрорегулирования и контроля со стороны государства. *Четвертый этап, начавшийся с 2003 г., проходит под лозунгом «совершенствование социалистической рыночной экономики»*.

Начало третьего этапа экономической реформы проходило под знаком инспекционной поездки Дэн Сяопина на юг Китая в особые экономические зоны провинции Гуандун — Шэньчжэнь и Чжухай. Еще с конца 70-х годов руководством ЦК КПК было принято решение о создании экспериментальных зон, своего рода испытательных полигонов на юге страны — четырех свободных экономических зон, три из которых находились в провинции Гуандун, одном из экономически наиболее развитых районов КНР. Именно в этих зонах проводились эксперименты в рамках перехода от плановой к рыночной экономике, развитию не только рынка потребительских товаров и средств производства, но и рынка факторов производства, таких как рынок капитала, труда, информации и другие. Для этого специальными постановлениями Госсовета КНР и собраний народных представителей провинций Гуандун и Фуцзянь в конце 1979 г. эти территории — Шэньчжэнь, Чжухай, Сямынь и Шаньтоу получили статус особых экономических зон, которые имели значительные льготы в сфере внешней торговли и привлечения иностранных инвестиций. На наш взгляд, это было сделано для чистоты эксперимента, чтобы в течение 10 лет оценить все плюсы и минусы рыночной экономики и принять окончательное решение о переводе всей страны на рельсы рыночной экономики⁶.

Таблица 2

Основные этапы экономической реформы в КНР (1978–2019 гг.)

Период	Главный лозунг	Основное содержание реформ
1-й этап: декабрь 1978 г. — сен- тябрь 1984 г.	«Плановая экономи- ка — основа, рыноч- ное регулирова- ние — дополнение»	Основное внимание уделялось деревне, но и в городе проводились эксперименты по расширению хозяйственной самостоятельности предприятий, создавались специальные экономические зоны (СЭЗ).
2-й этап: октябрь- 1984 г. — де- кабрь 1991 г.	«Плановая товарная экономика»	Центр тяжести реформы переместился из деревни в город, государственные предприятия стали основным звеном всей реформы в целом, и основное внимание при переходе к рынку было уделено реформе цен. При этом реформа стала постепенно распространяться на социальную сферу, развитие науки, техники и образования.
3-й этап: январь 1992 г. — сен- тябрь 2003 г.	«Социалистическая рыночная экономи- ка»	Формировалась новая экономическая система, где главным является дальнейшее расширение и развитие рынка, создание новой системы управления предприятиями, а также формирование новой системы макрорегулирования и контроля со стороны государства.
4-й этап: октябрь 2003 г. — на- стоящее время	«Совершенствован- ие социалистиче- ской рыночной эко- номики»	Выдвинута задача совершенствования институциональных механизмов рыночной экономики, что включало в себя выявление ведущей роли рынка в сфере распределения ресурсов, усиление живучести и конкурентоспособности предприятий, оздоровление государственного макрорегулирования, совершенствование административного управления и функций общественных организаций (общественного сервиса), в интересах построения всестороннего общества «малого благоденствия» (<i>сяокаи</i>), создание эффективной системы социального обеспечения.

Источник: составлено автором.

Однако эксперимент проходил тяжело. С одной стороны, в таких свободных экономических зонах, как Шэньчжэнь и Сямынь, которые ориентировались на привлечение гонконгского и тайваньского капитала соответственно, экономические успехи были значительны. В эти зоны совершали визиты делегации из многих стран мира как с целью ведения совместного бизнеса, так и для изучения опыта развития переходной экономики от плана к рынку на практике. Однако, наряду с успешным опытом развития СЭЗ Шэньчжэнь и Чжухай, были и менее успешные примеры развития — СЭЗ Шаньтоу и даже просто провал создания СЭЗ на острове Хайнань, который в 1987 г. был выделен из состава провинции Гуандун и получил статус СЭЗ. Однако именно в СЭЗ Хайнань местные власти максимально воспользовались полученными особыми привилегиями и вместо развития экономики острова занялись спекуляцией, импортируя из-за рубежа товары, в основном предметы роскоши, для ввоза которых действовал льготный режим налогообложения, перепродавая их втридорога в другие китайские провинции и получая на этом

огромные доходы. Но китайские спецслужбы не дремали и пресекли эту самодеятельность. Вопрос даже обсуждался отдельно на закрытом заседании Политбюро ЦК КПК, и уже в конце 80-х годов остров Хайнань лишился своего особого статуса. К тому же в других регионах КНР, включая города центрального подчинения — Пекин, Шанхай и Тяньцзинь, отнюдь не все проходило гладко, что вызывало множество дискуссий как в научных журналах, так и в средствах массовой информации.

В целом к началу 1992 г. в руководстве КНР происходила борьба между различными группировками по вопросу о проведении реформ. Фактически к началу 1992 г. так и не был решен кардинальный вопрос о том, надо ли проводить реформу по переходу к рынку вообще. Такие колебания в китайском руководстве были связаны не только с результатами экспериментов по переходу к рынку в самом Китае, но и с учетом негативных результатов экономической реформы в СССР и странах Восточной Европы, где не только произошел развал социалистической системы, но и распад отдельных стран — СССР, ЧССР и СФРЮ. Многим в китайском руководстве представлялось, что в результате доведения до логического конца экономической модели перехода к рынку в КНР может произойти не только отстранение от власти самой КПК, но и распад КНР на несколько составных частей с учетом печального опыта СССР, распавшегося на 15 отдельных государств.

В этих непростых условиях в начале 1992 г. состоялась инспекционная поездка на юг Дэн Сяопина, который всесторонне ознакомился с опытом развития СЭЗ Шэньчжэнь. Результаты этой поездки проявились не сразу, а через месяц после ее окончания. По итогам своей поездки Дэн Сяопин сделал вывод о необходимости дальнейшего ускорения реформы на основе расширения сферы действия рыночных отношений. Противникам реформы Дэн Сяопин предложил ответить на три вопроса: способствуют ли реформы развитию производительных сил, способствуют ли они укреплению государственной мощи, способствуют ли они повышению жизненного уровня населения. Сравнение социально-экономической ситуации в СЭЗ Шэньчжэнь, которая получила особые права для развития рыночной экономики, с другими районами Китая оказалось в пользу СЭЗ Шэньчжэнь, что и послужило основой для дальнейшего распространения реформ по всей территории КНР.

На XIV съезде КПК (октябрь 1992 г.) был провозглашен курс на ускорение и углубление экономических реформ, а на 3-м пленуме ЦК КПК 14-го созыва (октябрь 1993 г.) было заявлено о начале нового этапа в развитии экономической реформы, этапа перехода от «плановой товарной экономики» к «социалистической рыночной экономике». Третий этап, начавшийся в 1992 г., проходил под лозунгом «социалистической рыночной экономики». На этом этапе формировалась новая экономическая система, где самым главным фактором стали дальнейшее расширение и развитие рынка, создание новой системы управления предприятиями, а также формирование новой системы макрорегулирования и контроля со стороны государства.

Таким образом, в теоретическом плане за 15 лет Китай прошел путь от теории социалистической плановой экономики к теории социалистической рыночной экономики, или, говоря иными словами, дозрел до понимания необходимости перехода от плана к рынку. В Китае поняли, что главным в социализме является не плановый характер экономики, а постоянное развитие производительных сил, которое обеспечивает неуклонный рост жизненного уровня для всего населения страны, и необходимость стремиться к оптимальному сочетанию плановых и рыночных форм хозяйствования в экономике. Как говорил Дэн Сяопин во время «сурегулирования» экономики после провала «большого скачка» (1958–1960 гг.), обосновывая необходимость на время отхода от централизованного управления и предоставления большей хозяйственной самостоятельности отдельным предприятиям, «не важно, какая кошка — черная или белая, лишь бы она ловила мышей». В данном случае теоретическая постановка целей экономической реформы давала новые приоритеты в экономическом строительстве, определяемые не темпами

социально-экономических преобразований и достижениями высоких плановых показателей, была направлена на формирование качественных изменений в экономике. Новый маневр в экономической политике с 1992 г. был связан с проявлением роли рыночного механизма при распределении ресурсов и совершенствованием форм и методов государственного регулирования для повышения экономической эффективности производства.

В 1990-е годы в Китае ведущими учеными-экономистами страны совместно с государственными структурами были составлены долгосрочные программы социально-экономического развития страны на 1996–2010 гг. и 2011–2030 гг. Согласно этим программам в течение 15 лет, с 1996 по 2010 г., темпы прироста ВВП должны были составить в среднем 8–9% годовых (табл.3).

Таблица 3

Среднегодовые темпы прироста ВВП КНР в 1979–2018 гг.

Годы	Темпы прироста (%)
1996–2010 (план)	8–9%, в среднем — 8,5%
1979–2010 (факт)	9,9%
1991–2010 (факт)	10,5%
2001–2010 (факт)	10,5%
2011–2030 (план)	6–7%, в среднем 6,5%
2011–2017 (факт)	6,6–9,5%
2011 (факт)	9,5%
2012 (факт)	7,9%
2013 (факт)	7,8%
2014 (факт)	7,3%
2015 (факт)	6,9%
2016 (факт)	6,7%
2017 (факт)	6,8%
2018 (факт)	6,6%

Составлено по: 1996–2050-нянь. Чжунго цзинцзи шэньхуэй фачжань чжаньлюэ — цзоусян сяньдайхуады гоусян: [1996–2050 гг. Стратегия социально-экономического развития Китая — концепция пути к модернизации] / ред. Ли Чэнсюнь. Пекин, 1997. С. 36–39; Чжунго тунцзи чжайяо — 2018. Пекин, 2018; 2018-нянь гоминь цзинцзи хэ шэньхуэй фачжань тунцзи баогао: [Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2018 году] / ГСУ КНР, 28 февраля 2019 года.

В результате показатель валового внутреннего продукта в 2010 г. должен был достичь 20 трлн юаней, а ВВП на душу населения — 14 тыс. юаней. Согласно этим программам соотношение ВВП по трем секторам экономики должно было составить 11:49:40, занятых — 34:32:34, а доля городского населения — 60% общей численности населения страны. Объем внешней торговли должен был составить 1300 млрд долл., а доля экспорта продукции обрабатывающей промышленности превышать 90%. При этом предусматривался рост жизненного уровня населения, который предполагал рост уровня потребления населения на 7% в год, средний показатель уровня потребления населения — 7400 юаней в год, соотношение между уровнем потребления в деревне и городе — 1:2, а средний размер жилой площади в городе — 14 кв.м².

В составленных в 90-е годы программах социально-экономического развития экономики КНР на 2011–2030 гг. были уже запланированы более низкие темпы роста ВВП с учетом достигнутых экономических показателей в 6–7% годовых при достижении объема ВВП 70 трлн юаней в 2030 г., а ВВП на душу населения — 45 тыс. юаней в год. При этом соотношение ВВП по трем секторам экономики должно было составить 8:42:50, доля ВВП в производстве продукции новых и высоких технологий вырасти

до 30%, а урбанизация составить 65% численности населения страны. Рост внешней торговли должен быть таким, чтобы ее доля в ВВП постоянно увеличивалась, а объем внешней торговли составил 6500 млрд долл. к 2030 г. Уровень потребления населения должен увеличиваться в среднем по 6% в год до 2030 г., соотношение между уровнем потребления в деревне и городе составлять 1:1,5, а Китай по общему уровню доходов должен войти в число стран со средневысоким уровнем доходов⁸. Также говорилось о необходимости решить экологические проблемы в стране.

Как мы видим, среднегодовые темпы прироста ВВП за годы реформ оказались довольно высокими, и КНР по темпам прироста ВВП занял 1-е место в мире: в 1979–2010 гг. — 9,9%, в 1991–2010 — 10,5%, в 2001–2010 гг. — 10,5% (табл.3). Только за годы реформы с 1978 по 2019 г. объем ВВП (в юанях) вырос в 250 раз. При этом продолжался устойчивый рост производства практически всех видов промышленной и сельскохозяйственной продукции.

После вступления КНР в ВТО в 2001 г. темпы роста ВВП стали настолько заметно опережать плановые, что в 2010 г. итоговые показатели объема ВВП — 41,3 трлн юаней и ВВП на душу населения — 29 762 юаня в год более чем в 2 раза были выше плановых⁹. В дальнейшем после 2011 г. темпы экономического роста стали снижаться, и, по определению председателя КНР Си Цзиньпина, возникло состояние «новой нормальности» экономики, определяющейся более низкими темпами роста из-за уже достигнутых высоких показателей, заметно превышающих намеченные планы социально-экономического развития.

По многим другим индикативным показателям также было достигнуто заметное превышение в 2010 г. В частности, соотношение ВВП по трем сферам экономики составило уже 10,2:46,9:40,2 по сравнению с 11:49:40. Однако по доле занятости в трех сферах экономики — 38:28:34, доля занятых в сфере сельского хозяйства осталась относительно высокой по сравнению с планируемыми показателями — 34:32:34. По объему внешней торговли в 2010 г. показатель был превышен более чем в два раза, доля продукции обрабатывающей промышленности также превысила показатель 90% от объема экспорта¹⁰.

Особо следует остановиться на анализе показателей жизненного уровня населения Китая. В 2010 г. был в очередной раз пересмотрен показатель «линии бедности», который составил 2300 юаней (340 долл.) на человека в год, или около 1 долл. в день. В то время такого, проживающего ниже «линии бедности», населения насчитывалось 165,7 млн человек (17,2% населения страны). Большую часть проживающих ниже «линии бедности» составляли крестьяне. Разрыв в доходах между жителями города и деревни составлял 1:3 в 2010 г., в то время как планировалось, что этот разрыв должен составить 1:2; средний доход потребления составил 9965 юаней в год на человека, что выше прогнозируемого — 7400 юаней в год на человека, а показатель средней жилой площади на человека — 31,6 кв.м более чем вдвое превысил прогнозируемый показатель — 14 кв. м на человека¹¹.

В дальнейшем в 2018 г. многие показатели также заметно превысили прогнозируемые. В частности, объем ВВП составил 90,0 трлн юаней, что заметно превышает прогнозируемый на 2030 год, а ВВП на душу населения — 64 644 юаней на человека значительно выше прогнозируемого на 2030 год — 45 000 юаней в год. Также уровень распределяемых доходов в 2018 г. — 28 228 юаней превысил прогнозируемый показатель на 2030 г. — 25 000 юаней в год. Для борьбы с бедностью были внесены поправки в Закон о подоходном налоге в августе 2018 г., и в результате поправок при сохранении прогрессивных ставок подоходного налога необлагаемый налоговый минимум с начала 2019 г. составил 60 тыс. юаней в год (или 5000 юаней в месяц), что затрагивает более 2/3 населения страны¹².

Комплекс мер по контролю за формированием рыночной экономики при переходе от плановой экономики дал свои конкретные результаты за 40 лет реформы, выраженные высокими средними темпами роста валового внутреннего продукта, снижением доли расходов госбюджета в объеме ВВП, значительным увеличением инвестиций в основ-

ные производственные фонды и постоянным ростом их доли в объеме ВВП, ростом потребительских доходов населения при сохранении низкой инфляции. Однако эти процессы в экономике КНР шли наряду с быстрым ростом денежной массы M2 в обращении, куда включается не только сумма наличной денежной массы в обращении (M0) плюс сумма текущих счетов на балансе (M1), но и срочные вклады, вклады в сберегательных кассах и прочие депозиты. В результате государственного контроля за денежным обращением и процессами ценообразования и быстрым ростом инвестиций в инфраструктуру и основные производственные фонды темпы инфляции в Китае были чрезвычайно низкими по сравнению с другими странами с переходной экономикой в Восточной Европе и особенно в России.

В 1993 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 14-го созыва в ходе реализации лозунга «социалистическая рыночная экономика» впервые было сформулировано положение о формировании новой структуры имущественных прав по мере их развития и постоянного увеличения доли предприятий смешанных форм собственности. Одной из особенностей принятого на этом пленуме Решения является определение принципов имущественных прав на современном этапе и задач по их обеспечению. Важность этой проблемы возрасала по мере углубления реформы. 3-й пленум ЦК КПК, определив курс реформы государственных предприятий в строительстве системы современных предприятий, отметил, что четкое определение имущественных прав должно стать ее первоочередной особенностью. Построение рациональной структуры имущественных прав (прав акций) не ведет к диверсификации субъектов инвестирования, но и является основополагающим требованием трансформации государственных предприятий в компании. Проведение реформы управления государственным имуществом невозможно без уточнения и определения имущественных прав собственника и инвесторов. Реформа коллективных предприятий по своей сути является реформой имущественных прав, а построение и совершенствование системы охраны частного имущества — это ключевое звено дальнейшего развития экономики необщественной собственности.

В 1997 г. в докладе на XV съезде КПК было выдвинуто положение о возможности и необходимости диверсификации форм реализации общественной собственности, что должно дополнительно стимулировать развитие производительных сил. Также подтверждалось, что акционерная система является одной из форм организации капитала на современных предприятиях, которая приведет к разделению между собой права собственности и права хозяйствования, повышению эффективности предприятий и использования капитала. Специально было отмечено, что акционерная система может быть эффективно использована как при капитализме, так и при социализме.

В 1999 г. 4-й пленум ЦК КПК 15-го созыва подчеркнул, что для крупных и средних государственных предприятий оптимальной формой является акционерная форма предприятий. После проведения акционирования предприятий, размещения их акций на фондовом рынке, стимулирования покупки их акций отечественными компаниями и иностранным капиталом становится реальным осуществить перестройку акционерных предприятий. На акционерных предприятиях государство оставалось основным держателем акций, что позволяло расширять сектор смешанной экономики.

В 2002 г. в материалах XVI съезда КПК данное положение было расширено и углублено. В них была сформулирована цель развития смешанного сектора экономики за счет усиленного расширения акционирования государственных предприятий за исключением небольшого числа унитарных государственных предприятий.

С 1990-х годов главной задачей реформы в сфере преобразования отношений собственности и управления предприятиями стал переход от управления отдельными предприятиями к корпоративной системе управления через создание компаний, от управления товарными потоками к управлению финансовыми потоками, от управления предприятия единственным инвестором к управлению группой инвесторов.

Особое значение приобретает совершенствование системы управления государственным имуществом. Как показала практика реформы 80-х — 90-х годов, эффективность управления предприятиями государственного сектора была ниже эффективности управления предприятиями других форм собственности по различным показателям, начиная от объема убытков и затрат на единицу инвестированного капитала и кончая наличием избыточной рабочей силы на предприятиях как в цехах, так и среди административно-управленческого персонала.

Китай прошел долгий путь от плановой к рыночной экономике, от государственной и коллективной форм собственности к многообразным ее формам, где все большее место стали занимать различные формы частной и индивидуальной собственности. Это было зафиксировано в четырех сериях поправок к Конституции КНР 1982 года, как показано в табл. 4.

В результате за годы реформы произошли принципиальные изменения в структуре занятости населения КНР. В 1978 г. практически все население было занято на предприятиях государственного сектора или в огосударствленных народных коммунах и на коллективных предприятиях, которые по форме управления мало чем отличались от государственных. Однако с 90-х годов все большая часть населения переходила на предприятия негосударственной собственности (или, как указывалось в Конституции КНР, — «предприятия неособственности»). В результате в XXI веке резко уменьшилась доля занятых на государственных предприятиях — как по абсолютной численности, так и по доли занятых, а все больше людей были заняты на предприятиях других форм собственности, в том числе частной и индивидуальной. В частности, доля занятых на частных предприятиях в 2017 г. составила 17% экономически активного населения, а на индивидуальных предприятиях — 12%, не говоря уже о росте занятых на предприятиях с участием иностранного капитала, в акционерных компаниях, компаниях с ограниченной ответственностью и т.д.¹³

Одной из основных задач реформы стало формирование рыночной инфраструктуры в стране с плановой экономикой. Для решения этого вопроса руководство КНР обратило особое внимание на три основных составляющих рыночной инфраструктуры: инвестиционный спрос, внутренний рынок и система ценообразования. В Китае в ходе проведения экономической реформы было признано, что *товарам являются не только средства производства, но и факторы производства*. Реформа системы ценообразования — это главное при формировании рыночного механизма, где существуют рынок капитала, рынок информации и рынок рабочей силы. Иными словами, в Китае признали наличие не только рынка средств производства и предметов потребления, но и наличие *рынка факторов производства*, таких как рынок капитала, рабочей силы, техники и технологии, информации и др.

Вместе с тем для развития всех видов рынков — средств производства, предметов потребления и факторов производства в ходе экономической реформы в КНР основным инструментом был избран контроль над ценообразованием. На первых этапах реформы в 80-х — 90-х годах был взят курс на государственный контроль над ценами и сохранение директивных цен на основные сырье и материалы при установлении так называемой «двухколейной» системы цен (*шунгуйчжи цзяге*), в результате использования которой китайскому руководству удалось снизить инфляцию издержек и не допустить ее выхода из-под контроля. Опыт Китая в сфере перехода к рынку и либерализации цен показывает, что главным является формирование механизма ценообразования в условиях рынка, а также государственный контроль над ценами в условиях наличия монополии покупателя (государственные закупки сельскохозяйственной продукции, торговля факторами производства) и необходимость сохранения в течение довольно длительного периода времени «двухколейной» системы цен на средства производства, а по мере формирования институциональных основ функционирования рыночного механизма ценообразования — ее устранения.

Таблица 4

Изменения в Конституции КНР с 1988 по 2004 г.

1988	<i>Статьи 10 и 11.</i> Легализация частных хозяйств и разрешение на аренду земли.
1993	<i>Статья 15.</i> Преобразование государственного сектора экономики (<i>гоин цзинцзи</i>) в сектор экономики, основанный на государственной собственности (<i>гою цзинцзи</i>).
1999	<i>Введение к Конституции КНР</i> Китай будет в течение длительного времени находиться на начальной стадии социализма. <i>Статья 5.</i> КНР управляется согласно закону и становится социалистическим правовым государством. <i>Статья 6.</i> Установлен принцип оплаты по труду. <i>Статья 11.</i> Частный сектор — важная составляющая социалистической рыночной экономики.
2004	<i>Введение к Конституции КНР</i> Введены понятия: 1) «три представительства» (<i>саньгэ дайбяо</i>), что означает представительство КПК интересов всего народа, включая интересы предпринимателей; 2) «социалистическая гармоническая и духовная культура» как связь «трех представительств с социалистической модернизацией»; 3) «строители социализма», то есть возникшие в период социальных перемен новые социальные слои. <i>Статья 10.</i> Изъятие или реквизиция земли возможна только при наличии соответствующей компенсации. <i>Статья 11.</i> Государство охраняет законные права и интересы индивидуальных и частных хозяйств необщественного сектора экономики. Государство поощряет, поддерживает и оказывает направляющее воздействие на развитие необщественных хозяйств, в соответствии с законом осуществляет в отношении необщественного сектора экономики контроль и регулирование. <i>Статья 13.</i> Недопустимо посягательство на имущество граждан, находящееся в частной собственности. Государство может в интересах общественных нужд и в соответствии с законом проводить изъятие или реквизицию частной собственности за соответствующую компенсацию. <i>Статья 14.</i> Государство создает и совершенствует систему социального обеспечения, которая соответствует уровню экономического развития. <i>Статья 33.</i> Государство уважает и защищает права человека.

Составлено автором.

По-прежнему государственные предприятия, несмотря на сокращение численности занятых на них, оставались стержнем китайской экономики, по-прежнему значительная часть доходов государственного бюджета формировалась за счет государственного сектора. Но по мере развития экономической реформы в Китае и перехода к ры-

ночной экономике проводились постепенные (градуалистские) преобразования на предприятиях государственного сектора, направленные на перевод их большей части со временем на самофинансирование и самокупаемость и высвобождение избыточной рабочей силы, на их превращение в предприятия акционерной формы собственности с контрольным пакетом акций у государства, на создание в стране системы крупных корпораций на базе предприятий государственной собственности.

При практической реализации реформы системы макроэкономического контроля главным вопросом стала реформа финансовой системы. В Китае с 1980 г. применяется система «разделения доходов и расходов и разделения ответственности по уровням управления». В 1994 г. уже была создана новая налоговая система, разделенная на центральную и местную. В 80-е — 90-е годы была создана система макрорегулирования и контроля, во главе которой стоял Центральный банк, чьи функции были возложены на Народный банк Китая. Он контролировал и направлял деятельность государственных отраслевых, региональных и коммерческих банков. В Китае действовали четыре основных отраслевых банка — Торгово-промышленный, Сельскохозяйственный, Строительный и Банк Китая (для проведения внешнеэкономических операций). В то же время в стране начали действовать акционерные банки, кооперативные кредитные товарищества и иностранные банки.

Китайский опыт реформы системы макроконтроля показывает, что и в рыночной экономике по-прежнему может быть важна роль государства. Государство освобождает себя от постоянного административного контроля за деятельностью субъектов рынка. Но это делается постепенно, по этапам, на протяжении более 20 лет при сохранении контроля за основными отраслями экономики посредством проведения валютно-финансовой политики через бюджет, налоги, цены, учетную ставку, кредит и другие инструменты финансовой политики, а также посредством издаваемых законодательной и исполнительной властью правовых нормативных документов, обеспечивая, таким образом, возможности для создания и развития предприятий различных форм собственности и рыночной конкуренции между ними.

В 1990-е годы на новом витке реформы государство в КНР по-прежнему продолжало играть важную роль в управлении экономикой страны. Хотя в китайской прессе все меньше и меньше говорилось о руководящей и направляющей роли КПК, о диктатуре пролетариата, тем не менее основные ориентиры экономической жизни в стране по-прежнему определялись на сессиях высшего законодательного органа КНР — Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) и высшего консультативного органа КНР — Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) ежегодно в марте.

Однако, несмотря на повышение жизненного уровня населения в масштабах всей страны, в ходе проводимой реформы в конце 90-х годов уже не достигался не только «оптимум по Парето» (без ущерба при выгоде для определенных социальных слоев), но и «оптимум по Калдору» (интересам части социальных групп наносится ущерб при последующей компенсации за него). В этой обстановке по мере изменения структуры собственности и форм распределения социальные противоречия продолжали нарастать¹⁴. Как показало проведенное Орготделом ЦК КПК обследование социально-экономической и политической обстановки в стране в 1999–2000 гг., в процессе проведения экономической реформы появилось много различных социальных проблем в обществе, которые при определенных обстоятельствах могли подорвать руководящую роль КПК.

Методологической основой для проведения обследования Орготделом ЦК КПК в 2000–2001 гг. послужила речь председателя КНР Цзян Цзэминя на торжественном собрании по случаю 20-летнего юбилея 3-го Пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.). Он сказал: «В ходе реформы и открытости и развития социалистической рыночной экономики внутри народа проявляется все больше противоречий, некоторые из них прорываются каждый день, это необходимо добросовестно изучать и правильно решать

политические проблемы»¹⁵. В свое время в феврале 1957 г. в аналогичной ситуации была издана статья Мао Цзэдуна о противоречиях внутри народа, где все противоречия делились на *антагонистические* и *неантагонистические*. В инициированном Орготделом ЦК КПК и Высшей партийной школой ЦК КПК обследовании была сделана попытка с помощью анализа сравнительных показателей и углубленного изучения вопроса проанализировать в целом важнейшие проявления, особенности и причины противоречий внутри народа и выработать предложения по проведению политики в этом вопросе. Следует обратить особое внимание на то, что авторы данного обследования оценивали характер всех противоречий внутри народа в новой обстановке как *неантагонистические*.

Как упомянуто выше, в ходе проводимой реформы в конце 90-х годов уже не достигался и «оптимум по Калдору», и в этой обстановке по мере изменения структуры собственности и форм распределения социальные противоречия продолжали нарастать. Таким образом, основной задачей КПК в тех условиях стало проведение такой социально-экономической политики, которая позволила бы переломить ситуацию и достигнуть «оптимума по Калдору», то есть обеспечить необходимую компенсацию для тех социальных групп, которым был нанесен ущерб в ходе реформ.

На наш взгляд, вышеуказанные меры вполне могли бы способствовать решению вопроса. В этой ситуации главным оказалась способность КПК обеспечить последовательную реализацию всех намеченных мероприятий, повести за собой народные массы и не допустить обострения социальных противоречий. Если бы КПК оказалась на это неспособна, то социальные противоречия между различными социальными группами могли обостриться настолько, что произошло бы значительное падение темпов социально-экономического развития и снижение жизненного уровня большей части населения. В этом случае в КНР было возможно возникновение серьезного социально-экономического и политического кризиса, который мог привести к утере КПК руководящих позиций в обществе и возможному распаду государства, что произошло с СССР в начале 90-х годов.

С 2003 г. начался четвертый этап реформы, который был назван на 3-м Пленуме ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2003 г.) «этапом совершенствования социалистической рыночной экономики». В ходе нового этапа была выдвинута задача «совершенствования институциональных механизмов рыночной экономики, что включало в себя выявление ведущей роли рынка в сфере распределения ресурсов, усиление живучести и конкурентоспособности предприятий, оздоровление государственного макрорегулирования, совершенствование административного управления и функций общественных организаций (общественного сервиса), в интересах построения всестороннего общества «малого благоденствия» (*сяокан*) создание эффективной системы социального обеспечения»¹⁶. По мнению Ли Теина, являвшегося президентом АОН Китая до 2003 г., «главным принципиальным моментом в теории реформы экономической системы в Китае явилась новая постановка целей экономической реформы в условиях социализма»¹⁷.

В начале XXI века одной из главных задач экономической реформы стало создание комплексной системы управления и контроля за сохранением государственного имущества. Для решения этой задачи в КНР проводилась политика по разделению функций государственного управления и инвестирования государственных средств. В 2003 г. в КНР был создан Комитет по контролю и управлению государственным имуществом. В его обязанности входил контроль за потоками государственных средств, защита интересов собственников, включая государственные интересы, защита различных прав и интересов предприятий, которые по мере развития реформы постепенно становились субъектами рыночных отношений, поощрение предприятий вкладывать в производство часть полученной прибыли, борьба с хищениями государственных ресурсов. Кроме того, в задачи вновь созданной государственной структуры на новом этапе реформы входило также создание институциональной системы прогнозирования хозяйственной деятельности государственных предприятий и проверки результатов хозяйственной деятельности.

Для проведения реформы управления на микроуровне важное значение имело создание эффективных форм контроля и хозяйствования на государственных предприятиях.

Вместе с тем 3-й пленум ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2003 г.) обратил особое внимание на необходимость совершенствования структуры управления компаниями — юридическими лицами. Если до начала реформы подавляющее большинство предприятий не являлось юридическими лицами, не имело собственного счета в банке и управлялось на основе распоряжений и приказов из вышестоящих ведомств, то с началом реформы предприятия стали получать все больше прав в сфере оперативного управления и возможность принимать самостоятельные решения по распоряжению фондами предприятия. Это привело к постепенному преобразованию отдельных предприятий (*цзе*) в компании (*гунсы*), которые впоследствии по мере усиления финансового могущества стали преобразовываться в корпорации (*цзитуань*). Все больше предприятий стали создавать акционерные общества, выпускать акции, регистрировать их на фондовой бирже и тем самым получать возможность привлечения дополнительных источников финансирования для производственной деятельности.

В целом реформа системы управления на микроуровне должна была стать важной составной частью реформы собственности, постепенного перехода от общественных форм собственности к многообразию этих форм. Главной из них должна была стать акционерная форма собственности с контрольным пакетом акций в руках государства и привлечение на руководящие должности специалистов по конкурсу или по результатам экзаменов. В этих условиях роль партийной организации сводилась к воспитанию и подготовке высококвалифицированных специалистов для административной работы, которые могли бы соответствовать всем требованиям найма и обеспечивать защиту государственных интересов.

Не менее важной проблемой реформы оставалось развитие китайской деревни. Осуществление комплексного планирования развития города и деревни должно быть направлено на разрешение так называемой проблемы трех сельских вопросов (*сань нун вэньти*) — крестьянство (*нунминь*), сельское хозяйство (*нунье*), деревня (*нунцунь*). Кроме этого, необходимо было для усовершенствования системы аграрного землепользования осуществить строгую систему защиты пахотных земель, обеспечить крестьян и сельское хозяйство системой социального обслуживания и системой поддержки сельских рынков и помощи сельскому хозяйству.

На новом этапе реформы в соответствии с решениями XVI съезда КПК (2002 г.) основной фактор производства в китайской деревне — земля приобретала новые товарные формы. В решениях 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2003 г.) указывалось, что крестьянские дворы во время действия семейного подряда уже могут в соответствии с законом, самостоятельно и на возмездной основе передавать или переуступать права хозяйствования на земле в рамках семейного подряда, совершенствовать методы переуступки земли, постепенно увеличивать свои хозяйства до определенных размеров. При этом предусматривалось сохранение имеющихся участков пахотной земли с целью обеспечения зерновой безопасности страны. Особое внимание обращалось на процессы реформирования порядка регистрации земельных участков. Для этих целей предполагалось обратить особое внимание на систему контроля за величиной зарегистрированного размера земельного участка. В связи с тем, что на протяжении многих лет у крестьян отчуждались земельные участки с целью строительства несельскохозяйственных объектов (офисные здания, предприятия, дороги и др.), местным властям было строго предписано разграничивать использование земли под общественное и хозяйственное строительство, во время регистрации земельного участка руководствоваться общими правилами землепользования и контролировать использование земельных участков, своевременно выплачивать крестьянам разумную компенсацию за отчуждаемые и выводимые из сельскохозяйственного оборота участки земли.

В решениях 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва указывалось на необходимость создания механизма свободной миграции рабочей силы как из деревни в город, так и из города в деревню. С одной стороны, для решения этого вопроса создавалось большое количество предприятий вне сферы сельского хозяйства на уровне уездов, на которые может трудоустроиться большое количество избыточной рабочей силы из сферы сельского хозяйства. С другой стороны, местным властям предписывалось устранять сдерживающие нормативы для переезда крестьян в города с целью трудоустройства на городских предприятиях в различных отраслях народного хозяйства. В качестве основной цели руководство КНР планировало постепенно объединить городской и сельский рынки рабочей силы и создать систему равных возможностей для трудоустройства городской и сельской рабочей силы. С этой целью предполагалось провести реформу системы прописки (*хукоу*), что должно было способствовать процессам регулирования миграциями населения между городом и деревней и вовлекать избыточную сельскую рабочую силу в стабильный плановый миграционный процесс. В результате в стране стало происходить ускорение процесса урбанизации, в ходе которого в городах увеличивалась доля постоянно занятого на производстве и проживающего в городах сельского населения. В дальнейшем по мере увеличения доли постоянно работающего в городе сельского населения предполагалось предоставлять пришедшим из деревни в город социальные права, аналогичные тем, которые имеет местное население, и соответственно, возложить на них аналогичные обязанности.

Исходя из выявившихся в ходе обследования в сельской местности различных социально-экономических проблем, возникших в ходе проведения реформы, руководство КНР приняло решение о необходимости реформы налогообложения на селе, которое должно способствовать облегчению финансового бремени крестьян и дальнейшему развитию реформы. Важнейшими мероприятиями в этом направлении явилась отмена с 2006 г. сельскохозяйственного налога, ускорение принятия комплексного пакета реформ, включающего реформу административной структуры на уровне волостей и уездов, системы образования на селе и т.д.

За последние 40 лет после начала экономической реформы в конце 1970-х годов система стратегического планирования в Китае претерпела значительные изменения — от централизованного директивного планирования с определением большого количества фиксированных натуральных показателей производства продукции промышленности и сельского хозяйства до направляющего планирования с составлением долгосрочных и среднесрочных экономических и социальных программ развития народного хозяйства. В новых условиях роль государства в экономике коренным образом изменилась. Государство в Китае в условиях перехода к рыночной экономике постепенно стало менять свои прежние директивные функции основного и непосредственного участника экономической деятельности на контрольные функции организатора экономической деятельности. Важное место в деятельности государственных органов стали занимать программы строительства основных объектов, отраслевые и региональные программы, в которых практически отсутствовали фиксированные натуральные показатели, а использовалось только несколько индикативных показателей общего характера, таких как общая численность населения страны, темпы роста ВВП, показатель ВВП на душу населения и др.

40 лет экономической реформы в Китае показали, что руководство КНР и КПК нашли пути реформирования экономики. 2-я сессия ВСНП 13-го созыва (март 2019 г.) отметила, что «основные целевые задачи социально-экономического развития Китая выполнены успешно». Китай встретил XIX съезд КПК огромными успехами, которыми подвел черту под 40-летием проводимых в стране экономических реформ. При сравнении результатов социально-экономического развития Китая за этот период с результатами таких стран, как Индия и Россия, следует отметить заметный отрыв Китая от них. В частности при сравнении Китая и Индии, которые в начале 80-х годов находились

на одном уровне, Китай в настоящее время опережает Индию уже в 5 раз. 25 лет тому назад экономика России по своим масштабам была больше китайской, а в настоящее время объем российской экономики составляет всего 1/7 часть китайской¹⁸. Вот уже много лет западные средства массовой информации говорили о трудностях в китайской экономике, прогнозировали распад Китая. На этом фоне становятся особенно заметными не соответствующие реальному положению дел разрабатываемые на Западе «теории о распаде Китая» (*Чжунго бэнкуйлунь*). И как отметил в интервью китайской газете «Хуаньцю шибао» в ходе XIX съезда КПК профессор Фуданьского университета Чжан Вэйвэй, «в настоящее время “теория о распаде Китая” потеряла полный распад»¹⁹.

Показатели социально-экономического развития Китая демонстрируют зримые успехи Китая. В то время как мировая экономика время от времени попадает в полосу различных финансовых и экономических кризисов, китайская экономика уверенно движется вперед. На фоне других стран мира китайская экономика развивается более быстрыми темпами и является своего рода буксиром для мировой экономики. Китай сохраняет лидирующее положение в сфере внешней торговли — 1-е место в мире по объему экспорта и 2-е место в мире по объему импорта. В валютно-финансовой сфере Китай становится одним из основных игроков на международном финансовом рынке, и китайская валюта — юань вошла в корзину обязательного резервирования МВФ наряду с американским долларом, евро, британским фунтом и японской иеной. В социально-экономической сфере Китай тоже добился заметных успехов. Уже большая часть его населения — 59,5% превратились в городских жителей. Заметно вырос жизненный уровень населения в городе и деревне не только по сравнению с 1978 г. — первым годом реформы, но и с 2000 — началом XXI века. По средней заработной плате среди рабочих и служащих в городах в конце 2018 г. (примерно 4 тыс. юаней в месяц, или около 40 тыс. рублей в месяц) Китай уже обогнал Россию (примерно 30 тыс. рублей в месяц). Большая часть китайского населения, не только городского, но и сельского, уже охвачена различными системами социального страхования: пенсионного обеспечения, различных форм медицинского страхования, пособиями по безработице и другими видами социального страхования. Таким образом, Китай успешно реализует свою модель экономической реформы.

Однако все вышесказанное не означает, что Китай и далее будет успешно решать проблемы социально-экономического развития. По-прежнему ждут решения три основные проблемы — огромная численность населения, относительная нехватка энергоресурсов и экологическая проблема. По оценкам ряда демографов, в годы 13-й пятилетки доля экономически активного населения начала постепенно снижаться, и Китай будет вынужден ориентироваться не на привлечение большого количества занятой неквалифицированным физическим трудом рабочей силы из деревни, а на повышение производительности труда на каждом рабочем месте, в том числе и в сельском хозяйстве, то есть перейти от экстенсивных форм развития производства к интенсивным. Китай должен будет совершить переход к развитию инновационной экономики за годы 13-й пятилетки (2016–2020 гг.). Только в этом случае в Китае можно будет решить проблему избыточного количества пенсионеров и относительной нехватки природных ресурсов, а также охраны окружающей среды за счет внедрения новых энергосберегающих технологий.

* * *

В настоящее время успехи китайской экономики за 40 лет реформ показывают жизнеспособность китайской модели перехода от плановой к рыночной экономике, связанной с большой ролью государственного регулирования и значительным объемом инвестиционных программ для развития страны.

Китай по-прежнему продолжает экономическую реформу. В результате последовательного выполнения ее задач к 2050 г. должны быть достигнуты такие стратегические цели социально-экономического развития, как осуществление всесторонней социалисти-

ческой модернизации, необходимой для достижения зрелости социально-экономического развития; значительное повышение статуса страны на международной арене и выход на 1-е место в мире по совокупной государственной мощи; выход в ряды стран со средним уровнем объема ВВП на душу населения; создание зажиточной, счастливой жизни для народа; превращение страны в мощное государство с высоким уровнем материальной, правовой и духовной цивилизации²⁰.

1. Подробнее см.: Шэхуэйчжуи цзай Чжунго (1919–1965); [Социализм в Китае (1919–1965)]. Гуанчжоу, 2014. С. 295–296.
2. Там же. С. 324–325.
3. См.: Чжунго тунци няньцзянь — 1981: [Китайский статистический ежегодник — 1981]. Пекин, 1982. С. 12–13.
4. Там же. С. 21.
5. Там же. С. 421.
6. См.: История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. 9: Реформы и модернизация (1976–2009) / отв.ред. А.В. Виноградов. М., «Наука», 2016. С. 256–257.
7. См.: 1996–2050-нянь. Чжунго цзинци шэхуэй фачжань чжаньлюэ — цзоусян сяньдайхуады гоусян: [1996–2050 гг. Стратегия социально-экономического развития Китая — концепция пути к модернизации] / ред. Ли Чэнсюнь. Пекин, 1997. С. 36–38.
8. Там же. С. 39–40.
9. См.: Чжунго тунци чжайяо — 2018 (Китайский статистический справочник — 2018). Пекин, 2018. С. 21–22.
10. См.: Чжунго тунци чжайяо — 2011 (Китайский статистический справочник — 2011). Пекин, 2011. С. 26.
11. См.: Чжунго тунци чжайяо — 2011... С. 103–104, 106; Чжунго тунци чжайяо... С. 64.
12. Подробнее см.: *Островский А.В.* Закон КНР об индивидуальном подоходном налоге // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 2. С. 75–76; 2018-нянь гоминь цзинци хэ шэхуэй фачжань тунци баогао: [Статистический доклад социально-экономического развития КНР в 2018 году] / ГСУ КНР. 28 февраля 2019 г.
13. См.: Чжунго тунци чжайяо — 2018... С. 36–37.
14. См.: Подробнее см.: Чжунго дяоча баогао. 2000–2001 синь синшися жэньминь нэйбу маодунь яньцзю: [Доклад по обследованию в Китае. Исследование противоречий внутри народа в новой обстановке в 2000–2001 гг.] / ред. Юй Юньяо. Пекин: Чжунъян бяньи чубаньшэ, 2001.
15. См.: Гуанмин жибао. 24.12.1998.
16. См.: Чжунгун Чжунъян гуаньюй ваньшань шэхуэйчжуи шичан цзинци тичжи жогань вэньти дэ цзюэдин: [Решение ЦК КПК о некоторых вопросах совершенствования системы социальной рыночной экономики]. Пекин, 2003. С. 12–14.
17. См.: Цюши. 1999. № 6. С. 20.
18. См.: Чжунго тунци няньцзянь — 2016: [Китайский статистический ежегодник, 2016]. Beijing, 2016. С. 948.
19. См.: Хуаньюю шибао. 25.10.2017.
20. См.: 1996–2050 гг. Стратегия социально-экономического развития Китая... С. 24–25.

Китайская деревня накануне 70-летия образования КНР (Решающая битва за сяокан)

© 2019

Л.Д. Бони

В статье рассматриваются экстренные меры по выполнению задачи полного построения общества среднего достатка *сяокан* в деревне в преддверии 70-летия КНР. Анализируется новый курс на *первоочередное развитие сельского хозяйства, деревни*, основные «незавершенные дела» в деревне по выполнению программы *сяокан*, поставленные курсом «жесткие задачи» их решения в ближайшие два года.

Выступая «движущей силой» форсированного преодоления отставания деревни и развития, этот курс обеспечивает «первоочередную» финансовую, материальную и политическую поддержку государства, одновременно предлагает благоприятные системные условия для социально-экономического развития деревни, исходя из концепции «единства города и деревни» и их интеграционного развития.

Ключевые слова: сяокан, первоочередность развития, доходы крестьян, борьба с бедностью, размещение ресурсов, интеграционное развитие города и деревни.
DOI: 10.31857/S013128120007129-2

I

70-я годовщина со дня образования КНР совпадает с плановым завершением программы полного построения в стране общества среднего достатка *сяокан*¹. Ее завершение в срок, к концу 2020 года, приобретает глубокий исторический и политический смысл: это будет беспрецедентная победа китайского народа в достижении первой цели «столетней борьбы» на пути к «китайской мечте» — преодолению бедности и повышение благосостояния населения до уровня средней зажиточности в общенациональном масштабе всего за 70 лет существования нового Китая. И это — лучший подарок к грядущему 70-летию КНР.

Китайской деревне, крестьянству есть чем отчитаться, как положено перед славной датой, и можно гордиться результатами своих усилий за последние семь десятилетий. Прежде всего, удалось в целом решить самую трудную проблему Китая — проблему продовольственного обеспечения его огромного (почти 1,4 миллиардного) населения, проблему, еще недавно считавшуюся в принципе нерешаемой из-за острого дефицита важнейших природных ресурсов. Задача таких масштабов ставилась в мировой истории впервые. Речь идет о решении проблемы продовольственной безопасности Китая в количественном плане, при высоком уровне самообеспечения основными видами зерновых (90–95%). Комплексный потенциал производства зерна стабильно сохраняется на уровне выше

Бони Людмила Дмитриевна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: l_boni@inbox.ru.

600 млн т последние шесть лет (2018 г. — 657,89 млн т), что намного превышает плановые задачи Программы продовольственной безопасности Китая (2008–2020 гг.) — 550 млн т к 2020 г. Сегодня аграрная экономика вступила в новый этап — этап «развития качества», «зеленого развития», то есть, решения задачи совершенствования структуры производства и предложения, повышения качества, что называют задачей *обеспечения эффективного предложения важнейших видов сельскохозяйственной продукции*.

Китайская деревня внесла огромный вклад в развитие национальной экономики и превращение страны в одну из ведущих экономик мира. Этот вклад — дешевая рабочая сила, дешевая земля под промышленное и городское строительство, весомые финансовые средства (т.н. «земельные финансы») для нужд урбанизации. Но главное, с конца 50-х годов XX века долгое время сельское хозяйство, деревня, крестьянство выступали основным донором внутренних накоплений для нужд индустриализации.

Да и жизнь крестьян, этой самой многочисленной социальной группы общества (сегодня 600 млн человек), улучшилась на порядок, в преобладающей массе сельских районов ликвидирована абсолютная бедность, давно введено обязательное 9-летнее образование, обеспечен доступ к основным медицинским услугам, отлаживается система социального страхования. Последние 40 лет, со времени экономической реформы растут доходы, хоть и неравномерно: темпы роста душевого чистого располагаемого дохода населения деревни, с учетом фактора цен, составили: за 1978–1991 гг. — 9,3%, 1992–2000—4,9%, 2001–2017 гг. — 8,0% (города, за те же периоды, соответственно: 6,0%, 6,7%, 8,5%)².

Но сегодня речь о другом. В силу ряда объективных и субъективных исторически сложившихся факторов деревня оказалась «отстающим звеном» в выполнении программы полного построения общества *сяокан*. Основные из них: острое хроническое противоречие между людскими и земельными ресурсами (так называемая основная обстановка страны), неизбежные последствия урбанизации, ее «обратная сторона», и, наконец, особая роль деревни как главного донора внутренних накоплений для нужд индустриализации в течение долгого времени. Отсюда нерешенность аграрной проблемы «*сань нун*», отставание в социально-экономическом развитии от города, наконец, превращение деревни в «самое слабое звено» национальной экономики, сферу наибольшего проявления «основного социального противоречия новой эпохи» — «несбалансированности и недостаточности развития», в самое трудное и сложное звено в решении задачи полного построения *сяокан*.

В Китае всем известны слова Председателя КНР Си Цзиньпина: «*сяокан бу сяокан, яо кань лаосян*», что в переводе означает: «судьба *сяокан* зависит от деревни». Сегодня, когда осталось менее двух лет до выполнения программы, эти слова приобрели буквальный смысл: судьба *сяокан* решается на аграрном фронте, напрямую зависит от того, удастся ли деревне в оставшееся время доделать несделанное, наверстать упущенное, преодолеть отставание.

Неблагоприятное влияние оказывает и серьезно изменившаяся внутренняя и внешняя обстановка страны последнего времени. С переходом к этапу замедленных темпов экономического роста соответственно замедлились также темпы роста доходов населения, что не могло не сказаться на потреблении, внутреннем спросе. При этом в большей мере снизились темпы прироста доходов сельского населения, а поддержание опережающих темпов роста доходов сельчан — важное условие сокращения разрыва в уровне доходов населения города и деревни и выполнения критерия *сяокан* по удвоению доходов сельского населения. И хотя тенденция опережения темпов роста доходов сельчан сохраняется, но держится на низком уровне, кривые темпов прироста доходов в городе и деревне сблизились³.

О сложностях в аграрной сфере рассказал в своем интервью на сессии ВСНП Чжан Сяошань (ранее — директор Института развития деревни, КАОН, ныне — член Отделения КАОН): «Какое-то время два основных источника дохода сельского населе-

ния — доход от заработка на стороне и хозяйственный доход — не смогут расти достаточными темпами, доля имущественного дохода остается самой незначительной, и лишь переводной доход будет расти хорошими темпами... При низких доходах сельского населения внутренний спрос деревни, потребление деревни остается низким, лишь если сильно поднять доходы сельского населения, то только тогда внутренний спрос деревни смог бы служить опорой устойчивого прочного развития экономики»⁴. О сохранении низкого уровня внутреннего спроса сельского населения говорят и данные ГСУ КНР, согласно которым, в 2017 г. на долю деревни пришлось лишь 14,2% всего объема розничного товарооборота потребительской продукции страны, а в 2018 г. — 14,5%⁵. Отставание внутреннего спроса деревни проявляется не только в личном потреблении, но и в сфере бытовых и производственных услуг в деревне, отметил делегат сессии ВСНП Ли Аньцян из Гуанси-Чжуанского автономного района⁶. Другими словами, низкий внутренний спрос деревни, опирающийся на низкие доходы сельского населения, пока не в состоянии быть одним из «драйверов» роста национальной экономики, что неизбежно усиливает напряжение в выполнении основных критериев полного построения *сяокан*, прежде всего, критерия удвоения доходов крестьян.

Начиная с XVIII съезда КПК (2012 г.) руководство страны предпринимает важные стратегические шаги для ускорения развития аграрной сферы, деревни. Первым шагом съезда, его 3-го пленума (2013 г.) было *решение об углублении реформ в деревне*, предоставлении более широких имущественных прав крестьянам. Развернувшиеся в сельских районах экспериментальные проекты реформ отрабатывали теоретические, правовые и институциональные основы грядущей модернизации и смены модели аграрного развития. С 2018 г. стадия экспериментов сменилась этапом начала сельских реформ в общенациональном масштабе.

Вторым шагом стало принятие XIX съездом КПК (2017 г.) новой аграрной стратегии — *стратегии подъема деревни* (2018–2050 гг.), направленной на полное, комплексное решение аграрной проблемы Китая (*сань нун*), ускорение модернизации сельского хозяйства, деревни. *Стратегия подъема деревни* одновременно рассматривается как неотъемлемая часть общей стратегии достижения двух главных целей «столетней борьбы» — полного построения общества среднего достатка *сяокан* и социалистической модернизации Китая к середине XXI века. Самой первой задачей *стратегии подъема деревни* стала борьба за ликвидацию бедности в рамках программы *сяокан*.

Тем не менее степень и масштабы «незавершенных» дел по программе *сяокан* в деревне в усложнившейся внутренней и внешней обстановке страны потребовали новых неординарных мер. Руководство страны выдвигает *Курс на первоочередное развитие сельского хозяйства, деревни* как третий шаг с целью форсировать преодоление отставания и выполнение программы *сяокан* (Документ ЦК КПК и Госсовета КНР № 1 за 2019 г. (02.02.2019), далее Документ № 1)⁷. Документ № 1 подчеркивает, что до завершения программы полного построения общества *сяокан* осталось менее двух лет, а в деревне еще немало незавершенных «жестких задач» по *сяокан* в сфере аграрной проблемы (*сань нун*). Учитывая осложнения во внутренней и внешней обстановке страны и ограниченность сроков, успешное выполнение всех работ по линии *сяокан* в деревне является особенно важной гарантией достижения первой цели «столетней борьбы» — полного построения общества *сяокан*.

Документ № 1 дает перечень всех «жестких задач» по *сяокан* в деревне, подчеркивая обязательный характер их выполнения, дабы обеспечить безусловное достижение целей полного построения *сяокан* в срок⁸. К перечню «жестких задач» по *сяокан* прилагается конкретный развернутый план и пути их решения, фактически весь документ представляет собой цельную экстренную программу действий. Термин «жесткая задача» в Документе № 1 появился не случайно, впервые он был предложен Председателем Си Цзиньпином в значении обязательности выполнения задачи в силу ее важности.

Сам курс на первоочередное развитие сельского хозяйства, деревни в Документе № 1 представлен очень кратко, но его принятие имело широкий и сильный резонанс среди ученых и специалистов страны. Установка на «первоочередное развитие сельского хозяйства, деревни» впервые озвучена на XIX съезде КПК (2017 г.): при выдвижении *стратегии подъема деревни*, съезд указывал на необходимость следовать принципу *первоочередного развития сельского хозяйства, деревни*. Эта новая политическая установка в течение последних полутора лет фактически превратилась в важный долгосрочный политический курс. На всекитайском совещании по работе в деревне (декабрь 2017 г.) Председатель КНР Си Цзиньпин, раскрывая содержание установки на «первоочередное развитие сельского хозяйства, деревни», выделил в ней четыре сферы «первоочередности» (*сыгэ юсянь*), т.е. сферы первостепенной поддержки развития сельского хозяйства, деревни: *кадры, размещение ресурсов, инвестиции, общественные услуги в деревне*, которые позднее составили основные направления курса⁹. В сентябре 2018 г. на заседании политбюро ЦК КПК по 8-й коллективной учебе Си Цзиньпин определил значение и роль этой установки как «основного» курса реализации стратегии подъема деревни¹⁰. Но дал этот курс как часть единой схемы («пакета») стратегических направлений (курсов), которые увязаны со *стратегией подъема деревни*, представляя ее основную цель, основной курс, основное требование и системные гарантии, создавая их общий более мощный эффект, т.е. «модернизация сельского хозяйства, деревни — основная цель осуществления стратегии подъема деревни; осуществление первоочередного развития сельского хозяйства, деревни — основной курс; развитие производства, экологии, культуры, эффективное управление, благосостояние народа — основное требование; создание здорового институционального механизма интеграционного развития города и деревни — системная гарантия»¹¹. Эта конструкция «три главных, одна гарантия» (*сань цзун, и бао*) — есть «углубление закономерностей реализации стратегии подъема деревни».

Согласно Документу № 1 поставлена задача «усилить руководство КПК работой по аграрной проблеме «*сань нун*», осуществлять главный курс на первоочередное развитие сельского хозяйства, деревни», прочно утвердить это направление политики. Парткомы и правительства всех уровней должны, исходя из требований «четырёх первоочередностей» (*сыгэ юсянь*), «вести дело большой важности, взяв его на плечи и крепко держа в руках, осуществляя задачи по уровням». Суть указанных «сыгэ юсянь» такова:

1) Исходя из «первоочередности» подбора кадров для «*сань нун*», лучшие кадры полностью направлять на аграрный фронт, обращать внимание на подбор квалифицированных кадров по аграрным проблемам, пополняя партийные ячейки на всех уровнях на местах;

2) В первоочередном порядке вести работу по «*сань нун*» в части размещения ресурсов для развития, решительно уничтожать все институциональные барьеры, препятствующие свободному обращению ресурсов между городом и деревней, их равному обмену; изменить положение с односторонней утечкой ресурсов из деревни, продвигать обращение ресурсов и факторов в направлении деревни;

3) В первоочередном порядке гарантировать инвестиции средств для «*сань нуи*», сделать сельское хозяйство, деревню сферой, гарантированной в первоочередном финансировании и первоочередных услугах по кредитованию; общественные финансы в гораздо большей степени направлять на нужды «*сань нун*»; новый прирост кредитов в уездах использовать главным образом на поддержку подъема деревни; средства займов местных правительств должны в определенной пропорции использоваться для поддержки упорядочения условий быта сельского населения, инфраструктурного строительства в деревне и других ключевых сфер.

4) Обеспечить первоочередную организацию общественных услуг в деревне: продвигать унификацию критериев основных общественных услуг в городе и деревне, осуществлять перевод общественных услуг на параллельные системные колесы, переход

дить от формального милосердия к реальной справедливости. Совершенствовать общий проект первоочередного развития сельского хозяйства, деревни.

Несмотря на крайне лаконичные установки по четырем сферам первоочередной поддержки деревни, их эффект достаточно сильно чувствуется не только в практическом плане. Судя по всему, за ними стоят серьезные политические решения на самом верху руководства о полном переформатировании отношений между городом и деревней, о ликвидации двухосновной структуры системы раздельного управления общественными ресурсами города и деревни. Подтверждением этого служит появление в мае 2019 г. нового документа ЦК КПК и Госсовета КНР «Мнение о создании здорового институционального механизма интеграционного развития города и деревни и о системе политик» (см. ниже).

Рассмотрим основные «долги» деревни или т.н. жесткие задачи по *сяокан*, как объекты реализации курса на первоочередное развитие сельского хозяйства, деревни.

«Жесткие задачи» в деревне по завершению программы *сяокан*

«Незавершенные дела», или долги деревни по *сяокан*, требующие неперемногого решения как «жесткие задачи», перечисленные в Документе № 1, включают следующие: 1) ликвидация бедности; 2) развитие основ сельского хозяйства, стабилизация зернового производства, эффективное обеспечение основными видами сельхозпродукции; 3) преодоление отставания двух звеньев в социальной сфере деревни — инфраструктуре бытовых и социальных услуг и упорядочении жилой среды в деревне; 4) развитие производства в деревне, расширение каналов роста доходов крестьян, активизация новой аграрной стратегии — *стратегии подъема деревни*; 5) форсирование всестороннего углубления реформ в деревне, стимулирование новых движущих сил развития; 6) совершенствование механизма управления в деревне, обеспечение стабильности и гармонии в деревне. Министр сельского хозяйства и деревни Китая Хань Чжанфу кратко сформулировал их так: *ликвидация бедности, проблема продовольственной безопасности, удвоение доходов сельского населения, система услуг и упорядочение бытовых условий в деревне*¹².

Ликвидация бедности

В Документе № 1 задача поставлена так: стопроцентная ликвидация бедности.

Борьба с бедностью в стране ведется давно и систематически в соответствии с долгосрочными программами, заметно усилившись в последнее время. За период с 2012 по 2018 г. численность бедного (малоимущего) населения снизилась с 98,99 млн человек до 16,6 млн за последние шесть лет, количество бедных деревень сократилось со 128 000 до 26 000, из 832 бедных уездов в 2016 г. «сняли ярлык бедности» только 28, в 2017 г. — 125, а в 2018 г. — около 280 уездов. В результате сегодня уже до 85% населения страны, около 80% деревень и более 50% уездов официально покончили с бедностью, а коэффициент бедности в целом с 10,2% снизился до 1,7%; за два оставшихся года (2019 и 2020 гг.) предстоит вывести из бедности оставшиеся 16,6 млн человек и около 400 бедных уездов¹³. Сегодня борьба с бедностью сосредоточена фактически в самых отсталых и чрезвычайно бедных районах юго-западного и северо-западного Китая.

Несмотря на столь впечатляющие результаты, решение проблемы бедности стало намного сложнее, выявились совершенно новые, во многом непредвиденные моменты и проблемы, требующие изучения, больших дополнительных средств и времени. Таких «ключевых» моментов несколько:

1) За последнее время более чем удвоилась стоимостная сторона официального критерия «порога бедности», который должен гарантировать обеспечение минимальных потребностей человека, официально сформулированного как «два не беспокоиться, три гарантии» (*лян бу чоу, сань бяочжэнь*), т.е. «не беспокоиться о еде и одежде, и иметь гарантии обязательного образования, основных медицинских услуг и безопасности жилья». Об этом в своем интервью на сессии ВСНП заявил Лю Юнфу, руководитель коми-

тета Госсовета КНР по борьбе с бедностью: «При ликвидации бедности существуют строгие критерии и порядок. Что касается Центрального региона, то для снятия «ярлыка бедности» с уездов и деревень численность абсолютно бедного населения в них должна упасть ниже 2%, в Западном регионе — ниже 3%, а для ликвидации бедности дворов необходимо, чтобы к 2020 г. душевой доход их достиг 4000 юаней, чтобы гарантировать выполнение критерия «два не беспокоиться, три гарантии», и лишь достигнув этого критерия, можно апеллировать о снятии «ярлыка бедности»¹⁴. Как известно, официальный критерий «порога бедности», установленный намного раньше, составляет 2300 юаней в год в ценах 2010 г.

2) Встала серьезная проблема — преодоление хронической, или системной, бедности, когда мало поднять уровень дохода, его еще надо удержать, т.е. предотвратить вновь сползание к бедности там, где она уже ликвидирована. Для этого, прежде всего, нужно развивать производство, чтобы обеспечить занятость и поднять доход бедных дворов. Но как показала жизнь, этого мало, здесь надо осуществлять социально-экономическое развитие района в целом, особенно сферы образования и других социальных услуг, чтобы не тащить хроническую бедность из поколения в поколение. По завершении программы ликвидации бедности нужна новая программа, чтобы помочь довести эти дворы, деревни и уезды до уровня самостоятельного развития, «поставить на ноги». Согласно Документу № 1 принято решение о подключении «освобожденных» от бедности районов к стратегии подъема деревни, принятой XIX съездом КПК (2017 г.), которая как раз рассчитана на комплексное экономическое и социальное развитие деревни. Отсюда новая установка Программы — *«увязка борьбы с бедностью со стратегией подъема деревни»*.

3) Поскольку многие бедные районы одновременно являются районами плохой экологии, борьба с бедностью здесь увязывается с защитой экологии.

Государство осуществляет ряд переселенческих программ с двумя задачами — переселением определенных групп бедного населения в районы с более благоприятными условиями и обязательным осуществлением мер адресной поддержки переселенцев на новом месте. По последним данным, общая численность переселяемого населения достигает 20 млн человек, что соответствует фактически масштабам населения целого государства средних размеров¹⁵.

4) Появилась и совершенно новая серьезная проблема: при ликвидации бедности падение доли бедных семей в деревне сопровождается обострением «глубины бедности», усилением степени трудностей преодоления бедности¹⁶. Иначе говоря, после ликвидации бедности растет разрыв в доходах между бывшими «официальными» бедными семьями, преодолевшими порог бедности, и бедными семьями, доходы которых лишь несколько выше чем были у первых, но которые не вошли в число «зарегистрированных» бедных и не имели определенных преимуществ первых, а помощи от государства они не получали и не получают. Проявлением этой тенденции в последнее время стал спад темпов роста располагаемого среднедушевого дохода крестьян в деревне в группе с наименьшими доходами (т.е. в самом нижнем из пяти уровней децилей): в 2016 г. они упали на 2,6%, хотя в этот год число бедных в деревне сократилось на 12,4 млн человек¹⁷.

Китайские ученые выяснили, что причиной обострения состояния бедности является «неравное распределение доходов» при формировании структуры доходов сельских семей за счет разных источников. Оказалось, что доход от заработка в наибольшей степени влияет на «неравенство доходов» в деревне, он, в значительной мере участвует в формировании высоких доходов в семье, а доход от хозяйственной деятельности как основной больше всего характерен для семей бедняков, для группы с самыми низкими доходами. При этом, с точки зрения неравного поступления доходов от разных источников, состояние неравномерности распределения доходов в сельских семьях имеет тенденцию усиливаться¹⁸. Соответственно растет социальное неравенство в деревне в целом. «Таких людей в деревне очень много», и «государству нужно

усиливать помощь слоям бедного населения в деревне»¹⁹, подчеркивается в Документе № 1. А это неизбежно потребует повышения критерия порога бедности и расширения масштабов борьбы с бедностью.

5) Проблема качества в процессе ликвидации бедности. Подводя итоги работы по ликвидации бедности, Председатель КНР Си Цзиньпин на совещании в Чунцине во время инспекционной поездки (15–17 апреля 2019 г.) обратил особое внимание на качественную сторону проблемы борьбы с бедностью: «Мы не добьемся победы, если не решим проблему бедности». «Нужно смотреть не только на количество, но еще больше — на качество». «Снятие «ярлыка бедности» не снимает ответственности, политики, поддержки, контроля и управления... Если «проблема двух беспокойств» (т.е. питания и одежды) в основном решена, то в части «трех гарантий» еще существует немало слабых звеньев. Все районы, все организации должны обратиться на это самое большое внимание, иметь единый подход, добиваться выполнения»²⁰.

В последнее время существенно усложнились сами критерии полного *сяокан* в части касающейся качества. Председатель КНР Си Цзиньпин ввел новые образные понятия критерия «качества» на заседании Политбюро по коллективной учебе по теме *стратегии подъема деревни*, указав: «Надо исходить из реализации проблем, которые в наибольшей мере и самым непосредственным образом затрагивают интересы крестьянских масс, ускорять преодоление отставания в развитии деревни, жизни народа, чтобы многие миллионы крестьян еще больше и реальнее почувствовали перемены (*ходь гань*), чувство счастья (*синьфу гань*), чувство безопасности (*аньцюань гань*)»²¹. Сегодня этот критерий стал самым популярным в стране.

6) Наконец, жизнь потребовала поставить в повестку дня вопрос о разработке новой концепции борьбы с бедностью в стране после 2020 г. Дело в том, что проблема ликвидации бедности, которую предстоит решить к концу 2020 г., *есть проблема абсолютной бедности, относительная бедность будет существовать в стране еще очень и очень долго*²². Задача подготовки стратегии последовательного преодоления относительной бедности в стране уже поставлена, появились и первые исследования на этот счет.

Проблема продовольственной безопасности Китая

Первоочередное развитие *сельского хозяйства* согласно Программе включает главным образом задачу стабилизации зернового производства и обеспечения эффективного предложения основных видов сельхозпродукции, т.е. фактически проблему совершенствования продовольственной безопасности Китая.

*Структурная реформа в сфере предложения сельхозпродукции*²³, развернувшаяся с конца 2016 г., как раз решает задачу структурного дисбаланса спроса и предложения зерновых и других основных видов сельхозпродукции и повышения ее качества, т.е. эффективного предложения. Исходя из концепции «опора на рыночный спрос и предложение», осуществляется глубокая и трудная реформа по реструктуризации сельскохозяйственного производства отдельных культур путем снижения закупочных цен до уровня мировых, отмены старых форм дотаций и пр., что в свою очередь ведет к снижению доходов производителей. Именно это и стало одной из основных причин низких темпов прироста доходов от хозяйственной деятельности в последние годы. Только в 2018 г. на нужды «основных проектов» этой реформы государством было выделено 540 млрд юаней²⁴. Нет сомнения, что эти средства в основном пошли на дотации производителям, чтобы поддержать рост доходов в условиях снижения закупочных цен при формировании нового, рыночного механизма ценообразования. В ответ на плановое сокращение закупочных цен и посевных площадей под отдельными культурами (кукуруза и пр.) крестьяне сокращают их посевы и производство. Нестабильность посевных площадей, урожайности и производства отдельных культур неизбежно влияет на общий валовой сбор зерновых страны, что крайне нежелательно. Задача *Программы* — углубляя и расширяя масштабы

структурной реформы, стабилизировать посевы зерновых на уровне 1,65 млрд му (110,5 млн га) и производство зерновых, по крайней мере, на уровне 2018 г.²⁵, одновременно повышая уровень эффективного предложения важнейших видов сельхозпродукции²⁶.

Удвоение душевого дохода сельского населения (2010–2020 гг.)

Третья «жесткая» задача Программы состоит в «развитии производства в деревне, расширении каналов роста доходов крестьян, активизации стратегии подъема деревни», а если кратко, то: «удвоение доходов сельского населения» к 2020 г. Исходя из содержания этой задачи, основной путь повышения доходов сельского населения состоит в стимулировании новых источников их роста путем активного развертывания стратегии подъема деревни, развития различных производств. Одновременно это означает, что уже имеющиеся источники роста доходов сельчан недостаточны.

Структура дохода сельского населения специфична²⁷: главным источником его дохода сегодня является доход от заработка трудовых мигрантов в городской экономике. В 2014–2016 гг. на его долю пришлось 46,7% прироста всего дохода, а на долю хозяйственного дохода лишь 14,7%, имущественного дохода — 2,6%²⁸. По данным министерства финансов КНР, из 588 тыс. административных деревень страны в 50% вообще нет дохода от хозяйственной деятельности²⁹.

Такая модель формирования дохода сельского населения преимущественно за счет внешних источников не может быть устойчивой и надежной. Хотя доходы крестьян и растут, но потеря работы или снижение зарплаты мигранта сразу отражается на положении крестьянского двора. «Такую модель, ведущую фактически к застою и деградации деревни, надо менять», — считает директор Института развития деревни, Академии общественных наук Китая Вэй Хоукай. И объясняет почему: «С переходом к новому этапу развития и изменением внутренней обстановки две основные традиционные «движущие силы» роста доходов сельского населения — работа в сельском хозяйстве и работа в промышленности — уже постепенно ослабевают, и прирост чистого дохода крестьянского двора также может оказаться ограниченным «верхним пределом» («потолком»). В будущем трудности с ростом доходов крестьян будут постепенно нарастать, как случилось в последние годы»³⁰.

Чтобы вернуть доходу от хозяйственной деятельности ведущую роль в экономике крестьянской семьи, деревни, нужны глубокие реформы системы землепользования, хозяйственной системы, т.е. модернизация сельского хозяйства и смена самой модели развития.

Поэтому в ближайшей перспективе руководство предлагает следующие неординарные пути повышения хозяйственного дохода в деревне, такие как: 1) развитие специальных видов производств, продукция которых пользуется повышенным спросом на рынке, а именно: плодового и травяного чая, пищевых грибов, грубых зерновых и бобовых, картофеля, сырья для китайской медицины, особых видов продукции животноводства; выращивание саженцев ценных лесных пород и цветов; развитие сельской кустарной промышленности, кустарных мастерских и цехов; получение торговых марок; 2) развитие современной переработки сельхозпродукции, добиваясь увеличения прироста добавленной стоимости продукции; 3) развитие новых видов услуг, в т.ч. в сфере сбыта и снабжения продукцией, почтовых услуг, разного вида производственных услуг в сельском хозяйстве; новых видов деятельности, таких как сельский туризм и отдых, в сфере общественных услуг и пр. 4) развитие «цифровой экономики», увязывая «Интернет +» с деятельностью в разных сферах сельской экономики; 5) стимулирование оттока сельскохозяйственной рабочей силы из деревни в город, особенно в ближайшие уезды, с упором на развитие уездной экономики; 6) расширение предпринимательства и инноваций в деревне, привлекая выпускников вузов, трудовых мигрантов и отставных военных³¹.

Наверстать отставание сферы услуг и условий быта в деревне

Программа первоочередного развития деревни в ближайшие два года направлена на преодоление отставания двух самых слабых «звеньев» в жизни деревни — сферы услуг (бытовых и социальных) и условий быта сельского населения, состояние которых является собой особенно резкий контраст с городскими условиями. Разрыв в доступе к таким услугам в городе и деревне составляет, по китайским оценкам, 5–6 раз и более. По данным соответствующих органов, в 1/3 всех административных деревень нет дорог с твердым покрытием, примерно в 1/3 деревень бытовой мусор не убирается, в более 80% деревень отсутствует централизованный контроль за загрязнением воды, туалетов с безопасными санитарными условиями — меньше половины от всего их количества в деревне³².

Программа первоочередного развития деревни включает целый ряд крупных инфраструктурных проектов по трем основным направлениям.

1. *Создание адекватной инфраструктуры бытовых услуг в деревне*, в том числе: обеспечение безопасного водоснабжения деревни, усиление защиты источников питьевой воды, ускоренное решение проблемы доступности воды и проблемы безопасности питьевой воды; продвижение строительства «четырех видов хороших сельских дорог»³³, в том числе дорог внутри деревни; электрификация деревень; развитие телекоммуникаций и современных видов связи; создание современной инфраструктуры товарного обращения на уровне уездов и волостей; строительство мощностей для хранения свежей продукции; реконструкция опасного жилья и пр.³⁴.

2. *Развитие и совершенствование системы социальных услуг в деревне* включает задачи: повышение уровня и качества социальных услуг в деревне, включая образование, здравоохранение, социальное обеспечение, уход за стариками, культуру и спорт; выравнивание уровня доступа к основным социальным услугам в деревне и городе; продвижение интеграции развития обязательного образования в городе и деревне; усиление внимания к здоровью детей в деревне, дошкольному образованию и пр.³⁵.

3. *Упорядочение жилой среды в деревне*. Борьба за окружающую среду обитания сельского населения фактически стала первым важным шагом в продвижении стратегии подъема деревни. Всекитайское совещание по работе в деревне (декабрь 2017 г.) выдвинуло задачу: развернуть в деревне трехлетнюю кампанию по упорядочению среды обитания (бытовых условий) сельского населения, а правительство в свою очередь приняло специальное постановление о развертывании общенациональной кампании в сельских районах по улучшению и преобразованию облика деревни и окружающей среды, увязывая ее с началом стратегии подъема деревни. Ключевые звенья этой кампании включают разрешение проблем с мусором, загрязнением воды, реформу туалетов как важный этап преобразования облика деревни. Первое звено — организация раздельного сбора бытового мусора, внедрение его переработки и утилизации, второе — очистка сточных вод; третье — реформа туалетов. По предварительным подсчетам, на эти три цели потребуется затратить свыше 3 трлн юаней³⁶.

Форсировать всестороннее углубление реформ в деревне

С 2018 г. развернулся второй раунд сельских реформ, призванных стимулировать новые «движущие силы» развития деревни, способствовать решению поставленных «жестких задач». Все направления реформ имеют исключительно важное значение для судеб аграрного Китая, тем не менее некоторые из них сегодня оказались особо востребованными, в т.ч. реформа системы имущественного права, реформа земельной системы и ее направления (реформа земли под жилыми строениями крестьян, реформа по введению коллективной земли для строительных целей в рынок). Остановимся лишь на одной из них как на ярком примере решения «жесткой задачи» в кратчайшие сроки.

Реформа системы имущественного права на коллективное имущество в деревне призвана сыграть ключевую роль в увеличении имущественного дохода крестьян³⁷. Экс-

периментальный вариант реформы развернут уже примерно в половине всех уездов страны (более одной тысячи). На совместном заседании по вопросу о форсировании реформы — с участием всех ответственных за ее проведение в разных районах страны, под руководством министра сельского хозяйства и деревни КНР — подведены итоги экспериментов и поставлены «жесткие задачи» по реализации реформы³⁸

Только на 2019 г. поставлены две «жесткие задачи»: осуществление стоимостной оценки коллективного имущества в деревне и продвижение реформы паевой кооперации. Эти две задачи развернуты в пять «жестких работ», представленных длинным перечнем «жестких» заданий³⁹. Следует обратить внимание на огромный объем работы, впервые предпринимаемый по таким базовым вопросам коллективной экономики как эти, рассчитанной в обычных условиях на целый ряд лет, и которую теперь предстоит сделать за один год по самой трудной и сложной из реформ. В этом, видимо, и состоит суть «жесткого задания» — сделать невероятное.

Развитие интеграции города и деревни — важнейшее условие развития деревни

Вторая сторона курса на первоочередное развитие сельского хозяйства, деревни — создание новых отношений между городом и деревней, развитие их интеграции, о чем кратко заявлено в Документе, № 1. Но для реализации курса на реформирование отношений между городом и деревней нужен институциональный механизм, т.е. «системные гарантии», о чем говорил Председатель Си Цзиньпин. Новый документа ЦК КПК и Госсовета КНР — «Мнение о создании здорового институционального механизма интеграционного развития города и деревни и о системе политик»⁴⁰ (далее — Документ ЦК КПК и Госсовета КНР от 05.05.2019) как раз и есть недостающая «системная гарантия» (из схемы «три общих, одна гарантия»). Только так, через сложение этих двух курсов, — можно обеспечить эффективность самого курса на первоочередное развитие сельского хозяйства, превращение его в долгосрочный курс новой интеграционной стратегии.

Согласно Документу ЦК КПК и Госсовета от 05.05.2019 главная цель нового институционального механизма — «реформировать и создать новый тип отношений между городом и деревней, идти путем их интеграционного развития, стимулировать подъем деревни, модернизацию сельского хозяйства и деревни»; основная задача — «решительно разрушить институциональные преграды и стимулировать свободное обращение производственных факторов между городом и деревней, форсировать модернизацию сельского хозяйства и деревни»⁴¹.

В еще большей мере содержание и направленность курса раскрывают «основные принципы» или установки, заложенные в его основу:

- утвердить концепцию единства города и деревни, ставить во главу угла установку «промышленность стимулирует сельское хозяйство, город ведет деревню», создать институциональный механизм взаимной интеграции и согласованного развития города и деревни, стимулирующий плановое пространственное размещение города и деревни, размещение их ресурсов, развитие производства, инфраструктуры, общественных услуг, защиты окружающей среды;

- решительно проводить цельное, единое планирование;

- энергично ликвидировать институциональные барьеры в сфере прописки, земли, капитала, общественных услуг и пр., подготовить всестороннюю институциональную основу для интеграционного развития города и деревни⁴².

Таким образом, официально провозглашается задача ликвидации основного институционального препятствия на пути развития деревни — системы раздельного управления ресурсами города и деревни в лице ее «двухосновной структуры» и всех ее механизмов, встроенных практически во все сферы и на всех уровнях общественного произ-

водства и жизни, разделявших страну на два отдельных социума еще с конца 50-х годов XX века. Ведь роль деревни как донора внутренних накоплений для нужд индустриализации в свое время потребовала создания раздельной системы управления ее ресурсами, прекращения их свободного обращения ценой нарушения паритета отношений государственной и коллективной форм собственности, резкого ограничения имущественных и гражданских прав крестьян (установка «уходя с земли, не покидать деревню», запрет на куплю-продажу коллективной земли для строительных целей, «ножницы цен» на продукцию сельского хозяйства и промышленности и ресурсы города и деревни в соответствии с принципом «больше брать, меньше давать, жестче управлять» и пр.).

«Новый курс на интеграционное развитие города и деревни высвобождает самый большой потенциал движущих сил развития деревни», является «главным ключом к разрешению основного социального противоречия новой эпохи»⁴³, — считает глава отдела планирования Госкомитета по делам развития и реформ Госсовета КНР Чэнь Яцзюнь.

Этот курс имеет историческое значение, являясь продолжением и развитием начатого еще в 2004 г. курса на создание новых отношений между городом и деревней, известного как «две тенденции», выдвинутого 4-м пленумом ЦК КПК 16-го созыва, с его известными установками «пусть промышленность отдает долги сельскому хозяйству», «пусть город поддерживает деревню», «меньше брать, больше давать, оживлять»⁴⁴. Тем не менее понадобилось целых пятнадцать лет, чтобы эти установки превратились в реальное направление интеграционного развития города и деревни.

Разрушая институциональные барьеры раздельной системы управления городом и деревней, новый курс таким образом обеспечивает реальное включение деревни, сельского социума с его аграрной проблемой «*сань нун*» в единую общенациональную экономическую систему, в цельную стратегию развития и модернизации Китая. «Оставить 600 млн сельского населения за бортом модернизации — не соответствует общим принципам политики партии, не отвечает требованиям сути социализма... Если не поставить развитие сельского хозяйства, деревни на первоочередное место, если не принять самые жесткие меры, то невозможно будет преодолеть это отставание и действительно достигнуть двух целей «столетней борьбы»⁴⁵, — утверждает Хань Чжанфу, министр сельского хозяйства и деревни КНР. И подчеркивает: «В прошлом мы опирались на «ножницы цен» на продукцию промышленности и сельского хозяйства, на ножницы цен на ресурсы города и деревни, чтобы поддержать широкомасштабную урбанизацию и ускоренную индустриализацию. Сегодня по-прежнему продолжается эффект оттягивания городом кадров, средств, земли и других ресурсов из деревни. В настоящее время, когда размер душевого национального дохода в стране уже приближается к 10 тыс. долл. США, городское население составляет почти 60%, настал исторический этап форсировать интеграционное развитие города и деревни. Для возврата промышленностью долгов сельскому хозяйству, для поддержки городом деревни, для увеличения финансовых инвестиций подготовлены потенциальные возможности и условия. Новый стратегический курс на первоочередное развитие сельского хозяйства, деревни соответствует этапу развития, отвечает основной обстановке, велению времени. Созданы все условия для развертывания стратегии подъема деревни»⁴⁶.

На создание полноценного институционального механизма интеграционного развития города и деревни отпущено целых тридцать лет. Это — крайне сложный и трудный процесс: сначала надо разрушить все скрепы и инструменты старой институциональной системы раздельного управления городом и деревней, а затем заново создавать новую систему единого управления. Лишь его первоначальный каркас планируется создать к 2022 г., а завершить окончательно предстоит к середине XXI века⁴⁷. Масштабы реформирования отношений города и деревни путем создания нового институционального механизма интеграционного развития города и деревни огромны. Пять основных направлений формирования последнего включают: 1) сферу размещения ре-

сурсных факторов; 2) сферу основных общественных услуг; 3) сферу инфраструктуры; 4) сферу развития многоукладной экономики; 5) сферу стимулирования роста доходов населения, реформ в деревне⁴⁸, а каждая из пяти сфер, в свою очередь, охватывает еще ряд направлений (сфера размещения ресурсов, например, включает вопросы системы городской прописки для трудовых мигрантов и вопросы земельных ресурсов в целом). И в появившихся комментариях китайских специалистов на этот документ уже отмечаются две первые сферы «прорыва» — в реформе системы городской прописки для сельских мигрантов и в реформе по введению коллективной земли для строительных целей в рынок, созданию единого рынка земли под строительство в городе и деревне.

В этой упорной борьбе за *сяокан* в деревне и в стране нужна только победа. Но в любом случае новый курс, а вернее весь комплекс стратегических курсов в блоке «три основных курса, одна гарантия» открывает перед деревней новые перспективы и горизонты. И для деревни это тоже лучший подарок к 70-летию КНР.

1. Подробно см.: *Бони Л.* Построение общества среднего достатка «сяокан» в деревне Китая // *Азия и Африка сегодня*, 2017. № 12.
2. ГСУ КНР. 31.08.2018. URL: http://www.stats.gov.cn/ztjc/ztfx/ggkf40n/2018/08/t20180831_1620079.html.
3. За 2014–2016 гг. средний чистый располагаемый душевой доход населения страны в целом снизился на 1,7 процентных пунктов, в том числе в городе — на 1,2 п.п., а в деревне — на целых 3,0 п.п. Если в 2014 г. в деревне темпы роста доходов составили 9, 2%, что на 2,4 п.п. выше чем в городе, то в 2016 г. они составили только 6,2%, что лишь на 0,6 п.п. выше таковых у горожан; в 2017 г. — опережение темпов прироста доходов крестьян 0,8 п.п., в 2018 г. 1,0 п.п. (по данным ГСУ КНР).
4. *Чжан Сяошань.* Цзохао “сань нун” гуницзо цзянь чы нунье нунцунь юсянь фачжань: [Хорошо наладить работу по сань нун, продвигать первоочередное развитие сельского хозяйства, деревни] // *Жэньминь жибао*. 25.02.2019.
5. ГСУ КНР, 2018, 2019 г.
6. Ли Аньцян Цзефан нэйсю цянли цзэнцян фачжань дунли: [Высвободить потенциал внутреннего потребления, усилить движущие силы развития] // *Жэньминь ван*. 15.03.2019. URL: <http://finance.people.com.cn/n1/2019/0315/c1004-30977028.html>.
7. Документ № 1, 2019. Чжунгун чжунян гоуюань гуаньюю цзяньчы нунье нунцунь юсянь фачжань цзохао «сань нун» гуницзо дэ жогань ицзянь: [Некоторое мнение ЦК КПК и Госсовета КНР о решительном проведении первоочередного развития сельского хозяйства, деревни в работе по *саньнун*]. URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2019/02019/c1001-30806166.html>.
8. Там же.
9. *Ду Чжисюн, Шао Лянлян.* «Цзяньчы нунье нунцунь юсянь фачжань» дэ чжуняо ии цзи шисянь луцзин: [Важное значение и пути реализации курса на первоочередное развитие сельского хозяйства, деревни] // (С)1994–2019 China Academic Journal Electronic Publishing House. URL: http://www.cnki.net/http://rdi.cass.cn/rdi_cssn_jjcg/20190419449237731306.pdf.
10. Выступление Си Цзиньпина на заседании Политбюро по 8-й коллективной учебе. Ба сянцунь чжэнсин чжаньлюэ цзо вэй синь шидай «сань нун» гуницзо цзун чжуашоу: [Сделать стратегию подъема деревни ключевым звеном в работе по «*саньнун*» в новую эпоху] // *Цюши*. 2018. 21.09.
11. Там же.
12. *Хань Чжанфу.* Цзяньчы нунье нунцунь юсянь фачжань дали шиши сянцунь чжэнсин чжаньлюэ: [Решительно осуществлять первоочередное развитие сельского хозяйства, деревни, энергично продвигать стратегию подъема деревни]. URL: http://www.agri.cn/V20/SC/jjps/201904/t20190402_6366732.htm.
13. *Лю Юнфу.* Эрлин эрлин нянь пинькуньху топинь шоужу яо да 4000 юань: [В 2020 г. доход дворов, расставшихся с бедностью, должен составить 4000 юаней]. URL: <http://finance.people.com.cn/n1/2019/0308/c1004-30964216.html>.
14. Там же.
15. *Чжан Сяошань.* Указ.соч.

16. *Цзян Кэчжун, Лю Шэнлун*. Шоужу цзегоу, шоужу бу пиндэн юй нунцунь цзятин пинку: [Структура доходов, неравные доходы и бедность семей в деревне] // Чжунго нунцунь цзинци. 2017. № 8. С. 1, 13. URL: www.agri.cn/V20/SC/myyj/201806/t20180605_6165781.htm/
17. *Вэй Хоукай*. Шиши сянцунь чжэньсин чжаньлюэ дэ мубяо цзи наньдянь: [Цели и проблемы реализации стратегии подъема деревни] // Чжунго фачжань яньцзю. 2018. № 1. С. 2–8. 1994–2018 China Academic Journal Electronic Publishing House. URL: <http://www.cnki.net>.
18. Там же.
19. Документ № 1, 2019. Чжунгун чжуня гуоюань гуаньюй цзяньчы нунье нунцунь юсянь фачжань цзохао «саньнун» гунцзо дэ жогань ицзянь: [Некоторое мнение ЦК КПК и Госсовета КНР о решительном проведении первоочередного развития сельского хозяйства, деревни в работе по *сань нун*]. URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2019/02019/c1001-30806166.html>.
20. Си Цзиньпин цзай чунцин каоча бин чжучи чжаокай цзюцзе «лян бу чоу сань бајчжэн» тучу вэньти цзотаньхуэй: [Си Цзиньпин в ходе инспекционной поездки в Чунцин проводит совещание по острой проблеме «два беспокойства, три гарантии»] // Жэньминь жибао. 18.04.2019. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2019/0418/c164113-31036319.html>.
21. *Си Цзиньпин*. Ба сянцунь чжэньсин чжаньлюэ цзо вэй синь шидай «саньнун» гунцзо цзун чжуашоу: [Сделать стратегию подъема деревни центральным звеном всей работы по *саньнун* в новую эпоху]. Выступление на заседании Политбюро 19-го созыва по 8-му вопросу коллективной учебы. 21.09.2018. Цюши. 01.06.2019.
22. *Чжан Сяошань*. Указ. соч.
23. См.: *Бони Л.Д.* Реформа структуры предложения сельхозпродукции и проблема продовольственной безопасности Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 6. С. 94–107.
24. *Чжан Сяошань*. Указ. соч.
25. По данным ГСУ КНР, валовой сбор зерновых составил в 2013 г. — 601,9 млн т, 2014 — 607,0 млн т, 2015 — 621,4 млн т, 2016 — 616,2 млн т, 2017 — 617,9 млн т, 2018 — 657,89 млн т.
26. *Хань Чжанфу*. Указ. соч.
27. Доходы сельского населения в Китае формируются из четырех основных источников: 1) *дохода от заработка*, части заработной платы рабочих мигрантов в городе, отсылаемой в деревню родителям; 2) *дохода от хозяйственной деятельности* крестьянского двора, т.е. от сельского хозяйства; 3) *переводного дохода* (дотации под производство); 4) *имущественного дохода*, т.е. поступления от сдачи под залог или возмездной уступки своего права пользования коллективной землей и прочих операций с имуществом (землей).
28. *Вэй Хоукай*. Указ. соч.
29. *Чи Фулин*. Вэйюань чжичжао нунье гун гэй цэ гайгэ: паньхо туди: [Член комитета поддерживает структурную реформу в сфере предложении сельхозпродукции: оживить землю]. URL: <http://finance.people.com.cn/n1/2017/0303/c1004-29120100.html>.
30. *Вэй Хоукай*. Указ. соч.
31. Документ № 1, 2019...
32. *Хань Чжанфу*. Указ. соч.
33. Проект, предложенный Председателем КНР Си Цзиньпином.
34. Документ № 1. 2019...
35. Там же.
36. *Хань Чжанфу*. Указ. соч.
37. Предполагается все накопленное имущество коллективной экономики в деревне, оценив его рыночную стоимость, разделить между членами коллективной хозяйственной организации в виде пая или доли как имущественный доход, который можно пустить в обращение как паевое право (уступка, залог и пр.) для наращивания дохода.
38. Хань Чжанфу чжучу чжаокай цюаньго нунцунь цзити чаньцюань ячжиду гайгэ буцзи лянсьи хуэйи: [Хань Чжанфу проводит второе совместное всекитайское совещание по реформе системы имущественного права коллектива в деревне]. URL: http://www.agri.cn/V20/ZX/tpxw/201903/t20190314_6355577.htm.
39. В том числе: 1) осуществить стоимостную оценку коллективного имущества и создать механизм управления имуществом и контроля; 2) расширить масштабы экспериментов, включив в них еще 10 провинций, 30 городов, 200 уездов, чтобы в целом охватить экспериментами до 80% всех уездов страны; развернуть работу по регистрации коллективных хозяйственных организаций в деревне, чтобы к концу 2019 г. было зарегистрировано до 70% всего их числа;

- 3) изучить и дать предложения по налоговой политике для последующего ее утверждения как стимула развития коллективной экономики; вести активные поиски способов сдачи под залог и поручительство пая крестьян в коллективном имуществе; 4) ускорить работу по подготовке к принятию закона о коллективной хозяйственной организации в деревне, утвердить Правила показательных коллективных хозяйственных организаций, развернуть работу по созданию системы финансово-бухгалтерского учета в коллективных хозяйственных организациях деревни; 5) организовать и развернуть проверку реформы системы имущественного права на коллективное имущество в деревне на местах, особенно в части завершения ими стоимостной оценки имущества; продвигать реформу на местах, выполнить все «жесткие задания».
40. Документ ЦК КПК и Госсовета КНР от 05.05.2019. Чжунгун чжунян гоуюань гуаньюю цзяньли цзяншоань чэнсянь жунхэ фачжэнь тичжи цзичжи хэ чжэнцэ тисы дэ ицзянь: [Мнение о создании здорового институционального механизма интеграционного развития города и деревни]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2019-05/05/content_5388880.htm.
41. Там же.
42. Там же.
43. *Цзи Янань*. Чэнсянь жунхэ фачжэнь цзефан цзуйда цяньли: [Интеграционное развитие города и деревни освобождает самый большой потенциал движущих сил]. URL: http://www/agri/cn/V20/SC/jjps/201905/t20190507_6386702.htm.
44. *Хань Чжэньфу*. Указ. соч.
45. Там же.
46. Там же.
47. Документ ЦК КПК и Госсовета КНР от 05.05.2019...
48. Там же.

Внешнеэкономические связи Китайской Народной Республики

© 2019

В.Я. Портяков

В статье показана динамика роста внешнеторгового товарооборота Китайской Народной Республики на протяжении семи десятилетий, выявлены основные особенности современной товарной и географической структуры экспорта и импорта. Проанализированы: торговля Китая услугами, привлечение Пекином иностранных инвестиций и вывоз китайского капитала за границу. Рассмотрены особенности ведущих территориальных форм внешнеэкономической открытости страны — специальных экономических зон и экспериментальных зон свободной торговли. Показано место России во внешней торговле КНР на современном этапе.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, внешняя торговля, инвестиции, специальные экономические зоны, экспериментальные зоны свободной торговли, Россия.

DOI: 10.31857/S013128120007130-4

I

Ослабленный длительной войной с Японией и гражданской войной с режимом Чан Кайши, народный Китай с первых дней своего существования остро нуждался в импорте широкого круга промышленных и потребительских товаров. Вступление крупного контингента китайских добровольцев в войну в Корее также потребовало от Пекина наладить получение из-за рубежа вооружений и военной техники. Вполне естественно, что в этой ситуации внешнеэкономические связи рассматривались в КНР как важный инструмент обеспечения боеспособности армии и решения различных народнохозяйственных задач. В связи с введением рядом стран во главе с США, воевавших на стороне Южной Кореи под флагом ООН, жестких ограничений, а порой и запретов на торговлю с КНР, главными торговыми партнерами молодой народной республики стали социалистические страны и прежде всего Советский Союз. На его долю в 1950-е годы приходилось до половины внешнеторгового товарооборота Китая, который в условиях начавшейся индустриализации страны быстро рос и превысил в 1959 г. 4,3 млрд долл. (табл. 1). Особо важное значение имели поставки в КНР комплектного оборудования, нефти и нефтепродуктов, металлов. В китайском экспорте доминировали продукция сельского хозяйства и товары народного потребления.

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, профессор, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока». E-mail: portyakov47@yandex.ru.

Подготовлено при содействии РФФИ, проект № 18-014-00030а «Китайская Народная Республика: от специальных экономических зон к зонам свободной торговли».

Таблица 1

Внешняя торговля КНР в 1950–1977 гг. (млрд долл.)

Год	Внешняя торговля	Год	Внешняя торговля
1950	1,13	1964	3,47
1951	1,96	1965	4,25
1952	1,94	1966	4,62
1953	2,37	1967	4,16
1954	2,44	1968	4,05
1955	3,14	1969	4,03
1956	3,21	1970	4,59
1957	3,10	1971	4,85
1958	3,87	1972	6,30
1959	4,38	1973	10,98
1960	3,81	1974	14,57
1961	2,94	1975	14,75
1962	2,66	1976	13,44
1963	2,92	1977	14,80

Источник: Чжунго тунци няньцзянь 1993: [Китайский статистический ежегодник. 1993]. Пекин, 1993. С. 633 (Таблица 15–1).

Переход к политике «урегулирования экономики» после краха «большого скачка» сопровождался резким падением спроса в Китае на машины и оборудование. Одновременно возникла потребность в крупномасштабном импорте продовольствия, прежде всего зерна и сахара. Внешняя торговля КНР с начала 1960-х годов переориентируется с социалистических стран на мировой рынок, в чем свою роль сыграло и ухудшение китайско-советских отношений. При этом общий объем внешней торговли Китая на протяжении десятилетия практически не рос, что объясняется не только проблемами в экономике страны, но и влиянием официального курса «опоры на собственные силы».

С начала 1970-х годов Китай по настоянию Чжоу Эньлая отказывается от крайних форм автаркии и возобновляет выборочные закупки комплектного оборудования, например, нефтехимического в Италии. В результате за пять лет (с 1971 по 1975 г.) произошло утроение объема внешнеторгового товарооборота — с 4,85 до 14,75 млрд долл. Возглавивший Китай после смерти Мао Цзэдуна Хуа Гофэн выдвинул амбициозную программу развития страны до 1985 г. в опоре на крупномасштабный импорт комплектного оборудования из таких капиталистических стран, как Япония и Германия. Однако масштабы заказов превысили реальные финансовые возможности страны, что повлекло за собой отказ от ряда закупок и снижение объемов китайского импорта в отдельные годы начального этапа реформы (в частности, в 1982 г., в рамках проведения экономического курса «здорового и трезвого урегулирования»).

II

В пореформенный период КНР еще несколько раз претерпевала сокращение объема внешнеторгового товарооборота: в 1998 г. (на 0,4%) оно было связано с азиатским финансовым кризисом, в 2009 г. — с мировым финансовым кризисом и в 2015–2016 гг. — со значительным снижением мировых цен на нефть. В целом же в период 1978–2018 гг. внешняя торговля КНР росла весьма динамично и достаточно стабильно (табл. 2). В 2018 г. ее объем составил рекордные 4623,04 млрд долл., в том числе экспорт КНР 2487,4 млрд и импорт — 2153,64 млрд долл. Объем внешней торговли страны (в долларовом выражении) вырос примерно в 230 раз по сравнению с предреформ-

менным 1978 г., в том числе экспорт КНР увеличился в 250 раз, а ее импорт — в 210 раз. Китай с 2013 г. является мировым лидером по объему торговли товарами (за исключением 2016 г.) и экспорту, занимая 2-е место в мире по импорту. Доля Китая в мировом экспорте выросла с 0,9% в 1980 г. до 12,8% в 2018 г., а в мировом импорте — с 0,98% до 10,8%¹.

Таблица 2

Внешнеторговый товарооборот КНР в 1978–2018 гг. (млрд долл.)

Годы	Оборот	Экспорт	Импорт
1978	20,64	9,75	10,89
1980	38,14	18,12	20,02
1981	44,03	22,01	22,02
1982	41,61	22,32	19,29
1985	69,60	27,35	42,25
1990	115,44	62,09	53,35
1995	280,86	148,78	132,08
1997	325,16	182,79	142,37
1998	323,95	183,71	140,24
2000	474,29	249,20	225,09
2001	509,65	266,10	243,55
2002	620,77	325,60	295,17
2005	1421,91	761,95	659,95
2008	2563,26	1430,69	1132,57
2009	2207,54	1201,61	1005,92
2012	3867,12	2048,71	1818,41
2013	4158,99	2209,00	1949,99
2014	4301,53	2342,29	1959,23
2015	3953,63	2273,47	1679,56
2016	3685,57	2098,15	1587,42
2017	4104,50	2263,52	1840,98
2018	4623,04	2487,40	2135,64

Источники: Чжунго тунцзи чжайяо 2017: [Краткая статистика Китая 2017]. Пекин, 2017. С. 94; Хайгуань тунцзи: [Тамуженная статистика]. Пекин, 2018, № 12. Таблица 2.

Вместе с тем поскольку в экспорте КНР велика доля импортных компонентов (особенно в электронике и телекоммуникационном оборудовании), то подчас утверждается, что Китай экспортирует не столько сами товары, сколько добавленную стоимость. Собственно, реальное положение дел прекрасно осознают в Пекине, где ставят задачу превратить страну из «большой» торговой державы в «мощную», прежде всего, за счет массового освоения производства и экспорта продукции, основанной на самостоятельно разработанных технологиях и инновациях. Успехи Китая в сфере «больших данных», разработке систем связи поколения «5g», искусственного интеллекта, исследовании космоса и морских глубоководных впадин, строительстве высокоскоростных железнодорожных магистралей свидетельствуют, что стране по силам выполнить поставленные задачи, даже несмотря на препоны техническому развитию КНР, чинимые Вашингтоном.

Дешевизна рабочей силы — главное многолетнее сравнительное преимущество страны в международном разделении труда, предоставление широких льгот иностранному капиталу, постепенное снижение тарифных пошлин и смягчение нетарифных барьеров для товаров из КНР на мировом рынке после ее вступления во Всемирную торговую

организацию 11 декабря 2001 г.² — таковы основные факторы, способствовавшие постепенному выходу Китая на позиции «мировой фабрики».

Особую роль сыграло быстрое увеличение количества субъектов внешнеэкономических связей в Китае вслед за переходом страны к политике реформ и внешнеэкономической открытости. Эпоха монополии государственных экспортно-импортных компаний завершилась. На смену дуальной (в виде государственной и коллективной) по формам собственности дореформенной экономике пришло многоукладное хозяйство с динамично растущими количественно и качественно группами предприятий индивидуальной, частной, паевой и акционерной форм собственности. Высокая динамика отличала и рост числа предприятий с участием иностранных инвестиций.

В целом во внешнеторговом товарообороте КНР доля государственных предприятий упала с 42,5% в 2001 г. до 16,3% в 2017 г., а доля предприятий с иностранными инвестициями и предприятий негосударственных секторов экономики выросла за тот же период с 57,5% до 73,7%³. В 2017 г. на обычную торговлю пришлось 56,35% внешнеторгового товарооборота КНР, в т.ч. 54,3% экспорта и 58,8% импорта. Остальное дали торговля на основе переработки, операции с пересечением товарами границ беспошлинных зон, лизинг, мелкая приграничная торговля и т.п. Доля предприятий с иноинвестициями составила 44,8% в товарообороте, 43,2% в экспорте и 46,8% в импорте⁴.

В экспорте КНР в годы реформ поступательно сокращалась доля продукции первичных отраслей (прежде всего продукции сельского хозяйства и добывающего сектора) и, напротив, росла доля готовой промышленной продукции. В 1980 г. они были примерно равны. В 1996 г. соотношение снизилось до 1:3, в 2000 г. — до 1:10. На минимуме в 2015 г. доля продукции первичных отраслей составила лишь 4,8% объема китайского экспорта.

Таблица 3

Географическая структура внешней торговли КНР в 2016–2017 гг., млрд долл.

Наименование	2016			2017		
	Оборот	Экспорт	Импорт	Оборот	Экспорт	Импорт
Всего	3685,57	2098,15	1587,42	4104,50	2263,52	1840,98
Азия	1948,11	1042,27	905,84	2125,72	1096,35	1029,37
в т.ч. Индия	70,15	58,59	11,76	84,40	68,06	16,34
Япония	274,78	129,26	145,52	302,97	137,32	165,65
страны АСЕАН	452,20	255,98	196,22	514,81	279,12	235,69
Республика Корея	252,57	93,70	158,87	280,26	102,75	177,51
Тайвань	179,59	40,37	139,22	199,37	43,99	155,38
Гонконг	304,57	287,72	16,85	286,66	279,34	7,32
Европа	677,36	389,66	287,70	755,88	429,06	326,82
в т.ч. Россия	68,56	37,33	32,23	84,09	42,90	41,19
Европейский союз	547,02	339,-5	207,97	616,91	377,04	244,87
Африка	149,11	92,21	56,90	170,00	94,74	75,26
в т.ч. ЮАР	35,34	12,85	22,49	39,17	1482	24,35
Латинская Америка	216,56	113,86	102,70	257,85	130,83	127,02
в т.ч. Бразилия	67,71	21,97	45,74	87,54	28,96	58,58
Северная Америка	565,43	412,62	152,81	635,71	461,27	174,44
в т.ч. США	519,48	385,08	134,40	583,69	429,75	153,94
Океания	127,89	47,51	80,38	158,93	51,28	107,67
в т.ч. Австралия	107,95	37,29	70,66	136,26	41,44	94,82

Источник: Хайгуань тунци: [Тамозженная статистика]. Пекин, 2016. № 12. С. 114–121; 2017. № 12. С. 114–121.

В 2017 г. Китай экспортировал 1294,8 млн телефонов, в основном мобильных и беспроводных, 201,8 млн электронных вычислительных устройств (в основном различных компьютеров), 52 млн кондиционеров, 49,5 млн холодильников, 23 млн стиральных машин, 81,5 млн цветных телевизоров, свыше 1 млн автомобилей и более 8 тыс. судов. В то же время баланс в торговле интегральными схемами остается не в пользу Китая: их экспорт составил 45,2 млрд долл., а импорт — 175,9 млрд долл.⁵

В импорте КНР доля продукции первичных отраслей заметно выше, причем на ряде временных отрезков она не падала, а росла. Так, эта доля с 34,7% в 1980 г. сократилась до минимума в 13,7% в 1993 г., но вновь вернулась на уровень одной трети в первые годы текущего десятилетия.

Главный товар, стоящий за данными пертурбациями — нефть. Ее ввоз, начиная с 2000 г., рос беспрецедентными темпами и достиг в 2017 г. 419,5 млн т на 162 млрд долл. Другие крупнейшие статьи импорта Китаем продукции первичных отраслей — это железная руда (1074 млн тонн на 76,2 млрд долл., и соевые бобы — 95,5 млн тонн на 39,6 млрд долл.)⁶.

Особенности товарной структуры внешней торговли Китая в значительной мере предопределяют и ее географию. Ведущими торговыми партнерами КНР в период реформ стабильно оставались Европейский союз, где лидирует Германия, США, азиатские соседи — Япония, Республика Корея и учитываемые в статистике в качестве внешнеторговых партнеров Тайвань и Гонконг.

Более полное представление о географическом распределении внешней торговли КНР в последние годы дает табл. 3.

III

После присоединения КНР к ВТО Пекин взял на себя серьезные обязательства по открытию внешнему миру торговли услугами. Центральное правительство страны упразднило 2300 нормативных актов и ведомственных правил, не отвечавших нормам ВТО. Одновременно была принята серия нормативных актов о доступе иностранных поставщиков услуг в банковскую, страховую, строительную и транспортную отрасли. Китай активизировал международное сотрудничество и повысил свою конкурентоспособность в таких сферах, как телекоммуникации и Интернет.

Результатом стала резкая активизация торговли услугами, по объему которой Китай с 12-го места в мире переместился на 2-е. За период 2001–2017 гг. импорт услуг КНР вырос с 39,3 млрд долл. до 467,6 млрд долл. при среднегодовом приросте 16,7%. Доля страны в мировом импорте услуг приблизилась к 10%. Объем экспорта услуг Китаем вырос за тот же период с 31 млрд до 228,2 млрд долл. при среднегодовом приросте 13,3%. Несомненно, сыграло свою роль общее развитие сферы услуг в Китае. В частности, большие масштабы приобрел выездной туризм. Так, в 2017 г. за рубеж выезжали с туристическими целями 130 млн граждан КНР, израсходовавших на поездки свыше 115 млрд долл.⁷

В торговле традиционными услугами у Китая сохраняется крупное отрицательное сальдо в торговле транспортными и туристическими услугами и положительное сальдо по строительным услугам.

В торговле новыми видами услуг у Китая наиболее сильные позиции в сфере телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг. Напротив, КНР имеет существенный отрицательный баланс в обмене страховыми услугами и особенно в плате за использование прав интеллектуальной собственности (табл. 4). Впрочем, данное обстоятельство в КНР расценивают как свидетельство быстрого повышения технического уровня предприятий страны.

Таблица 4

Торговля Китая услугами в 2017 г. (млрд долл.)

Виды услуг	Объем торговли	Экспорт	Импорт	Сальдо
Услуги, всего	695,98	228,19	467,79	-239,60
Транспорт	130,10	37,12	92,98	-55,86
Туризм	293,71	38,82	254,89	-216,07
Строительство	32,50	23,93	8,57	15,36
Страхование	14,46	4,05	10,41	-6,36
Финансовые услуги	5,31	3,70	1,61	2,09
Телекоммуникационные, компьютерные, информационные услуги	46,96	27,78	19,18	8,60
Оплата использования прав интеллектуальной собственности	33,35	4,76	28,59	-23,83
Индивидуальные, досуговые и культурные услуги	3,51	0,76	2,75	-1,99
Ремонтные услуги	8,20	5,93	2,27	3,66
Услуги по переработке	18,25	18,07	0,18	17,89
Прочие коммерческие услуги	104,43	61,56	42,87	18,69
Правительственные услуги	5,16	1,70	3,46	-1,76

Составлено и рассчитано по данным: Чжунго фуу маои чжуанкуан (Фуцзянь сы): [Китай в торговле услугами. Приложение 4 к Докладу о ситуации во внешней торговле Китая. Весна 2018]. URL: images.mofcom.gov.cn/zhs/201805/20186507090736271.pdf.

По итогам 2017 г. на торговлю услугами пришлось 14,5% общего объема внешней торговли Китая товарами и услугами. Китайские эксперты полагают этот уровень недостаточным, коль скоро в международной торговле в целом данный показатель составляет порядка 20%. В частности, в 2014 г. в США он был равен 28,3%, в Германии 21,8, в Японии 23, а в Индии, специализирующейся на аутсорсинге, 35,4%⁸.

В КНР уделяют большое внимание совершенствованию торговли услугами и наращиванию ее масштабов, видя в этом важное направление своей трансформации из «большой» торговой державы в «сильную».

IV

Одним из основных направлений внешнеэкономической деятельности КНР в период реформ стало привлечение зарубежного капитала. На первых порах преобладали займы и кредиты международных финансовых организаций (Китай вступил в Международный валютный фонд и Всемирный банк в 1980 г.) и зарубежных правительств. Объем таких заимствований составил за период 1979–2000 гг. 147,14 млрд долл., в том числе 15,56 млрд — в 1979–1985 гг., 30,13 млрд — в 1986–1990, 45,58 млрд — в 1991–1995 и 55,9 млрд в 1996–2000 гг.⁹. Получение Китаем государственных займов и кредитов после 2000 г. в статистике не зафиксировано.

Вместе с тем уже в первые пореформенные годы Пекин начал активно привлекать прямые иностранные инвестиции, прежде всего в создание совместных предприятий (закон о них был принят парламентом страны летом 1979 г.). В середине 1980-х годов наряду с совместными было также разрешено создание кооперативных предприятий и предприятий, полностью основанных на иностранном капитале. Последняя форма и стала наиболее успешной: так, в 2016 г. из общего объема практически использованных иностранных инвестиций в 126 млрд долл. на совместные предприятия пришлось

30,2 млрд (около 24%), на кооперативные 0,83 млрд (0,65%), а на иностранные — 86,13 млрд долл. (68,35%). Еще 8,84 млрд долл. (7%) было использовано паевыми предприятиями с участием иностранного капитала¹⁰.

По нашей оценке, КНР за период реформ, т.е. за 1979–2018 гг., использовала в совокупности около 2,0 трлн долл. прямых зарубежных инвестиций, став одним из мировых лидеров по этому показателю.

Впрочем, элемент недоверия мирового экспертного сообщества к китайским данным по привлечению прямых иностранных инвестиций присутствует, что объясняется очень высокой долей Гонконга в их общем объеме (как правило, 60–70%) и весомым вкладом офшоров, особенно Виргинских и Каймановых островов. Предполагается, что через островные офшоры китайские предприниматели прокручивают собственный капитал с целью получения льгот, предназначенных для иностранных инвестиций. Среди других стран и регионов по объему инвестиций в КНР лидируют Япония, Сингапур, Республика Корея, США.

Отраслевая структура привлеченных зарубежных инвестиций менялась вслед за сменой приоритетов развития страны и сдвигами в структуре народного хозяйства. Из зарегистрированных в КНР на конец 2016 г. 505 тыс. предприятий с иностранными инвестициями 154 тыс. действовали в перерабатывающих отраслях, 121,5 тыс. — в оптовой и розничной торговле, 56,4 тыс. — в сфере деловых услуг, 43,2 тыс. — в информатике¹¹.

Китай обретает широкую известность не только как получатель капиталовложений из-за рубежа, но и как крупный международный инвестор. Первые китайские инвестиции за рубежом датируются серединой 1980-х годов, однако более-менее значительные масштабы они приобрели с начала 2000-х годов, вслед за провозглашением стратегии выхода отечественного капитала «вовне» (*цзоу чуцзюй*).

Во втором десятилетии XXI века масштабы инвестиций резко выросли, стали заметно меняться их география и формы. Если ранее преобладали капиталовложения в добывающие отрасли в развивающихся странах и традиционно — в Гонконг, то с 2010 г. активизируются вложения Китая в активы в США и Европе через «слияния и поглощения». Это облегчало китайскому бизнесу проникновение на рынки развитых стран и закрепление на них.

Дополнительным стимулом стала инициатива Си Цзиньпина о развитии инфраструктуры и экономического сотрудничества на маршрутах современных сухопутного и морского «шелковых путей», в которую вовлечены десятки государств. Одно из важных направлений ее реализации — вынос избыточных производственных мощностей из КНР в страны вдоль «пояса и пути», влекущий за собой инвестиции из Китая в виде оборудования, строительных услуг и т.п. Так, китайские предприятия по выплавке стали (один из главных «избыточных продуктов» в КНР) работают в Малайзии (3,5 млн т), Индонезии (3 млн т), Сербии (2,2 млн т), строятся в Индонезии (на 6 млн т), Индии (на 2 млн т) и планируются в Бразилии (2 млн т)¹². Соглашения по переносу производственных мощностей заключены с Казахстаном и Киргизией.

Китайские инвестиции за рубежом достигли пика в 2016 г., что отчасти объясняется активным выводом капиталов из страны в условиях жесткой антикоррупционной кампании, инициированной Си Цзиньпином. В 2017 г. они несколько сократились (табл. 5).

Обращает на себя внимание безоговорочное лидерство Гонконга: на него приходится свыше 57% инвестиций из КНР в 2017 г. и 54% — в их накопленном итоге. Значителен и объем вывода средств в офшоры — на Каймановы и Виргинские острова. Тем не менее Китаю в плане инвестиций удалось многого добиться в странах АСЕАН, в Австралии. Очевидна и значительная экономическая взаимозависимость между КНР и США, о чем свидетельствует солидный объем накопленных взаимных инвестиций: на конец 2018 г. инвестиции китайских предприятий в США достигли 73,17 млрд долл., а американских компаний в КНР — 85,19 млрд долл.¹³.

Таблица 5

Китайские инвестиции за рубежом в 2017 г. (млн долл.)

Страны, регионы	Инвестиции		Накопленный итог на конец 2017 г.
	2016	2017	
Всего	196 149	158 288	1809 036
Азия	130 267	110 040	1 139 323
Гонконг	114 232	91 152	981 265
Сингапур	3 171	6 320	44 568
Африка	2 398	4105	43 296
Европа	10 693	18 463	110 854
Великобритания	1 480	2 066	20 318
Германия	2 380	2 715	12 163
Франция	1 499	952	5 702
Россия	1 293	1 548	13 871
Латинская Америка	27 227	14 076	386 892
Каймановы о-ва	13 522	-6 606	249 682
Виргинские о-ва	12 288	19 301	122 060
Северная Америка	20 351	6 498	86 906
США	16 980	6 425	67 381
Австралия	4 186	4 242	36 175

Источник: Чжунго тунцзи няньцзянь 2018: [Китайский статистический ежегодник 2018]. Пекин. 2018. Таблица 11–19.

Китайские инвестиции в Европу призваны обеспечить закрепление компаний из КНР на европейском рынке и нарастить обратный поток грузов в Китай на маршруте сухопутного Шелкового пути.

Однако в последнее время наметилось более осторожное отношение к китайским инвестициям в развитых странах, особенно в США и Европе. Пекин сталкивается и со случаями отказа ряда развивающихся стран после смены правительств от строительства объектов с китайскими инвестициями. Подчас дело заканчивается пересмотром условий инвестиционных соглашений на лучших для партнеров Китая условиях (Шри-Ланка, Малайзия).

15 марта 2019 г. на 2-й сессии Всекитайского собрания народных представителей был принят Закон Об иностранных инвестициях, который вступит в силу с 1 января 2020 г. Закон обобщает основные моменты трех ранее действовавших в КНР законов — о паевых совместных предприятиях китайского и иностранного капитала, предприятиях, полностью основанных на иностранном капитале и о контрактных совместных предприятиях.

По новому закону усиливается правовая защищенность иностранного капитала и иностранных предприятий, которые получают национальный статус инвестиционной деятельности в Китае. Особое место в законе отведено защите прав интеллектуальной собственности иностранных инвесторов¹⁴.

V

Одной из важных отличительных особенностей внешнеэкономической политики КНР в пореформенный период стало апробирование различных форматов территориальной открытости. В их числе — специальные экономические зоны, открытые приморские города, районы технико-экономического развития, открытые приморские районы, зоны развития высоких технологий, зоны беспошлинной торговли и т.д. Как правило, изна-

чайно главным преимуществом этих образований была льготная ставка налогообложения — 24%, 15% и даже 10% по сравнению с уровнем подоходного налога в 33% для обычных национальных предприятий.

Согласно Докладу ЮНКТАД о мировых инвестициях — 2019, в Китае в общей сложности насчитывается 2543 особые экономические зоны, т.е. около половины таких образований во всем мире¹⁵.

Наибольшую известность и в самом Китае, и в мире обрели специальные экономические зоны (СЭЗ) «первой волны» — Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу, Сямэнь, созданные в 1980 г. В 1988 г. статус СЭЗ получил также о. Хайнань. Специальные экономические зоны сыграли поистине уникальную роль в модернизации страны и развитии внешнеэкономических связей Китая, став не только «окном в мир», «стыковочным узлом» с мировым рынком, но и экспериментальной площадкой для отработки широкого спектра реформенных нововведений — от реформы заработной платы и отпуска цен на продовольствие до создания центров валютной торговли и бирж ценных бумаг.

Очевидны и достижения в развитии самих СЭЗ. Если в 1979 г. совокупный объем валового регионального продукта (ВРП) Шэньчжэня, Чжухая, Шаньтоу, Сямэни и о. Хайнань не достигал и 4 млрд юаней, а его доля в ВВП страны составляла менее 1%, то в 2017 г. эти показатели достигли, соответственно, 3617 млрд юаней и 4,4%, а среднедушевой ВРП пяти территорий был равен 16372 долл. США — вдвое выше среднекитайского. Объем внешней торговли пяти СЭЗ вырос с 0,2 млрд долл. до 550 млрд долл., а их доля во внешнеторговом товарообороте Китая выросла с 0,4% до 13,5%¹⁶ (табл. 6).

Таблица 6

Внешняя торговля специальных экономических зон КНР в 2018 г.

Наименование	Оборот		Экспорт		Импорт	
	млрд долл.	прирост, %	млрд долл.	прирост, %	млрд долл.	прирост, %
СЭЗ в целом	615,14	9,2	335,90	1,4	279,24	20,3
Сямэнь	91,04	6,1	50,58	5,4	40,46	7,0
Шэньчжэнь	453,58	9,5	245,97	0,7	207,61	22,3
Чжухай	49,33	11,4	28,65	2,7	20,68	26,1
Шаньтоу	8,43	-4,3	6,20	-7,7	2,23	6,5
Хайнань	12,74	22,9	4,49	2,8	8,25	37,4

Источник: URL: www.customs.gov.cn/customs/302249/302274/302276/2279018.index.html (дата обращения: 11.06.2019).

Безусловным лидером здесь является Шэньчжэнь, ставший наиболее успешной китайской СЭЗ. По годовому объему внешней торговли он с начала 2000-х годов соперничает за первое место с Шанхаем, в большинстве случаев опережая его.

Внушительны и итоги привлечения Шэньчжэнем зарубежных капиталовложений. За 1979–2017 гг. здесь в общей сложности были использованы прямые иностранные инвестиции на сумму около 90 млрд долл., что составляет 4,7% от общекитайского показателя (доля ВРП Шэньчжэня в ВВП КНР — около 2,5%).

Следует подчеркнуть, что достаточно высокие параметры использования Шэньчжэнем иностранных инвестиций сохранились и после того, как в период 2008–2012 гг. ставка подоходного налога здесь была поэтапно повышена до общенационального уровня в 25% (введена в 2007 г.). Привлекательность как Шэньчжэня, так и Китая в целом, для иностранных инвесторов все в большей мере определяется емкостью китайского рынка, а не налоговыми льготами.

VI

В последние годы на роль ведущей территориальной формы внешнеэкономической открытости Китая выдвигаются экспериментальные зоны свободной торговли (ЗСТ). Первая из них была учреждена в Шанхае в сентябре 2013 г., следующая группа в составе Тяньцзиньской, Фуцзяньской и Гуандунской зон — в самом конце 2014 г. Они были призваны обеспечить освоение Китаем в сжатые сроки наиболее передовых мировых норм и правил ведения торговой и инвестиционной деятельности. Ориентир был взят на регламенты Транстихоокеанского партнерства (ТПП), полноформатное создание которого в тот период казалось неизбежным и на вступление в которое в перспективе рассчитывал и Пекин. После того как Д. Трамп отказался подписать соглашение о вступлении США в ТПП, экспериментальные ЗСТ Китая стали в большей мере ориентироваться на усиление позиций приморских регионов страны на мировых рынках товаров и услуг, на увеличение роли внутренних регионов во внешней торговле КНР и на активное содействие всех зон в целом реализации инициативы «пояса и пути». Эти цели прямо заявлены в комплексных планах развития следующих семи зон, учрежденных в августе 2016 г. — Ляонинской, Чжэцзянской, Шэньсийской, Хэнаньской, Хубэйской, Чунцинской и Сычуаньской. В апреле 2018 г. новой экспериментальной ЗСТ по инициативе Си Цзиньпина был объявлен остров Хайнань. На саммите G-20 в Осаке Председатель КНР Си Цзиньпин заявил о планах учредить в ближайшее время шесть новых экспериментальных зон свободной торговли. В конце августа 2019 г. было официально объявлено о создании ЗСТ Хэбэй, Шаньдун, Гуанси, Хэйлуцзян, Цзянсу и Юньнань.

Несмотря на непродолжительный срок существования экспериментальных ЗСТ в Китае, можно констатировать их уверенный выход из «эмбрионального» состояния. Развертывается практическая работа по привлечению китайского и иностранного бизнеса в зоны, в т.ч. в такие ранее закрытые для иностранцев сферы, как образование, здравоохранение, культура. Упрощается процедура оформления торговых сделок.

Шанхайская ЗСТ в течение ряда лет вела отработку применения принципа «негативного списка» — прозрачного и сокращающегося от года к году перечня сфер, закрытых для зарубежного капитала. Этот опыт был признан успешным и в 2018 г. распространен на весь Китай. При посещении ЗСТ Шанхай в апреле 2019 г. выяснилось, что в ее состав, наряду с первоначальным участком Вайгаоцяо (транспорт и торговля) и присоединенными позже участками Цзиньцяо (перерабатывающая промышленность), Чжаньцзян (НИОКР и высокие технологии), Лушяцзуй («финансовый город»), входит и участок бывшей Шанхайской всемирной ЭКСПО, протянувшийся на 9,5 км по берегу реки. Участок специализируется на услугах, в том числе денежно-кредитных и транспортных. В июле—августе 2019 г. ЗСТ Шанхай была увеличена практически вдвое. В ее состав был включен участок Линьган площадью 119,5 кв. км, предназначенный для развития оффшорной торговли.

В Тяньцзиньской ЗСТ на конец 2018 г. были зарегистрированы 53 тыс. новых субъектов рынка. Занимая 1% площади города, ЗСТ производит 10% ВРП города, обеспечивает четверть использованных прямых иностранных инвестиций, треть объема внешней торговли и 60% инвестиций города за рубежом¹⁷.

Гуандунская ЗСТ за период 2015–2017 гг. зарегистрировала около 210 тысяч новых предприятий, в т.ч. свыше 9600 — с участием иностранного капитала. Фактически использовано 12,85 млрд долл. иностранных инвестиций¹⁸.

ЗСТ Фуцзянь специализируется на углублении экономического взаимодействия с Тайванем. К концу 2017 г. на участке Пинтань было зарегистрировано 522 предприятия с тайваньскими инвестициями, на участке Сямэнь — 1113 предприятий¹⁹.

ЗСТ Чжэцзян ориентирована на создание на архипелаге Чжоушань крупнейшей в восточноазиатском секторе Азиатско-Тихоокеанского региона базы топливной заправки

морских судов. К 2020 г. здесь должны быть созданы хранилища нефтепродуктов емкостью 40 млн тонн, а мощности по беспопылинной заправке доведены до 5 млн тонн²⁰.

Ляонинская ЗСТ призвана содействовать ускорению развития депрессивного ныне Северо-Востока Китая и укреплению позиций страны в мирохозяйственных обменах в Северо-Восточной Азии. Рассчитывают в Ляонине и на привлечение российских инвестиций, активизацию торгово-экономических связей с Россией в целом. Показательна в этом плане публикация буклета по участку Инкоу ЗСТ Ляонин на русском и китайском языках²¹.

По состоянию на начало 2018 г., в ЗСТ Чунцин было зарегистрировано 13 055 новых предприятий (9,5% от зарегистрированных в Чунцине в целом), из них 240 — с иностранным капиталом (23,3% от городского показателя)²².

В ЗСТ Сычуань на конец 2017 г. создано 204 предприятия с иностранным капиталом, что составляет 26,1% от показателя по провинции в целом. Участок Цинбайцзян является единственным участком в ЗСТ Китая, выстроенным вокруг железнодорожного узла. В 2017 г. обеспечен проход 1012 поездов по маршруту Китай—Европа со стоимостью перевезенных грузов около 4,7 млрд долл.²³.

Хубэйская ЗСТ дает примерно треть внешнеторгового оборота провинции. По состоянию на октябрь 2018 г., в ЗСТ Хубэй зарегистрировано 19 657 новых предприятий, в т.ч. 151 предприятие с иностранным капиталом²⁴.

В ЗСТ Шэньси учреждено свыше 27 тыс. новых предприятий, внешнеторговый оборот за 2018 г. составил около 265 млрд юаней — 75% от объема внешней торговли провинции в целом²⁵.

В ЗСТ Хэнань наиболее динамично развивается участок Чжэнчжоу. По состоянию на март 2018 г., здесь учреждено 22 197 новых предприятий, в т.ч. 126 — с иностранными инвестициями. В участке Кайфэн учреждено 2500 предприятий, в участке Лоян — 2189 предприятий²⁶.

В целом обобщающих данных о ходе функционирования экспериментальных зон свободной торговли в КНР пока публикуется немного. Одним из исключений стала приуроченная к пятилетию учреждения первой ЗСТ информация о том, что за девять месяцев 2018 г. суммарный объем внешней торговли одиннадцати ЗСТ (т.е. без Хайнаня) составил 2,4 трлн юаней — 10,77% внешней торговли страны. Прирост по сравнению с тремя кварталами 2017 г. составил 14,03% — на 4,13 проц. пункта выше, чем прирост объема внешней торговли Китая в целом²⁷.

23 ноября 2018 г. было обнародовано Постановление Госсовета КНР «О некоторых новых мерах поддержки углубления реформ и новаторства в экспериментальных зонах свободной торговли». По мере его выполнения можно ожидать дальнейшей активизации деятельности самих зон и роста их вклада в реализацию задач современного этапа политики внешнеэкономической открытости КНР.

VII

Объем российско-китайской торговли в 2018 г. преодолел долгожданный рубеж в 100 млрд долл. По данным китайской таможенной статистики, двусторонний товарооборот вырос на 27,1% (наивысшие темпы прироста среди ведущих торговых партнеров КНР) и составил 107 057 млн долл., в том числе экспорт Китая в РФ вырос на 12% и достиг 47 975 млн долл., а импорт КНР из России увеличился на 42,7% — до 59 082 млн долл. Доля России во внешней торговле КНР составила 2,31%, в том числе в экспорте 1,93% и в импорте 2,76%. Среди торговых партнеров Китая Россия заняла 11-е место — вслед за США, Японией, Республикой Корея, Гонконгом, Тайванем, Германией, Австралией, Вьетнамом, Бразилией, Малайзией.

Согласно данным российской таможенной статистики, объем двусторонней торговли в 2018 г. составил 108 283,5 млн долл. (прирост на 24,5%), в т.ч. экспорт России в Китай — 56 065,5 млн долл. (прирост на 44,1%) и импорт РФ из КНР 52 218 млн (прирост на 8,7%). При некотором расхождении конкретных данных таможенных органов двух стран объемы торговли и векторы изменения их параметров совпадают. По данным официальной российской статистики, доля КНР, являющейся крупнейшим внешнеторговым партнером нашей страны, составила 12,5% в экспорте и 21,9% в импорте РФ. По внешней торговле России в целом этот показатель равен 16,36%. Можно констатировать растущую и уже очень высокую внешнеторговую «китаезависимость» России.

Главным товаром российского экспорта в Китай остается нефть, объем поставок которой в 2018 г. составил, по разным данным, 67 или 70,5 млн т. Это означает, что Россия поставляет в Китай уже более четверти всей продаваемой за рубеж нефти (260 млн т в 2018 г.).

Нарастает объем поставок в КНР российской сельхозпродукции, расширяется ее номенклатура. В то же время поставки российской продукции машиностроения (кроме номенклатуры военно-технического сотрудничества) остаются скромными, тогда как китайский машинотехнический экспорт в Россию неуклонно наращивается по объему и расширяется по номенклатуре. Согласно данным о структуре двусторонней торговли, приведенным в докладе группы экспертов РФ и КНР «Российско-китайский диалог: модель 2019», в 2018 г. доля машин и оборудования в импорте России из Китая превысила 46%, а в экспорте составила лишь 1%.

Инвестиционное взаимодействие России и Китая несколько оживилось в контексте проведения в 2018–2019 гг. Годов межрегиональных обменов и сотрудничества. По данным китайского статистического ежегодника, по состоянию на конец 2017 г. накопленные прямые инвестиции Китая в России достигли 13,87 млрд долл. (0,76% от общих инвестиций КНР за рубежом). В 2017 г. их объем составил 1548 млн долл., т.е. 1% от общего объема зарубежных инвестиций Китая.

Неблагоприятная ситуация в мировом хозяйстве, связанная с угрозой торговых войн, прежде всего, между США и Китаем, санкционным давлением Вашингтона на Россию и Иран, высокой волатильностью цен на нефть, оказывает в 2019 г. определенное тормозящее воздействие на динамику внешней торговли РФ и КНР в целом и на их двусторонний товарооборот.

По данным российской таможенной статистики, объем внешней торговли страны за пять месяцев 2019 г. снизился на 2,1% по сравнению с таким же периодом 2018 г. и составил 265,9 млрд долл. Тем не менее, торговля России с Китаем выросла на 1,9% и достигла 41,6 млрд долл. Китайская таможенная статистика зафиксировала снижение объема внешней торговли страны в первые шесть месяцев 2019 г. в долларовом выражении на 2% (2161,15 млрд долл.) при росте экспорта на 0,1% (1171,15 млрд долл.) и сокращении импорта на 4,3% (до 990 млрд долл.). Особенно сильным — на 14,2% — было снижение товарооборота КНР с США, в т.ч. китайского импорта — на 29,9%. В этой непростой ситуации торговля Китая с Россией выросла на 5,1% по сравнению с шестью месяцами 2018 г. и составила 51,77 млрд долл., в т.ч. экспорт КНР в РФ сократился на 1,6% — до 22,14 млрд, а импорт Китая из России вырос на 10,7% и достиг 29,63 млрд долл.

Ряд факторов позволяет с определенным оптимизмом оценивать перспективы российско-китайской торговли в ближайшей и среднесрочной перспективе.

Во-первых, важными элементами пополнилась транспортная инфраструктура, связывающая две страны. Завершено строительство двух мостов через Амур, ожидается начало их эксплуатации.

Во-вторых, немаловажные новые моменты появились в ключевой сфере российско-китайского экономического взаимодействия — в топливно-энергетическом комплек-

се. С вводом в строй второй ветки нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан открывается возможность дальнейшего наращивания поставок нефти из РФ в КНР. В конце 2019 г. ожидается завершение строительства восточной ветки газопровода из Сибири в Китай. Китайские нефтяные компании приобрели у НОВАТЭК 20-процентную долю в проекте сжижения газа «Арктик СПГ» мощностью 19,8 млн т²⁸. Достигнута договоренность о строительстве Россией новых энергоблоков на АЭС в Китае.

В-третьих, угроза запрета на использование американских технологий в продукции китайской фирмы «Хуавэй» — одного из крупнейших производителей смартфонов в мире — стимулирует Китай и Россию к более тесному сотрудничеству в сфере высоких технологий.

Значительный потенциал двустороннего торгово-экономического сотрудничества был продемонстрирован подписанием в ходе визита Председателя КНР Си Цзиньпина в РФ 5–6 июня 2019 г. двух десятков документов о взаимодействии РФ и КНР в конкретных сферах.

Вместе с тем необходимо видеть и слабости, а то и новые препятствия в деле наращивания масштабов и углубления двустороннего российско-китайского торгово-экономического сотрудничества. Так, в 2018–2019 гг. появились ранее отсутствовавшие сложности в оплате через китайские банки российской стороной закупаемых в КНР товаров. При этом китайская сторона подчас просто игнорировала жалобы и претензии российских бизнесменов, уклоняясь от решения проблемы по существу.

Над преодолением этих и любых других тормозящих факторов необходимо последовательно и настойчиво работать. В то же время не следует ожидать в сфере российско-китайской торговли и экономического взаимодействия каких-либо чудес, кратного роста и т.п. Кардинальный прорыв здесь возможен только в случае радикального сдвига структуры российской экономики в пользу перерабатывающих отраслей и высокотехнологичной продукции. А на это требуются не годы, а скорее десятилетия.

1. Данные за 2018 г. — пресс-релиз ВТО. URL: https://www.org/english/news_e/pres19_e/pr837_e.html (дата обращения: 22.04.2019); данные за 1980 г. — расчет по Чжунго тунци няньцзянь 1993: [Китайский статистический ежегодник 1993]. Пекин, 1993. С. 913.
2. В соответствии с обязательствами, взятыми на себя Китаем при вступлении в ВТО, общий уровень его таможенных пошлин на импорт был снижен с начальных 15,3% до 9,8% в 2010 г., в том числе на промышленные товары с 14,8% до 8,9%. Средний уровень пошлин на сельхозпродукцию был снижен с 23,2% до 15,2%, что составляет лишь четверть от среднемирового уровня пошлин на эту группу товаров. В январе 2005 г. Китай отменил импортные квоты и лицензии на 424 вида товаров, в т.ч. на автомобили, продукцию машиностроения, основные виды зерновых, хлопок, шерсть — Чжунго юй шнице маон цзучжи: [Китай и Всемирная торговая организация] // Жэньминь жибао. 29.06.2018.
3. Там же.
4. Рассчитано по: Хайгуань тунци: [Таможенная статистика]. Пекин, 2017. № 12. С. 12, 129, 154.
5. Хайгуань тунци. Пекин, 2017. № 12. С. 54–55, 64.
6. Там же. С. 167–168.
7. Чжунго юй шнице маон цзучжи...
8. China Trade Report 2016: Post—Crisis Development. Beijing, China Social Sciences Press, 2016. P. 67.
9. Данные и расчет по: Чжунго тунци чжайяо 2017: [Краткая статистика Китая 2017]. Пекин, 2017. С. 104.
10. Данные и расчет по: Чжунго тунци няньцзянь 2017: [Китайский статистический ежегодник 2017]. Пекин, 2017. Таблица 11–15.
11. Там же. Таблица 11–16.
12. Дэлтон Мэтью, Вэй Линлин. Миграция китайского металла // Ведомости. Москва. 06.06.2018.

13. Гуаньюй Чжун Мэй цзинмао цошан дэ чжунфан личан (2019 нянь 6 юэ). Чжунхуа жэньминь гунхэго гоуюань синьвэнь бань гунши: [Позиция китайской стороны о китайско-американских торговых переговорах. Канцелярия информации Госсовета Китайской Народной Республики. Июнь 2019 г.]. Пекин, 2019.
14. Китай принял новый закон об иностранных инвестициях. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0318/c31518-9557204.html> (дата обращения: 18.03.2019).
15. World Investment Report 2019 — Special Economic Zones. URL: http://unctad.org/en/publicationslibrary/wir2019_enpdf.
16. Синь шидай цзинци тэцуй дэ синь шимин син динвэй: [Новый статус и новая миссия специальных экономических зон в новую эпоху] // Жэньминь жибао. 02.09.2018.
17. Чжу Хун. Тяньцзинь цымаоцуй: икуай шияньтянь кайфан синь пинтай: [ЗСТ Тяньцзинь: экспериментальное поле, новая платформа открытости]. URL: <http://tj.people.com.cn/n2/2019/0327/c375366-32783564.html> (дата обращения: 27.03.2019).
18. 2019 Чжунго цзыю маои шияньцуй фачжань яньцзю баогао: [Доклад об исследовании развития экспериментальных зон свободной торговли Китая — 2019]. Шанхай, 2019. С. 60.
19. Там же. С. 123, 128.
20. Там же. С. 136–137.
21. См.: Район Инкоу в испытательной зоне свободной торговли (Ляонин), Китай. Буклет был любезно предоставлен автору генеральным консулом РФ в Шэньяне С. В. Черненко.
22. 2019 Чжунго цзыю маои шияньцуй фачжань яньцзю баогао... С. 171.
23. Сычуань цымаоцуй таньсо чайхуа фачжань даолу: [Сычуаньская ЗСТ ищет самобытный путь развития]. URL: http://wzs.mofcom.gov.cn/article/zt_zymysuq/column03/201805/20180502746020.shtml (дата обращения: 11.05.2018).
24. Хубэй цымаоцуй паочу гайгэ цзясуду: [ЗСТ Хубэй становится ускорителем реформы]. URL: <http://hb.people.com.cn/n2/2018/1119/c194063-32303129.html> (дата обращения: 21.11.2018).
25. Шэньси маоцуй: цзыюань цай гаосяо людун чжун цзуйци: [Шэньсийская ЗСТ: ресурсы концентрируются в высокоэффективном обороте]. URL: <http://leaders.people.com.cn/n1/2018/1123/c58278-30417348.html> (дата обращения: 24.11.2018); URL: <http://ftz.shaanxi.gov.cn/wzxw/3eaQvy.htm> (дата обращения: 30.07.2019).
26. 2019 Чжунго цзыю маои шияньцуй фачжань яньцзю баогао... С. 229–240.
27. Шаньбубу, хайгуань цзуншу чжутуй дуйвай кайфан паочу цзясуду: [Министерство коммерции и Главное таможенное управление продвигают ускорение внешнеэкономической открытости]. URL: <http://finance.people.com.cn/n1/2019/0108/c1004-30509804.html> (дата обращения: 09.01.2019).
28. Коммерсантъ. 26.04.2019.

Население Китая: новые тенденции в эпоху модернизации и экономических реформ

© 2019

Е. С. Баженова

В статье показаны основные аспекты демографического развития КНР с 1949 г. по настоящее время, те изменения, которые произошли под влиянием социально-экономических факторов и политики народонаселения за 70 лет. Отмечается, что правительство КНР и КПК связывают демографическую проблему с судьбой нации, ставя в зависимость от ее решения успехи политики модернизации, прогресс в социально-экономической сфере и достижение желанного статуса великой державы.

Ключевые слова: экономическая реформа, население, демографическое развитие, модернизация, политика народонаселения, жизненный уровень, миграции.

DOI: 10.31857/S013128120007131-5

Китайская Народная Республика — самая многонаселенная страна в Азии и на земном шаре. Число ее жителей за 70 лет — с 1949 по 2018 г. возросло в 2,6 раза, с 540 млн до 1,395 млрд человек¹. Китай являет миру самый крупный демографический конгломерат, который ежегодно прирастает на 5 млн человек. Сейчас Китай находится в длительном процессе реформ и модернизации и предпринимает огромные усилия для преодоления и устранения препятствий на их пути. Демографический фактор является одним из важнейших в период социально-экономических реформ.

Огромное число жителей, недостаточность природных ресурсов на душу населения — таковы основные реалии сегодняшнего Китая. Многие проблемы и противоречия, возникшие в ходе социально-экономического развития, тесно связаны именно с вопросами народонаселения и занятости. Демографический вопрос давно уже стал одним из главных, ключевых факторов, оказывающих влияние на движение страны вперед. В результате многолетних усилий Китай успешно нашел свой путь комплексного решения демографической проблемы — постепенно сформировалась система регулирования роста населения, в том числе его отдельных характеристик, и планового деторождения, удалось поставить под контроль чрезмерный рост численности жителей. Если Китай сможет успешно разрешать и далее проблемы народонаселения, в том числе регулировать возрастную структуру, дать адекватный ответ старению населения, это непосредственно повлияет на возможности улучшения жизни народа, повышение качества населения и, как говорят сами китайцы, «на дело возрождения нации».

Со времени образования КНР существуют явные противоречия между ростом населения и социально-экономическим развитием, использованием ресурсов и охраной окружающей среды. Это серьезно сдерживает развитие китайской экономики и общества и сказывается на жизненном уровне народа и качестве населения. Именно поэтому опти-

мизация воспроизводства населения, переход к современному его типу — краеугольные камни в фундаменте политики народонаселения руководства КНР.

Китай — страна с более чем тысячелетней историей и древнейшей культурой, достижения которой заимствовались странами Юго-Восточной Азии, Дальнего Востока и других регионов мира. Сейчас многие государства с интересом наблюдают за реформами в области социально-экономического и политического развития КНР, используют и учитывают столь нужный им опыт в решении проблем народонаселения.

Отношение руководителей страны к росту народонаселения отнюдь не было однозначным. С конца 1970-х годов осознание его значимости для перспектив развития страны обусловило целенаправленное проведение такой политики в области народонаселения, социального развития и занятости, которая должна помочь осуществлению стратегических задач, поставленных на последних съездах КПК — к 2050 г. выйти по показателю душевого валового национального продукта на уровень среднеразвитых стран и в основном осуществить модернизацию экономики.

С целью затормозить прирост населения и обеспечить стабильное повышение уровня жизни, в Китае широко практиковалась политика плановой рождаемости, поощрялись поздние браки и позднее рождение детей, проводилась политика однодетной семьи. С начала 1970-х годов китайское руководство проводило демографическую политику, направленную на ограничение числа детей в семье. Помимо контроля населения, составной частью демографической политики является повышение качества населения.

После образования КНР (1949 г.) в демографической ситуации в Китае произошли кардинальные изменения. Число жителей страны приблизилось к величине 1,4 млрд человек, закрепив за ней статус самой многолюдной страны мира. В последние десятилетия стремительную эволюцию совершили демографические показатели — рождаемости, смертности, естественного прироста, что отразилось на возрастно-половой структуре, продолжительности жизни; изменились качественные характеристики населения, усилились миграционные процессы.

Основные параметры развития населения Китая определяются демографическими тенденциями последнего десятилетия: численность населения страны увеличивалась, но коэффициенты естественного движения населения стабилизировались, достигнув умеренных величин; средние размеры семьи постепенно снижались; ускоряющимися темпами шло старение населения, особенно в крупных городах; все большее число мигрантов покидали села, чтобы заняться несельскохозяйственным трудом, бурно рос объем миграций (286 млн человек в 2018 г.)².

После образования КНР в стране было проведено пять Всекитайских переписей населения и целый ряд выборочных обследований, что является солидной базой для анализа изменений в воспроизводстве населения. Толчком к всестороннему анализу проблем народонаселения явилось проведение в 1982 г. III Всекитайской переписи населения, которая после долгого «информационного вакуума» предоставила исследователям обширные статистические материалы. Результаты этой переписи, последующих переписей и выборочных обследований населения Китая позволили ученым-демографам провести анализ основных демографических показателей, занятости, социальной структуры населения более чем за 40 лет и сделать определенные выводы о тенденциях их дальнейшего развития.

Из материалов Всекитайских переписей населения и данных выборочных обследований следует, что происходит постоянный рост численности населения КНР с преобладанием мужского населения над женским (714 и 682 млн человек, 51% и 49% соответственно в 2018 г.); уменьшение размера семьи (с 4,33 в 1953 г. до 2,97 в 2014 г.); снижение доли детей, увеличение доли населения в трудоспособном возрасте и пожилого населения в возрасте свыше 60 лет (с 1953 по 2018 г. доля детей уменьшилась с 36% до 18% — вдвое, доля трудоспособных возросла с 59% до 64%, удельный вес пожилых

возрос с 4% до 18%); в национальном составе сохраняется подавляющее преобладание китайцев (ханьцев) — свыше 90% населения; происходит постоянный рост уровня образования с увеличением доли высшего и среднего специального, происходило быстрое снижение неграмотности. Также увеличивается доля городского населения при сокращении доли сельского (с 1953 г. по 2018 г. число горожан возросло с 77 млн до 831 млн человек, численность сельских жителей — с 505 млн до 546 млн, при этом удельный вес городского населения за то же время увеличился с 13% до 60%)³.

С 1970 по 2018 г. коэффициент рождаемости снизился с 33,4 до 10,9‰ (промилле, на 1000 населения), коэффициент суммарной рождаемости (число рожденных детей на одну женщину репродуктивного возраста) с 5,80 до 1,35, коэффициент смертности — с 7,60 до 7,13 промилле, коэффициент естественного прироста — с 26,0 до 3,31 промилле; по этим показателям Китай вошел в число стран с низкой рождаемостью и смертностью. Средние размеры семьи уменьшились с 4,8 человека в 1971 г. до 2,97 человека в 2014 г.⁴ В результате за короткий период времени — чуть более 50 лет в КНР прошли две фазы демографического перехода — от высокой рождаемости — высокой смертности к высокой рождаемости — низкой смертности и от высокой рождаемости — низкой смертности к низкой рождаемости — низкой смертности. В большинстве развитых стран на этот демографический переход ушло около столетия.

Знание современной демографической ситуации в КНР позволяет нам более полно оценить возможности Китая в решении грандиозных задач, поставленных на последних съездах КПК.

Одним из главных показателей развития является численность населения страны. С одной стороны, надо развивать экономику, с другой стороны, контролировать численность населения. В течение последних десятилетий в Китае эффективно контролировался рост численности населения, и в 2000 г. число жителей страны не превысило 1,3 млрд человек, что позволило выйти на показатель ВВП на душу населения в 800 долл. Однако при снижении рождаемости, особенно при быстром её снижении, возникают другие проблемы народонаселения, такие как его *быстрое старение*, что в перспективе ведет к нехватке рабочей силы и избыточным расходам на социальные нужды. Все эти факторы в конечном счете могут замедлить поступательное движение Китая к созданию общества «малого благоденствия» в начале XXI века.

Решение правительством КНР демографических проблем во многом будет определять успехи страны в достижении основной стратегической цели — увеличение душевого валового национального продукта до уровня среднеразвитых стран мира и модернизация экономики к середине XXI века, которая может быть реализована только при осуществлении в стране крупномасштабной реформы экономической и политической системы при условии жесткого контроля за численностью населения. На наш взгляд, именно неудовлетворенность ходом реформы вывела людей на демонстрации и митинги на площадь Тяньаньмэнь в Пекине в мае—июне 1989 г., на улицы и площади других городов Китая. Темпы реформы политической системы в КНР в конце 80-х годов стали заметно отставать от темпов экономической реформы, что осложнялось непростой демографической ситуацией в это время, давлением огромного населения на еще недостаточно развитые производительные силы страны. Как показала практика, выход из состояния экономической бедности без нарушения социальной стабильности возможен при условии сбалансированного проведения экономических и политических реформ с учетом особенностей демографического развития под контролем демографической политики.

Успешное проведение реформ и поступательное развитие экономики является важной предпосылкой и надежной гарантией решения демографических проблем. Одним из факторов их нерешенности является бедность. В Китае высокая рождаемость сконцентрирована главным образом в окраинных регионах, где низок уровень сознания и просвещения населения и где не избавились от старых представлений, согласно которым

«чем больше детей, тем выше благосостояние», где предпочтение отдается мальчикам, а не девочкам. Численность крестьян, живущих за чертой бедности в селах Китая, существенно сократилась с конца 1970-х годов, а удельный вес этой когорты в общей численности сельского населения страны снизился: можно сказать, что проблема обеспечения беднейших слоев сельских жителей питанием и одеждой близка к своему решению.

По установленным в 1986 г. критериям бедности (1274 юаня), за чертой бедности проживали 26,88 млн человек (всего 2,8% населения). По новым критериям в 2011 г. уже 165,7 млн человек (7,2% населения) считались бедными и жили на доходы 2300 юаней в год (376 долл.), а в 2014 г. этот показатель снизился до 70,17 млн человек (чуть более 5% населения страны). В 2015 г. критерий бедности исчислялся среднегодовым доходом в 2800 юаней, из расчета около 2,2 долл. в день, что немного выше критерия, утвержденного Мировым банком (1,9 долл. США).

Многим решение поставленных задач — построение общества «сяокан» и ликвидация бедности в стране к 2020 г. кажется нереальным, но успехи в повышении жизненного уровня населения с конца 70-х годов показывают, что эти задачи вполне достижимы. До старта экономической реформы в начале 80-х годов более 250 млн человек (более 25% населения страны) проживали за «линией бедности». КНР успешно борется с бедностью, за последние пять лет от бедности полностью избавились 60 млн человек. Доля бедных, имеющих годовой доход ниже 2800 юаней на человека, сократилась до 4%, а общее число бедных сократилось с 82,5 млн человек в 2013 г. до 30,4 млн человек в 2017 г. и 16,6 млн в 2018 г.⁵

Генеральный план, определяющий дальнейшие перспективы социально-экономического развития Китая до 2050 г., был очерчен на состоявшемся в Пекине 18–24 октября 2017 г. XIX съезде КПК. В том числе на нем были приняты решения о том, как «выиграть три тяжелых битвы»: новый состав руководства страны в числе главных задач видит борьбу с бедностью, загрязнением окружающей среды и финансовыми проблемами. Расстановка политических акцентов показывает, что искоренение бедности рассматривается руководством КПК как важная и необходимая часть работы по обеспечению социальной стабильности⁶.

В целом XIX съезд КПК предложил своего рода «дорожную карту» построения китайского общества *сяокан* к 2020 г. и наметил основные экономические показатели на 2020 г. Программы по ликвидации бедности являются важным дополнением к решениям КПК и правительства КНР, которые последовательно проводятся в жизнь с середины 80-х годов прошлого века, служат уменьшению социальной дифференциации и вносят свой вклад в построение «общества малого благоденствия».

Особенности демографического развития КНР на современном этапе требуют активной демографической политики, в основе которой лежит экономическая стратегия китайского руководства, направленная на достижение уровня передовых стран по среднему душевому производству.

Очевидно, что одной из главных детерминант, определяющих перспективы развития Китая на ближайшие десятилетия, будет динамика численности населения и других демографических показателей. Только при условии осуществления соответствующей политики народонаселения страна сможет решить стоящие перед ней задачи — продовольственную, экологическую и множество других, достичь намеченных социальных и экономических целей. Все это обуславливает необходимость углубленного исследования проблем народонаселения и демографической политики Китая на современном этапе с целью научно обоснованного прогнозирования демографического и социально-экономического развития КНР на период до 2050 г. Анализ демографической ситуации, изучение степени воздействия на нее политики народонаселения позволит оценить и перспективы реализации социально-экономической стратегии, дать прогноз основных тенденций развития КНР в будущем.

Не имеющий аналогов в истории страны и мира рост численности населения в период после образования КНР, тяжелые его последствия для социально-экономического развития страны послужили основой необходимости жестких мер по ограничению рождаемости. По этой причине на начальном этапе экономических реформ китайскими учеными первоочередное внимание уделялось вопросам теории народонаселения, призванным дать научное обоснование разработке практических мер демографической политики, направленной на снижение рождаемости, кульминационным моментом которой явилась политика однодетной семьи. Еще в начале 1980-х в работе широко известного китайского ученого Лю Чжэна содержалось следующее фундаментальное положение: «наиболее насущной проблемой для Китая в целом является устранение диспропорций в народном хозяйстве и установление рациональной взаимосвязи между воспроизводством населения и производством материальных благ. Это необходимо для скорейшего развития общественных производительных сил и существенного повышения жизненного уровня населения»⁷.

В связи с этим китайские ученые рассматривают меры демографической политики и программу их реализации в долгосрочном аспекте, справедливо подчеркивая, что решение проблем народонаселения возможно на основе поэтапного осуществления соответствующих мероприятий, причем на каждом из последующих этапов должны меняться приоритетные цели политики. Ныне упор предполагается сделать на ослаблении мер контроля над рождаемостью, снижении детской и младенческой смертности, гибко подходу к вопросам занятости и повышения статуса женщин в обществе. В перспективе намечено решение проблем старения населения, развития системы социального обеспечения.

В ходе экономических реформ руководство КНР стало проводить политику, направленную на сдерживание увеличения численности населения, чтобы привести в состояние рационального равновесия число жителей, величину природных ресурсов и потребности устойчивого экономического развития с целью построения общества *сяокан*.

Проводилась политика однодетной семьи, которая рассматривалась как один из приоритетов экономического роста. Уже тогда подчеркивалось, что она была временной, носила экстренный характер, ее целью было противодействие чрезмерному росту населения, который не соответствовал уровню производства. В то время западные СМИ называли «плановое деторождение» самым смелым социально-демографическим экспериментом в мире. Но сегодня признается, что во многом благодаря этой политике был обеспечен подъем страны, который называли «китайским чудом». Политика планового деторождения принесла свои результаты: рост населения постепенно замедлялся, цель по ограничению численности населения была достигнута, снизилось «демографическое давление» на экономику, социальную сферу, экологию и природные ресурсы, что помогло обеспечить успешный экономический рост.

Правительством КНР предложено новое направление демографической политики в целях оптимизации демографической структуры, увеличения предложения рабочей силы и активного противодействия старению населения. По прогнозам Госкомитета по делам здравоохранения и планового деторождения, после принятия официального решения о переходе к двухдетной семье в 2015 г. к 2050 г. численность рабочей силы в стране должна увеличиться на более чем 30 млн человек, а доля пожилых людей уменьшится на 2%. Коэффициент суммарной рождаемости возрастет до 1,7–1,8 ребенка на одну женщину. Постепенно будет ликвидирован перекоп в половой структуре подрастающих поколений, когда число мальчиков превышает число девочек.

Новая политика поможет затормозить процессы старения населения, будет действовать долгосрочному сбалансированному развитию населения Китая. В будущем правительство КНР продолжит усилия, направленные на разработку стратегии по совершенствованию планирования и развития семьи, предоставлению большей помощи и поддержки бедным семьям, особенно в уязвимых социальных группах; улучшению механиз-

ма социальной защиты, большего внимания повышению статуса женщин в семье и обществе и положению пожилых людей, чтобы обеспечить возможности устойчивого развития для всех семей.

После смягчения противоречия между темпами роста населения и темпами экономического роста государственная политика в области народонаселения потребовала изменений с учетом современных реалий страны. Демографическая структура современного Китая претерпела большие изменения, а суммарный коэффициент рождаемости снизился до минимально допустимого уровня. В 2015 г. было объявлено о переходе к политике двухдетной семьи, произошла важная корректировка прежней политики плановой рождаемости, что обусловлено перспективой снижения численности трудоспособного населения и старения населения. В настоящее время в Китае число людей старше 60 лет превышает 200 млн — каждый седьмой человек. Старение населения стала серьезной проблемой для всего общества. Это ставит на повестку дня необходимость огромных усилий по распространению системы социального обеспечения на сельские районы. Это означает, что система пенсионного обеспечения, покрывающая сейчас около 55% населения, будет постепенно распространена на все категории граждан, проживающих как в городе, так и в деревне.

В настоящее время для демографических исследований в КНР типично рассмотрение проблем народонаселения в контексте экономической ситуации в стране, в тесной увязке с природными, экологическими характеристиками. На первый план выдвигается экономическое значение планирования рождаемости. Особенности демографического развития страны на современном этапе пока еще требуют активной демографической политики, но направленность ее меняется.

Проведение демографической политики чрезвычайно важно для корректировки стратегии в области народонаселения в Китае до 2050 г. Направляющая идеология стратегии: повышение качества населения, совершенствование структуры населения, создание условий для социалистической модернизации; обеспечение стабильного роста населения и социально-экономической сферы. В понятие «качество населения» входит здоровье населения, уровень его образования и социальной зрелости. В понятие «совершенствование структуры населения» включается регулирование возрастной структуры населения (особого внимания заслуживают ускоряющиеся процессы старения населения, прежде всего, старение трудовых ресурсов), структуры населения по полу (в ряде районов доля мальчиков намного больше, чем девочек) и соотношение числа городских и сельских жителей.

Выделены основные этапы стратегии и определены демографические параметры каждого этапа, способствующие достижению стратегической цели в области развития народонаселения страны, которая сводится к тому, что общая численность населения не должна превышать 1,6 млрд человек к 2050 г.

К середине XX века численность населения Китая превысила полу-миллиардную отметку — 549 млн человек в 1949 г. Следующие 70 лет, с 1949 по 2018 г., дали огромный прирост — еще 846 млн новых жителей страны, общая численность которых в 2018 г. составила 1,395 млрд человек⁸.

По мнению китайских ученых, одним из эффективных путей регулирования миграций является «переток населения» между странами. В последние годы в своей внешней торгово-экономической политике Китай осуществляет стратегию «выхода вовне» (*цзоучуцзуй*), позволяя своим предприятиям инвестировать средства на открытие филиалов за рубежом, всемерно наращивая экспорт китайской продукции. Вместе с тем оказывается поддержка тем гражданам, которые на законных основаниях отправляются за границу на выполнение подрядных работ. В настоящее время по экспорту рабочей силы Китай вошел в число 10 крупнейших стран мира, что снижает давление фактора населения внутри страны. Китай и другие страны Азии обладают гигантскими трудовыми ресурсами, являясь в перспективе миграционными донорами мирового масштаба.

В современный период с учетом роста жизненного уровня в Китае демографическая экспансия со стороны Китая не угрожает другим странам. Но демографическое давление Китая и его геополитическое доминирование всегда будет потенциальным фактором, влияющим на миграционные процессы в Центральной Азии и других регионах, в том числе в Европе.

Нужно сказать и о том, что в Китае также есть огромные территории, отстающие в своем развитии от приморских и центральных районов, что особенно четко стало проявляться в ходе продолжающейся более 40 лет экономической реформы. На XIV съезде КПК (октябрь 1992) был выдвинут курс на интенсивное освоение западных районов страны. Окончательная программа была сформулирована в докладе премьера Госсовета КНР Чжу Жунци о работе правительства на 3-й сессии ВСНП 9-го созыва (март 2000). Программа освоения западных районов Китая рассчитана на длительный период — до 2050 г. и предусматривает преимущественное развитие энергетики, добывающей промышленности, металлообработки, сооружение разветвленной транспортной инфраструктуры при проведении природоохранных работ в больших масштабах.

Западный Китай занимает огромную площадь, 1/6 часть территории страны, для него характерны малонаселенность и относительно слабый уровень социально-экономического развития. Но в то же время потенциал западных районов определяется наличием там огромных запасов самых разных природных богатств. Это 83% всех водно-энергетических ресурсов Китая, уголь, нефть и газ, крупные месторождения цветных металлов, большие запасы химического сырья. Лишь на территории Синьцзяна залегают около 30% всех разведанных запасов нефти и газа Китая. В настоящее время освоение разведанных месторождений осложняют непростые природные условия и неразвитая инфраструктура. Но в XXI веке Западный Китай сможет обеспечить более 60% всех потребностей страны в сырьевых ресурсах, 50% в электроэнергии.

Одним из условий успешного решения задачи освоения западных районов является разумное, продуманное проведение сбалансированной политики народонаселения и занятости. Обширные и малонаселенные территории могут поглотить миллионы «избыточного» населения на востоке страны. Для этого ведется разработка научно обоснованных программ регулирования численности и занятости местного населения и миграций из восточных провинций. В условиях рыночной экономики претворение в жизнь таких больших проектов диктует необходимость использования целой системы приоритетов и материального стимулирования. Особенно актуальным быстрое развитие западных районов становится в свете продвижения инициативы «Один пояс, один путь» (Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь XXI века), выдвинутой Председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г., к которой уже присоединились многие страны различных континентов.

Выполнение программы освоения западных районов Китая необходимо для достижения целей стратегии социально-экономического развития страны — вывести КНР в число передовых держав мира, так как дальнейшие расхождения между Востоком и Западом могут тормозить поступательный рост экономики Китая.

Исследование демографического развития Китая в ретроспективе со времени образования КНР дает основания сделать вывод, что под влиянием изменившихся социально-экономических условий и политики народонаселения, проводимой на государственном уровне, в режиме воспроизводства населения произошли кардинальные сдвиги, которые обусловили значительные изменения в демографических характеристиках КНР. 1970–2000-е годы стали периодом значительного снижения рождаемости, которая уменьшилась более чем вдвое по сравнению с периодом 50-х годов. Это стало закономерным итогом изменений в условиях жизни населения, происходивших под влиянием социально-экономических преобразований предшествующих десятилетий и целенаправленной демографической политики, в основную задачу которой входило всемерное сокращение

числа деторождений и контроль над численностью населения. К настоящему времени в Китае произошел переход от традиционного к современному типу воспроизводства населения, для которого характерны умеренные демографические показатели.

С начала 70-х годов по настоящее время в результате целенаправленного проведения политики планирования рождаемости в стране родилось на 400 млн детей меньше, что в огромной мере уменьшило государственные расходы на обеспечение растущего поколения, смягчило давление населения на ресурсы и экологию, содействовало развитию экономики и улучшению жизни народа. Проводимая демографическая политика показала, что Китай стал первой в мире страной, которая может эффективно контролировать численность быстро растущего населения. Коэффициент суммарной рождаемости уже ниже уровня замещения (*гэнти шуйпин*), что является новой вехой в истории народонаселения страны.

В течение всего периода со времени образования КНР произошло огромное снижение коэффициента смертности — с 20‰ в начале 1950-х годов до 6,28‰ в 1990 г. и 7,13‰ в 2018 г. Коэффициент рождаемости, в первые годы после революции сохранявшийся на умеренно высоком уровне — 35–40‰, уменьшился почти в три раза, составив 17,8‰ в 1985 г., 21,06‰ в 1990 г. и 10,94‰ в 2018 г. Соответственно уменьшились и средние размеры семьи. По данным ГСУ КНР, число членов китайской семьи в среднем составляло в 1953 г. 4,41 человека, по данным переписи 1990 г. — 3,96, переписи 2000 г. — 3,44, в 2014 г. — 2,97 человека⁹.

Приведенные выше демографические показатели свидетельствуют о нисходящей тенденции коэффициентов рождаемости и естественного прироста в целом в течение последних десятилетий. Дальнейшее снижение будет зависеть от интенсивности демографической политики и достижений китайского общества в области социально-экономического развития.

Эффективность проведения демографической политики в КНР уже не ставится под сомнение будучи подкреплена целым рядом статистических данных о снижении показателей рождаемости и темпов прироста населения как по отдельным провинциям, так и в целом по стране. Проводя целенаправленную политику снижения рождаемости, КНР тем самым вносит свой вклад в регулирование демографических проблем в Азии и во всем мире, что способствует социальной стабильности и прогрессивному развитию стран континента. На международных форумах по проблемам народонаселения и развития неоднократно отмечалось, что если бы КНР не прилагала усилий по контролю численности населения, число жителей Азии и мира в целом могло быть на несколько сотен миллионов больше. Несомненно, что динамика демографических процессов в Китае оказывает огромное влияние на перспективы изменения численности населения Азии и земного шара.

В Восточной Азии демографический переход завершен, показатели рождаемости и смертности достигли низких значений, характерных для развитых обществ. Для стран региона типичен режим простого воспроизводства с тенденцией к естественной убыли населения. Самые значительные страны региона показывают прекращение роста населения — КНР и его естественную убыль — Япония. В Восточной Азии находятся два крупных по числу жителей государства, и КНР — лидер по этому показателю в мире. Поскольку Китай и Япония находятся в первой тройке стран мира по объему ВВП, демографическая ситуация в этой части Азии будет играть существенную роль в определении трендов социального и экономического развития в Азии и в мире в целом, так как численность и состояние рабочей силы в этих крупнейших в мире экспортёрах будет влиять на положение стран-конкурентов, а огромный потенциальный спрос будет формировать экспортные и импортные потоки¹⁰.

Безусловно, огромная численность населения Китая оказывает серьезное влияние на душевые показатели производства и доходов населения. Если по объему валового

внутреннего продукта Китай в 2000 г. занимал 6-е место, а по паритету покупательной способности 2-е место, то по доходам на душу населения — 140-е и 104-е места соответственно. К 2050 г. китайский рынок по своему объему станет самым большим в мире, Китай будет занимать 1-е место в мире по объему экспорта и импорта, станет самым крупным центром обрабатывающей промышленности и объем ВВП на душу населения превысит 5000 долл.

Однако экономический рост тесно связан с ростом населения. С началом реформ, то есть с 1979 по 2007 г., среднегодовые темпы роста ВВП составили 9,8% в год, однако в дальнейшем по мере регулирования роста численности населения темпы экономического роста Китая должны будут последовательно снижаться до 4–5% ВВП к 2045–2050 гг. Китай может обеспечить сохранение высоких темпов экономического роста при переходе от экстенсивных к интенсивным методам развития народного хозяйства, связанным не столько с использованием огромной массы дешевой рабочей силы, сколько с повышением производительности труда в результате развития научно-технического прогресса и внедрения новых технологий, повышения качества рабочей силы в результате увеличения инвестиций в образование, изменения структуры производства за счет перехода от живого труда к овеществленному, создания более капиталоемких производств, перелива рабочей силы из первой сферы во вторую и третью сферы. Иными словами, не случайно в Китае одним из основных характеристик «социализма с китайской спецификой» стал принцип «человек — основа основ» (*и жэнь вэй бэнь*), реализация которого означает, что в стране стали вкладывать большие средства в человеческий капитал.

С начала 90-х годов, по мере проведения экономических реформ и политики «контроля над рождаемостью» по принципу «одна семья — один ребенок», демографические изменения вызывают к жизни новые проблемы: нехватка рабочей силы в городах и приморских районах Китая с более высоким уровнем экономического развития, старение населения страны в целом. Однако изменения, происходящие в структуре населения Китая, не отменяют главной задачи, стоящей перед руководством страны — обеспечить состояние рационального равновесия числа жителей, запасов природных ресурсов и потребностей устойчивого экономического развития с целью построения общества «малого благоденствия».

Согласно исследованиям китайских ученых, запасы природных ресурсов Китая позволяют содержать численность населения 1,5–1,6 млрд человек. По отметке 1,6 млрд человек проходит «линия судьбы» китайской нации. По различным прогнозам, Китай достигнет нулевого прироста населения в середине XXI века, примерно в 2040–2050 гг. Для сохранения устойчивого развития необходимо соблюдение баланса между населением и ресурсами, рациональное использование природных ресурсов и сохранение окружающей среды. По этой причине главной проблемой для Китая остается необходимость избежать демографического кризиса — достижения такой численности населения в стране, которая может вызвать резкое обострение проблем обеспечения продовольствием, жильем, энергетическими ресурсами и рабочими местами, исходя из сложившегося уровня развития производительных сил на определенный момент времени. По мнению китайских ученых, оптимальная численность населения для Китая с территорией 9,6 млн кв. км не должна превышать 700–800 млн человек. В то время как в 2018 г. число жителей КНР достигло 1,395 млрд человек, а к 2030 г. составит 1,45 млрд (согласно Национальному плану развития народонаселения на 2016–2030 гг.). Число рождений в этот период должно колебаться вокруг цифры 20 млн, хотя на самом деле сейчас она гораздо меньше (16,87 млн в 2014 г., 17,86 млн в 2016, 17,23 млн в 2017 и 15,23 млн в 2018 г.). Возможно, число рождений может уменьшиться до 12 млн и даже менее к 2030 г.¹¹. Но среди китайских демографов сложилось мнение, что вполне возможно достичь цели в 20 млн рождений, но при проведении новой, стимулирующей политики и существенного изменения отношения населения к вопросам деторождения. Но-

вая стратегия для следующего этапа развития страны не должна ориентироваться на определенное число детей в семье, как считают в демографических кругах. Новая политика должна оставаться «плановой», но родителям следует самостоятельно планировать число детей в семье и интервалы между рождениями в соответствии с условиями жизни в семье, а правительство может создавать наиболее благоприятные условия для семей с детьми, осуществлять стимулирующие меры для обеспечения долгосрочного сбалансированного развития народонаселения КНР.¹²

В настоящее время Китай имеет огромные преимущества в экономическом развитии в связи с низким коэффициентом демографической нагрузки (обеспечение населения детских и пожилых, т.е. нетрудоспособных возрастов). Численность населения в детских возрастах невелика и в абсолютном и относительном выражении продолжает уменьшаться. А число пожилых людей растет, но не очень быстро. Те возможности, которые открываются в связи с благоприятной демографической структурой, способствуют современному экономическому буму, но в обозримом будущем они будут исчерпаны и наступят времена тяжкого демографического бремени. Прогнозы показывают, что в следующие десятилетия коэффициент демографической нагрузки существенно возрастет, особенно это касается обеспечения пожилых людей (старше 65 лет), численность которых составила 140 млн в 2015 г. и возрастет до 240 млн к 2030 г. и 365 млн к 2050 г. Причем их доля будет оставаться на уровне 30% до 2100 г.¹³ Последующие суровые вызовы экономической и социальной структуре Китая требуют немедленных действий, в первую очередь завершения реформы системы социального обеспечения. Будет происходить и быстрое снижение доли и численности населения в рабочих возрастах. С вероятностью около 80% доля населения в трудоспособных возрастах будет удерживаться на уровне 50–60% от нынешней численности к 2050 г.¹⁴ По мере нарастания старения населения Китая в целом население в рабочих возрастах также будет стареть.

В ближайшее десятилетие численность населения КНР будет возрастать на 5 млн человек в год, что продолжит оказывать давление на проблемы экологии. Правительство и КПК связывают демографическую проблему с судьбой нации, ставя в зависимость от ее решения успехи политики модернизации, прогресс в социально-экономической сфере и достижение желанного статуса великой державы.

На настоящий момент времени планы в области демографического развития выполняются. Рост численности населения удерживается в определенных границах, не препятствуя поставленным задачам в области социально-экономического развития.

Исходя из вышесказанного, одной из основных детерминант, определяющих перспективы развития Китая, будет динамика численности населения и других демографических показателей. Только при условии успешного достижения поставленных руководством КНР демографических целей страна сможет решить стоящие перед ней задачи — продовольственную, экологическую и другие, достичь намеченных социальных и экономических показателей, активно используя при этом развитие внешнеэкономических связей и интеграцию в мировую экономическую систему.

В демографическом отношении Китай является уникальной страной, проблемы народонаселения притягательны, прежде всего, своей огромной численностью, что накладывает отпечаток на все стороны жизни китайского общества — экологическую и продовольственную ситуацию, особенности занятости и роста производительных сил в целом. От величины темпов прироста населения КНР зависят перспективы модернизации и социально-экономического развития страны в нынешнем тысячелетии.

1. Чжунхуа жэньминь гунхэго. 2018 нянь гоминь цзинцзи хэ шэжуэй фачжань тунцзи гунбао = Statistical communiqué of the People's Republic of China on the 2018 National economic and social

- development / National Bureau of Statistics of China. China Statistics Press. Beijing. 28.02.2019. P. 2. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201902/t20190228_1651265.html.
2. Ibid. P. 2.
  3. Ibid. P. 2. Чжунго тунци чжайяо-2009. Пекин, 2009. С. 38.
  4. 1996–2050 нянь Чжунго цзинци шэхуэй фачжань чжаньлюэ — цзоусян сяньдайхуады гоусян: [1996–2050 гг. Стратегия социально-экономического развития Китая — на пути структурной модернизации]. Пекин. 1997. С. 468; Чжунго тунци чжайяо — 2009. Пекин. 2009. С. 38; Чжунхуа жэньминь гунхэго. 2018... URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201902/t20190228_1651265.html.
  5. Чжунхуа жэньминь гунхэго. 2018...
  6. The 13th five-year Plan for Economic and Social Development of the People's Republic of China (2016–2020). Beijing. 2016. P. 223.
  7. China's Socialist Modernization. Beijing, 1984. P. 38.
  8. Чжунхуа жэньминь гунхэго. 2018...
  9. Ibid.; Чжунго тунци чжайяо-2009...; Чжунго жэнькоу хэ цзюе тунци няньцянь 2015 = China Population and Employment Statistics Yearbook 2015 / Гоцзя тунцицзюй жэнькоу хэ цзюе тунцизсы = Compiled by Department of Population and Employment Statistics. National Bureau of Statistics of China. China Statistics Press. Beijing. 2015. P. 16, 68.
  10. Акимов А.В., Борисов М.Г., Дерюгина И.В., Кандилинцев В.Г. Страны Востока к 2050 году: население, энергетика, продовольствие, инвестиционный климат. М.: ИВ РАН, 2017. С. 122.
  11. Peng Xizhe. Tackling the Challenge of an Aging Society: China's demographic prospects. Shanghai: Fudan University, 2019. P. 3.
  12. Ibid. P. 8.
  13. Ibid.
  14. Ren Qiang, Zheng Xiaoying, Lutz Wolfgang, Scherbov Sergei. China's grave demographic challenges in coming decades // China Economist. Beijing, 2009. No. 20. P. 102; Акимов А.В. [и др.] Страны Востока к 2050 году... С. 122.

Экологическая цивилизация: мечта или мираж?

© 2019

И.В. Ушаков

Экологические проблемы с каждым годом оказывают все большее влияние на социально-экономическое развитие Китая. Руководство страны, особенно после начала реформ, стало уделять повышенное внимание охране окружающей среды. Сегодня, когда объявлено о строительстве экологической цивилизации, к решению экологических проблем страны активно подключается КПК и лично генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин. Это вселяет надежду, что слова об экоцивилизации и «прекрасном Китае» воплотятся в жизнь.

Ключевые слова: Китай, экологическая цивилизация, охрана окружающей среды, «красная линия», природопользование, пределы допустимой концентрации, парниковые газы.

DOI: 10.31857/S013128120007132-6

В течение минувших 70 лет после образования КНР вопросы, связанные с охраной окружающей среды, в разные периоды истории страны по-разному воспринимались в китайском обществе. Так, в эпоху Мао эти вопросы по сути дела оставались вне поля зрения китайского руководства. В эпоху реформ долгое время экологическая политика государства носила двойственный, непоследовательный, противоречивый характер. С высоких трибун заявляли о необходимости и важности учета экологического фактора, на практике же происходило ровно противоположное. Экологическая политика была недальновидной, догоняющей, устранялись последствия, а не причины. С одной стороны, предпринимались меры по охране окружающей среды, а с другой — принимались решения, приводившие к ее разрушению.

Отсутствовала сбалансированность в подходах к экологическим проблемам: акцент делался то на устранение загрязнения окружающей среды, то на восстановление экологического равновесия. В неравном положении находились город и деревня. Одним словом, Китаю пришлось пройти долгий и трудный, порой драматический, путь, время от времени балансируя на грани экологического кризиса, прежде чем — очень хотелось бы верить — ему наконец-то удалось выйти на финишную прямую, приступив к формированию адекватной, рациональной, оптимальной модели природопользования — экологической цивилизации.

Экологический нигилизм

Дореформенный период — время, когда в Китае, как, впрочем, и во многих других странах мира, экологическая политика как таковая практически отсутствовала. Те или иные решения, принимаемые властью, как правило, не учитывали те последствия для окружающей среды, которые они за собой влекли. Экологическое измерение отсутствовало в экономической политике государства, и, хотя экологические проблемы только-только вызревали, но постепенно давали о себе знать. Но более серьезным было то, что

решения, принимаемые властями, были, мягко говоря, недалёковидными. Так было в годы «большого скачка», так было в годы «культурной революции». А это ни много ни мало, 13 лет экологического нигилизма в самых крайних его формах и проявлениях. Варварски вырубались первичные леса, распахивались первоклассные пастбища, обваловывались многочисленные полноводные озера, уничтожались уникальные болота — «почки Земли». И все это в погоне за расширением посевов продовольственных культур под лозунгом «зерно — основа». Так, в результате интенсивного освоения бассейна реки Тарим высохло, а фактически — исчезло знаменитое «кочующее» озеро Лобнор в Синьцзяне, второе по величине солёное озеро Китая (площадь — около 2,5 тыс. кв. км). «Знаменитое» еще и тем, что именно здесь в 1964 г. был осуществлен взрыв первой атомной бомбы, разработанной в Китае¹.

Как результат, из года в год все масштабнее и разрушительнее становились наводнения и засухи, на севере Китая участились пыльные бури, которые докатывались до самого Пекина, покрывая столицу слоем песка. Был запущен механизм нарушения экологического равновесия, спровоцирована бурная активизация процессов деградации, опустынивания, эрозии. Кривая их динамики резко пошла вверх.

Вместе с тем было бы несправедливо рисовать картину состояния окружающей среды в Китае того периода исключительно в мрачных тонах. Несмотря ни на что в стране изо дня в день шла рутинная работа, жизнь брала свое: проводились лесопосадки, землеустроительные работы, водохозяйственное строительство, мероприятия по водо- и почвоудержанию. Хотя и не намного, но за эти годы удалось увеличить лесистость территории страны с 8,6 до 12,0%. Ярким событием стало начавшееся в 1978 г. с легкой руки Дэн Сяопина создание грандиозной системы лесополос в Северо-Западном, Северном и Северо-Восточном Китае — так называемый проект Саньбэй.

Было бы также несправедливо думать, что в Китае никто не замечал происходящего, не испытывал тревогу за последствия порой недалёковидной экономической политики, не пытался этому противостоять. Речь идет, прежде всего, о премьере Чжоу Эньлае...

В конце концов, КНР приняла участия в судьбоносной конференции ООН по охране окружающей среды (Стокгольм, 1972), на которой экологические проблемы были поставлены в планетарную повестку дня. А в 1973 г. состоялось *1-е Всекитайское совещание по охране окружающей среды*. Была создана Руководящая группа при Госсовете КНР, и в условиях все еще далеко не простой внутривнутриполитической обстановки началась трудная, но созидательная и жизненно необходимая для страны работа по организации охраны окружающей среды.

Цена реформ. Жажда скорости

Первые два десятка лет после начала реформ китайская экономика брала разбег. Было необходимо решить самые острые вопросы и, прежде всего, обеспечить население страны предметами первой необходимости, накормить и одеть людей в условиях, когда только в деревне, по официальным данным, насчитывалось около 250 миллионов нуждающихся (по стандартам 2010 г. — 770 млн человек). Все было подчинено задаче удвоения ВВП к началу 21-го столетия, поставленной «отцом» китайских реформ Дэн Сяопином. Нужно было расти — и расти быстро. В период 6-й (1981–1985), 7-й (1986–1990), 8-й (1991–1995) пятилеток темпы прироста ВВП в некоторые годы достигали 14–15%. А среднегодовые показатели по пятилеткам в полтора — два раза превышали запланированные. Выход за график пятилетних планов сопровождался осложнением экологической ситуации, поскольку стихийно возрастала антропогенная нагрузка на окружающую среду. В данном контексте вопросы ее охраны оставались на периферии, отходили на второй, если не на третий план, несмотря на то, что на старте реформ экологиче-

ская ситуация в стране была малоутешительной. Так, в городах обрабатывалось менее 2% нечистот и около 10% промышленных стоков². Положение осложняла неразвитая сеть мониторинга, крайне низкие природоохранные стандарты, ненадежная статистика. Не последним препятствием были ограниченная самостоятельность и недостаточная статусность органов управления охраной окружающей среды. Полноценное министерство появится лишь в 2008 г. А до этого вопросами охраны окружающей среды с 1982 по 1988 г. занимались Управление в составе Министерства городского и сельского строительства и охраны окружающей среды, затем самостоятельное Управление, Главное управление, и наконец, в 1998 г. — Главное государственное управление по охране окружающей среды. И, тем не менее, несмотря на все эти многочисленные трудности и препятствия, в крайне неблагоприятных условиях Китай сумел добиться заметных подвижек, в первую очередь, в городах. Необходимость охраны окружающей среды была зафиксирована в конституциях 1978 и 1982 года. На 2-м *Всекитайском совещании по охране окружающей среды* (1983 г.) охрана окружающей среды была названа одной из базовых установок государственной политики. В 1979 г. в опытным порядке был принят базисный *Закон КНР об охране окружающей среды*. В полную силу он заработал в 1989 г. Вот некоторые цифры:

- доля нормативно очищенных стоков в общем объеме промышленных стоков составила в 1991 г. 50,1%, в 1999—72,1%;

- доля очищенных городских стоков — 14,9% и 31,9%;

- доля обработанного бытового мусора и нечистот — 11,9% и 61,9% соответственно³.

В 1990-е годы в Китае поднимается на щит стратегия устойчивого развития, нацеленная на решение экологических проблем. КНР принимает активное участие в работе знаковой Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.), где канонизируется определение упомянутой стратегии. В 1994 г. Китай публикует Белую книгу *Народонаселение, окружающая среда и развитие Китая в XXI веке*. Официальное признание и закрепление стратегия устойчивого развития получает в 9-м пятилетнем плане (1996—2000 гг.). Однако «кажда скорости» брала свое. Стремление к крайне высоким темпам роста в рамках экстенсивной модели развития за счет вовлечения все большего и большего объема, в первую очередь, природных ресурсов, блокировало и препятствовало намечающимся положительным тенденциям в области природопользования, ставило под угрозу реализацию стратегии устойчивого развития.

В результате в 1995 г. фиксируется один из самых высоких за всю историю нового Китая показатель выброса SO₂ и химической потребности в кислороде (ХПК, или COD — показатель загрязнения водной среды) — 23,7 и 22,3 млн тонн соответственно. Треть территории страны, ее наиболее населенную юго-восточную часть накрывают кислотные дожди. Столь обескураживающие факты в определенной степени объясняются, например, тем, что в 1980-е — 1990-е годы форсировалось развитие так называемых поселково-волостных предприятий — бывших предприятий народных коммун и производственных бригад. Их число за первые 20 лет реформ (1978—1997) выросло примерно с 1,5 до 20,0 млн единиц⁴. В 1995 г. на них приходилось 42,5% промышленного производства, а в 1987 г. они давали треть добычи угля и четверть производства цемента. Эти крайне природо-, ресурсо- и энергоемкие предприятия становились одним из основных загрязнителей окружающей среды в Китае. В том же 1995 г. на них приходилось 28,2% и 46,5% выбросов SO₂ и COD от выбросов всей промышленности⁵.

В то время как все силы было сосредоточены на борьбе с загрязнением окружающей среды в городах (и как было показано выше, не всегда успешно), вопросы нарушения экологического равновесия объективно отошли на второй план. В 1990-е годы резко активизировались процессы деградации естественных пастбищ и лугов. К началу нового века до 90% их площади были в той или иной мере подвержены деградации. Ус-

корились темпы наступления пустынь: в 1999 г. их площадь в Китае достигла исторического максимума — 18,2% территории страны. В 1989 г. на свой пик вышла эрозия почв — 38,2% территории страны: в период с 1949 по 1989 г. площадь районов, подверженных этому бедствию, выросла на 22,7%⁶. Были эродированы 66,46% площади бассейна реки Хуанхэ и 41,66% — реки Янцзы. Результаты не заставили себя ждать: в 1998 г. на страну обрушились катастрофические наводнения, прежде всего, на реке Янцзы, которые стоили Китаю около 3% ВВП.

Цена реформ. Дежавю

В XXI век Китай вступил с обнадеживающими результатами. После экологического шока 1998 г. были приняты самые решительные меры.

Существенно увеличилось финансирование. С 1998 по 2002 г. в охрану окружающей среды и экологическое строительство было вложено средств примерно в 1,8 раза больше, чем за 1950–1997 гг., т.е. за предыдущие 47 лет существования КНР⁷. В 1998 г. был принят *Национальный план экологического строительства*, а в 2000 г. — знаковые *Основные положения охраны окружающей среды в Китае*. Начали осуществляться крупномасштабные лесовосстановительные работы, в том числе восстановление лесов на бывших пахотных угодьях; активизация создания защитных лесополос на Северо-Востоке, Севере и Северо-Западе страны, в очагах возникновения песчаных бурь в районе Пекина и Тяньцзиня и т.д. Начались позитивные изменения в предотвращении загрязнения окружающей среды. Несколько снизились темпы прироста ВВП (1996 — 9,9%; 1997 — 9,2; 1998 — 7,8; 1999 — 7,7; 2000 — 8,4% при среднегодовых темпах 8,3% и при запланированных на период 9-й пятилетки 8,0%), удалось заметно сократить за пятилетие объемы выбросов целого ряда загрязняющих веществ. Например, выбросы двуокиси серы (SO₂) уменьшились на 15,8%, показатель COD — на 35,3%⁸. Но, к сожалению, это продолжалось недолго: в дальнейшем все развивалось по уже известному сценарию. На партийно-государственном уровне принимались конструктивные решения, выдвигались конструктивные инициативы. Так, на 3-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва (2003) была предложена своя собственная идеология развития — «научный взгляд на развитие», куда наряду с принципами всесторонности, скоординированности важной составной частью вошел принцип устойчивости, то есть экологический компонент. На последующих пленумах выдвигались инициативы формирования ресурсосберегающего, природоохранного, гармоничного общества. На XVII съезде КПК (2007) была выдвинута идея создания экологической цивилизации, а уже на XVIII съезде (2012) строительство экоцивилизации было поставлено в один ряд с экономическим, политическим, социальным и культурным строительством. В 2011 г. был озвучен принцип «красной линии» — границы допустимой антропогенной нагрузки на окружающую среду. В 2008 г., как уже отмечалось, было сформировано Министерство охраны окружающей среды.

Разрабатывались крупномасштабные программы. В частности, в 2008 г. было подготовлено *Эколого-функциональное районирование всей страны*, а в 2010 г. — *План районирования по основополагающим функциям (чжэути гуннэн)*. Однако на практике все обстояло не так гладко и оптимистично. Китай вновь захлестнула темпомания. На XVI съезде КПК (2002) вновь была поставлена задача учетверения ВВП к 2020 г. против уровня 2000 г., на XVII съезде (2007) обществу вновь напомнили об этом. А на XVIII съезде КПК (2012) прозвучал призыв удвоить ВВП к 2020 г. по сравнению с уровнем 2010 г.

Китай делает если и не скачок, так уж точно рывок. За десять лет, с 2001 по 2010 г. Китай в 2,7 раза наращивает свой ВВП, оставляет позади себя в 2000 г. Италию, занимая 6-е место в мире по ВВП, в 2007 г. — Германию (3-е место), в 2010 — Японию (2-е место) и начинает «дышать в затылок» лидеру — США. Китай занимает 1-е место

в мире по выпуску свыше 200 видов промышленной продукции, в том числе и наиболее «грязных». На него приходится от 40 до 60% производства и потребления угля, стали, цемента. Нарастают темпы — нарастает степень антропогенной нагрузки на окружающую среду. КНР становится мировым центром экологической напряженности, занимая 1-е место по выбросам целого ряда загрязняющих веществ, в том числе SO_2 и COD, а также лидирующие позиции и по выбросам главного компонента парниковых газов — CO_2 (двуокиси углерода). Китай по сути дела проваливает экологические показатели 10-го пятилетнего плана (2001–2005): выбросы двуокиси серы в 2005 г. увеличились на 27,8% (в том числе в промышленности на 34,5%) по сравнению с уровнем 2000 г.⁹ В стране нарастает тревога по поводу неблагоприятной экологической ситуации. Так, в 155 городах страны не обезвреживаются опасные стоки, в 193 — бытовые стоки. В 150 городах не обезвреживаются бытовые отходы. В пределах городских территорий 90% рек загрязнены. Эвтрофицированы 75% озер страны. В 60% городов атмосферный воздух оставляет желать лучшего¹⁰. Неудачно начинается выполнение 11-го пятилетнего плана (2006–2010). В 2006 г. выбросы SO_2 и COD выросли на 1,5 и 1,0% соответственно¹¹. Потребовались дополнительные, причем очень серьезные, усилия для того чтобы выйти на запланированные показатели. В 2007 г. был принят *Комплексный рабочий план экономики энергоресурсов и сокращения выбросов загрязняющих веществ*. Работу возглавил лично премьер Вэнь Цзябао. Существенно увеличились инвестиции в борьбу с загрязнением окружающей среды: их доля в ВВП к 2010 г. была поднята до 1,9% (максимальный уровень в нулевые годы против 1,06 и 1,28% в 2001 и 2006 г. соответственно)¹². Ситуацию в очередной раз удалось выправить. Приведем некоторые результаты первого десятилетия XXI века.

В течение 10 лет Китай выделил примерно 1 трлн юаней на охрану окружающей среды. Из них 700 млрд были направлены на программу восстановления лесного покрова на бывших пахотных угодьях, прекращение выпаса скота на оскудевших пастбищах, охрану окружающей среды в районе истоков трех рек (Янцзы, Хуанхэ, Ланьцанцзян) и т.п. Свыше 200 млрд юаней были вложены в борьбу с загрязнением водной среды в городах¹³. В итоге постепенно увеличилась лесистость территории страны (2008 г. — 20,36%), остановился рост площадей пустынь и деградация естественных пастбищ и лугов. Чище стала вода в реках. Доля контрольных участков, где загрязненность воды находилась ниже V категории (вода, непригодная для использования), с 2001 по 2010 г. сократилась с 44,0 до 16,4%¹⁴. В городах доля нормативно очищенных в общем объеме промышленных стоков выросла с 76,9% в 2000 г. до 95,3% в 2010 г., обработанных городских стоков с 34,3 до 82,3%, обработанного мусора с 58,2 до 77,9% соответственно¹⁵. Это с одной стороны. С другой — природоохранные проблемы принципиально так и не были решены, оставались по-прежнему острыми. Лесистость росла, но вместе с ней рос удельный вес искусственных посадок, что снижало качество лесных запасов. Пустыни были остановлены, но по-прежнему занимали огромные территории. Такая же картина наблюдалось и с эрозией, и с деградацией естественных пастбищ и лугов. Крайне неравномерно шла борьба с загрязнением. Так, в граничащей с Россией провинции Хэйлуунцзян доля обработанных городских стоков в 2011 г. составляла 57,3% (минимум по стране). В одном из самых достопримечательных городов мира — административном центре Тибетского автономного района Лхасе, строительство первого завода по переработке бытовых стоков началось лишь весной 2009 г., в год 60-летия образования КНР¹⁶, тогда как только в одной провинции Гуандун удалялось 12% бытового мусора от общего объема по стране¹⁷. Стали напоминать о себе и старые проблемы. До предела обострилась проблема состояния окружающей среды в деревне. Только в середине нулевых годов о ней громко заговорили на государственном уровне. Прежде всего, об одной весьма болезненной теме — о воде. Проблема с водой в сельской местности имеет давнюю историю. Только в 2004 г. государству удалось в основном обеспе-

чить сельское население питьевой водой. С того же года встал вопрос о ее безопасности. В конце 2000 г. в стране насчитывалось 379 млн человек, не имеющих доступа к безопасной воде, то есть около 40% населения деревни¹⁸. По данным обследования 2006–2007 гг. 44,36% образцов питьевой воды не дотягивали до норм санитарной безопасности¹⁹. Следует отметить: ударными темпами в период 11-й пятилетки (2006–2010) удалось решить проблему воды для 210 млн человек²⁰.

Отдельным, но не менее важным вопросом, непосредственно связанным с окружающей средой, является вопрос об использовании в деревне энергии в бытовых целях. По данным на 2007 г., в быту доля некоммерческих энергоносителей составляла здесь 76,8% (в том числе дрова 26,9%, солома 46,2%). Из коммерческих энергоносителей выделялся уголь — 14,5%, который используется главным образом на севере страны²¹. Если же говорить в целом о загрязнении окружающей среды в деревне, то можно привести следующие факты и цифры. Китайская деревня — это 9 млрд т бытовых стоков и 280 млн т бытового мусора²², 260 млн т человеческих нечистот и 2,7 млрд т нечистот от птицеводства и животноводства. И все это «богатство» в значительной своей части не подвергалось обработке²³. По данным *1-го Всекитайского обследования источников загрязнения*, по состоянию на 2007 г. на деревню пришлось около половины загрязнения в стране, например, по показателю COD — 43,7%²⁴, что произвело эффект холодного душа и в определенной степени заставило несколько иначе взглянуть на «успехи» 11-й пятилетки по экологическому блоку.

Стартовала 12-я пятилетка (2011–2015 гг.), и, как это ни прискорбно, все начало повторяться вновь, как под копирку. В 2011 г. выброс окислов азота (NO₂) — основного смогообразующего компонента — подскочил на 5,7%. Снова в Пекине забили тревогу, стали раздаваться голоса, призывающие пересмотреть экологические показатели текущего пятилетнего плана. Очередной экологический шок стал последней каплей, которая склонила чашу весов в сторону здравого смысла: в 2013 г. смог накрыл четверть территории страны, где проживает 600 млн человек, на продолжительный срок²⁵. Было принято знаковое решение: не менять показатели пятилетки.

Экологическая цивилизация. Концепция Си Цзиньпина

По мере того как смог сгушался над Китаем, рассеивался статистический морок. Уже весной 2014 г. Председатель Си Цзиньпин заявил о том, что Китай вступил в период «новой нормы» своего экономического развития.

Одна из составляющих этой концепции — переход от высоких к средневысоким темпам роста. Необходимо было одновременно решить сразу две задачи²⁶. С одной стороны, достойно закончить пятилетку. С другой стороны, нужно было оперативно реагировать на растущую обеспокоенность населения масштабным распространением смога. Что касается первого пункта. Весной 2014 г. в срочном порядке был принят *План действий в области энергосбережения, сокращения вредных выбросов и низкоуглеродного развития на 2014–2015 гг.* Например, планировалось на 31% и 27% увеличить задание по выводу из эксплуатации избыточных и устаревших мощностей по выплавке стали и производству цемента²⁷. Перед каждой административной единицей были поставлены конкретные задачи, в частности по десульфуризации и денитрификации на угольных ТЭС, сталелитейных и цементных предприятиях. В итоге за период 12-й пятилетки были выведены из эксплуатации предприятия по добыче угля общей мощностью 500 млн т, только за 4 года пятилетки — сталелитейные предприятия общей мощностью 77 млн т, цементные заводы — общей мощностью 600 млн т. Удельный вес угольных электростанций с денитрификационным оборудованием вырос с 83 в 2010 г. до 99% в 2015 г., с десульфуризационным оборудованием — с 12 до 92%, удельный вес сталелитейных предприятий из расчета их мощности с денитрификационным оборудованием — с 19 до 80%

соответственно, суммарная мощность цементных заводов с денитрификационным оборудованием — с 0 до 1,6 млрд т соответственно²⁸. В результате пятилетний план был не только выполнен, но и перевыполнен. Что касается второго пункта. Приниматься за решение проблемы смога, а точнее, снижения концентрации в атмосферном воздухе твердых взвешенных частиц диаметром менее 2,5 микрон — $PM_{2,5}$, которые являются его основным компонентом, пришлось в условиях введения новых, более жестких экологических стандартов воздушной среды. Новые стандарты были введены в 2012 г. (новые ПДК были установлены для $PM_{2,5}$ — впервые, для PM_{10} , SO_2 , NO_2 , O_3 и CO). В конце 2013 г. был принят соответствующий *План действий по предотвращению загрязнения атмосферного воздуха*, рассчитанный до 2017 г. Вместе с упомянутым выше Планом он сыграл положительную роль в снижении концентрации в атмосферном воздухе вышеперечисленных видов загрязнителей. В 2015 г. — последнем году 12-й пятилетки немногим более одной пятой от 338 городов, где проводится мониторинг атмосферного воздуха, уложились в рамки предельно допустимых концентраций (ПДК). Оперативные планы принимались и по другим проблемам по мере их обострения. Так, весной 2014 г. был опубликован *План действий по предотвращению загрязнения водной среды*, рассчитанный до 2020. Водная безопасность была одной из центральных тем, обсуждаемых в Китае в 2014 г. В 2013 г. были опубликованы результаты *1-й Всекитайской переписи водохозяйственных объектов*. Весной 2014 г. в Госсовете КНР прошло заседание по проблемам водного хозяйства. Водная проблема постоянно вызывала беспокойство в стране. Воды в Китае мало: на душу населения приходится примерно в три с лишним раза меньше, чем в среднем по миру. Две трети городов испытывают недостаток воды в той или иной степени, а одна шестая — ощущает ее остро и нехватку²⁹. Источники воды распределены по территории страны крайне неравномерно: это — безводные север и северо-запад, более или менее обеспеченный водой юго-восток, «богатый» практически недоступными водными ресурсами юго-запад. Водные источники, как уже неоднократно отмечалось, в той или иной степени загрязнены.

По мнению китайских специалистов, в стране допустимый для использования объем водных ресурсов составляет около 700 млрд куб. м³⁰. В 2018 г. в стране было потреблено 611 млрд куб. м. При нынешних темпах роста (в 2018 г. они составили 1,1% против 2017 г.) к «красной линии» Китай подойдет через 12 лет. Это при нынешних темпах. Однако потребление воды растет с ростом населения, прежде всего, в быту. Растет уровень жизни — растет потребление воды, растет городское потребление — потребление снова растет. Как не переступить «красную линию» и не поступиться социально-экономическим развитием? Вопрос, ответ на который Китаю придется искать в ближайшие годы. Выход — повышение эффективности использования воды и снижение ее загрязнения, основным источником которого являются труднорегулируемые бытовые стоки, а также отходы животноводства и птицеводства. Следующим знаковым документом стал *План действий по предотвращению загрязнения почвенной среды*, рассчитанный до 2020 г. (2016 г.). Одной из причин его появления явились опубликованные весной 2014 г. результаты *Всекитайского обследования загрязнения почв*. Выяснилось, что в той или иной степени загрязнено 16,1% обследованных участков. Не уложились в рамки стандартов 19,4% участков пашни³¹. Отмечено серьезное загрязнение почвы тяжелыми металлами, что самым непосредственным образом связано с продовольственной безопасностью. Для решения этой проблемы потребуются колоссальные средства (еще до появления результатов обследования они оценивались в 10 трлн юаней) и длительное время³².

13-я пятилетка (2016–2020) началась без новых неожиданностей, зато появились новые идеи и новые инициативы. В конце 2015 г. на 5-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва были приняты *Предложения ЦК КПК относительно утверждения плана социально-экономического развития на 13-ю пятилетку*, представившие *новую концепцию* инновационного, согласованного, *зеленого*, открытого, общедоступного развития. Она

легла в основу очередного пятилетнего плана. Были обозначены достаточно сдержанные темпы экономического роста — 6,5%. В 2016–2018 гг. этих темпов в принципе удалось придерживаться (6,7; 6,8; 6,6 соответственно). Экологический блок пополнился новыми показателями. На первое место вышли такие показатели, как доля дней с «отличным» и «хорошим» качеством атмосферного воздуха в городах окружного и выше уровня, снижение концентрации $PM_{2,5}$ в городах, где она не соответствует нормам, доля поверхностных вод с качеством уровня III категории и выше и, соответственно, их доля с качеством ниже V категории, коэффициенты утилизации городских стоков и обезвреживания бытового мусора. Были существенно увеличены инвестиции: их объем, например, в 2017 г. превысил на 23,9% уровень 2016 г. и в 8,2 раза уровень 2001 г., в том числе на предотвращение промышленного загрязнения в 3,9 раза. Вложения же только в экологическое строительство и охрану окружающей среды в лесном хозяйстве выросли на 27,5% по сравнению с 2012 г.³³ В период 2012–2017 гг., за пять лет, было выведено из эксплуатации в металлургии суммарно мощностей на 170 млн т, в угольной промышленности — 800 млн т³⁴, а в 2018 — 35,0 и 270,0 млн т соответственно. Доля угольных электростанций, переведенных в режим сверхнизких выбросов загрязняющих веществ, по суммарной мощности росла бурными темпами: 2016 г. 47%, 2017 — 71%, 2018 г. — 80%³⁵. В результате в 2018 г. в 121 из 338 городов (35,8% или чуть более 1/3) качество атмосферного воздуха отвечало установленным нормам. Их число увеличилось на 14,2% по сравнению с 2015 г. Среднегодовая концентрация $PM_{2,5}$ составила 39 мкг/м куб., сократившись на 22,0% по сравнению с 2015 г. (ПДК — 35 мкг/м куб.). Доля городов с превышением ПДК составила 56,2%.

Площадь территорий, подвергавшихся кислотным дождям, составила 530 тыс. кв. км — 5,5% территории страны против 10,6% в 2013 г. Далее. Доля контрольных участков поверхностных вод с качеством воды не ниже III категории в 2018 г. составила 71,0% против 67,8% в 2016 г., а категории ниже V — 6,7% против 8,6% в 2016 г. Коэффициент утилизации городских сточных вод составил 94,7% против 34,3% в 2000 г., а коэффициент обезвреживания городского мусора — 97,8% против 58,2% соответственно³⁶. В период с 2012 по 2017 г. лесная площадь увеличилась на 10,9 млн га, а пустыни ежегодно сокращались на 2 тыс. кв. км³⁷.

Шагом вперед стал очередной XIX съезд КПК в октябре 2017 г.³⁸. Особое внимание на нем было уделено экологическим проблемам. Они нашли свое место в концепции «Социализм с китайской спецификой новой эпохи», представленной на съезде. Вот несколько важнейших положений, входящих в экологический блок концепции: обеспечение гармоничной синергии человека и природы; формирование экологической цивилизации; «зеленые горы и изумрудные воды — бесценное сокровище»; «зеленая» модель развития и «зеленый» образ жизни; необходимость построения «прекрасного Китая». Отражены они и в новом двухэтапном плане развития Китая, который носит стратегический характер.

На первом этапе, с 2020 по 2035 г., предполагается коренным образом улучшить ситуацию и в основном выполнить задачу создания «прекрасного Китая», а на втором этапе, с 2035 г. по середину столетия — значительно повысить уровень экологической цивилизации. В самостоятельном разделе Доклада генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина представлен по сути план действий в области охраны окружающей среды, расставлены акценты. Коротко — это: стимулировать зеленое развитие; сосредоточить силы на решении острых экологических проблем; усилить динамику охраны экологической системы; реформировать систему экологического мониторинга и контроля. Можно подчеркнуть, что экологическая цивилизация — это весь спектр отношений человека и природы. Она охватывает все сферы деятельности человека и жизни человека — как об-

щественной, так и частной. «К экологии следует относиться, как к собственной жизни», отмечалось в докладе.

Уже на 1-й сессии ВСНП 13-го созыва (март 2018 г.) решения XIX съезда КПК стали принимать конкретные формы. Прозвучал призыв о выполнении «трех сложнейших задач», в числе которых и экологические проблемы. В докладах на сессии ВСНП, как никогда ранее, уделялось столько внимания этим проблемам. Самым заметным решением стало реформатирование Министерства охраны окружающей среды. Новое ведомство стало называться Министерством экологии и окружающей среды. Уже в самом его названии устанавливалось «равноправие» между вопросами, связанными с нарушением экологического равновесия, и вопросами, связанными с охраной окружающей среды, прежде всего, с ее загрязнением. Самым же крупным событием 2018 г. стало состоявшееся в мае *Всеитайское совещание по вопросам защиты экологии и охраны окружающей среды*. Предыдущие совещания (последнее, 7-е, проходило в декабре 2011 г.) назывались Всеитайскими совещаниями *по охране* окружающей среды. В организации и проведении совещания самую активную роль сыграл ЦК КПК. На нем присутствовали и выступали с речами трое из семи (!) членов ПК Политбюро ЦК КПК, и в первую очередь генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин, премьер Госсовета КНР Ли Кэцян, вице-премьер Хань Чжэн. Впервые совещание по охране окружающей среды проводилось на столь высоком уровне. Была официально принята концепция Си Цзиньпина об экологической цивилизации. Она является частью концепции социализма с китайской спецификой новой эпохи. В своей речи Си Цзиньпин подвел черту, подытожил свои предыдущие выступления по экологической проблематике, в том числе и на XIX съезде КПК, дал квинтэссенцию своих взглядов на строительство экологической цивилизации. Например, генеральный секретарь ЦК КПК обозначил основные принципы, которыми необходимо руководствоваться при движении вперед по пути строительства экоцивилизации в новую эпоху (некоторые из них перекликаются с его Докладом на XIX съезде КПК). Это — обеспечение гармонии между человеком и природой, «изумрудные воды и зеленые горы — бесценное сокровище», приоритет решению экологических проблем, касающихся благополучия людей и прежде всего — их здоровья, «горы, реки, леса, поля, озера, степи — жизненное единство», охрана окружающей среды требует наилучших институциональных решений, всей планетой строить экоцивилизацию. При этом он подчеркнул важность усиления партийного руководства в битве с загрязнением окружающей среды.

Столь пристальное внимание к экологической проблематике со стороны КПК можно объяснить тем, что ситуация в стране непростая. К тому же Китай вступает в период знаковых юбилеев: 40-летие реформ, 70-летие образования КНР, следующий, 2020-й, год — последний год полного построения общества средней зажиточности, где весом экологический компонент. И, наконец, 2021 год — год 100-летия образования КПК. Все это, несомненно, накладывает дополнительную ответственность на руководство страны. И партия, и лично Си Цзиньпин решили возглавить «великий поход» к реализации идей экологической цивилизации.

Сегодня же, так или иначе, перед страной стоят крайне сложные задачи, и сделать предстоит очень многое. За прошедшие 70 лет, и особенно за последние годы, в области охраны окружающей среды страной достигнуты впечатляющие результаты, и это — непреложный факт! Однако, к сожалению, в 2018 г. качество атмосферного воздуха почти 2/3 китайских городов не отвечало стандарту, хотя количество городов, где стандарты были выдержаны, увеличилось на 6,5% по сравнению с 2017 г. Состояние поверхностных вод явно улучшается. Доля контрольных участков с водой ниже V категории сократилось до 6,7%, что на 1,6% ниже уровня 2017 г. Это в среднем. Но, например, на главном русле реки Хайхэ этот показатель составил 50% и остался неизменным по сравнению с 2017 г., а на главных притоках реки Ляохэ — 35% соответст-

венно³⁹. Отдельный вопрос — энергетика и окружающая среда. В 2018 г. потребление энергии КНР составило 24% общемирового, а это означает, что энергоемкость китайской экономики в 1,5 раза выше среднемирового уровня. Главным энергоносителем остается уголь, несмотря на самые энергичные меры по упорядочению и санации этой отрасли. Китай сумел снизить удельный вес угля в энергопотреблении до 59%. Однако снижение удельного веса не означает, что угля стало потребляться меньше: напротив, добыча угля выросла в 2018 г. на 4,5%, а его потребление — на 1%⁴⁰. В 2018 г. на Китай пришлось 46,0% добычи и 50,5% потребления от мирового⁴¹. Что касается альтернативных энергоносителей, то в стране уже на 75% использован доступный гидропотенциал рек. Бурными темпами развивается ветро- и геозенергетика, но сегодня трудно представить, что эти, безусловно, важные и необходимые энергоносители станут основой ТЭК такой экономики, как китайская. И последнее, парниковые газы. Китай успешно выполняет озвученные им обязательства: в 2018 г. объем выбросов CO₂ в расчете на единицу ВВП снизился на 45,8% по сравнению с уровнем 2005 г. Ранее было заявлено, что это сокращение составит 40–45% к 2020 г. Скорее всего, удастся сократить этот показатель на 60–65%, как это и было объявлено ранее, к 2030 г. Но остается фактом, что Китай является лидером по эмиссии двуокиси углерода (CO₂). По оценкам Международного энергетического агентства (МЭА)⁴², в 2018 г. на него пришлось 28,6% от общемирового выброса. Выбросы CO₂ в расчете на единицу ВВП Китая в 1,8 выше среднемировых. Китай выбрасывает CO₂ почти вдвое больше чем США, а в расчете на единицу ВВП — примерно в три раза больше.

В Китае хорошо понимают всю сложность ситуации и проявляют готовность решать экологические проблемы. И, на наш взгляд, есть все основания полагать, что кампании по пропаганде концепции Си Цзиньпина об экологической цивилизации не превратятся в кампанейщину, а мечта об экологической цивилизации, которая постепенно начнет принимать реальные очертания, — в мираж.

1. Синьхуа. 30.11.2012.
2. Чжунго хуаньцзин баоху ши (1981–1985 гг.): [Дело охраны окружающей среды в Китае]. Пекин, 1988. С. 11.
3. Чжунго хуаньцзин тунци, 2000:[Китайская экологическая статистика. 2000]. Пекин, 2003. С. 232–413.
4. China's Economic Transformation Over 20 Years. Beijing, 2000. P. 239.
5. 1996 Чжунго шэнтай хуаньцзин чжуанкуан гунбао: [Бюллетень о состоянии окружающей среды в 1996 г.]. Пекин, 1997.
6. Синь чжунго шэнтай яньбянь 60 нянь: [Изменения окружающей среды в новом Китае за 60 лет]. Пекин, 2010. С. 218, 354.
7. Цюань го шэнтай сяньчжуан дяоча ю пингу: [Обследование и оценка состояния окружающей среды в Китае]. Пекин, 2005. С. 65.
8. Гоця хуаньцзин баоху «Ши и у» гуйхуа: [Государственный план по охране окружающей среды в 11-й пятилетке]. Пекин, 2008. С. 2–3; Синь ши ци хуаньцзин баоху. Чжунъяо вэньсянь сюаньбянь: [Охрана окружающей среды в современный период. Сборник наиболее важных документов]. Пекин, 2001. С. 408–409.
9. Гоця хуаньцзин баоху «Ши и у» гуйхуа. С. 2–3.
10. Чжунго хуаньцзин бао: [Китайская экологическая газета]. 27.12.2007.
11. 2012. Чжунго хуаньцзин тунци няньцзянь: [Китайский статистический ежегодник по окружающей среде за 2012 г.]. Пекин, 2012. С. 15, 47.
12. Там же. С. 131.
13. Синьхуа. 07.09.2009.
14. Чжунго шэнтай хуаньцзин чжуанкуан гунбао: [Бюллетени о состоянии окружающей среды в Китае] за 2001–2010 гг.

15. 2012. Чжунго хуаньцзин тунци няньцзянь. С. 141.
16. Синьхуа. 04.05.2009.
17. 2012. Чжунго хуаньцзин тунци няньцзянь. С. 152–153.
18. Синьхуа. 14.10. 2007.
19. Синьхуа. 18.02.2008.
20. Жэньминь жибао. 22.12.2010.
21. Energy Environment Development 2009. Beijing, 2010. P. 199.
22. Чжунго хуаньцзин бао. 13.08.2008.
23. Синьхуа. 12.06.2007.
24. Чжунго хуаньцзин бао. 10.02.2010.
25. Синьхуа. 29.10.2012.
26. Подробнее см.: Ушаков И.В. Загрязнение окружающей среды в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 4. С. 81–92.
27. Цзинци жибао: [Экономическая газета]. 30.05.2014.
28. URL: http://www.gov.cn/guowu yuan/vom/2016-02/22/content_504460.htm.
29. Синьхуа. 11.02.2011.
30. URL:http://www.gov.cn/xinwen/zb_xw602/index.htm.
31. URL: <http://www.mep.gov.cn/gkml/hbb/qt/201404/WO20140417558995804588.pdf>.
32. Синьхуа.09.12.2013.
33. URL: www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201907/t20190718_1677012.html.
34. Russian.people.com.cn/n3/2018/0323/c95181-9441245-16.html.
35. 2018 Чжунго шэнтай хуаньцзин чжуанкуан гунбао: [Бюллетень о состоянии окружающей среды в 2018 г.]. Пекин, 2019.
36. URL: www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201907/t20190718_1677012.html.
37. Russian.people.com.cn/n3/2018/0323/c95181-9441245-16.html.
38. Подробнее см.: Ушаков И.В. Экологическая повестка XIX съезда КПК// Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 1. С. 81–90.
39. 2018 Чжунго шэнтай хуаньцзин чжуанкуан гунбао. Пекин, 2019.
40. URL: www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201902/t20190228_1651335.htm.
41. URL: www.coalchina.jrg.cn/detail/19/06/12/00000007/content.html?path=19/06/12/00000007.
42. URL: www.iea.org/geco/emissions/data tables.

Внешняя политика Китая в год 70-летия образования КНР

© 2019

С.В. Уянаев

В статье анализируются основные особенности и направления, которые характеризуют внешнеполитический курс Китая в год 70-летнего юбилея КНР и установления дипломатических отношений между Россией/СССР и Новым Китаем. Особое внимание автор уделяет состоянию текущих российско-китайских отношений, на примере событий 2018–2019 гг. показывает их достижения и еще не решенные вопросы. В статье делается вывод, что нынешняя внешняя политика КНР — это международная политика динамично развивающейся крупной державы. Российско-китайские отношения опираются на встречные интересы, имеют поэтому хорошие перспективы, должны развиваться на благо прочного добрососедства.

Ключевые слова: КНР, Россия, внешняя политика, юбилей, партнерство, достижения, взаимодействие, вызовы.

DOI: 10.31857/S013128120007133-7

Юбилейный год 70-летия КНР дипломатия нынешнего Китая встречает в качестве внешнеполитической службы динамично развивающейся страны, которая в текущем столетии стала крупным актором глобальной и региональной политики, декларирует намерение играть все более возрастающую роль в мировых делах и глобальном управлении. Являясь постоянным членом СБ ООН и легитимной «пятерки ядерного клуба», все более активным участником практически всех важных многосторонних объединений и форматов, от G20 и АСЕМ до ВТО и МВФ, наращивая институциональный диалог с крупными региональными группировками типа ЕС и АСЕАН, выдвигая политико-экономические проекты трансконтинентального охвата («Сообщество единой судьбы человечества», Инициатива «Пояс и Путь») и опираясь на ускоренно развивающийся уже несколько десятилетий экономический потенциал, Китай объективно претендует сегодня на статус одной из наиболее крупных держав.

Эта цель достаточно отчетливо формулируется в основополагающих правительственных документах. Так, прошедший в октябре 2017 г. XIX съезд КПК, зафиксировав, что «международный статус Китая» поднят «на небывалую высоту», вновь подчеркнул задачу «по всестороннему построению модернизированного социалистического государства», которое к столетнему юбилею КНР «по совокупной национальной мощи и международному влиянию войдет в число стран-лидеров». Другой версией этой же цели можно рассматривать базовый для сегодняшнего Китая лозунг «китайской мечты о великом возрождении нации», которая должна быть реализована к середине столетия, когда Китай

«сможет предстать в семье мировых наций с более гордо поднятой головой». Непременная при этом оговорка гласит, что КНР не имеет гегемонистских намерений, неизменно выступает против гегемонизма, за суверенитет и равноправный миропорядок.

Одним из наиболее действенных средств, используемых для создания благоприятных условий при осуществлении всех этих задач, в КНР (как и во многих других странах, включая РФ) традиционно называют как раз внешнеполитический инструментарий и олицетворяющую его дипломатическая службу. Не случайно ее глава Ван И — это один из трех министров, кто одновременно является членом Госсовета КНР — высшего исполнительного органа, своего рода «президиума правительства».

Выступая на приеме в МИД КНР 31 января 2019 г., министр Ван И, подводя итоги работы министерства за предыдущий год, одновременно вновь очертил основные приоритеты сегодняшнего международного курса КНР¹.

Прежде всего прозвучало важное упоминание, что в 2018 г. дипломатические идеи Си Цзиньпина (с их ключевой концепцией «создания сообщества с единой судьбой для человечества») утвердились в качестве «фундаментальной руководящей линии для китайской внешней политики в новую эру». Далее глава китайской дипломатии подчеркнул ее крупные успехи и заявил, что по мере приближения Китая «к центральному месту на мировой арене, все более очевидной и выдающейся становится его роль», а также указал, что в истекшем году Китай, «вступивший в новую фазу державной внешней политики с китайской спецификой», зарекомендовал себя как важный фактор укрепления международного мира, важный сторонник миропорядка на основе мультилатерализма, как важный «мотор развития» и проводник политики открытости и сотрудничества в противовес протекционизму. Актуально видится констатация, что после XVIII съезда КПК (на нем, напомним, в 2012 г. было утверждено нынешнее руководство страны) «дипломатия Китая открыла для себя новые возможности». Это может указывать на факт, что непростая дискуссия, ведущаяся в КНР с начала 2010-х годов между противниками и сторонниками отказа от многолетнего следования формуле Дэн Сяопина «не высовываться, копить силы», ныне решается все же в пользу последних. Если это так, то очевидная активизация и возросшая наступательность внешней политики КНР 2010-х годов постепенно оформляется, похоже, и на концептуальном уровне.

В приведенном выступлении (как и в прозвучавшем чуть позже интервью в «Жэньминь жибао»²) министр очертил ближнесрочные задачи такой активной политики, которые можно сгруппировать следующим образом.

Во-первых, КНР намерена продолжить курс «на мирное развитие» и продвижение «межгосударственных отношений нового типа», основанных на равенстве, уважении, «обоюдном выигрыше и уходе от игр с нулевой суммой». Эти принципы будут востребованы в системе и двусторонних, и многосторонних партнерских отношений КНР, в частности, в таких форматах и рамках экономического сотрудничества, как Китай—ЕС, Китай—АСЕАН, Китай—Африка, диалог с арабским миром и Латинской Америкой, где КНР будет продвигать «открытость, глобализацию и торговые свободы». Особая роль будет по-прежнему уделяться кооперации по Инициативе «Пояс и Путь» (ИПП), а посвященный ей Второй форум высокого уровня (апрель, Пекин) уже занял место крупнейшего мероприятия дипломатии КНР в 2019.

Во-вторых, КНР продолжит выступать за многосторонний миропорядок на основе центральной роли ООН, будет, по словам Ван И, вносить вклад в глобальные ответы на глобальные вызовы, используя площадки G-20, ШОС, БРИКС и наращивая участие в глобальном управлении.

В-третьих, КНР будет продолжать играть роль «медиатора» в «горячих точках», усиливая свой «уникальный» вклад в их умиротворение. В частности, как указал министр, речь идет о поиске путей денуклеаризации и обеспечения мира на Корейском полуострове, об урегулировании иранской ядерной проблемы и положения в Палестине и Сирии.

В-четвертых, Ван И вновь указал на связь задач внутреннего и внешнего развития страны, подчеркнув, что китайская дипломатия будет «делать все возможное, чтобы создать в целом благоприятную внешнюю среду» для политики реформ и развития, «использовать свои преимущества, чтобы противостоять различным рискам и вызовам и исследовать различные рынки». Кроме того, министр особо выделил «стойкую» решимость «продолжать защищать законные права и интересы Китая». «Это священная миссия китайской дипломатии», — подчеркнул Ван И, напомнив, что КНР «никогда не допустит ущемления» этих прав и интересов. Очевидно, что прежде всего имеется в виду защита принципов «единого Китая» и «национального суверенитета», в том числе применительно к вопросам Тайваня, Сянгана, Аомыня, островов в ЮКМ, а также Синьцзяна и Тибета.

Как подчеркивает китайское руководство, выполнение перечисленных задач будет означать вступление державной внешней политики с китайской спецификой, которую проводит КНР, в «новую фазу»³.

Согласно информации МИД КНР, после обмена посольствами с Доминиканской Республикой, Сальвадором и Буркина-Фасо в 2018 г. число стран, с которыми КНР имеет дипломатические отношения, достигло 178. Традиционно деля эти страны на три группы — «крупные», «соседние» и «развивающиеся», напоминая о задаче развития с ними отношений «нового типа», руководители китайской дипломатии сегодня чаще всего выделяют связи с США, Россией, ведущими странами Западной Европы (все причисляются к «крупным странам»). Затем упоминаются развивающиеся страны, которые часто являются одновременно и соседями КНР. Причем в этом общем и по-своему «рейтинговом» перечне первой нередко выступает РФ.

Российско-китайские отношения

Как неоднократно отмечали китайские руководители, политики и эксперты, реализованным примером упомянутого «нового типа» межгосударственных (междержавных) отношений сегодня являются китайско-российские отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. В феврале–марте 2019 г. глава МИД КНР в очередной раз дал высокую оценку связям КНР с РФ. «Всеобъемлющее стратегическое партнерство и координация действий с Россией, развиваясь на высоком уровне, остается прочным и служит источником стратегической стабильности в мире», — подчеркнул китайский министр. Напомнив, что в 2019 г. отмечается не только 70-летний юбилей КНР, но и такая же дата в двусторонних отношениях, и одновременно выразив уверенность, что «китайско-российские отношения непременно возьмут новую высоту», Ван И заявил: «Мы будем в полной мере использовать празднование 70-летия установления дипломатических связей для того, чтобы высокоуровневая стратегическая координация с Россией продвигалась по всем направлениям»⁴.

Сегодняшний этап руководители двух стран называют лучшим за всю 400-летнюю историю двусторонних отношений. Такая характеристика, похоже, во многом связана с тем, что последние 25 лет — это период, когда, пусть и при наличии еще нерешенных вопросов, имело место устойчивое, планомерное и стабильно повышательное развитие связей двух стран. Стороны «закрыли» вековую территориальную проблему, поддерживают друг друга по вопросам коренных национальных интересов. Создан многоярусный и многопрофильный механизм сотрудничества. Он действует в самом широком спектре областей, от экономики до обороны и безопасности, а на его вершине находятся регулярные встречи на высшем уровне. Подсчитано, что к юбилейному году 70-летия отношений между КНР и Россией/СССР Председатель Си Цзиньпин и Президент Путин с 2013 г. уже встретились порядка 30 раз. Высокий уровень политического доверия стороны стремятся конвертировать в практические дела, прежде всего, в экономике. Растут взаимная торговля и инвестиции. Стороны реализуют договоренности по интеграции сис-

темных евразийских проектов двух стран — сопряжению строительства ЕАЭС и Инициативы «Пояс и Путь»; такое сопряжение может стать прологом к интеграции более широкого масштаба в рамках предложенного Россией Большого Евразийского партнерства.

Неотъемлемая часть сотрудничества двух стран — взаимодействие и по вопросам международной политики. Оно строится на базе ненаправленности против третьих стран, своими главными приоритетами полагает построение равноправного миропорядка при центральной роли ООН, мирный способ урегулирования проблем, в том числе в горячих точках, соблюдение универсальных норм международного права. Нынешняя международная турбулентность актуализирует это направление, ставит перед двумя странами новые вызовы, связанные с общим деструктивным курсом США, оказывающих к тому же одновременное давление на РФ и КНР.

Перечисленные тенденции и события определяют и нынешнюю формулу развития российско-китайских отношений. Она включает: укрепление взаимного доверия, в том числе развитие стратегического диалога на высшем и высоком уровне; взаимную поддержку по коренным национальным интересам (суверенитет, территориальная целостность); совершенствование сотрудничества в торгово-экономической и других практических областях; взаимодействие в сфере обороны и безопасности, включая ответы на традиционные и новые вызовы; продвижение гуманитарных связей; усиление координации по международным вопросам.

Такая формула хорошо иллюстрируется событиями 2018–2019 гг., в том числе теми, которые уже открыли и сопровождают год 70-летнего юбилея.

В 2018 г. высшие руководители двух стран продолжили доверительный личный диалог и по традиции последних лет провели несколько двусторонних встреч: в ходе очередного официального визита главы Российского государства в КНР (июнь), во время Экономического форума во Владивостоке (сентябрь), на полях саммитов БРИКС (июль, ЮАР), G20 (ноябрь, Аргентина). В Пекине и Владивостоке были подписаны важные документы (всего 23), в том числе в сферах инвестиций, транспортных перевозок, атомной энергетики, космоса, науки, а также в сфере совместных проектов на Дальнем Востоке РФ, рассчитанных на 2018–2024 гг.

В Аргентине В.В. Путин пригласил Си Цзиньпина принять участие в Петербургском экономическом форуме-2019, в ответ получил приглашение Председателя КНР стать участником 2-го Форума высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках ИПП в апреле 2019 г. в Пекине.

В рамках действующего с 1996 г. механизма ежегодных встреч глав правительств РФ и КНР в ноябре 2018 г. в Китае находился председатель Правительства РФ Д.А. Медведев, который вместе с премьером Госсовета КНР Ли Кэцяном принял участие в 23-й регулярной встрече на высшем правительственном уровне. По итогам переговоров было подписано 12 документов, включая соглашения и меморандумы о сотрудничестве в торгово-экономической, сельскохозяйственной и других областях.

В 2018–2019 гг. стороны продолжили диалог на уровне спикеров парламентов, руководителей Администрации президента РФ и Канцелярии ЦК КПК, высших функционеров КПК и лидеров ведущих партий России.

Традиционно насыщенно выглядят контакты по линии руководства внешнеполитических ведомств. С.В. Лавров и Ван И в апреле 2018 г. обменялись визитами, в ходе которых российский министр был принят Председателем КНР, а его китайский коллега — Президентом России. Кроме того, до конца года министры провели двусторонние встречи на полях ряда международных мероприятий, в частности по линии ООН, «Группы 20», АТЭС, БРИКС, ШОС, переговоров в Вене по иранской ядерной проблеме. В конце февраля 2019 г. С.В. Лавров и Ван И общались на полях министерской встречи РИК в китайском г. Учжэне.

Действует система плановых консультаций на уровне заместителей министров и директоров департаментов МИД. Это отражает не только высокую степень совпадения или близости позиций по принципиальным вопросам современного миропорядка и ключевым международным проблемам, включая ситуацию на Украине, на Корейском полуострове, Ближнем Востоке, в Латинской Америке, но и тесную координацию по перечисленным и многим другим вопросам. Один из многих примеров — консультации по вопросам борьбы с терроризмом, очередного раунд которых прошел в декабре 2018 г. в Пекине на уровне заместителей глав МИД.

Одной из сторон сотрудничества, свидетельствующей о высокой степени взаимодоверия, является сфера обороны и военно-технического сотрудничества. В апреле 2018 г. в Москве находился министр обороны КНР Вэй Фенхэ, а Пекин для участия в заседании министров обороны государств — членов ШОС посетил министр обороны РФ Сергей Шойгу. Месяцем позже в китайской столице прошел 20-й раунд стратегических консультаций между вооруженными силами двух стран, которые проводятся на уровне заместителей начальников Генеральных штабов. В июле 2018 г. гостем китайских коллег был командующий сухопутными войсками РФ.

Новым этапом оборонного сотрудничества через два месяца стало участие порядка 3200 китайских военных (им было придано более 900 единиц техники, 30 вертолетов и другой авиатехники) в крупнейших российских стратегических учениях «Восток-2018». Это стало знаковым продолжением традиции проводимых с середины 2000-х годов (как правило, под эгидой ШОС) совместных маневров «Мирная миссия». Такие маневры в очередной раз прошли в августе 2018 г. в Челябинске. С 2012 г. проводятся также российско-китайские учения ВМФ «Морское взаимодействие».

По линии военно-технического сотрудничества сторонами практически реализован контракт 2015 г. на поставку в КНР 24 истребителей СУ-35С, ставших, по некоторым китайским оценкам, «основной силой военно-воздушных сил КНР». До конца 2020 г. будет завершен и контракт на поставку в Китай двух полковых комплектов зенитных систем С-400 «Триумф». Иными словами, на данном этапе вновь, как это было в 1990-е, КНР заняла заметное место на российском оружейном рынке (12% в 2013–2017 гг.). Причем в 2016–2017 гг. стороны выходили на уровень порядка 3 млрд долл. годового объема реализации контрактов.

Важнейшей составляющей двусторонних отношений является торгово-экономическое взаимодействие. Китай с 2010 г. является крупнейшим торговым партнером РФ. В 2018 г. взаимный товарооборот достиг рекордной отметки — более 108 млрд долл. (по данным ФТС России). Масштабы взаимных инвестиций пока значительно отстают от объемов двусторонней торговли и оцениваются в 12–13 млрд долл. При этом инвестиционные вложения Китая в российскую экономику значительно превосходят инвестиции России в Китай. По линии Межправкомиссии по инвестиционному сотрудничеству реализуются более 70 приоритетных проектов на сумму свыше 20 млрд долл. Среди них — проекты в сфере топливной и ядерной энергетики (Тяньваньская АЭС), гражданского авиастроения (широкофюзеляжный самолет и тяжелый вертолет), ракетного двигателестроения, спутниковых навигационных систем, сооружения объектов инфраструктуры (почти готовые автомобильный и ж/д мостовые переходы через Амур (Баговещенск — Хэйхэ и Нижнеленинское — Тунцзян).

Россия является для КНР крупнейшим экспортером нефти (71,5 млн т в 2018 г., 15,5% импортных потребностей КНР). Стороны совместно участвуют в проекте «Ямал СПГ» по добыче и сжижению природного газа. Начав работу в декабре 2017 г., предприятие уже менее чем за год отгрузило потребителям в 14 странах мира, включая КНР, 4 млн т СПГ. На конец 2019 г. намечен ввод в эксплуатацию газопровода «Сила Сибири», который предполагает поставку в КНР 38 млрд куб. м газа в год. Дан новый импульс

проекту поставок газа и по «западному маршруту» («Алтай»), где речь идет о поставках из РФ еще порядка 30 млрд куб. м газа в год.

Другая традиционная статья экспорта в Китай — древесина, российские поставки которой удовлетворяют более 30% импортных потребностей Китая.

Большая работа проводится в рамках Межправкомиссии по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона России и Северо-Востока Китая. В центре внимания ее 2-го заседания, которое прошло в августе 2018 г. в Далайне, были вопросы расширения приграничной инфраструктуры и международных транспортных коридоров (Приморье 1, Приморье 2). Согласно статистическим данным, китайские предприятия инвестировали в 28 проектов на Дальнем Востоке, в такие сферы, как лесное хозяйство, сельское хозяйство, строительные материалы, легкая промышленность, горнодобывающая промышленность, торговля. Общий объем инвестиций составил около 4 млрд долл.

Активно развиваются российско-китайские связи в области гуманитарного сотрудничества в сферах образования, науки и культуры, туризма и спорта. Так, по итогам 2017 г. РФ посетили почти 1,5 млн туристов из КНР.

На фоне перечисленных достижений было бы неверно говорить, что юбилейная дата в двусторонних отношениях проходит на фоне исключительно побед и успехов. Недостатков, нерешенных вопросов немало, они касаются разных сфер взаимодействия. Чаще всего речь идет об экономике. В частности, по-прежнему вызывает вопросы несбалансированность товарной структуры двусторонней торговли, где России не удается уйти от крена в сторону экспорта сырья, в то время как из КНР она стабильно импортирует большой объем продукции машиностроения. Не удается выйти и на достойный уровень инвестиционного сотрудничества. Здесь продолжают действовать барьеры недостаточной совместимости кредитно-финансовых и управленческих моделей, неудовлетворительного для сторон инвестиционного и административного климата, различных бюрократических проволочек. Многие из этих вопросов сказываются и на взаимодействии по объявленному системным «сопряжению» Инициативы «Пояс и Путь» с экономическими проектами РФ: нацеленное как раз на инвестиционное сотрудничество, такое сопряжение испытывает все перечисленные выше сложности.

Порой мешают «шумы», связанные с непрым прошлым отношений, все еще недостаточным знанием друг друга, а также провокационной политикой третьих стран, зачастую нагнетающих в отношениях РФ и КНР различные фобии. Наконец, вряд ли возможен предел в деле совершенствования взаимодоверия, в том числе стратегического, где всегда останется пространство для дальнейшей работы.

Однако обе стороны признают, что существующие трудности не умаляют значения двусторонних отношений, не должны драматизироваться, могут планомерно преодолеваются на благо добрососедства и развития двух стран.

1. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/2461_663310/t1634534.shtml.
2. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0202/c31521-9543724.html>.
3. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/2461_663310/t1621221.shtml.
4. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0202/c31521-9543724.html>;
URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0308/c31521-9553984.html>;
URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/2461_663310/t1634534.shtml.

Год 2019: «Большая тройка» в череде юбилеев

© 2019

А.С. Давыдов

В статье обобщаются основные итоги взаимоотношений между Россией, Китаем и Соединенными Штатами Америки, достигнутые к нынешнему 2019 году, являющемуся для них «юбилейным» по целому ряду поводов. Предлагаются некоторые рекомендации по упорядочению этих взаимоотношений и улучшению «климата» внутри «большой тройки».

Ключевые слова: Россия, Китай, США, взаимоотношения, баланс сил, баланс интересов.

DOI: 10.31857/S013128120007134-8

Сложилось так, что нынешний 2019 год стал в определенном смысле юбилейным для стран т.н. большой тройки — Китая, России и США.

Для Китая — это год 70-летия КНР, 40-летия установления дипломатических отношений с Соединенными Штатами и, фактически, полувекковая годовщина с начала обоюдной инициации американо-китайского сближения, возникшей с приходом в 1969 г. в Белый дом Ричарда Никсона.

Для России 2019 год знаменует не только 70-летие установления дипотношений с Китайской Народной Республикой на следующий день после торжественного провозглашения Мао Цзэдуном ее образования с трибуны на площади Тяньаньмэнь¹, но и 50-летие событий на острове Даманский, обозначивших кульминацию советско-китайского конфликта и пик нагнетания в отношениях двух стран напряженности, грозившей перерасти в широкомасштабную войну между ними.

Для Америки приход полвека назад Р. Никсона во власть связан как с нормализацией отношений с КНР, так, одновременно, и с началом вызревания американо-советской разрядки.

В то же время нынешний год позволяет подвести некоторые итоги взаимоотношений этих стран в двустороннем и трехстороннем форматах почти за два десятилетия XXI века, первым из которых стало произошедшее у них избавление от иллюзий.

Китаю пришлось осознать, что его геополитическое и технологическое возвышение, в отличие от экономического, воспринятого Америкой относительно спокойно и сдержанно, вызвало у нее активное неприятие и осложняет не только двусторонние отношения США и КНР, но и ситуацию в мире в целом.

В США внутренне прониклись пониманием того, что шансы Америки на сохранение и консервацию однополярного мира вовсе не так велики и бесспорны, как ей казалось еще десять лет назад. Поэтому необходимо обновление не только тактики, но и стратегии.

Давыдов Андрей Сергеевич, кандидат исторических наук, заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока», ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.
E-mail: davydov@ifes-ras.ru.

А у российской политэлиты, хотя не у всей, наступило прозрение, что одного лишь «ветра с Востока, пойманного Россией в ее паруса» явно недостаточно для решения стоящих перед страной задач. А потому начала рушиться иллюзия веры в то, что с Китаем у нас «единый путь и общие цели», и стоит лишь соединиться с ним союзными узами или, на худой конец, еще больше упрочить партнерские связи, это принесет якобы «скорые и обильные плоды».

Хотя российско-китайские отношения признаются сегодня «наилучшими за все предшествующие годы», это не совсем справедливо, если оценивать их состояние не только в новом XXI столетии, но на протяжении всей второй половины XX века, включая советский период, поскольку нынешняя Россия объявила себя правопреемницей СССР.

Самыми хорошими отношения двух стран выглядели в годы т.н. великой дружбы в первой половине 1950-х, когда повсеместно и в СССР, и в КНР в обиходе звучал лозунг «Русский с китайцем — братья навек!». Но дружба эта для обеих стран отсвечивала оттенком некой корысти: Китай был заинтересован в восстановлении страны с помощью советских специалистов и льготных кредитов, а СССР — в самом многонаселенном в мире союзнике с неограниченной и дармовой рабочей силой.

После смерти Сталина у «братьев» возник негласный спор: кто возглавит сформировавшийся к тому времени «лагерь социализма»? Ни Хрущев, ни Мао уступить друг другу не захотели. Дальнейшее известно: союз распался, и пути двух стран надолго разошлись.

До определенного момента каждая из них развивалась по-своему, но обе — на рельсах плановой экономики. Однако когда и в СССР, и в КНР ее лимиты себя исчерпали и появилась потребность перехода к рынку или хотя бы к сочетанию плановых и рыночных начал, стороны избрали разные подходы к решению возникших проблем: Китай дальновидно и решительно пошел на отделение экономики от идеологии, а точнее, стал трактовать коммунистическую идею так, что она перестала быть препятствием на пути задуманных им реформ и стала способствовать их осуществлению.

В СССР добиться такого не удалось, и в результате в то время, когда КНР погрузилась в процесс реального экономического строительства, в Советском Союзе, а после его распада — в России, те, кто нарек себя «молодыми реформаторами», занялись не восстановлением хозяйства страны, а погрязли исключительно в идеологическом шаманстве. Главной их целью был не выход из экономического тупика, а «декоммунизация — любой ценой», даже за счет обнищания российского населения, в чем они откровенно признавались впоследствии. Это привело к печальным итогам, включая тотальный крах ельцинского режима.

Все эти обстоятельства, как и историческую хронику взаимоотношений двух стран, следует учитывать сегодня, когда все чаще слышатся разговоры о необходимости воссоздания российско-китайского союза, которые в России инициируются представителями определенных слоев и структур (в основном, силовых), туманно представляющими особенности, нюансы и геополитические последствия подобного шага. В КНР они вызывают в разных кругах неоднозначное отношение: негативное у бизнеса и одобрительное в военной сфере.

Хотя прагматизм и здоровый цинизм сами по себе не являются предосудительными при проведении государством его внешней политики, недопустимо, когда они поспособничают предательству прежних интересов и обязательств, нарушению достигнутых прежде договоренностей. Так, при налаживании китайско-американских связей, перейдя от враждебности к сближению с Вашингтоном, Пекин проделал обратную эволюцию в отношениях с Москвой.

В результате Китай твердо встал на путь «баланса сил», знакомый ему еще с древних времен, когда в противостоянии с более сильными соперниками часто приходи-

лось сталкивать их друг с другом. Выиграв от советско-американского противоборства, Пекин зарекся в дальнейшем от вступления с кем-либо в договорные союзы и коалиции.

Кроме того, созданию российско-китайского союза ныне препятствует целый ряд факторов, среди которых:

а) политические разногласия и несовпадения во мнениях между РФ и КНР по целому ряду вопросов²;

б) отличия в нюансах конкретных политических целей сторон при общих совпадениях в стратегиях, тактиках и видении путей развития;

в) сохранение (еще с царских времен) у Китая территориальных претензий к России;

г) распространение мифов о тех или иных «совместимостях» в экономиках обеих стран;

д) существенные различия в национальных психотипах населения двух государств, которые накладывают свой отпечаток на позицию и поведение каждого из них.

Все это ставит под вопрос идею создания прочного и долговременного союза между нашими странами. Ряд аналитиков считают ключевым фактором активизации связей и сотрудничества между Пекином и Москвой существование общего противника в лице США.

Примечательно, однако, то, что от КНР Россия имеет гораздо больше политических комплиментов и авансов, нежели реальных экономических дивидендов. Доля РФ составляет всего 1,9% в объеме китайского экспорта, а доля Китая — лишь 2,8% в российском. Порою складывается впечатление, что Китай видит в ней, в первую очередь, даже не экономического или политического партнера, а некую контрсилу, способную вместе с ним противостоять тем действиям США в АТР и на глобальном уровне, которые идут вразрез с китайскими интересами.

В то же время Китай, похоже, не считает исключительно приоритетным для себя цементирование отношений с Россией, которую рассматривает скорее как «младшего партнера», остерегаясь, в том числе, дальнейшего обострения отношений с США.

При этом известен ключевой принцип, принятый на вооружение руководством КНР — «не класть все яйца в одну корзину». Запад необходим ему как главный экономический партнер, источник инноваций и технологических прорывов. Поэтому нет никаких гарантий, что Китай из конъюнктурных побуждений не сменит в определенный момент свой курс на полностью противоположный. Тем более, что он уже прочно занял позицию второй державы мира. Обострение его отношений с первой мировой державой — Соединенными Штатами — особенно резко обозначилось в середине прошлого года и пока сохраняется, приняв вид «торговой войны».

История взаимоотношений КНР и США характеризуется зигзагообразной цикличностью. Они прошли долгий и извилистый путь от нормализации двухсторонних отношений при Никсоне и Мао через «стратегическое сближение» на антисоветской почве при Картере, «упорядочение дружбы» и установление приоритета экономических связей перед политическими при Рейгане вплоть до попыток встраивания КНР накануне, в момент и после распада биполярной системы мироустройства в контролируемый Америкой геополитический каркас в форматах «двойки», «кимерики», «ответственного акционера» или в иных подобных видах при Бушах и Клинтоне. Вовлекая при этом Китай в экономическое взаимодействие, США, похоже, не желали или отказывались предвидеть, что оно обеспечивает ему не только рост экономики, но одновременно политическое становление и укрепление.

Предтечей нынешнего противостояния стало постепенно копившееся недовольство Америки глобальным поведением Китая. Еще в 2000-е годы в Пентагоне заметили, что военные расходы КНР опережают рост ее ВВП, и усмотрели в усилении боевой мощи Китая «ускорение подготовки почвы для объявления вызова США».

Сменивший в Белом доме Дж. Буша-младшего Б. Обама заподозрил КНР, уже опередившую Штаты по некоторым позициям в мировой иерархии, в краже передовых американских технологий за счет ухищрений Пекина при инвестировании американских компаний в проекты на китайском рынке. При нем Китай активизировал участие в глобальном управлении, распространив его с экономики на сферу безопасности и заявив тем самым о своих притязаниях на роль одного из мировых лидеров.

Мысль о такой возможности была недопустима не только для Обамы, пытавшегося воспрепятствовать укреплению китайских позиций в АТР, но оказалась неприемлемой и для сменившего его Трампа, несмотря на притворную благосклонность последнего к инициативам КНР о расширении сотрудничества со странами региона. Доминирование Китая в нем при любом американском президенте для США категорически исключено: потеря тихоокеанской Азии означает для них утрату плацдарма, подкрепляющего фундамент глобального американского лидерства.

Активизация американо-китайского соперничества, заявленная миру в форме «торговой войны», безусловно, имеет и финансово-экономическую подоплеку, но не только. Истоки его коренятся в целом комплексе причин, одной из которых, на наш взгляд, стал, в том числе, разный подход у США и Китая к процессу глобализации.

Для Америки цель его заключалась в окончательном утверждении господства крупных международных монополий и тотальном подчинении им мировых хозяйственных связей. Китаю же он мыслился как гармоничное встраивание собственного «третьего», пролегающего между капитализмом и социализмом пути в международную экономическую кооперацию.

США, со своей стороны, самоуверенно полагали, что смогут через инструменты глобализации «привести весь мир, и в первую очередь Китай» к вожденной ими самими системе политической демократии, а это по существу окончательно подтвердило бы воцарение на Земле однополюсного мира с Америкой во главе.

Однако благодаря целому ряду факторов, в том числе, переизбытку и дешевизне производственно-демографических ресурсов, КНР «перехватила» инициативу, а в конечном счете и глобализационные рычаги, постепенно оттеснив Штаты с главенствующих позиций. Результатом этого стало возобладание в США антиглобалистских тенденций, начало которому задал Дональд Трамп.

Очевидно, разрушение некогда неоспоримых надежд на монополярность и разочарование в глобализации, поначалу представлявшейся Америке эффективным средством для ее установления, явились для нее той «крайней чертой», отступать дальше которой она не сочла себя вправе.

Хотя известно, что и в Конгрессе, и в Администрации президента имеются существенные расхождения по проблемам китайской политики, внутри стратегического сообщества США еще с момента нормализации в 1972 г. отношений с Пекином продолжает сохраняться общая идеологическая нетерпимость к нему. А стратегические цели политики Вашингтона в отношении КНР направлены на стимулирование в ней внутренних противоречий, замену политического строя и утверждение там в конечном итоге благоприятного для США режима.

Таким образом, объявленная Соединенными Штатами Китаю «торговая война» может условно считаться «первой фазой» более серьезного противоборства двух стран — войны политико-идеологической. В качестве доказательного аргумента следует обратить внимание, что дефицит у США в торговле с Китаем, по крайней мере, в нынешнем веке, существовал постоянно и никого прежде особенно не беспокоил. Гораздо пристальнее Штаты наблюдали за выдвижением руководителями КНР последовательной серии нестандартных новаций и инициатив, которые могли расцениваться ими скорее как политические.

Начиная с введения в социалистическом Китае основ рыночной экономики и провозглашения в связи с присоединением к КНР Гонконга и Макао системы организации государственного устройства на основе принципа «одна страна — два строя», вплоть до глобального распространения «институтов Конфуция» и предложений Пекина о реализации проекта «пояса и путей» или «строительстве сообщества единой судьбы» — все эти шаги представляются Америке и остальному миру не во всем обычными и не совсем понятным в сравнении с тривиальными схемами конфронтационного мироустройства в предшествовавший нынешнему период биполярности. Возникает вопрос: кому в результате все это выгодно и к чему приведет?

Проблема еще и в том, что новации и инициативы, предлагаемые страной, уже превратившейся по существу в мировую державу, и опирающейся издавна в идеологии, политике и дипломатии на стратегию «глобального величия», никак не состыкуются с концепцией «собственного величия», проповедуемой другой мировой державой, не знавшей ранее ни в чем конкуренции.

Неудивительно, что Трамп, пришедший в большую политику из большого бизнеса, начал свой путь в ней с корректировки мировой торговой системы и, в первую очередь, с упорядочения отношений в этой сфере с Китаем. Однако в конечном итоге США не так опасаются, что КНР возобладаст экономически, сколько не желают, чтобы реализуемый ею «авторитарный капитализм» взял верх над американским «демократическим капитализмом». А это уже не экономическая, а идеологическая конфронтация.

В «торговой войне» с Китаем, используя торгово-экономический нажим, Америка пытается опосредованно «выжать» из КНР не только финансовые, но политические, стратегические и даже военные уступки. Те из них, на которые Пекин согласен, свидетельствуют о его нежелании или неготовности (пока!) брать на себя роль абсолютного мирового лидера. Но это вовсе не значит, что он не будет претендовать на нее в будущем.

Как отмечал один из представителей внешнеполитического ведомства КНР, «китайский народ всегда исполняет то, о чем говорит», а «китайцы всегда подчеркивают, что верны своему слову»³. Это резюме универсально применимо ко всем официальным заявлениям Китая, тем более, исходящим от его руководства.

И если в середине XIX века Срединное государство потеряло статус «центра Вселенной», было низведено до уровня «больного человека Азии» и закабалено империалистическими державами⁴, включая США, то можно быть уверенным, что его наследники не забыли об этом и наверняка будут стремиться вернуть утраченное. Недаром Председатель Си, говоря о реализации к середине XXI века «мечты о великом возрождении китайской нации», пообещал миру обеспечить «глобальное лидерство с китайской спецификой».

Таким образом, «схлест» между Си и Трампом можно объяснять озабоченностью каждого из лидеров проблемой величия руководимого им государства, которая создает основу для потенциального конфликта интересов. Реальный же конфликт может вспыхнуть, после того как совокупная мощь КНР достигнет соответствующих и достаточных для противоборства параметров.

Продвижению Китая в этом направлении отчасти помог последний экономический кризис, ослабивший его соперников — США и остальной западный мир. Но пока для Америки КНР — соперник, прежде всего, экономический и технологический, но не военный: ее боевой арсенал слабее американского; военно-морской флот, несмотря на гигантские усилия по его модернизации, все еще уступает ВМС США; рост геополитического влияния заметен, но оно несопоставимо пока с американским по комплексной силе стран, находящихся «под пятой США» или в союзных отношениях с ними, в которые Китай, как известно, принципиально ни с кем не вступает.

Исходя из известного афоризма, что «владеющий морями владеет миром», можно уверенно утверждать, что пока Китай, остающийся преимущественно сухопутной

державой, не обретет одновременно и статуса морской, составить реальную геополитическую конкуренцию Соединенным Штатам ему будет непросто. И позиционируемая КНР «образцовая модель мироустройства» не станет глобальной, а будет иметь локальный или, в лучшем случае, региональный характер.

Неудивительно поэтому, что своим главным стратегическим и военным соперником, согласно последним опросам, США до сих пор считают не экономически мощный Китай, а более слабую в экономике, но сильную на морских и океанских просторах Россию. Это объясняет и то, почему КНР стремится к взаимодействию с ней в арктических широтах. Во что выльется соперничество в АТР «морских держав-союзниц» США и Японии с не состоящими в альянсе «сухопутно-морской» Россией и все еще «сухопутным» Китаем? Ответ даст только будущее.

Несмотря на обострившиеся торговые отношения, экономически США и Китай остаются взаимно полезными друг для друга. Америка зависит от Китая в ряде ключевых областей, начиная от дешевых потребительских товаров и кончая кредитными обязательствами перед ним на сумму свыше 1 трлн долл. Китай в свою очередь зависит от сохранения способности потребителей в США покупать эти китайские товары, а также от современных американских технологий в некоторых ключевых для экономики КНР областях.

Недавние заявления сторон, оставлявшие надежду на урегулирование возникшего кризиса, робко усиливали веру в то, что конфликт преодолим и достичь компромисса удастся. Так, признаки «углубления кризиса», характеризующиеся сокращением инвестиций Пекина в госдолг США с 1,3 трлн долл. в 2013 г. до 1,12 трлн долл. в 2018 г.⁵, позднее, в определенный момент, сменились постепенной активизацией процесса возвращения производств из США обратно в Китай.

По большому счету, главное связано со взаимоотношениями в политической сфере: если они и дальше будут сворачиваться — обострения противостояния на других направлениях не избежать. Однако, если будут найдены обоюдные компромиссы и обговорены уступки, которые пойдут на пользу сохранению и возможному улучшению двустороннего климата, факторы взаимного притяжения неизбежно сработают на восстановление порушенных связей.

Какие результирующие выводы напрашиваются по итогам почти полувековой нормализации и 40 лет официальных дипломатических связей между КНР и США?

1. Несмотря на негативный «откат», произошедший за последний год в отношениях двух стран, им удалось пока сохранить «нащупанную ранее» парадигму взаимного поведения, удерживающую от переходов граней допустимого по отношению друг к другу, которая может, и в перспективе должна, стать основой продолжения их взаимодействия в будущем.

2. Хотя однополярный мир под эгидой США неприемлем для Китая, обеим странам свойственны укоренившиеся в национальном менталитете их народов постулаты об исключительной предопределенности особой роли каждой из них в мировой цивилизации.

3. Поскольку экономики обеих стран тесно переплетены, лучшим стимулом для конструктивности их диалога являются обоюдная выгода и взаимная боязнь ущерба в случае продолжения ухудшения взаимоотношений.

4. В то же время между КНР и США сохраняются серьезные разногласия, которые не позволят им создать политический альянс. Противоречия затрагивают политику, экономику, торговлю, экологию, военную и гуманитарную области, подходы к решению локальных, региональных и некоторых глобальных проблем.

5. Быстрый экономический рост заставляет КНР искать дополнительные источники технологических инноваций, ресурсов, инвестиций и одновременно защищать свои интересы на этом поприще за счет военного усиления⁶. Вопрос в том, чтобы это усиление не переходило грань, которая отделяет необходимую и достаточную способ-

ность к самообороне от готовности к внешней экспансии и участию в открытом военном конфликте.

6. Хочется надеяться также, что такие фундаментальные и трудно устранимые противоречия между США и КНР, как идеологические различия, расхождения по проблемам демократии, прав человека, соперничество в сфере потребления ресурсов и ряде других областей, не станут причинами острой конфронтации, провоцирующей между ними подобный конфликт.

7. Главным взрывоопасным противоречием между двумя странами по сей день остается тайваньская проблема, поиск решения которой неизбежен, но должен вестись исключительно осторожно и деликатно с учетом не только интересов КНР и США, острова и материка, но исходя из общих геополитических интересов сохранения и укрепления безопасности в Северо-Восточной Азии и АТР.

8. То же самое относится к ситуации на Корейском полуострове. Действуя поначалу методом грубого нажима и «наскока», Трамп быстро осознал, что он неэффективен, и без согласования с КНР дело не сдвинется с мертвой точки. При поиске решения корейской проблемы конечной целью должна стать не просто денуклеаризация Северной Кореи, а достижение национального согласия на объединение и создание единого корейского государства. Только на основе объединения КНДР и РК и воссоединения Тайваня с материковым Китаем мир и безопасность в Восточной Азии могут быть обеспечены безоговорочно. Поэтому оба объединительных процесса целесообразно и предпочтительно запускать одновременно, причем с возможным использованием изобретенной и уже апробированной Китаем схемы «одно государство — два строя».

Если отношения между Россией и КНР признаются ныне наилучшими, по крайней мере, за последние 25–30 лет, то российско-американские отношения следует признать наихудшими чуть ли не за всю их историю.

Казалось бы, что мешает теперь, когда идеологическое противоборство над нами больше не довлечет, сохранять и поддерживать дружественные и конструктивные связи с Америкой? Но все совсем не так просто!

Сразу после распада СССР в начале 1990-х годов непримиримый русофоб З. Бжезинский убедил американское руководство в том, что победу в холодной войне необходимо закрепить, «лишив новую Россию иллюзии ее великодержавности». Он посчитал, что «она должна быть раздробленной и находиться под опекой».

В таких «рекомендациях» отчасти виноваты сами бывшие советские и российские руководители. Граничившая с недалевидностью, а порою с глупостью, человеческая доверчивость и необъяснимая для политика вера Горбачева в искренность западных партнеров, в совокупности с «куриной слепотой» вечно «больного» Ельцина, способствовали появлению у США и их союзников убежденности в том, что «в самой большой стране мира, обладающей паритетным Америке ядерным арсеналом, очень слабое руководство, которое нуждается в кураторах и подпорках».

Одной из целей такой «заботы», как оказалось впоследствии, было стремление США использовать Россию как резервуар для покрытия собственного госдолга за счет выкачивания и использования ее ресурсов в интересах американского бизнеса.

Приход на пост президента России В. Путина порушил американские планы «опеки» над ней и сделал «рекомендации Бжезинского» невыполнимыми. Ликвидация сепаратизма в Чечне и ряд реформ в сфере государственного управления воспрепятствовали раздробленности страны. А мюнхенская речь, произнесенная новым российским лидером в 2007 г., лишила Запад последней надежды на то, что Россия ему подчинится. Именно за это нам и мстят сегодня санкциями, бойкотами и тому подобными акциями.

Последующие шаги В. Путина и вовсе заставили США и ЕС если не смириться, то свыкнуться с парадоксальным феноменом, когда руководитель пусть сильной в военном отношении державы, но весьма средней по современным экономическим мер-

кам страны, уступающей в технологическом и инновационном развитии ведущим мировым гигантам — США, КНР, Западной Европе и Японии, вынуждает мир постоянно оглядываться на Россию, отслеживать и оценивать ее действия и незамедлительно на них реагировать.

Экономическую «незначительность» России для США «перевесила» ее военно-стратегическая значимость. Хотя при этом РФ находится не в самом благоприятном геополитическом положении по сравнению с Америкой, которая вкпе с НАТО функционально и структурно превосходит более слабые и достаточно аморфные образования — ОДКБ, ШОС, БРИКС, РИК и ЕАЭС, — в состав которых Россия входит. Но эти недостатки и слабости она стремится компенсировать неукротимым желанием преодолеть ограничения, наложенные ее региональным статусом, и, подобно Китаю, занять место полноценной глобальной державы.

В некоторых отношениях ей это удается: благодаря операции в Сирии значительно укрепились позиции РФ на Ближнем Востоке; взаимодействие с официальными властями Венесуэлы позволило через экономические интересы усилить влияние в части южноамериканского континента. Немного окрепли связи с Европой, которая, находясь под политической «пятой» США, серьезно разъединена экономически: хотя часть стран Евросоюза по-прежнему ратует за строгое соблюдение антироссийских санкций, другие, во главе с Германией и Чехией, выступают за их смягчение и расширение европейско-российских экономических связей.

После «реабилитации» Д. Трампа комиссией Мюллера, не нашедшей признаков его сговора с Россией в целях достижения победы на президентских выборах 2016 года, наместились малозаметные позитивные подвижки в его позиции по отношению к ней, однако во что это выльется, пока неясно.

Ясно одно — российско-американские отношения на данный момент находятся в тупике, и вывести из него способны только шаги сторон навстречу друг другу, предполагающие взаимные уступки и компромиссы, на которые внешнеполитические ведомства обоих государств, судя по некоторым признакам, пока не могут или не хотят решиться. Что касается российской стороны, то при отсутствии у нее преимуществ в силах и средствах ей для таких шагов в любом случае необходимы новые идеи.

Одна из них могла бы сформироваться вокруг озвученной недавно на юбилейной встрече представителей России и Китая в Москве мысли о целесообразности проведения форума по проблемам мирососедства и обновления мироустройства. Поскольку без США подобное мероприятие рискует превратиться в пустопорожние восхваления преимуществ многополярного мира и грезы о нем, необходимо участие в таком форуме всех представителей «большой тройки», несущих равную ответственность за существующий миропорядок. Сопричастность трех ведущих мировых держав к действиям, связанным с его корректировкой — неременное условие продвижения к искомому результату на пути взаимных уступок и компромиссов.

В развернувшейся «перекройке мира» каждая из сторон, естественно, отстаивает, прежде всего, собственные интересы. Вернув Крым, Россия останвила поползновения НАТО к господству на Черном море, а расширением присутствия в Азии стремится, наряду с западным, укрепить одновременно свой восточный фланг. КНР расширяет влияние в АТР через усиление позиций в Южно-Китайском море.

Все это ущемляет интересы и сужает сферы господства США и остального Запада. Поэтому раздуваемая ими «геополитическая буря», в центре которой находятся Россия, Китай и ряд других стран, не успокоится сама по себе. Отсюда следует, что главным и определяющим в продвижении к обновленному мироустройству может стать осознание необходимости его формирования на основе сотрудничества, а не конфронтации, путем замены принципа баланса сил принципом выверенного баланса согласованных интересов.

На первый взгляд это представляется фантазией или прожектерством, но является тем идеалом налаживания взаимоотношений в «тройке», к которому она должна стремиться. Лишь после него отпадут поводы для обоюдных санкций и контрсанкций и исчезнет сама необходимость заключений и перезаключений разнообразных договоров, которые достигаются с большим скрипом.

Именно определению указанного баланса и следует посвятить предложенный форум, тем более с учетом того, что ни один из прогнозируемых в качестве реального вариантов будущего обустройства АТР — региона, где пересекаются интересы трех стран — не удовлетворяет всех одинаково.

А пока уроки балансирования преподносит своей политикой Дональд Трамп, не оставляющий попыток отдалить Россию от Китая. Как только «сговор с русскими» в ходе его избирательной кампании официально не подтвердился, он, уже почти согласившийся на перемирие в «торговой войне» с КНР, вновь усилил нажим на китайскую сторону, взвинтив в очередной раз таможенные пошлины на ее товары.

В то же время России был сделан намек на возможность улучшения климата в отношениях с США. Похоже, Трамп был бы не прочь заручиться нашим нейтралитетом в его торговой битве с Китаем. Понимает ли он, однако, что пытаясь разъединить Китай и Россию, фактически способствует еще более тесному их сближению — тому самому, о котором 29 января 2019 г. президента США предупреждали в своем отчете представители национальных разведывательных служб⁷?

Первым, и пока единственным, из недавних американских президентов Трамп ввел в обиход собственные «технологии» общения с диктаторами и авторитарными лидерами стран-соперниц Америки, которые особенно ярко проявились в его взаимоотношениях с Ким Чен Ыном и Си Цзиньпином. Отчасти он практиковал их и в отношении Путина.

По разумению Трампа, видимость налаживания им теплых и дружеских личных контактов с руководителями этих государств, наряду с одновременными недружественными акциями в адрес стран, которые они представляют, вынуждает последних не переступать определенные рамки, воздерживаясь от резких выпадов в адрес США.

Однако подобная тактика едва ли принесет американскому лидеру какую-то выгоду. Только полновесный, целенаправленный и откровенный диалог с каждым из них в отдельности или в коллективном формате, а не встречи «на ходу» от случая к случаю, может гарантировать повышение уровня взаимного доверия и упрочение взаимодействия, необходимые для преодоления остро стоящих проблем.

Что касается России, то в нынешней ситуации главное для нее — при улучшении отношений с Америкой не ослаблять связей с Пекином, не превращаясь в то же время в его «младшую сестру», в отличие от 1950-х годов, когда «младшим братом» СССР именовал себя тогдашний Китай.

Как добиться этого с двумя процентами мирового ВВП против 24% у США и 16% у Китая? Среди ответов на этот вопрос выделяются следующие рекомендации для России: а) сузить горизонт внешнеполитических амбиций, сосредоточившись на внутренних проблемах в целях восстановления экономического роста; б) «вернуться в Европу», воспользовавшись меняющейся обстановкой в ней и ростом пророссийских настроений в ряде европейских стран⁸.

Альтернативной им может стать рекомендация о безудержном наращивании Россией се военного потенциала в случае восприятия ею одной или обеих упомянутых стран в качестве врагов — явных или скрытых. Но с учетом прошлого опыта бывшего СССР, для России — это путь, ведущий в тупик.

1. Под «российско-китайскими отношениями» автор подразумевает двусторонние отношения СССР/РФ — КНР с 1 октября 1949 года.
2. См.: *Давыдов А. С.* КНР, США и Россия на путях к обновлению мироустройства // *Проблемы Дальнего Востока.* 2019. № 4. С. 10.
3. URL: <http://unionnews.ru/2019/07/17/knr-vvedet-sankcii-protiv-amerikanskich-postavshchikov-oguzhiya>.
4. Духовная культура Китая. Энциклопедия в 5 т. / М.Л. Титаренко [и др.]. Т. 4. Историческая мысль, политическая и правовая культура. М.: Восточная литература, 2009. С. 166.
5. По данным на конец 2018 года, КНР владела 28% американского госдолга, Япония — 25,7% (1,03 трлн долл.), Бразилия — 7,6% (303 млрд долл.), Ирландия — 7% (280 млрд долл.) и Великобритания — 6,8% (273 млрд долл.).
6. Содержанием второго этапа принятой в 2006 г. Программы модернизации национальной обороны КНР на 2010–2020 гг. являются, в том числе, «информатизация и компьютеризация войск и сил флота, усиление боевых возможностей НОАК за счет повышения эффективности взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск».
7. URL: <https://inosmi.ru/politic/20190207/244529870.html>.
8. Аргументы и факты. 2019. № 29. С. 9.

КНР — страны Европейского союза

© 2019

А.О. Виноградов

Статья посвящена отношениям современного Китая со странами Европейского союза во второй половине 2018 — первой половине 2019 г. Автор выделяет и подробно рассматривает три момента, которые являются наиболее важными для развития отношений КНР — ЕС: две поездки лидера КНР Си Цзиньпина в европейские страны и состоявшийся весной 2019 г. саммит Китай — ЕС. По мнению автора, именно эти события лучше всего характеризуют основные тенденции в развитии китайско-европейского сотрудничества.

Ключевые слова: Китай, Европа, политика, экономика, Си Цзиньпин, сотрудничество, инвестиции.

DOI: 10.31857/S013128120007135-9

В отношениях Китая со странами Европейского союза стоит выделить, прежде всего, три события — два визита в Европу Председателя КНР и генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина (в ноябре 2018 г. и в марте 2019 г.), а также последний саммит КНР — ЕС, прошедший в апреле в Брюсселе.

Отметим, что на саммите КНР по-прежнему представлял премьер Госсовета Ли Кэцян, хотя внешняя политика, в том числе и отношения с европейскими странами, в последнее время, очевидно, все в большей степени становятся прерогативой лично Си Цзиньпина. Вплоть до того, что в январе 2017 г. Си Цзиньпин представлял Китай в качестве основного гостя на Всемирном экономическом форуме в Давосе, где выступил с большой речью в защиту глобализации и свободы торговли в мире. В 2018 г. Китай на Форуме в Давосе представлял близкий к Си Цзиньпину вице-премьер Госсовета и секретарь Малой рабочей группы по экономике и финансам Лю Хэ, в 2019 — один из ближайших соратников Си Цзиньпина, бывший глава Центральной комиссии по проверке дисциплины, заместитель председателя КНР Ван Цишань.

С 27 ноября по 5 декабря 2018 г. Си Цзиньпин совершил турне по странам Европы и Латинской Америки, совмещенное с участием в форуме G-20 в Буэнос-Айресе (Аргентина). При этом на пути в Аргентину он посетил с государственным визитом Испанию, а на обратном пути — Португалию.

Визит в Испанию прошел 27–29 ноября и был приурочен к 45-летию установления дипломатических отношений между двумя странами. При этом китайские СМИ преподносили его как «первый визит председателя Си Цзиньпина в Европу после XIX съезда КПК»¹. Это действительно так: хотя Си Цзиньпин и приезжал после съезда в Россию (напомним, что XIX съезд проходил в октябре 2017 г. в Пекине), он участвовал в Дальневосточном экономическом форуме во Владивостоке (сентябрь 2018 г.), поэтому формально в Европе не был.

Виноградов Андрей Олегович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Школы востоковедения НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, доцент Факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: Vinandr@mail.ru.

Накануне визита посол КНР в Испании Лю Фань напомнил, что король Испании Филипп II во время своего визита в Пекин в июне 2017 года на встрече с Си Цзиньпином отмечал большую роль в мировой экономике китайской инициативы «Один пояс, один путь» и выражал готовность Испании активно участвовать в сотрудничестве с Китаем в области инфраструктуры и энергетики². По словам посла, объем двусторонней торговли в 2017 г. составил 30,9 млрд долл., а объем китайских инвестиций в страну превысил 2,3 млрд долл.³

В статье Си Цзиньпина, приуроченной к визиту и опубликованной в испанской газете «А-Бэ-Сэ» под заголовком «Широкими шагами вступаем в новую эпоху, рука об руку создаем новое великолепие» говорилось о необходимости «повысить уровень всестороннего стратегического партнерства между двумя странами». Кроме того, сторонам «следует усилить обмены концепциями развития и способствовать сопряжению стратегий национального развития»⁴. В ответ председатель Сената Испании Пио Гарсия-Эскудеро во время посещения Си Цзиньпином испанского парламента заявил, что Китай стал «партнером Испании самого высокого уровня» и «двусторонние отношения вошли в наилучший исторический этап»⁵.

В Португалии Си Цзиньпин находился с 4 по 5 декабря. Накануне визита китайский посол в Португалии Цай Жунь в интервью Синьхуа отметил, что, несмотря на сравнительно небольшой объем двусторонней торговли (в 2017 г. он составлял 5,58 млрд долл.), Португалия является одним из основных направлений китайских инвестиций в Европе — общий объем инвестиций Китая в экономику Португалии превысил 9 млрд евро⁶. При этом посол также напомнил, что и президент Португалии Марселу Ребелу ди Соза, и премьер-министр Антониу Кошта ранее выразили поддержку инициативе «Пояс и путь» и подтвердили готовность расширять сотрудничество с Китаем в ее рамках⁷.

На встрече с премьером Коштой Си Цзиньпин отметил, что «Китай и Португалия в настоящее время входят в наилучший период двусторонних отношений в истории, и Китай намерен добиваться выхода на новый уровень всесторонних отношений стратегического партнерства с Португалией»⁸. В ответ Китай надеется на «дальнейшую реализацию Португалией активной роли в продвижении развития китайско-европейских отношений по правильному пути»⁹.

Премьер Португалии в ответной речи подчеркнул, что «китайские предприятия на территории Португалии уважают национальное законодательство и ведут образцово-показательный бизнес» и что «Португалия приветствует китайские инвестиции и наращивание производства на своей территории, а также расширение посредством Форума Китай — португалоязычные страны, сотрудничества с третьими сторонами, в частности с Африкой»¹⁰.

В ходе встречи был подписан Меморандум о взаимопонимании между правительством КНР и правительством Португальской Республики по совместному продвижению формирования «Пояса и пути», а также еще 17 документов о сотрудничестве, в частности, в сферах производства электромобилей, энергетики и финансов¹¹. Стоит подчеркнуть, что, по мнению китайцев, меморандум о взаимопонимании, который был подписан в Лиссабоне, может служить образцом для остальных. А в целом по результатам поездки Си Цзиньпина в Испанию и Португалию в Пекине был подготовлен новый документ об отношениях с Европой (предыдущие были выпущены в 2004 и в 2014 г.).

Весенний визит Си Цзиньпина в Европу начался с Италии, где он находился с 21 по 23 марта. В результате было подписано почти три десятка соглашений, прежде всего, касающихся китайских инвестиций в крупнейшие итальянские порты в рамках инициативы «Один пояс, один путь»¹². Сумма инвестиций — 2,5 млрд евро¹³.

Заключение сделок вызвало довольно резкую критику со стороны руководства ЕС и Германии. В частности, комиссар ЕС (представитель Германии) Гюнтер Оттингер заявил, что с «беспокойством наблюдает за тем, как в Италии и других европейских стра-

нах инфраструктуры стратегической важности, энергосети, скоростные железнодорожные магистрали или морские порты переходят из рук европейцев в руки китайцев». Министр иностранных дел Германии Хайко Маас выразился еще жестче: «Если некоторые страны полагают, что могут наладить более умный бизнес с китайцами, то их ждет сюрприз, когда они проснутся и обнаружат себя зависимыми [от Китая]»¹⁴.

По пути из Италии во Францию Си Цзиньпин остановился в Монако, где также обсуждал с князем Альбером II вопросы присоединения княжества Монако к китайским проектам «Одного пояса, одного пути» в Европе¹⁵.

После этого председатель КНР в течение двух с половиной дней находился во Франции, где встречался с президентом Эммануэлем Макроном и специально прилетевшими для встречи с Си Цзиньпином канцлером ФРГ Ангелой Меркель и председателем Еврокомиссии Жан-Клодом Юнкером, а также выступил с речью на Китайско-французском форуме по глобальному управлению¹⁶. Отметим, что канцлер Германии и председатель Еврокомиссии специально прилетели в Париж по приглашению Макрона для встречи с Си Цзиньпином, не дожидаясь запланированного на апрель саммита КНР — ЕС.

В ходе визита Си во Францию были также подписаны в общей сложности более десятка документов на общую сумму около 40 млрд евро, среди которых особо стоит отметить меморандум о готовности китайской государственной компании China Aviation Supplies Holding Company приобрести у европейского (номинально — французского юридического лица) консорциума Airbus 290 самолетов A320 и 10 лайнеров A350¹⁷.

Очередной саммит КНР — ЕС, на котором Китай представлял, по сложившейся традиции, уже не председатель КНР, а премьер Госсовета Ли Кэцян, прошел 9 апреля в Брюсселе. На саммите, несмотря на высказывавшиеся накануне в экспертном сообществе сомнения¹⁸, удалось принять совместную декларацию КНР — ЕС, что позволило председателю Европейского совета Дональду Туску и главе Еврокомиссии Жан-Клоду Юнкеру заявить на заключительной пресс-конференции о «прорыве» и «большом шаге» вперед¹⁹.

Текст совместного коммюнике содержит много общих и расплывчатых формулировок. Однако, судя по всему, Пекин пошел навстречу Брюсселю и пообещал отреагировать на ряд претензий к Китаю со стороны ЕС.

В декларации ЕС и КНР согласились реформировать ВТО для устранения «глобальных торговых вызовов» и «активизировать дискуссии с целью усилить международные правила касательно промышленных субсидий». Это, по сути, ответ Китая на неоднократные просьбы со стороны Евросоюза отказаться от государственных субсидий китайским промышленным предприятиям, что создает для них преимущества перед европейскими компаниями. И именно эту туманную формулировку Дональд Туск выделил и назвал прорывом. Следует отметить, что в декларации прошлогоднего саммита эта тема не упоминалась²⁰.

Второе достижение — это согласие обеих сторон на отказ от «принудительной передачи технологий». За этой фразой скрывается еще одна ключевая претензия ЕС к Китаю: он принуждает иностранные фирмы передавать китайским компаниям технологии в обмен на доступ на рынок КНР.

Также стороны согласились устранить «дискриминационные требования и практики» в отношении иностранных инвесторов. Для этого ЕС и Китай должны разработать всеохватывающий инвестиционный договор и подписать соглашение в 2020-м. Кроме того, в 2019 г. ЕС и Китай хотят завершить переговоры по соглашению о защите наименее востребованного места происхождения товара²¹.

Вопрос в том, насколько Китай намерен сдержать данные обещания.

1. Предстоящее зарубежное турне Си Цзиньпина в очередной раз демонстрирует искреннее желание Китая открытости и сотрудничества. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2018-12/03/content_74234952.htm (дата обращения: 05.05.2019).
2. Визит председателя КНР Си Цзиньпина в Испанию придаст импульс развитию двусторонних отношений. Посол КНР в Испании Люй Фань. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2018-11/26/content_74209164.htm.
3. Там же.
4. Синьхуа. 27.10.2018.
5. Си Цзиньпин выступил перед депутатами парламента Испании. URL: <https://news.rambler.ru/asia/41345326-si-tszinpin-vystupil-pered-deputatami-parlamenta-ispanii/> (дата обращения: 3.05.2019).
6. Предстоящий визит Си Цзиньпина откроет новую страницу в отношениях Китая и Португалии. Посол КНР в Португалии Цай Жунь. Лиссабон, 3 декабря. Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2018-12/03/c_137648414.htm.
7. Там же.
8. Си Цзиньпин встретился с премьер-министром Португалии А. Коштой. Лиссабон, 5 декабря. Синьхуа. URL: http://russian.china.org.cn/international/txt/2018-12/06/content_74244654.htm.
9. Там же.
10. Там же.
11. В Португалии высоко оценивают результаты государственного визита председателя КНР Си Цзиньпина. URL: http://russian.news.cn/2018-12/06/c_137655624.htm.
12. Италия берет миллиарды в долг у китайцев и подрывает единство Европы. URL: https://ee.sputniknews.ru/world_news/20190325/15519587/italiya-beret-dolg-china-podryvaet-edinstvo-europa.html/ (дата обращения: 5.05.2019).
13. Там же.
14. Там же.
15. Ван И о визитах председателя КНР Си Цзиньпина в Италию, Монако и Францию. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0328/c31520-9561466.html>.
16. Там же.
17. Улыбка президента Си Цзиньпина принесет Франции сорок миллиардов евро. URL: <https://ee.sputniknews.ru/politics/20190326/15531497/jinping-france-vizit-china.html> (дата обращения: 05.05.2019).
18. Конец иллюзий: Евросоюз берет жесткий курс в отношении Китая. URL: <https://www.dw.com/ru/a-48253319> (дата обращения: 07.05.2019).
19. Китайский прорыв: чего ЕС добился на саммите с КНР. URL: <https://www.dw.com/ru/a-48268539h> (дата обращения: 05.05.2019).
20. Там же.
21. Там же.

КНР и страны Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока в 2018 г.

© 2019

Е.И. Сафронова

В статье рассматриваются направления и динамика развития отношений КНР со странами Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока в 2018 г., показаны новые моменты в контактах сторон, обусловленные событиями последнего года. Автор указывает на то, развитие Китаем отношений с тремя регионами во многом мотивировалось задачей подключения их потенциала к реализации инициативы «Пояс и путь».

Ключевые слова: Китай, Африка, Латинская Америка, форум «Китай-Африка», БРИКС, Ближний Восток, Венесуэла, инициатива «Пояс и путь» (ИПП).

DOI: 10.31857/S013128120007136-0

Одним из ключевых событий года в отношениях Китая со странами Африки и Ближнего Востока стал государственный визит председателя КНР Си Цзиньпина в Объединенные Арабские Эмираты, Сенегал, Руанду и Южно-Африканскую Республику (июль). В Йоханнесбурге (ЮАР) китайский лидер принял участие в 10-м саммите стран БРИКС. А в конце турне Си Цзиньпин посетил с дружественным визитом Государство Маврикий.

Сопровождавший Си Цзиньпина член Госсовета, министр иностранных дел КНР Ван И заявил, что данная серия визитов вывела на новый уровень международные отношения Китая, включая сотрудничество по линии «Юг — Юг», внесла вклад в «новую практику строительства сообщества единой судьбы человечества»¹.

Здесь заметим, что сам Ван И традиционно начинает каждый новый год с посещения Африки, что свидетельствует о важной роли африканского вектора в китайской внешней политике. Регион, обладающий запасами практически всех полезных ископаемых и стратегически ценным географическим положением, расценивается Пекином как важная ресурсная база для построения «социализма с китайской спецификой в новую эпоху» и значимый участник инфраструктурного проекта «Пояс и путь» (ОПОП)².

Примечательно, что Ван И прямо определил линию Китая в отношении с посещенных стран как обладающую китайской спецификой дипломатию крупной державы³ и среди итогов визита особо отметил проявление Китаем «ответственности крупной державы».

Среди результатов поездки Ван И назвал также повышение уровня отношений Китая и ОАЭ, открытие новой главы в дипломатии на Ближнем Востоке; развитие китайско-африканской дружбы, «лидерство в сотрудничестве в формате БРИКС», придание импульса реформам глобального управления⁴.

Сафронова Елена Ильинична, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.
E-mail: safronova@ifcs-ras.ru.

Во время визита китайского лидера в ОАЭ (предыдущий визит такого уровня состоялся 29 лет назад) Пекин призвал Абу-Даби активно развивать диалог с КНР, предложив разработать план двустороннего сотрудничества, дабы лучше выявить потенциал взаимодействия двух стран. По мнению обозревателей, значение визита состояло в принятии решения об установлении между сторонами отношений «всеобъемлющего стратегического партнерства» и подписании документов о сотрудничестве в целом ряде областей, включая инициативу «Пояс и путь», производственные мощности, энергетику, сельское хозяйство, инфраструктуру и финансы⁵.

В Сенегале китайской стороной была озвучена новая задача по индустриализации стран Африки, а также предложены конкретные проекты с целью ее реализации. Среди них — финансирование второй очереди СЭЗ, создаваемой Китаем, в которой уже функционируют китайские предприятия.

В Руанде было подписано соглашение о китайском кредитовании проектов, названных руандийскими СМИ «краеугольным камнем» африканского развития⁶.

Во время пребывания в ЮАР — главном контрагенте Китая в африканском регионе, Си Цзиньпин имел переговоры с президентом ЮАР Сирилом Рамафосой и посетил торжества в честь 20-й годовщины установления дипотношений между двумя государствами. За годы официальных контактов статус отношений сторон совершил знаковый переход от «простого» «партнерства» к «стратегическому партнерству» и далее — к «всеобъемлющему стратегическому партнерству», что является редким случаем в международных связях КНР.

Китай и ЮАР подчеркнули общую готовность укреплять взаимодействие в рамках проекта «Пояс и путь» и Форума китайско-африканского сотрудничества. В ходе визита был подписан целый ряд документов по вопросам двустороннего взаимодействия⁷.

Еще одним важным событием в китайско-африканских связях стал масштабный саммит Форума сотрудничества «Китай — Африка» (Пекин, 3–4 сентября), в котором участвовали более 2 тыс. представителей китайских правительственных и бизнес-кругов. Пекин принял делегатов 54 африканских стран и организаций, в том числе 40 президентов, 10 премьер-министров, одного вице-президента и председателя Комиссии Африканского союза, а также 249 африканских чиновников в ранге министра. На саммите присутствовал и Генеральный секретарь ООН А. Гутерреш. Результатом встречи явилось подписание Китаем с 28 странами континента и Комиссией Африканского союза около 150 кооперационных соглашений, в том числе по сотрудничеству в деле создания «Пояса и пути». По итогам саммита было принято два документа: Пекинская декларация о формировании китайско-африканского «сообщества единой судьбы» и Пекинский план действий Форума китайско-африканского сотрудничества на 2019–2021 гг.⁸

Председатель КНР выступил на саммите с программной речью, в которой он охарактеризовал ситуацию в мире и китайско-африканские отношения. Озабоченность Пекина попытками вмешательства в развитие китайско-африканских отношений выразилась в формулировании четырех «нельзя» («невозможно») в адрес попыток осложнить диалог сторон:

1) невозможно подорвать единство народов Китая и Африки; 2) невозможно возвести преграды сотрудничеству возрождающихся народов Китая и Африки. Китай придерживается принципа «Давать больше, чем получать, отдавать, прежде чем получать, или давать, не получая» и приглашает африканские страны попасть на «высокоскоростной поезд развития Китая»; 3) никто не может, опираясь на иллюзии и домыслы, отрицать достижения в результате сотрудничества «Китай — Африка»; 4) Китай поощряет и поддерживает все инициативы в интересах Африки, полагая, что такой должна быть и позиция всего международного сообщества. Невозможно остановить и помешать позитивным действиям международного сообщества в поддержке развития Африки.

Си Цзиньпин выдвинул пять «нет» в африканских делах, предложив всем странами мира соблюдать соответствующие принципы. Это: не вмешиваться в поиск собственного пути развития африканских стран, не вмешиваться во внутренние дела Африки, не навязывать свою волю, не выдвигать никаких политических условий в деле поддержки Африки, не проявлять «политического эгоизма» при инвестировании и финансировании африканских стран (то есть, не навязывать политические условия).

Также Китай принял на себя «четыре ответственности»: сделать большой вклад в развитие человечества; вместе с международными партнерами нести ответственность по строительству «Пояса и пути»; принимать активное участие в глобальном управлении согласно принципам «совместного обсуждения, строительства и пользования»; неизменно и твердо придерживаться курса на открытость внешнему миру.

Китайский лидер назвал и «шесть ключевых слов», а точнее, словосочетаний, важных при создании китайско-африканского сообщества единой судьбы: общая ответственность, взаимовыгодное сотрудничество, общее счастье, культурное сотрудничество, обеспечение безопасности, гармоничный симбиоз.

Кроме того, Си Цзиньпин особо подчеркнул, что в ближайшие три года будут реализованы конкретные «восемь инициатив» по развитию африканского континента, а именно: деятельность по поддержке промышленного развития; «осуществление операций» по взаимному предоставлению доступа к инфраструктуре; упрощение процедур торговли; реализация инициативы «Зеленое развитие»; реализация мер «по наращиванию потенциала», а также мер в области здравоохранения; ведение культурных обменов; осуществление операций по поддержанию мира и безопасности⁹.

Особое внимание саммита привлекло обещание Си Цзиньпина предоставить африканским странам новые 60 млрд долл. вложений главным образом в такие секторы, как промышленность, сельское хозяйство, инфраструктура, торговля и здравоохранение. (По всей видимости, эти средства будут приплюсованы к 60 млрд долл., обещанным в 2015 г. на Форуме «Китай — Африка» в Йоханнесбурге.) 15 млрд из этого пакета составят беспроцентные займы, 20 млрд — кредитные линии, 10 млрд — специализированные фонды банков, которые будут направлены на цели развития, и 5 млрд — средства на финансирование африканского импорта из Китая. Си также пообещал выделить в течение следующих трех лет 10 млрд долл. на стимулирование китайских компаний в деле инвестирования в Африку¹⁰.

Согласно данным Таможенной службы Китая, в 2018 г. товарооборот КНР со странами континента достиг 204,19 млрд долл. (против 170 млрд годом раньше). В 2018 г. темп прироста китайско-африканской торговли был самым высоким в мире¹¹.

По прогнозам, к 2035 г. торговля КНР и Африки превысит китайско-американский товарооборот, сделав регион крупнейшим торговым партнером КНР. Одна из причин этого — рост потребительских возможностей молодого, трудоспособного и быстро растущего населения континента. Ожидается, что в следующие 20 лет именно Африка станет главным мировым потребителем¹².

За 40 лет реформ, начатых Китаем в конце 1979 г., инвестиции КНР в африканские государства выросли в 100 раз, а торговый оборот — в 200 раз. Ныне Китай ведет экономическое сотрудничество с регионом не только по коммерческой линии, но преимущественно — по линии строительства аэро- и морских портов, железных дорог и автомагистралей, а также прочих инфраструктурных объектов, столь важных в свете реализации инициативы ОПОП¹³.

Что касается 10-го, юбилейного саммита БРИКС, то на нем стороны обсудили вопросы совершенствования деятельности этой структуры, кооперацию в политической, торгово-экономической сферах, в области безопасности, согласование работы по региональным проблемам, включая положение в Сирии и на Ближнем Востоке, урегулирование ситуации на Корейском полуострове и вопрос об иранской ядерной программе.

По итогам работы первого дня была принята Йоханнесбургская декларация, в которой подводились результаты деятельности БРИКС за прошедшие 10 лет. Кроме того, в Декларации было подчеркнуто обязательство сторон уважать принципы многосторонности и центральной роли ООН в международных делах, поддерживать справедливый и равноправный мировой порядок на основе Устава ООН. В итоговом резюме лидеры стран-членов заявили о намерении совместно противостоять традиционным и нетрадиционным угрозам безопасности, а также подтвердили свою приверженность принципам взаимного уважения, суверенного равенства, демократии, инклюзивности и укрепления сотрудничества. Что касается сирийской проблемы, то главы стран БРИКС подчеркнули необходимость ее политического урегулирования через «инклюзивный политический процесс» при определяющей роли самого сирийского народа¹⁴.

В 2018 г. получили дальнейшее развитие и отношения КНР со странами Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАК). Экономическое присутствие Китая в ЛАК оставалось особо заметным в сферах энергетики, добывающей промышленности и инфраструктуры. Китай сохранил свои позиции первого по важности экспортного рынка для Южной Америки и второго — для всего региона ЛАК. Увеличилась доля сырья в структуре экспорта ЛАК в Китай. Однако продолжилась тенденция сокращения финансирования стран региона государственными банками КНР. Примечательно, что Венесуэла, столь важная для энергоснабжения Китая, годом раньше не присутствовала среди государств — получателей его финансирования, в то время как бразильский государственный нефтяной гигант Petrobras подписал единственное в том году региональное соглашение о нефтепоставках в КНР на сумму в 5 млрд долл.¹⁵.

В 2018 г. товарооборот сторон достиг рекордных 307,4 млрд долл. (против 244 млрд долл. в 2017 г.¹⁶). Экспорт стран ЛАК в Китай составил 158,6 млрд долл., а импорт — 148,8 млрд. Столь заметное увеличение двустороннего товарооборота, а также положительное saldo торгового баланса для ЛАК стали возможными благодаря двум обстоятельствам: повышению мировых цен на основные экспортные товары региона (полезные ископаемые, включая медь и редкие металлы) и торговым трениям между КНР и США. Однако ПИИ Китая в ЛАК сократились, по-прежнему сосредотачиваясь в многих странах-реципиентах. При этом объемы китайского кредитования не привели к превышению странами-дебиторами допустимого уровня их внешней задолженности (установленного МВФ) относительно ВВП, за видимым исключением Венесуэлы¹⁷.

Продолжился процесс присоединения стран ЛАК к АБИИ, возглавляемому Китаем, и инициативе ОПОП. К началу 2019 г. семь стран ЛАК стали потенциальными членами АБИИ, а 12 — подписали с КНР меморандумы о взаимопонимании по участию в инициативе «Пояс и путь», а также соответствующие соглашения о сотрудничестве или рамочные соглашения¹⁸.

Особую специфику отношениям КНР с Латинской Америкой и Карибами придало углубление венесуэльского экономического кризиса. По просьбе президента Венесуэлы Н. Мадуро, в сентябре 2018 г. состоялся его неожиданный визит в Китай, имевший целью срочно придать новое дыхание венесуэльско-китайской кооперации, осложненной нарастанием деструктивных тенденций в хозяйстве Венесуэлы. Тогда сторонами было подписано 28 соглашений об экономическом сотрудничестве, включая сферы добычи полезных ископаемых, в первую очередь нефти, промышленных технологий и поддержания безопасности. Н. Мадуро также выразил намерение «интегрировать» Венесуэлу в проект «Пояс и путь». В результате визита была достигнута договоренность о выделении Венесуэле еще одного кредита на 5 млрд долл. В случае его реального предоставления долг страны перед КНР достигнет 28 млрд долл.¹⁹, но при этом даст правительству Н. Мадуро время на перегруппировку и оптимизацию выплат по задолженности. Однако на момент обсуждения условий кредита ситуация в стране не достигла той остроты, которая наблюдается с начала 2019 г., и его предоставление

пока не получает фактического подтверждения. Положение правительства Н. Мадуро осложняется отрицательным отношением к нему большинства стран ЛАК, с которыми КНР никак не желает ухудшения отношений.

В контактах со странами Ближнего Востока Китай в 2018 г. продемонстрировал стабильность позиции и подходов, в частности, по сирийскому вопросу. КНР всегда придерживалась следующих принципов его разрешения: соблюдение суверенитета и территориальной целостности Сирии, урегулирование кризиса сугубо мирными средствами путем межсирийского диалога и под наблюдением ООН, прекращение насилия как механизма сопровождения ситуации. При этом Китай воздерживается от каких-либо решительных действий и даже высказываний по положению в Сирии, учитывая присутствие там своего стратегического партнера — России, интересы которой не всегда находят понимание даже среди других стран региона. Пекин традиционно не проявляет заметной активности и по вопросу палестино-израильского противостояния, скорей всего, не видя для себя особых интересов в этой зоне Ближнего Востока и не желая давать конфликтующим сторонам возможность истолковывать его позицию по своему усмотрению.

Характеризуя китайскую позицию по вопросу принадлежности Голанских высот (обострившемуся в силу его муссирования Вашингтоном в марте 2019 г.), МИД КНР сослался на соответствующие резолюции ООН, подчеркнув, что все заинтересованные стороны должны следовать резолюциям ООН, соблюдать международное право и путем консультаций урегулировать существующие противоречия²⁰.

Сдержанная линия Пекина по ближневосточной проблематике вкупе с его небольшими возможностями в ведении экономического, инвестиционно-финансового и производственного сотрудничества обуславливают его перспективно-преимущественное положение в партнерстве с государствами региона. Сама КНР весьма заинтересована в урегулировании ситуации в тех точках Ближнего Востока, которые могут составить участки маршрутов китайского мегапроекта «Один пояс, один путь» или же будут логистически ценны для него.

1. Сайт China Global Television Network (CGTN). Ван И рассказал о визитах Си Цзиньпина в страны Среднего Востока и Африки. URL: <https://newsru.cgtn.com/news/3d3d414e6642544e31517a6333566d54/p.html>.
2. Сайт ИА «Красная весна». URL: <https://rossaprimavera.ru/news/916daed9>.
3. Сайт CGTN. URL: <https://newsru.cgtn.com/news/3d3d414e6642544e31517a6333566d54/p.html>.
4. Там же.
5. См., например: Xi lauds 'close' friendship with UAE // China Daily. 19.07. 2018. URL: <https://www.chinadailyhk.com/articles/77/111/70/1531976772924.html>.
6. Дейч Т.Л. Саммит Форума китайско-африканского сотрудничества (FOCAC) в Пекине 3–4 сентября 2018 г. URL: <https://www.inafran.ru/node/1741>.
7. Сайт Жэньминь жибао on-line. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0726/c31521-9484796.html>.
8. Дейч Т.Л. Указ. соч.
9. Сайт Жэньминь жибао on-line. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0906/c31521-9497837.html>.
10. China invertirá US\$60.000 millones para el desarrollo de África // El Comercio (Lima). 03.09.2018. URL: <https://elcomercio.pe/mundo/actualidad/china-xi-jinping-china-invertira-us-60-000-millones-desarrollo-africa-nndc-noticia-553336>.
11. Сайт Министерства коммерции КНР. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/statistic/lanmubb/AsiaAfrica/201901/20190102831255.shtml>.
12. Сайт «Гуаньча». Ван Вэнь пинлунь. Цун сацяньлунь дао "синьчжиминьчжун" уцой бэйхоудэ чжэньвэньги: [Ван Вэнь (автор обозрения). Реальные проблемы, стоящие за заблуждениями от

- «теории заваливания деньгами» до «неоколониализма»]. URL: <https://user.guancha.cn/main/content?id=36705&page=1>.
13. Сайт ИА «Красная весна». URL: <https://rossaprimavera.ru/news/916daed9>.
  14. Сайт Российского ИА «Руспекх». URL: <https://ruspekh.ru/people/item/zavershilsya-desyatij-sammit-stran-briks>.
  15. Ray, Rebecca. China-Latin America Economic Bulletin, 2018 Edition /Global Development Policy Center Global Economic Governance Initiative. Discussion Paper 2018–1. Working Group on Development and Environment in the Americas. URL: <https://www.bu.edu/gdp/2018/04/04/2018-china-latin-america-economic-bulletin/>
  16. Ibidem.
  17. Ray, Rebecca; Wang Kennan. China-Latin America Economic Bulletin, 2019 Edition /Boston University. Global Development Policy Center. URL: <https://www.bu.edu/gdp/2019/02/21/2019-china-latin-america-economic-bulletin/>
  18. Ibidem.
  19. Toro, Magaly. China y Venezuela firman 28 acuerdos de cooperación. Oliveros: Deuda de Venezuela con China subió de \$23.000 a \$28.000 millones // El Universal (Caracas). 15.09.2018. URL: <http://www.eluniversal.com/economia/20689/china-y-venezuela-firman-28-acuerdos-de-cooperacion#>
  20. Сайт РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/20190322/1552020210.html>.

Российско-китайское военное и военно-техническое сотрудничество

© 2019

П.Б. Каменнов

В статье рассматриваются основные этапы развития советско-китайского и российско-китайского военного и военно-технического сотрудничества и его значение для создания военно-промышленного комплекса КНР и превращения НОАК в современные вооруженные силы, соответствующие международному статусу КНР как великой державы. Эти связи анализируются в контексте развития между РФ и КНР отношений стратегического партнерства, направленных на стратегическое взаимодействие в XXI веке.

Ключевые слова: военное и военно-техническое сотрудничество, стратегическое партнерство, стратегическое взаимодействие, военно-промышленный комплекс, поставки в КНР российской военной техники, совместные российско-китайские военные антитеррористические учения.

DOI: 10.31857/S013128120007137-1

В период после разгрома советскими войсками японской Квантунской армии и завершения Второй мировой войны на Дальнем Востоке военно-техническое сотрудничество Китая с Советским Союзом приобрело первостепенное значение для завоевания окончательной победы китайского народа в борьбе за национальное освобождение. По просьбе руководства КПК в его распоряжение было передано оружие и снаряжение, захваченное у японской Квантунской армии. При содействии Советского Союза было налажено промышленное производство в Маньчжурии, благодаря чему Маньчжурия стала надежным тылом, снабжавшим на протяжении гражданской войны вооруженные силы КПК¹.

Китайский аналитик Пэн Сюньхоу (бывший научный сотрудник военно-исторического факультета Китайской академии военных наук) отмечает, что в первый период после образования КНР в 1949 г. в стране почти не было своей оборонной промышленности. Из-за проводимой империалистическими странами политики блокады и эмбарго на поставки оружия новый Китай был лишен возможности закупать военную технику и вооружения в странах Запада. В целях укрепления государственной обороны, изменения ситуации, когда НОАК обладает только сухопутными войсками, улучшения оснащения армии ЦК КПК утвердил курс на закупку военной техники у дружественного соседа — Советского Союза, который первым признал независимость КНР².

В июле 1949 г. И.В. Сталин принял предложение члена политбюро ЦК КПК Лю Шаоци, находившегося в СССР с визитом, о покупке в СССР самолетов и отправке советских военных специалистов в Китай для оказания содействия в создании китайских военно-воздушных сил в течение, примерно, года. Стороны достигли соглашения, по которому Китай должен был в скорейшее время создать 6 авиационных школ, включая 4 школы летчиков-истребителей и 2 школы пилотов бомбардировщиков; за год с помо-

шью советских специалистов подготовить 350–400 летчиков с 350–400 самолетами. Советская сторона должна была направить по 100 экспертов для каждой школы летчиков-истребителей и по 120 экспертов для каждой школы пилотов бомбардировщиков. Среди них 20 человек являлись летчиками старшего офицерского состава или преподавательского состава, остальные были сотрудниками наземной службы, учителями теоретических дисциплин, сотрудниками в сфере медицины и тылового обеспечения. Всего, включая экспертов, направленных в штаб ВВС НОАК, а также для оказания помощи Китаю в создании воздушно-десантных войск, Советский Союз послал в Китай 878 специалистов (в том числе 159 работали в Первой авиашколе, 168 — во Второй, 123 — в Третьей, 124 — в Четвертой, 128 — в Пятой и 146 — в Шестой авиашколе)³.

С началом Корейской войны с целью оказания помощи корейскому народу Китай ускорил темпы импорта вооружений из Советского Союза. В 1950–1951 гг. Китай приобрел вооружение 12 советских авиадивизий, посланных Советским Союзом для оказания содействия в создании противовоздушной обороны Китая, а также 36 торпедных катеров. До конца 1955 г. в общей сложности Китай импортировал около 800 тыс. винтовок, 11 тыс. пушек, 3000 танков и броневиков, 5000 самолетов, 200 кораблей (включая передачу технологий их производства), 1400 радиолокаторов и прожекторов, 12 тыс. единиц связного оборудования и большое количество материально-технических средств различного назначения. После 1956 г. Китай дополнительно импортировал из СССР некоторое количество военной техники и производственного оборудования в качестве образцов для копирования.

После образования в 1949 г. КНР советско-китайское военное и военно-техническое сотрудничество имело своей целью коренную реорганизацию НОАК и превращение ее в современные регулярные вооруженные силы. В этот период в Китае создается широкая сеть военно-учебных заведений, где процесс подготовки военных кадров для НОАК строился с учетом советского опыта. Положительную роль в укреплении обороноспособности КНР сыграла безвозмездная передача Китаю Китайско-Восточной железной дороги, порта Дальний и Порт-Артура. Военное сотрудничество с Советским Союзом в этот период позволило Китаю превратить НОАК из полупартизанских формирований в регулярную армию, состоящую из видов вооруженных сил и родов войск и оснащенную современной техникой. Одновременно СССР оказал Китаю всестороннюю помощь в создании военно-экономического потенциала. Помимо общей программы экономического сотрудничества с Китаем Советский Союз в 1950-х годах принимал участие в создании военной промышленности Китая. Построенные в то время предприятия, например, авиационные заводы в Шэньяне, Харбине, Сиане и Чэнду, танковый завод в Баотоу (Внутренняя Монголия, так называемый завод № 617), а также комплекс предприятий по производству стрелково-артиллерийского оружия на Северо-Востоке страны до сих пор являются основой китайского ВПК. Кроме того, Советский Союз предоставил Китаю лицензии и техническую документацию для организации производства самолетов, танков, автомобилей, орудий, боеприпасов, средств связи и другой военной техники; не стали исключением документация и оборудование для производства ядерных стратегических вооружений: Китаю были переданы образцы советских ракет «Р-1» и «Р-2» (на базе последней была создана первая китайская баллистическая ракета средней дальности «Дунфэн-2» (DF-2)⁴.

Строительство НОАК в 1949–1979 гг. происходило под влиянием двух основных факторов: заимствования опыта оборонного строительства Советского Союза и преобладания в военно-доктринальных взглядах китайского руководства концепции «народной войны», основанной на военных идеях Мао Цзэдуна. Военное строительство велось в этот период в соответствии с требованиями и задачами, вытекающими из обстановки «на грани войны». Отставание в военно-технической области Китай стремился компенсировать многочисленностью армии и высокой мобилизационной готовностью страны, что требовало колоссального напряжения людских, материальных и финансовых ресурсов в ущерб реализации не только социальных программ, но и модернизации самих вооруженных сил.

За годы гражданской войны вооруженные силы КПК, представлявшие собой формирования полупартизанского типа, при широком содействии Советского Союза превратились в многочисленную, хорошо вооруженную армию, которая сумела разгромить вооруженные силы Гоминьдана, опиравшиеся на всестороннюю поддержку США. В более широком смысле помощь Советского Союза на завершающем этапе народной революции в Китае проявилась в разгроме японской Квантунской армии, предопределившем капитуляцию Японии, оказании содействия в превращении Маньчжурии в опорную базу китайской революции, обладающую мощным производственным потенциалом, передаче НОАК оружия и боевой техники, в участии советских военных специалистов в обучении личного состава и подготовке кадров для освободительной армии и др.

Помимо общей программы экономического сотрудничества с Китаем, Советский Союз в 1950-х годах принимал участие в *создании и реконструкции военной промышленности Китая*.

Как следует из источников, оказавшихся в открытом доступе в последнее время, китайские заявки 1952–1953 гг. в адрес Советского Союза содержали просьбу о выполнении проектных работ, поставке оборудования и оказании технической помощи в строительстве 190 промышленных предприятий (в том числе 44 предприятий военной промышленности). По Соглашению от 15 мая 1953 г. Советский Союз принял на себя обязательства оказать помощь КНР по 91 промышленному предприятию, наряду с оказываемой по ранее заключенным советско-китайским соглашениям помощью в строительстве и реконструкции 50 предприятий. В число 141 предприятия входили 35 предприятий военной промышленности⁵. В процессе выполнения обязательств эти данные по просьбе китайской стороны неоднократно подвергались корректировке в сторону увеличения, и в итоге по данному Соглашению и дополнительным документам к нему Советский Союз оказал помощь КНР в создании и реконструкции 156 предприятий, в том числе 44 предприятий по производству обычных (неядерных) вооружений и военной техники⁶. Руководитель Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН Н.Л. Мамаева отмечает, что среди исследователей имеются расхождения относительно количества объектов (156), однако эти расхождения невелики и не меняют сути дела⁷.

Чрезвычайный и Полномочный посол Советского Союза О.Б. Рахманин, более 50 лет работавший на китайском направлении, в своей книге «К истории отношений России — СССР с Китаем в XX веке» особо выделяет советско-китайское соглашение от 15 октября 1957 г. относительно новой оборонной техники, которое предусматривало оказание Советским Союзом содействия Китаю в производстве ядерного оружия, в том числе путем предоставления образцов атомной бомбы и технической документации для ее изготовления⁸. Однако следует отметить, что реализация ядерной программы в Китае началась еще в 1953 г. К разработке ядерного и ракетного вооружения были привлечены крупные силы китайских ученых, тех, кто получил знания по ядерной физике за рубежом, в частности в советском атомном центре в Дубне, научных учреждениях СССР и других стран. В Китай были приглашены также ученые-атомщики и ракетостроители из числа китайцев, проживавших в США, ФРГ, Англии, Франции, Японии, Италии, Канаде. В 1955 г. из США приехали 40 американских ученых китайского происхождения для оказания помощи в реализации китайской ядерной программы. В результате китайский ВПК получил возможность создания и освоения производства ракетно-ядерного оружия. 16 октября 1964 г. на атомном полигоне в районе озера Лобнор было проведено первое испытание ядерного устройства мощностью 20 кт, а во второй половине 1960-х начались испытания ракет-носителей⁹.

Значение, которое имело советско-китайское военно-техническое сотрудничество для Китая, можно проследить на примере поставок советских зенитных ракетных комплексов (ЗРК) СА-75 «Двина». Роль последних особенно возросла в связи с разразившимся в конце августа 1958 г. Тайваньским кризисом. В те годы поставки американского оружия привели к значительному усилению тайваньских вооруженных сил. Авиация Тайваня получила несколько высотных самолетов-разведчиков РБ-57Д (вскоре и Локхид

У-2), характеристики которых значительно превосходили возможности, которыми обладали китайские средства ПВО. В этой обстановке китайское руководство обратилось к СССР с просьбой о поставке в КНР нескольких новейших зенитных ракетных комплексов СА-75 «Двина». Весной 1959 г. в КНР были доставлены пять огневых и один технический дивизион ЗРК СА-75, включая 62 зенитные ракеты 11Д, а к боевой работе были подготовлены первые боевые расчеты, состоявшие из китайских военнослужащих. Для обслуживания этих комплексов в Китай была направлена группа советских специалистов, с участием которых 7 октября 1959 г. в районе Пекина был впервые сбит тайваньский самолет-разведчик РБ-57Д. Высокие боевые качества советского ракетного оружия побудили китайское руководство приобрести лицензию на производство комплексов СА-75. В начале 1960-х годов в КНР было освоено лицензионное производство ЗРК СА-75, получившего китайское обозначение «Хунци-1» (HQ-1). Позднее на его основе в КНР был создан более совершенный ЗРК «Хунци-2» (HQ-2), который в 1967 г. был принят на вооружение и впоследствии модернизирован с учетом опыта войны США против Вьетнама: новая версия ЗРК, которая была принята на вооружение в 1978 г., получила наименование «Хунци-2А» (HQ-2А). Темп производства различных вариантов ЗРК «Хунци-2» (HQ-2) в 1980-х годах достигал около 100 комплексов в год, что позволило оснастить ими около 100 зенитных ракетных дивизионов, составлявших в те годы основу системы противовоздушной обороны Китая. Таким образом, поставки советских ЗРК не только послужили решению наиболее актуальных задач ПВО, но и стали основой для создания в КНР своими силами современной системы противовоздушной обороны.

За период с 1949 по 1969 г. (в 1969 г. военные связи между двумя странами вследствие известного ухудшения межгосударственных отношений были приостановлены) Советским Союзом было поставлено вооружений и военной техники Китаю на общую сумму около 4,1 млрд долл., командировано в Китай более 5 тыс. военных советников и специалистов; в советских военно-учебных заведениях было подготовлено 1578 китайских военных специалистов. В 1951–1960 гг. КНР оказано техническое содействие в создании и дооборудовании объектов военного назначения на сумму 439,3 млн долл. При этом в 1949–1962 гг. Китаю было передано безвозмездно 650 лицензий на производство вооружения и военной техники¹⁰.

Следует отметить, что в период с 1960 по 1970 г. консерватизм военно-доктринальных взглядов и вовлеченность высшего военного руководства Китая в политическую борьбу привели к отсталости китайской армии, что вызвало необходимость глубоких преобразований в военной области.

Возобновление военного и военно-технического сотрудничества между двумя странами в начале 90-х годов проходило в сложных условиях. Российский аналитик С.Н. Гончаров отмечает, что прекращение холодной войны и разрушение биполярной архитектуры создавали принципиально новую ситуацию для Китая, которая требовала внесения серьезных корректировок в отношениях не только с США и Советским Союзом (затем — с Россией), но и с другими центрами силы в постепенно складывающемся многополярном мире. Китайскую армию необходимо было в сжатые сроки переориентировать с прежней задачи подготовки к ведению крупномасштабной войны с возможным применением ядерного оружия на обеспечение способности участвовать в локальных конфликтах с использованием высокотехнологичных обычных (неядерных) вооружений¹¹.

До трагических событий на площади Тяньаньмэнь 4 июня 1989 г. Китай поддерживал военно-технические связи с США, странами Западной Европы, Бразилией, Израилем и некоторыми азиатскими и африканскими странами. Наиболее серьезного продвижения Китай добился в расширении военно-технических связей с США. Однако, как отмечал заместитель председателя Центрального военного совета (ЦВС) КНР Лю Хуацин, военно-технические связи с США и Западом имели для Китая две неприятные особенности — сверхвысокие, неприемлемые для Китая цены и стремление навязать НОАК огра-

ниченную номенклатуру явно устаревших образцов вооружения и военной техники, и потому эти связи могли иметь ограниченную ценность для модернизации НОАК¹².

Принимая вскоре после событий на площади Тяньаньмэнь решение о возобновлении военно-технического сотрудничества с Советским Союзом, китайское руководство учитывало, что Советский Союз не присоединился ни к оружейному эмбарго, введенному странами Запада в отношении КНР, ни к осуждению действий китайских властей во время этих событий западными СМИ, рассматривая их как внутреннее дело КНР¹³. В принципе политика обеих стран в этот период была направлена на установление и развитие отношений сотрудничества в оборонной сфере на основе принципов равноправия, взаимной выгоды и дружбы. В 1992–1993 гг. министр обороны КНР Цинь Цзивэй, заместитель председателя ЦВС КНР Лю Хуацин и начальник Генерального штаба НОАК Чжан Ваньнянь во главе делегаций совершили визиты в Россию, которые сыграли важную роль в процессе стабилизации и развитии китайско-российских военных связей. Контакты двух армий развивались все активнее, непрерывно расширялись области и масштабы контактов; был подписан ряд соглашений, нацеленных на содействие двусторонней и региональной безопасности и сотрудничества¹⁴.

С середины 90-х годов политика России в области военного и военно-технического сотрудничеством с Китаем увязывается с решением политических вопросов военной безопасности¹⁵, что нашло свое выражение в заключении между двумя странами ряда важнейших соглашений, *образующих уникальную систему мер доверия*. Эти меры включают взаимные обязательства не применять первыми ядерное оружие, не нацеливать ядерные ракеты друг на друга, предотвращать опасную военную деятельность, исходя из принципа военной транспарентности в 200-километровой приграничной полосе. Пятисторонние соглашения между Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Китаем о мерах доверия в районе государственной границы (1996 г.) и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе государственной границы (1997 г.) являются беспрецедентными. Первое из них предусматривает «... неприменение силы или угрозы силой друг против друга, отказ от получения одностороннего военного превосходства, неиспользование войск, дислоцированных в районе границы как составной части всех вооруженных сил, для нападения на другую сторону». Вторым соглашением установлены предельные уровни численности личного состава и количества вооружений и боевой техники каждой из сторон в 100-километровой приграничной полосе¹⁶.

Важно отметить, что политику межгосударственного доверия ныне Китай стремится распространять на отношения с другими странами, прежде всего с Индией. В феврале 2018 г. в результате встречи на уровне министров иностранных дел в г. Чэнду (пров. Сычуань) стороны договорились о намерении продолжать переговоры по пограничным проблемам для достижения в ближайшем времени взаимно приемлемых решений, предпринимать меры по созданию в приграничных районах атмосферы сотрудничества и взаимного доверия. Китай и Индия отметили позитивный прогресс в развитии двухсторонних отношений и вступление этих отношений в новую фазу развития¹⁷.

В наши дни исследуемая область основывается на положениях российско-китайского межправительственного Соглашения о военно-техническом сотрудничестве, подписанном 24 ноября 1992 г., и Меморандуме о понимании между правительствами России и КНР о военно-техническом сотрудничестве от 18 декабря 1992 г. В соответствии с Соглашением была образована российско-китайская комиссия по военно-техническому сотрудничеству, которая собирается один раз в год поочередно в Москве и Пекине. Позднее, 11 ноября 1993 г., было заключено Соглашение о военном сотрудничестве между министерствами обороны двух стран и установлены прямые связи между российскими вооруженными силами и Народно-освободительной армией Китая.

Ныне военное сотрудничество между нашими странами развивается на основе принципа паритетности. Со стороны России оно осуществляется в соответствии с ежегодными планами мероприятий Минобороны по развитию связей с армиями зарубежных

государств. Общее количество мероприятий, посвященных обсуждению важнейших тем российско-китайского военного сотрудничества, ныне составляет от 30 до 35 в год. Осуществляется подготовка китайских специалистов в вузах Минобороны России. В российских военных вузах проходят обучение более 100 китайских военнослужащих, растет обмен специалистами различных видов вооруженных сил.

Важным шагом в укреплении мер доверия в российско-китайских отношениях, в том числе и в военной области, стало подписание 16 июля 2001 г. в Москве Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. В соответствии с Договором Россия и Китай подтвердили обязательства не применять первыми друг против друга ядерное оружие, взаимно не нацеливать стратегические ядерные ракеты (статья 2), а также — осуществлять меры по укреплению доверия в военной области и взаимному сокращению вооруженных сил в районе границы на основе действующих соглашений (статья 7). В этих условиях военно-техническое сотрудничество между двумя странами приобрело устойчивую тенденцию к расширению и углублению взаимодействия. Ныне оно охватывает такие области, как военная наука, обмен информацией, космос, связь, тыловое обеспечение, поставка Китаю российских вооружений, подготовка в России китайских военных кадров и другие.

По неполным данным, за период с 1992 по 2002 г. Китаем были закуплены: для сухопутных войск: партия управляемых артиллерийских снарядов «Краснополь-М» (1000 шт.); для военно-воздушных сил: 76 истребителей Су-27, 76 многоцелевых истребителей Су-30МКК, 1200 ракет «воздух-воздух» малой дальности, 300 авиационных двигателей АЛ-31ФН (для истребителя «Цзянь-10» китайской разработки), зенитные ракетные системы большой дальности С-300П/МПУ-1, С-300П/ПМХ-2; зенитные ракетные системы малой дальности «Тор-М1»; для военно-морских сил: 12 дизель-электрических подводных лодок (в том числе проекта 877ЭКМ — 2 ед., проекта 636—10 ед.), 4 эскадренных миноносца типа «Современный», 28 морских многоцелевых истребителей Су-30МК2, партия крылатых ракет ЗМ-80Э «Москит» (для ЭМ типа «Современный»). Кроме того, Китай приобрел лицензии на производство 200 истребителей Су-27 и управляемых артиллерийских снарядов «Краснополь-М»¹⁸. В конце 2005 г. заключен крупный контракт на поставку в 2006–2010 гг. из России в Китай 38 самолетов Ил-76МД и Ил-78МК, а также 240 авиационных двигателей к ним¹⁹.

Эти закупки позволили Китаю приступить к переоснащению военно-воздушных сил, военно-морского флота, сил противовоздушной обороны, а также к модернизации военно-промышленного комплекса с конечной целью повышения оборонного потенциала в новых исторических условиях, характеризующихся возрастающим значением в возможной войне высоких технологий.

С 2010 г. между министерствами обороны двух стран действует прямая телефонная связь, что подчёркивает растущий уровень китайско-российских военных отношений. Увеличивается количество взаимных визитов военачальников, на стратегическом уровне периодически проводятся обсуждения эффективности практических дел. Тесно взаимодействуют пограничные войска. Укрепляются непосредственные связи между видами вооруженных сил, военными вузами, в области культуры и отдыха. Расширяется обмен военными делегациями, взаимными визитами боевых кораблей. Китайско-российская граница стала районом дружбы и процветания наших народов.

Во время контактов на высшем уровне стороны неоднократно выражали удовлетворение ходом военно-технического сотрудничества и отмечали, что оно носит развитый характер и полностью отвечает сложившимся между двумя странами отношениям стратегического партнерства²⁰.

По оценке видного российского ученого вице-президента Академии геополитических проблем Л.Г. Ивашова, российско-китайское военно-техническое сотрудничество, как стержень стратегического партнерства двух соседних держав мирового уровня, стабилизирует глобальную ситуацию, ибо намечает перспективу многополярного мира²¹.

В китайском импорте из России после спада в 2005–2011 гг., связанного с попытками Китая наладить производство вооружений и их компонентов своими силами (неудачными. — *Прим. авт.*), в последние годы отмечено *возобновление тенденции* к закупкам крупных партий российской техники; в 2011–2012 гг. закуплено: 140 двигателей АЛ-31ФН для истребителя «Цзянь-10» (J-10), 100 двигателей РД-93 для истребителя FC-1, 184 двигателя Д-30КП-2 для военно-транспортного самолета Ил-76 и модернизированных бомбардировщиков «Хун-6» (H-6) и «Хун-6К» (H-6K); в начале 2013 г. достигнуто соглашение о покупке 24 новых российских истребителей Су-35 с поставкой в 2015–2016 гг. в дополнение к ранее закупленным зенитным ракетным системам С-300 ПМУ-2 «Фаворит» (28 дивизионов)²²; в апреле 2015 г. подписан контракт на закупку партии зенитных ракетных систем С-400 «Триумф» (четыре дивизиона)²³.

Согласно оценкам китайских аналитиков, в обозримой перспективе заинтересованность Китая в военно-техническом сотрудничестве с Россией будет сохраняться по ряду причин военно-политического характера. В процессе дальнейшего подъема Китая, несомненно, будет сталкиваться с растущим давлением и вызовами со стороны США и стран Запада, которые все большее внимание будут уделять внутривосточным проблемам Китая, экономическим проблемам (открытость китайского рынка, обменный курс юаня, энергетические проблемы), возможному столкновению глобальных финансово-экономических интересов в связи с подъемом совокупной мощи Китая, расширению его влияния в мире и т.д. Для противодействия этому давлению Китай, наряду с использованием экономических связей с США, должен развивать стратегическое партнерство и взаимодействие с Россией и в особенности углублять военно-техническое сотрудничество²⁴.

Несмотря на существенные успехи Китая в авиационном двигателестроении, Россия продолжает оставаться важным поставщиком авиационных двигателей в страну. В октябре 2016 г. российской Объединенной авиадвигательной корпорацией заключен контракт на поставку в Китай двигателей Д-30 и АЛ-31Ф, необходимых для производства тяжелых транспортных самолетов «Юнь-20» (Y-20) и стратегического бомбардировщика «Хун-6К» (H-6K); сумма контракта — около 1 млрд долл.

В 2018 г. российско-китайское военно-техническое сотрудничество впервые испытало на себе прямое влияние со стороны США. В сентябре 2018 г. Министерство финансов США в соответствии с ранее принятым законом «О противодействии противникам США» ввело санкции против управления по развитию вооружений и военной техники Центрального совета (ЦВС) КНР и его директора Ли Шанфу за приобретение у России истребителей Су-35С и зенитных ракетных систем С-400. По оценке российских аналитиков данные американские санкции не оказали существенного влияния на доступ вооруженных сил Китая к зарубежным технологиям с практической точки зрения. Военно-техническое сотрудничество с КНР запрещено (в случае США) либо жестко ограничено (в случае ЕС) санкциями, введенными против Пекина после событий на площади Тяньаньмэнь 1989 г., которые не отменены до сих пор. Поэтому настоящее решение следует рассматривать в контексте общей эскалации китайско-американских противоречий, начавшейся весной 2018 г.

В этих условиях Китай подтвердил свое намерение развивать ВТС с Россией. Уверенность в продолжении сотрудничества с КНР в военно-технической сфере выразила и российская сторона. В течение 2018 г. в связи с усилением санкционного давления на Россию со стороны США велась работа по переводу двухсторонних расчетов в сфере ВТС в национальные валюты.²⁵

Как отмечает Российский совет по международным делам (РСМД), начиная с 2016 г. высокими темпами шла реализация ранее заключенных контрактов, в том числе на поставку истребителей Су-35С и зенитных ракетных систем С-400. В 2016 г. в Китай были переданы четыре Су-35, а в 2017–2018 гг. — по десять Су-35 ежегодно и, таким образом, выполнение контракта было завершено. Поставка первого из двух заказанных Китаем по контракту 2014 г. полковых комплектов С-400 было завершено в начале 2018 г., второй комплект должен быть поставлен летом 2019 г. Общая сумма контрактов на С-400

оценивалась в более чем 2 млрд долл., а на Су-35С — более 2,5 млрд долл. Продолжалась реализация соглашений на поставку в КНР авиационных двигателей, а также на ремонт, модернизацию и обслуживание ранее поставленного вооружения и военной техники²⁶.

По заявлению генерального директора Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству (ФСВТС) Д. Шугаева, в ноябре 2018 г. портфель контрактов с КНР в данной сфере составил 7 млрд долл., или около 15% общего портфеля заказов ФСВТС²⁷.

По мнению российских аналитиков, для углубления российско-китайского военно-технического сотрудничества сторонам следует перейти к разработке совместных долгосрочных планов развития военных технологий, которые были бы ответом на аналогичные долгосрочные программы, разрабатываемые в США («Третья стратегия компенсации», «Оборонная инновационная инициатива» и т.п.). Необходимо сформировать постоянные механизмы сотрудничества по важнейшим прорывным направлениям науки и техники, исходя из анализа сильных и слабых сторон российской и китайской промышленности. Экономическая логика при этом не может целиком доминировать, поскольку сотрудничество необходимо для обеспечения национальной безопасности каждой из сторон перед лицом новых угроз и растущего давления извне²⁸.

Важным фактором укрепления мер доверия в военной области стало *российско-китайское военное сотрудничество как на двусторонней основе, так и в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)*, играющей все более возрастающую роль в укреплении безопасности и стабильности в Центрально-Азиатском регионе, противодействии новым вызовам и угрозам безопасности. В начале века военное сотрудничество России и Китая в рамках ШОС получило качественно новое развитие, распространившись на оперативную и боевую подготовку штабов и войск с отработкой вопросов взаимодействия при проведении антитеррористических операций.

Начиная с 2005 г. в рамках ШОС регулярно проводятся совместные антитеррористические военные учения стран—участниц организации «Мирная миссия». Цель военных учений в рамках ШОС состоит: во взаимном обмене и заимствовании опыта в сфере военной подготовки и теории по борьбе с терроризмом; в совершенствовании взаимодействия армий двух стран и механизма управления войсками; в повышении возможностей проведения совместных антитеррористических операций, повышении уровня эффективности реагирования на новые вызовы и новые угрозы, с которыми сталкивается система международной региональной безопасности; в совместном нанесении ударов по международному терроризму, экстремизму и сепаратизму и в поддержании мира и стабильности в регионе.

Главным результатом учений становится сближение стран-участниц во взглядах, формах и способах обеспечения безопасности в регионе с помощью вооруженных сил. Одновременно отрабатывается оперативная совместимость войск и штабов. Совместное применение войск дает возможность оказать поддержку в случае необходимости любой стране ШОС, нуждающейся в этом. Как отмечает А.В. Болятко, хотя все совместные военные учения ШОС имеют ярко выраженный антитеррористический характер, подобные мероприятия позволяют совершенствовать взаимодействие и управление военными группировками стран-участниц Организации. А это в конечном итоге демонстрирует готовность к своевременной трансформации для отражения не только террористической, но и любой другой угрозы. Налаживание многостороннего военного сотрудничества в регионе вполне отвечает и политическим целям ведущих стран — членов ШОС, заинтересованных в ограничении влияния внерегиональных сил в Центральной Азии²⁹.

С подписанием в июне 2007 г. Соглашения между государствами — членами ШОС о проведении совместных военных учений, создана правовая база для их подготовки и проведения на регулярной основе в дальнейшем. На состоявшемся в 2008 г. совещании министров обороны государств — членов ШОС участники совещания подтвердили, что государства-члены, осуществляя сотрудничество оборонных ведомств, руководствуются целями и принципами Устава ООН, Хартии Шанхайской организации сотрудничества от 7 июня 2002 г., Договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве

государств-членов ШОС, подписанного 16 августа 2007 г., и общепризнанными принципами и нормами международного права. Было подчеркнуто, что деятельность государств — членов ШОС в военной области не предусматривает создания военно-политического союза и не направлена против третьих стран. Министры высказали единое мнение относительно безальтернативности формирования многополюсной модели мира с опорой на сложившуюся систему международного права³⁰.

В 2014–2015 гг. ВС Китая участвовали в ряде совместных с ВС России и многосторонних в рамках ШОС военных антитеррористических учениях, направленных на отработку совместных действий при отражении террористических угроз на суше, на море и в воздухе. Крупнейшим из них было проведенное в период с 11 по 29 августа 2014 г. на полигоне Чжучжихэ (Автономный район Внутренняя Монголия, КНР) учение стран — участниц ШОС «Мирная миссия — 2014», в котором приняли участие свыше 7 тыс. человек личного состава и 500 единиц военной техники вооруженных сил стран-участниц³¹.

В сентябре 2016 г. на полигоне «Эдельвейс» (Киргизия) проведены совместные военные учения стран ШОС «Мирная миссия — 2016», в которых приняли участие формирования вооруженных сил Китая, России, Киргизии, Казахстана и Таджикистана. В ходе учений проводилась отработка совместных действий при проведении антитеррористической операции по отражению нападения отрядов незаконных вооруженных формирований на населенный пункт в Киргизии. Активная фаза учений прошла с 15 по 21 сентября в прибрежной зоне озера Иссык-Куль. По оценке Генеральных штабов вооруженных сил России и Киргизии, учения показали возросший уровень боевой подготовки личного состава и способность решать общими усилиями ответственные задачи в сложной обстановке, в том числе в горных условиях³².

Начиная с 2012 г. ежегодно проводятся китайско-российские военно-морские учения «Морское взаимодействие», цель которых — отработка взаимодействия флотов обеих стран при решении общих боевых задач в различных районах мирового океана. В 2012 г. они прошли в акватории Желтого моря вблизи Циндао, в 2013 г. — в акватории Японского моря вблизи Владивостока, в 2014 г. — в акватории Восточно-Китайского моря в районе к востоку от устья реки Янцзы. В 2015 г. учения проводились в два этапа: первый этап прошел в Средиземном море, второй — в акватории Японского моря вблизи Владивостока.

В 2016–2018 гг. российско-китайское военное и военно-техническое сотрудничество продолжалось. Вооруженные силы Китая участвовали в ряде совместных с ВС России и многосторонних в рамках ШОС военных антитеррористических учениях, направленных на отработку совместных действий при отражении угроз на суше, на море, в воздушно-космическом пространстве.

В сентябре 2016 г. в Южно-Китайском море в районе к югу от пров. Гуандун состоялись российско-китайские военно-морские учения «Морское взаимодействие — 2016», в которых были задействованы надводные боевые корабли, подводные лодки, самолеты, корабельные вертолеты и боевые амфибии морской пехоты флотов двух стран. В условиях, приближенных к боевым, проводилась отработка совместных действий по борьбе с кораблями условного противника с применением ракетного, артиллерийского и торпедного оружия, по противовоздушной и противолодочной обороне, высадка морского и воздушного десанта на необорудованное побережье в пров. Гуандун и освобождение опорного пункта, захваченного условными террористами. Учению предшествовало политическое заявление со стороны России о том, что она поддерживает Китай в непризнании решения Гаагского арбитражного суда по спорным островам Южно-Китайского моря³³.

Объявленные в начале 2018 г. ежегодные военно-морские учения «Морское взаимодействие — 2018» в Желтом море не состоялись, предположительно, из-за неготовности российской стороны представить для участия в этих маневрах необходимое количество кораблей в установленное время, что связывается с фактором старения корабельного состава российского надводного флота в сочетании с сохраняющимся высоким напряжением сил в связи с сирийским кризисом, а также с участием в антипиратских операциях у берегов

Сомали. Тем не менее в конце апреля — начале мая 2019 г. в акватории Желтого моря, прилегающей к пров. Шаньдун, были проведены учения «Морское взаимодействие — 2019», в ходе которых проводилась отработка совместных операций военно-морских сил сторон.

Совместные российско-китайские военные учения распространились на воздушно-космическую область и противоракетную оборону. В мае 2016 г. в соответствии с решением глав военных ведомств РФ и КНР в Москве впервые проведены российско-китайские командно-штабные учения «Воздушно-космическая безопасность — 2016» по защите территории двух стран от случайных, несанкционированных и провокационных ударов баллистических и крылатых ракет, осуществленных условной третьей страной или внешней террористической организацией. Целью учений были: согласование подходов и определение принципов взаимодействия при решении задач противовоздушной и противоракетной обороны; отработка вопросов организации совместных действий по отражению возможной угрозы, а также определение направлений дальнейшего сотрудничества в данной области. Поставленные на учения цели были достигнуты в полном объеме. Учение не было направлено против какой-либо третьей стороны³⁴. Вторые совместные двухсторонние компьютерные командно-штабные учения (ККШУ) России и Китая «Воздушно-космическая безопасность — 2017» проведены в период с 11 по 16 декабря 2017 г. в НИИ ПВО и ПРО академии ВВС НОАК (Пекин)³⁵.

В декабре 2017 г. в г. Иньчуань (Нинся-Хуэйский АР) проведены первые совместные антитеррористические учения сводной группы сил спецназа Росгвардии и Народной вооруженной полиции (НВП) Китая «Сотрудничество — 2017».³⁶

В августе 2018 г. на российской территории в Челябинской области состоялись проходящие раз в два года учения ШОС «Мирная миссия — 2018», в которых впервые приняли участие представители двух новых членов ШОС — Индии и Пакистана, а также впервые за долгое время — наблюдатели от Узбекистана. При этом общая численность военнослужащих стран-участниц составила около 3000 человек при 500 единицах техники, то есть меньше китайского контингента на учениях «Восток — 2018»³⁷.

В сентябре 2018 г. Китай принял участие в крупнейших со времен маневров «Запад — 81» военно-стратегических учениях Вооруженных сил РФ «Восток — 2018», в которых были задействованы Восточный и Центральный военные округа, Северный флот, Воздушно-десантные войска, Дальняя и Военно-транспортная авиация РФ. По заявлению министра обороны РФ С.К. Шойгу учения явились крупнейшим мероприятием по подготовке Вооруженных Сил, которое приобрело статус международных учений, имело беспрецедентные масштабы как по пространственному размаху, так и по численности привлекаемых органов военного управления, войск и сил. Активная фаза маневров, к которым с российской стороны привлекались около 300 тыс. человек личного состава, более 1000 самолетов, вертолетов и беспилотных летательных аппаратов, до 80 кораблей и судов обеспечения, до 36 тыс. танков, бронетранспортеров и других машин, проводилась на полигонах Центрального и Восточного военных округов с 11 по 17 сентября.

С китайской стороны в учениях приняли участие свыше 3200 человек личного состава НОАК, 900 ед. различных типов вооружения, около 30 летательных аппаратов. Российско-китайские совместные действия проводились на полигоне Цугол в Забайкальском крае. Согласно заявлению Минобороны КНР накануне учений «Восток — 2018» главной целью участия китайских войск является «...развитие российско-китайских отношений всестороннего стратегического партнерства и взаимодействия». Речь идет об углублении практического сотрудничества между вооруженными силами двух стран. В последние годы дружественное взаимодействие вооруженных сил КНР и РФ в разных регионах планеты становится систематическим. Ранее российские и китайские военные моряки убедительно продемонстрировали это в Средиземном, Японском, Южно-Китайском и Балтийском морях³⁸.

В то же время для дальнейшего развития и углубления российско-китайского военного и военно-технического сотрудничества обеим сторонам *следует глубоко и последовательно работать над углублением стратегического доверия*. Этому может спо-

способствовать развитию процесса более тесного экономического и научно-технического сотрудничества двух стран, активизация гуманитарного обмена, что потребует длительного времени и немалых усилий обеих сторон.

С нашей точки зрения, которая разделяется и китайской стороной, наличие нерешенных вопросов и расхождений во взглядах — естественный и нормальный процесс, который лишь свидетельствует о живом и здоровом характере наших отношений. Важно, однако, вовремя замечать эти проблемы и принимать эффективные меры к их решению. При этом обе стороны могут использовать накопленный в последние десятилетия богатый позитивный опыт взаимодействия.

В год 70-летия образования КНР и установления дипломатических отношений между двумя странами следует отметить расширение и углубление военного и военно-технического сотрудничества на фоне ухудшения отношений России и Китая с США. Налажен и действует механизм регулярных консультаций между Генеральным штабом Вооруженных сил России и Объединенным штабом Центрального военного совета (ЦВС) КНР. В мае 2018 г. в Пекине прошел 20-й раунд таких консультаций с участием заместителя начальника Объединенного штаба ЦВС Шао Юаньмина и первого заместителя начальника Генштаба ВС РФ, начальника Главного оперативного управления С. Рудского³⁹.

По оценке аналитиков РСМД, в ближайшей перспективе можно ожидать перехода сторон к выполнению новой серии контрактов в сфере ВТС, предположительно характеризующихся увеличением доли совместных разработок и направленностью на прорывные области военных технологий. Вероятны продолжение практики совместных стратегических учений и возобновление масштабных совместных военно-морских учений. Новые области сотрудничества могут открыться в связи с такими предпринятыми с начала 2019 г. шагами США, как приостановка обязательств в рамках Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности и публикация новой версии Обзора политики США в сфере ПРО, в которой Россия и Китай официально названы противниками, на которых ориентированы американские программы в сфере противоракетной обороны⁴⁰.

В заключение необходимо отметить, что в первые годы после образования КНР всесторонняя помощь Советского Союза имела решающее значение для превращения НОАК в современную по тому времени армию и создания основ военного потенциала, что сыграло важную роль в становлении и защите суверенитета молодого государства. Ныне военное и военно-техническое сотрудничество между КНР и РФ имеет благоприятные перспективы и является фактором стратегического сотрудничества между двумя странами, направленного на развитие и укрепление стратегического взаимодействия в XXI веке.

1. Бутурлинов В.Ф. Вооруженные силы Китая. История и современность / Ин-т военной истории (ИВИ) МО СССР. М., 1989.
2. Пэн Сюньхоу. О военных обменах между Китаем и Россией (бывшим СССР) (1949–2009 гг.). 17.08.2009. URL: russian.china.org.cn.
3. Там же.
4. URL: <http://www.chinapro.ru/rubrics/2/3283/>
5. Китайская Народная Республика в 1950-е годы: Сб. документов: в 2 т. / ред. В.С. Мясников. Т. 2: Друг и союзник нового Китая. М., 2010. URL: <http://www.coldwar.ru/conflicts/china/t2/spravka-gosplana.php>.
6. Мамаева Н.Л., Сотникова И.Н., Верченко А.Л. Участие СССР в реконструкции и строительстве «156 производственных объектов» в КНР в 1950-е годы. Новые факты и обстоятельства советско-китайского сотрудничества. М., 2018. С. 569–571, 578–581.
7. Там же. С. 114.

8. *Рахманин О.Б.* К истории отношений России — СССР с Китаем в XX веке. Обзор и анализ основных событий. Изд. 2-е, испр. М., 2000. С. 17.
9. *Бутурлинов В.Ф.* Указ. соч. С. 153–154.
10. Военное и военно-техническое сотрудничество России и Китая. URL: <https://gia.ru/20140520/1008416110.html>
11. *Гончаров С.Н.* Заметки о военно-техническом сотрудничестве Китая с СССР и Россией во 2-й половине XX века. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013. С. 49–51, 59.
12. Там же.
13. Там же.
14. *Пэн Сюньхоу.* Указ. соч.
15. *Ивашов Л.Г.* Россия-Китай: перспективы военно-технического сотрудничества. 09.03.2006. URL: www.fondsk.ru.
16. *Карасин Г.* Россия — Китай: партнерство, развернутое на стратегическую перспективу // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 2. С. 26.
17. China Daily. November 26. 2018.
18. *Макиенко К.* Военно-техническое сотрудничество России и КНР в 1992–2002 годах: достижения, тенденции, перспективы». М., 2002. С. 40–47.
19. URL: <http://saint-petersburg.ru/show/153004>.
20. ИТАР—ТАСС АТЛАС. 14.12.2004.
21. *Ивашов Л.Г.* Указ. соч.
22. *Макиенко К.* За 15 лет Китай потребил до половины всех российских поставок за рубеж. 02.02.2007. URL: www.interfax.ru.
23. URL: <http://www.rg.ru/2015/04/13/triumf-site.html>.
24. *Ли Чэнхун.* Военно-техническое сотрудничество между Китаем и Россией: состояние дел, проблемы и контрмеры / Пед. ун-т Восточного Китая // Элосы яньцзю. 2009. № 1. С. 87–116.
25. Российско-китайский диалог: модель 2019. Док. № 46. 2019 / С.Г. Лузянин (рук.) и др.; Х.Чжао (рук.) и др.; гл. ред. И.С.Иванов; Российский совет по международным делам. М.: НП РСМД, 2019.
26. Там же.
27. Там же.
28. Российско-китайский диалог: модель 2017. Док. № 33. 2017 / Российский совет по международным делам. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/15a/Russia-China-Report33.pdf>.
29. *Боляtko А.В.* ШОС: к новым рубежам развития // Шанхайская Организация Сотрудничества: к новым рубежам развития / отв. ед. А.В. Боляtko. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 27.
30. Совместное коммюнике по итогам совещания министров обороны государств — членов ШОС // Жэньминь жибао. 16.05.2008.
31. URL: http://function.mil.ru/news_page/world/more.htm?id=11981494@egNews.
32. URL: https://ria.ru/defense_safety/20160921/1477492550.html.
33. URL: <http://redstar.ru/index.php/news-menu/ino-military-menu/indiya/item/30423-morskoe-vzaimodejstvie>.
34. URL: <https://rg.ru/2016/05/28/ri-i-knr-otrabotali-zashchitu-ot-provokacionnyh-raketnyh-udarov.html>.
35. URL: <https://topwar.ru/131693-rossiya-i-kitay-provodyat-sovmestnye-ucheniya-po-otrazheniyu-raketnyh-atak.html>.
36. URL: <https://iz.ru/678223/2017-12-02/v-knr-nachalis-ucheniia-spetsnaz-rosgvardii-i-nvr-kitaia>.
37. Российско-китайский диалог: модель 2019...
38. URL: <https://sputnik-ossetia.ru/columnists/20180830/7043633.html>.
39. Российско-китайский диалог: модель 2019...
40. Там же.

Международные исследования в институтах Китайской академии общественных наук

© 2019

А.В. Ломанов

В статье рассматривается история становления системы исследования мировых и региональных проблем в Китае. Показана связь научной политики государства с дипломатическими и экономическими запросами развития Китая. Первоначальным импульсом для создания научных структур была потребность в разработке собственной внешней политики в отношении развивающихся стран, с переходом к осуществлению политики реформ и открытости возник спрос на знания о развитых странах. Охарактеризованы основные направления деятельности научных институтов, входящих в Отделение международных исследований Китайской академии общественных наук

Ключевые слова: мировая экономика, реформы в КНР, научные исследования, Африка, Азия, Россия, Америка, Европа, «мозговые центры».

DOI: 10.31857/S013128120007138-2

Система институтов, входящих ныне в Отделение международных исследований Китайской академии общественных наук (КАОН), позволяет проводить комплексное широкое изучение мировых и региональных проблем. Со второй половины XX века история становления этих научных организаций тесно связана с практическими вопросами внешней политики и экономического развития КНР. Сочетание глобальных и общетеоретических исследований с более узкими региональными исследованиями позволяет создавать целостную картину мировых процессов в интересах разработки китайской политики.

Институт мировой экономики и политики (ИМЭП) КАОН специализируется на исследованиях глобальной экономики, мировых финансов, торговли и инвестиций, экономического развития, международной политики, международной политической экономии, глобального управления, мировых сырьевых проблем. В современных условиях особую актуальность обретают проблемы мировой торговли и ее либерализации, деятельности ВТО, прямых иностранных инвестиций, мировой финансовой системы. Институт участвует в аналитическом обеспечении встреч G20, работает на форуме мозговых центров «двадцатки».

Заслуженным авторитетом в научном сообществе пользуется журнал ИМЭП КАОН «Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи» (Мировая экономика и политика). Он был создан в 1979 г., в 1982–1987 гг. выходил под названием «Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи нэйцань» (Внутренние справочные материалы по мировой экономике и политике). На страницах этого издания появляются качественные статьи по теории международных отношений, внешней политике и международной стратегии. Институт также издает журналы «Шицзе

цзинцизи» (Мировая экономика), «Гоцзи цзинцизи пинлунь» (Обозрение международной экономики), на английском языке выходит журнал *China & World Economy*.

Обрели известность обзорные аналитические издания ИМЭП КАОН, которые выходят в серии «желтых книг» академического издательства «Шэжуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ». В сборнике «Анализ и прогноз положения мировой экономики в 2019 году» отмечается замедление темпов роста международной торговли. Будущие проблемы мировой экономики китайские исследователи связывают с грядущим спадом в экономике США, негативными последствиями глобальных торговых трений, противодействием глобализации, ростом геополитических рисков, популизма и национализма. Помимо общего анализа, в работу входят обзоры экономик США, Европы, Японии, стран АТР, России, Латинской Америки, Ближнего Востока и Африки, а также самого Китая. Важное место в книге занимают статьи по проблемам международной торговли, финансов, инвестиций, рынков. Большое внимание авторы уделили экономической политике администрации Трампа¹.

«Доклад о глобальной политике и безопасности (2019)» сходным образом открывается с рассмотрения общих проблем и тенденций. Отдельные главы освещают развитие отношений между Китаем и Россией, проблемы безопасности Китая, вопросы глобального управления, обеспечения кибербезопасности, борьбы с международным терроризмом, глобальной борьбы с коррупцией, проблемы миграции и беженцев, глобальной энергетической политики. Рассматриваются достижения и затруднения в осуществлении китайской инициативы «поояса и пути», опыт различных стран в защите своих интересов за рубежом, ситуация на Ближнем Востоке и на Корейском полуострове².

Предшественником ИМЭП КАОН был отдел мировой экономики Института экономики Китайской академии наук (КАН). На основании указаний Мао Цзэдуна в мае 1964 г. был создан Институт мировой экономики КАН. Нынешний институт возник в декабре 1980 г. после объединения входивших к тому времени в КАОН Института мировой экономики и части подразделений Института мировой политики. Главная ветвь в «родословной» института относится к сфере международной экономики, что превратило его в период реформ в один из самых влиятельных центров по изучению зарубежной экономики в интересах проводимых в Китае преобразований. Важным подспорьем для государственной политики стали исследования иностранных экономических систем, опыта экономических реформ, стратегий экономического развития.

Подводя итоги деятельности ИМЭП КАОН за четыре десятилетия, тогдашний директор института Юй Юндин отмечал, что исследование мировой экономики стало в Китае важной сферой экономических исследований уже в 1950-е — 60-е годы. Собранные вместе специалисты обрабатывали экономическую информацию по основным странам, что было важно для плановых ведомств при разработке политики и принятии решений. В начальный период реформ китайские исследователи теории мировой экономики приняли активное участие в обсуждении концепции «международной стоимости» (*гоцзи цзячжжи*) Маркса и «вопроса эпохи» Ленина, что помогло укрепить теоретическое обоснование политики реформ и открытости внешнему миру. Изучение сущности современного капитализма и закономерностей развития мировой экономики стало вкладом в обогащение и развитие марксистской теории мировой экономики.

Ученый отметил, что в начале 1980-х исследования мировой экономики в Китае находились на вершине популярности. Вслед за продвижением реформы и открытости, развитием других отраслей экономической науки положение мировой экономики внутри экономической науки снизилось. Многие высшие учебные заведения исключили из своих программ специальность «мировая экономика». Однако с середины 1990-х в исследо-

ваниях мировой экономики появились признаки нового подъема. В XXI веке внимание китайцев к проблемам мировой экономики выросло до «небывалой высоты»³.

Во второй половине 1980-х китайские исследователи призывали разобраться в изменениях в экономической политике развитых стран Запада, которые устремились не к скорости и количественным показателям, а к качеству и эффективности развития. Признание способности капитализма к адаптации после пережитых кризисов стало поводом для серьезных размышлений о закономерностях развития мировой экономики. Ученые рекомендовали задуматься о том, что высокие темпы развития не обязательно пойдут Китаю на благо, если не будут учитывать вопросы качества и эффективности. Без определения адекватной стратегии развития и промышленной политики Китай рискует отстать от быстрого развития научно-технической революции.

Среди важных задач были обозначены не только исследование теории и практики реформирования экономической и политической системы социалистических стран, но также изучение опыта развития Азиатско-Тихоокеанского региона ради определения перспектив сотрудничества Китая со странами АТР, выявления возможностей использовать многообразие и конкуренцию региональных экономик. Наступило осознание того, что из-за длительной закрытости от внешнего мира в китайских исследованиях теории мировой экономики накопилось много пробелов. В сферах международных финансов, инвестиций и торговли недоставало знаний и практических навыков, что приводило к крупным неудачам. Оставались несовершенными инструменты прогнозирования мировой экономики, работа в этой сфере проводилась недостаточно.

Ученые стремились решать практические проблемы, соединяя исследование мировой экономики и политики с реформами и открытостью Китая. Ответом на новые вызовы стало увеличение внимания к изменениям в мировой экономике и политике. Был поставлен вопрос о том, что при оценке ситуации следует избегать сосредоточения лишь на одной возможности, следует всеми силами представлять себе несколько перспектив, при их анализе выявлять шансы и вызовы для Китая, в каждом случае предлагать возможные решения.

Другой важной темой стали мировая научно-техническая революция и урегулирование промышленной структуры зарубежных стран. Обострение конкуренции между научно-техническими державами могло обернуться использованием технической монополии лидеров для закрепления военного превосходства и воссоздания экономической монополии, создания угрозы миру во всем мире. Это привело бы к искусственному торможению технического прогресса развивающихся стран, расширению технического разрыва Юга и Севера. Вместе с тем китайские исследователи допускали, что эта тенденция может быть изменена, если путем переговоров все страны смогут договориться о техническом и экономическом сотрудничестве, устремиться к совместному развитию. В любом случае требовалось старательно изучать направление урегулирования мировой производственной структуры, разрабатывать приемлемую для Китая экономическую структуру, повышать экономическую эффективность, внимательно следить за колебаниями цен на сырьевом рынке и проявлениями торгового протекционизма.

Важной задачей в тот период было создание условий для быстрой подготовки квалифицированных исследовательских кадров. Прежде в Китае признавали отставание от развитых стран в естественных и технических, но не в общественных науках, в которых руководящую роль марксизма-ленинизма отождествляли с передовым характером знания. Обращение к конкретным аспектам изучения мировой экономики заставило признать, что в Китае 1980-х годов было много отсталых общественных наук. Часть дисциплин, которые были развиты за границей и отсутствовали либо находились в Китае в зача-

точном состоянии, можно было попытаться позаимствовать у иностранцев, например исследования международных финансов и инвестиций, сравнительную экономику и политологию. То, чего не было ни за рубежом, ни в Китае, предстояло создавать с нуля⁴.

После событий 1989 г. китайские исследователи заново поставили вопросы, которые были оставлены без внимания в ходе увлечения освоением западных научных достижений в первое десятилетие реформ. Они спрашивали о том, можно ли считать «мировую экономику» синонимом экономических связей в масштабах всего мира, каковы особенности закономерностей функционирования мировой экономики. Те, кто утверждает, что это новая научная дисциплина в мировой экономической науке, считают мировую экономику единым органическим целым. Однако остается неясным, в чем специфика ее противоречий, являющаяся объектом ее исследования «международные производственные отношения» по Марксу либо процессы интернационализации производства, находится мировая экономика вне национальных и государственных рамок либо это просто сумма экономик всех стран мира.

До начала реформ китайские теоретики подчеркивали, что международное разделение труда является инструментом эксплуатации и ограбления в руках монополистического капитала, они мало говорили о взаимной выгоде экономического сотрудничества. В период реформ, напротив, стали много говорить о выгоде для развивающихся стран и забывать об эксплуатации. Возникла потребность заново осмыслить проблемы экономического сотрудничества Юг — Север с учетом соотношения эксплуатации и взаимной выгоды в связи с оценкой «империалистической экономической экспансии» в третьем мире.

Были поставлены вопросы о том, как оценивать разделение труда и сотрудничество между социалистическими и капиталистическими странами, как понимать смысл региональной экономической интеграции, как трактовать эпоху, сутью которой вместо пролетарской революции стали мир и развитие. Одной из дискуссионных тем стала оценка современного этапа развития капитализма — в какой мере он подчинился «социальному контролю», насколько ему присущи прежние тенденции концентрации производства и монополизма, экспорт капитала и внешняя экономическая экспансия. В этом контексте возник вопрос о том, является западная буржуазная экономическая наука набором теорий и методов либо инструментом приукрашивания капитализма. С другой стороны, не оправдали себя бывшие позитивные оценки национализации в развивающихся странах, которая на деле вела к снижению качества управления, падению эффективности и распространению коррупции. Еще один вопрос был связан с оценкой опыта развития новых индустриальных стран и спорами о том, сможет ли Китай научиться их опыту быстрого экономического роста⁵.

Система академических институтов, занимающихся региональными исследованиями, начала формироваться в период правления Мао Цзэдуна. В силу исторических и политических причин, первыми появились научные структуры, занимающиеся изучением соседних и развивающихся стран.

Идея создания Института исследований международных отношений в структуре академии обсуждалась на уровне китайского руководства в 1956 г. Отдел пропаганды ЦК КПК поручил в 1959 г. отделению философии и общественных наук КАН создать подготовительную группу по созданию такого института. В ней были «группа Южной Азии» и «группа исследований Западной Азии и Африки», с этого шага началась подготовка к организованным исследованиям регионов.

После встречи Мао Цзэдуна в 1961 г. с африканскими гостями последовало указание ускорить работу по созданию научного института, способного заниматься исследованиями Африки. В июле 1961 г. был создан Институт Азии и Африки КАН. Состояв-

шаяся в 1963 г. поездка премьеры Чжоу Эньлая в страны Азии и Африки стала очередным стимулом для активизации исследований международных проблем. После проведения совещания по этому вопросу на уровне ЦК был подготовлен доклад об укреплении работы по изучению зарубежных государств. В декабре 1963 г. документ получил одобрение Мао Цзэдуна и был разослан по всей стране. Усилия охватывали два направления. Предусматривалось развитие и создание как факультетов международных исследований в высших учебных заведениях, так и научных организаций, занимающихся международной проблематикой.

В январе 1964 г. Институт Азии и Африки КАН был разделен на Институт Западной Азии и Африки и Институт Восточной и Южной Азии. Официально Институт Западной Азии и Африки начал работу в октябре 1964 г. В то время китайским вузам была предписана четкая региональная специализация при подготовке специалистов. Пекинский университет занимался Азией, Африкой и Латинской Америкой, Народный университет Китая — Советским Союзом и Восточной Европой, Фуданьский университет — Западной Европой и Северной Америкой⁶.

В период «культурной революции» (1966–1976) исследовательская работа по многим направлениям была нарушена, однако потребность китайского руководства в получении аналитической информации о внешнем мире привела к тому, что исследования были продолжены в закрытом режиме. Публикации были предназначены «для внутреннего пользования», общедоступной научной периодики и исследовательских монографий в тот период не было. По мере угасания накала внутренней политической борьбы в Китае стали появляться новые регионоведческие издания: в 1972 г. Ляонинский университет создал «Жибэнь яньцзю» (Японские исследования), в 1974 г. в Хэйлунцзянской академии появился журнал «Сиболия яньцзю» (Исследования Сибири).

Китайские авторы отмечают, что особенностью дореформенного периода было сосредоточение внимания на практических конкретных вопросах, а не на общенаучной теории или комплексных исследованиях. В 1960-е годы в центре внимания находилась теория мировой революции, которая касалась империализма, национально-освободительного движения, проблем войны и мира. В 1970-е исследования были сконцентрированы на «теории трех миров». Все эти усилия неразрывно связаны с оценкой положения Китая в мире. О разработке обособленной теории международных отношений речь тогда не шла, поскольку все явления и тенденции объясняли исходя из марксистской революционной теории. Всестороннее изучение мировой политики началось в Китае в 1980-е годы, в период реформ. Именно тогда была сформирована существующая система институтов, занимающихся исследованиями международных проблем в рамках КАОН⁷.

Современный *Институт Западной Азии и Африки* КАОН состоит из четырех исследовательских отделов — Ближнего Востока, Африки, международных отношений, общества и культуры. Институт издает журнал «Си Я Фэйчжоу» (Западная Азия и Африка), который выходит раз в два месяца.

Исследователи уделяют внимание отношениям стран региона с крупными державами, а также отношениям между странами внутри региона. Важное место занимает анализ стратегий глобальных держав в отношении Ближнего Востока и Африки, изучение связей между Китаем и странами региона. Ученые института занимаются проблемами региональных «горячих точек», исследуют исламский фактор в политике стран региона. Среди новых актуальных тем можно упомянуть изучение региональных ресурсов и рынков в контексте потребностей экономического развития Китая, исследование политических процессов в Турции, проблем Ирана, межнациональных отношений в Африке, арабского национализма, религиозных факторов в Нигерии. Крупной комплексной те-

мой, которая осуществлялась в 2009–2013 гг., было социальное развитие Западной Азии и Африки. Начиная с 2017 г. в число приоритетных направлений по созданию научных дисциплин передового уровня в рамках КАОН входят исполняемые институтом темы «Современный Ближний Восток» и «Международные отношения в Африке».

В марте 2013 г. Институт Западной Азии и Африки КАОН, редакция журнала «Си Я Фэйчжоу», Институт информации КАОН и Центр исследований и цифровых данных КАОН провели в Пекине конференцию «Новое мышление китайской дипломатии — “стратегия продвижения на Запад”». Опубликованные материалы обсуждения показывают, что китайская трактовка «Запада» является широкой и охватывает Центральную Азию, Ближний Восток, Индию, Пакистан. Обсуждение китайского «продвижения на Запад» неоднократно касалось американской стратегии военного «продвижения на Восток»⁸. В современной ситуации Ближний Восток и Северная Африка как часть «дальнего Запада» вновь обретают для Китая значительную ценность, которая в определенной степени была утрачена в прежние десятилетия реформ, в период активного развития экономических связей с США и другими развитыми странами.

4 апреля 2019 г. в Пекине состоялось официальное открытие *Института Китай — Африка (Чжунго Фэйчжоу яньцзююань)*. Институт появился после того, как в сентябре 2018 г. на Форуме Китай — Африка Си Цзиньпин обещал создать подобную структуру для «углубления взаимной учебы цивилизаций с африканской стороной».

Этот прецедент напоминает прошлый опыт развития китайских исследований стран и регионов, когда в 1960-е по указанию Мао Цзэдуна были заложены институциональные основания изучения стран третьего мира. Очевидное отличие состоит в том, что в те годы речь шла о накоплении базовых страноведческих знаний, необходимых для развития связей Китая и Африки. Теперь Китай создает инструменты для международного научного взаимодействия и проекции собственных идей во внешний мир.

Новый Институт Китай — Африка призван стать площадкой для налаживания сотрудничества и научных обменов между Китаем и Африкой, организации совместных исследований, подготовки кадров высшей квалификации, осуществления научных обменов, перевода научных публикаций. Среди основных исследовательских тем обозначены развитие инфраструктуры и торгово-экономическое сотрудничество, борьба с бедностью, охрана окружающей среды, мир и безопасность, а также взаимная учеба цивилизаций, что вводит в сферу интересов проблемы истории, философии и религии.

На церемонии открытия Института присутствовал член политбюро ЦК КПК Ян Цзечи. Он огласил приветственное письмо от Си Цзиньпина, что стало явным указанием на важность мероприятия. Напомнив об общности интересов Китая как самой крупной развивающейся страны и Африки как континента с наибольшим количеством развивающихся стран, а также о давней традиции дружбы между ними, китайский лидер выразил надежду, что Институт поможет соединить вместе ресурсы китайских и африканских «мозговых центров». Эти усилия призваны внести вклад не только в развитие китайско-африканских отношений, но и в строительство «сообщества судьбы человечества».

Ян Цзечи сказал, что послание в полной мере отражает заинтересованность председателя Си Цзиньпина и китайской стороны в развитии китайско-африканских связей. Предполагается, что контакты между «мозговыми центрами» позволят Китаю расширить обмены опытом в сферах государственного управления и экономического развития, наладить совместные поиски новых моделей сотрудничества, укрепить фундамент китайско-африканских связей в общественном мнении. Одним из направлений деятельности выступает защита «права слова» по вопросам взаимодействия Китая и Африки. Речь идет о противодействии рассуждениям западных экспертов о неравноправном ха-

рактере этого взаимодействия. Институт призван содействовать формированию в международном сообществе «правильного взгляда» на Китай, Африку и их сотрудничество. В контексте долгосрочных целей китайской дипломатии новая структура призвана через интенсификацию научных обменов способствовать укреплению «стратегической стыковки» Китая и Африки, построению более высокого уровня всеобъемлющего стратегического партнерства⁹.

Учредителем новой структуры выступает КАОН. Во главе Института встал вице-президент КАОН Цай Фан, постоянным заместителем директора является директор Института Западной Азии и Африки КАОН Ли Синьфэн. Планируется издание журнала «Чжунго Фэйчжоу сюэкань» (Научный журнал Китай — Африка) на китайском, английском и французском языках, который будет публиковать китайские и зарубежные научные статьи высокого качества по проблемам Африки, Китая и китайско-африканских связей. Важную роль в распространении научной информации и продвижении международного сотрудничества должен играть сайт института на английском языке (<http://ecai.cssn.cn/>).

Институт АТР и глобальной стратегии КАОН (Я Тай юй цюаньцю чжаньлюэ яньцзююань; английское наименование института National Institute of International Strategy не полностью соответствует китайскому) был создан в декабре 2011 г. на базе Института Азиатско-тихоокеанских исследований КАОН, основанного в конце 1988 г. Его предшественниками были Институт Южной Азии КАОН (создан в 1978 г.) и Институт Южной и Юго-Восточной Азии КАОН (создан в 1986 г.). Научную родословную этой структуры можно проследить до середины 1960-х годов.

Особенностью этого Института является стремление соединить изучение региональной проблематики с исследованиями мирового экономического и социального развития, механизмов глобального управления и долгосрочной международной стратегии Китая. Идея заключается в том, что выработка оптимальной стратегии взаимодействия с соседним регионом — АТР позволит Китаю создать успешную глобальную стратегию.

Отдел исследования международных экономических отношений занимается политикой стран и регионов АТР, а также экономическими связями между ними. Созданный в 2008 г. отдел регионального сотрудничества и глобального управления исследует теорию региональной интеграции и сотрудничества, а также практику экономического взаимодействия в рамках АТЭС, АСЕАН, регионов Восточной Азии, Южной Азии и Северо-Восточной Азии. В центре внимания находились вопросы сотрудничества в Восточной Азии, отношения между Китаем и АСЕАН, проблемы Транстихоокеанского партнерства, стратегии сотрудничества в Восточной Азии крупных стран, выбора китайской стратегии регионального сотрудничества.

Отдел исследований периферии Китая (*Чжунго чжоубянь*) и глобальной стратегии был создан в 2011 г. Его задачей является проведение основанных на междисциплинарных подходах исследований окружающей Китай ситуации в сферах политики, экономики и безопасности, выработка рекомендаций по определению оптимальной стратегии побуждения этой среды к адаптации в направлении, благоприятствующем развитию Китая. Исследователи исходят из того, что внешнее окружение оказывает значительное воздействие на развитие любой страны, тогда как быстрый рост экономической мощи Китая и повышение его международного статуса вывели его отношения с соседями в новый период урегулирования постоянно возникающих противоречий.

Работа отдела безопасности и дипломатии АТР опирается на предпосылку о том, что практически все важнейшие национальные интересы Китая сосредоточены в этом регионе, и это диктует необходимость проведения систематического углубленного изучения

проблем безопасности в АТР. Отдел занимается оценкой безопасности на периферии Китая, проблемами морской безопасности и нетрадиционной безопасности, региональными механизмами безопасности, проблемами Корейского полуострова, вопросами безопасности в Юго-Восточной Азии и Южной Азии. Направление «международные отношения в АТР» обозначено в планах КАОН в качестве новой важной научной дисциплины.

Отдел социальных и культурных исследований АТР изучает истоки современных экстремистских движений в регионе, роль культурных факторов в отношениях между Китаем и соседними странами, социальные и культурные основы сотрудничества в Восточной Азии. Ученые занимаются исследованием наций, религий, истории, литературы, массовой культуры стран региона, деятельности неправительственных организаций, систем социального обеспечения населения.

На базе института действуют Центр изучения АТЭС и Восточной Азии КАОН, Центр изучения Южной Азии КАОН, Центр изучений Австралии, Новой Зеландии и южной части Тихого океана КАОН, Центр региональной безопасности КАОН. К институту относятся Центры исследования Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. Институт издает журналы «Нань Я яньцзю» (Исследования Южной Азии) и «Дандай Я Тай» (Современный АТР).

Нынешний *Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии* КАОН был создан для изучения СССР в июне 1965 г. Первоначально он находился в двойном подчинении — отдела внешних связей ЦК КПК и отделения философии и общественных наук КАН, после 1966 г. он полностью отошел к отделу внешних связей ЦК КПК. С 1981 г. Институт находится в структуре КАОН. За это время он именовался как Институт СССР, Институт СССР и Восточной Европы, а после распада СССР — Институт Восточной Европы и Центральной Азии без упоминания России. Нынешнее наименование используется с 2002 г.

Институт появился в ту пору, когда отношения Москвы и Пекина были плохими и стороны вели между собой ожесточенную идеологическую полемику. В 1980-е годы Институт сыграл важную роль в позитивном изучении опыта политических и экономических реформ в СССР и Восточной Европе. В качестве показательного исторического примера можно назвать конференцию по проблемам советской экономической теории, которую в июле 1983 г. провели редакции журналов «Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи нэйцань», «Сулянь Дун Оу вэньти» (Проблемы СССР и Восточной Европы), «Цзинцзи яньцзю цзыляо» (Материалы экономических исследований) и другие научные структуры. Основное внимание было уделено советским трактовкам проблемы собственности на средства производства, что было очень актуально для китайских экономических реформ. Занимавший в то время пост вице-президента КАОН экономист Лю Гогун призывал к углублению исследования советской экономики¹⁰. Помимо этого, большим подспорьем для китайских реформаторов стало изучение опыта преобразований в социалистических странах Восточной Европы, в особенности опыт Югославии.

Впоследствии главной научной задачей на многие годы вперед стало изучение причин распада СССР и смены курса развития стран Восточной Европы. Обобщение уроков произошедшего было призвано играть роль предупреждения, дабы не допустить повторения подобных событий в Китае. Вплоть до наших дней советская политика и экономика остается в Китае важной исследовательской темой. Со временем к этой проблематике добавились практические аспекты трансформации постсоветских стран, их внешняя политика и отношения с Китаем.

В Институте восемь научных подразделений — отделы политики, общества и культуры России, экономики России, дипломатии России, стратегических исследова-

ний, Центральной Азии, Центральной и Восточной Европы, Украины, истории и культуры России. Институт курирует созданные в рамках КАОН Центр исследований России, Центр исследований ШОС, Центр исследований «поояса и пути», а также Мозговой центр китайско-российского стратегического сотрудничества высокого уровня. Под эгидой института выходят журналы «Элосы Дун Оу Чжун Я яньцзю» (Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии) и «Оу Я цзинцзи» (Экономика Евразии)

Институт Латинской Америки КАОН был создан в июле 1961 г. Первоначально он относился к отделению философии и общественных наук КАН, в 1964 г. перешел под руководство отдела внешних связей ЦК КПК. После завершения «культурной революции» работа Института была восстановлена в апреле 1976 г., с 1981 г. он находится в системе КАОН.

Институт проводит комплексные исследования экономики, политики, международных отношений, общества и культуры региона. В его структуре исследовательские отделы экономики Латинской Америки, марксистской теории и политики Латинской Америки, международных отношений, общества и культуры Латинской Америки, комплексных теоретических исследований, латиноамериканской интеграции. В 2009 г. в нем были созданы выполняющие координирующие функции центры исследований Бразилии, Кубы, Мексики, Центральной Америки и Карибов, Аргентины. С 1979 г. Институт издает журнал «Ладин Мэйчжоу яньцзю» (Исследования Латинской Америки).

Примечательно, что отдел марксистской теории и политики Латинской Америки был создан на основе отдела политики не далее чем в 2017 г. Смена акцента позволила активизировать изучение социалистического движения в Латинской Америке, левых политических идей и опыта их практического осуществления. Отделы экономических исследований Латинской Америки и международных отношений играют важную роль в создании лидирующих исследовательских направлений в рамках КАОН. Опыт исследований этой тематики внутри Института восходит к 1960-м годам.

Созданный в 2009 г. отдел комплексных теоретических исследований ориентируется на использование марксистской методологии в изучении Латинской Америки. Среди ожидаемых результатов китайские исследователи называют обобщение процессов развития развивающихся стран, проведение междисциплинарных исследований, уделяющих приоритетное внимание тенденциям политического развития в Латинской Америке. Помимо этого, Институт уделяет существенное внимание изучению деятельности региональных и субрегиональных организаций в Латинской Америке, их сотрудничества с ключевыми странами и регионами мира, включая Китай.

Внутри отделения международных проблем КАОН можно выделить несколько институтов, появление которых стало возможным лишь в период реформ. У них нет прямых предшественников, созданных до начала «культурной революции». Потребность в глубоком изучении развитых капиталистических стран возникла лишь со вступлением Китая в период широкомасштабных преобразований.

Институт Америки КАОН был создан в мае 1981 г. Первым его директором был Ли Шэньчжи (1923–2003), снискавший известность в 1980-е годы благодаря либеральным взглядам на проблемы китайского общества и политики.

В настоящее время Институт Америки состоит из пяти исследовательских отделов, которые занимаются политикой, экономикой, дипломатией, стратегией, а также социальными и культурными проблемами США. В поле зрения ученых находятся политический строй и идеология, общественная мысль, тенденции экономического развития, экономические институты и политика, экономические тенденции, внешняя экономическая стратегия США, история и современность американской внешней политики, страте-

гия в области безопасности, политика ограничения вооружений. Помимо этого, ученые занимаются исследованием американской системы социального обеспечения, проблемами религии, межнациональных отношений, культуры и СМИ.

Исследователи занимаются темами воздействия внутренней политики США на внешнюю, присутствия в американской дипломатии факторов идеологии, прав человека и продвижения демократии, воздействия избирательных циклов на законодательную деятельность. Проводится изучение отношений между Китаем и США в сферах экономики и торговли, а также в области политики и стратегии.

Серьезным вызовом для китайских американистов явилась торговая война между США и Китаем, ставшая частью больших изменений политики Вашингтона на китайском направлении после прихода к власти администрации Трампа. Предсказать глубину и масштаб этого поворота ученым не удалось. Теперь речь идет о расширении проблематики исследований ради того, чтобы более подробно разобраться в механизмах влияния внутренней политики США на внешнюю. В частности, есть планы более внимательно заняться изучением проблем американского общества, его структуры и демографических изменений, лежащих в основе формирования политических требований избирателей. В экономической сфере обрел актуальность вопрос промышленной политики в контексте оценки осуществимости обещаний Трампа вернуть производственные мощности на территорию США.

Институт издает журнал «Мэйго яньцзю» (Исследования Америки), ставший внутри Китая ведущей академической площадкой для публикации качественных научных статей в области изучения США. Журнал «Дандай Мэйго пинлунь» (Обзор современной Америки) следует академическим стандартам, но при этом уделяет больше внимания текущим проблемам. Оба издания выходят раз в два месяца.

Институт Европы КАОН был создан в мае 1981 г. как Институт Западной Европы. Он призван изучать политику, экономику, право, общество, культуру, научно-техническую политику и международные отношения европейских стран. Внутри Института Европы работают научные отделы экономики, европейской политики, права Европейского союза, общества и культуры, науки и техники, международных отношений, Центральной и Восточной Европы.

В сфере политики основными направлениями исследований Европы выступают политическая мысль и политическая интеграция, проблемы соотношения политики отдельных государств с общей политикой ЕС, деятельность политических партий и групп интересов. Экономический отдел занимается вопросами интеграции Европы в контексте мировой экономики, последствиями введения евро, изучает механизмы экономических преобразований и инноваций, модели развития ведущих европейских стран, внешние экономические связи ЕС. Интерес к европейской правовой системе связан с необходимостью иметь соответствующие познания для налаживания экономических связей между Китаем и ЕС. В качестве отдельного направления выделены политика ЕС и государств-членов в области научно-технических разработок и инноваций, механизмы научно-технического сотрудничества внутри ЕС, роль и влияние науки и техники в сферах энергетики и охраны окружающей среды. Отдел Центральной и Восточной Европы изучает проблемы «европеизации» этих стран, происходящие там политические, экономические и общественные изменения, а также вопросы национализма, конфликтов и управления на Балканах.

Журнал «Оучжоу яньцзю» (Исследования Европы) выходит шесть раз в год, он издается с 1983 г. Первоначальное названия журнала — «Си Оу яньцзю» (Исследования

Западной Европы), в 1993 г. он был переименован в «Оучжоу» (Европа), нынешнее название носит с 2003 г.

Примечательным событием в деятельности Института стало появление за пределами Китая аффилированного *Института Китай — Центральная и Восточная Европа* (*Чжунго — Чжун Дун Оу яньцзююань*; China-CEE Institute), который был учрежден КАОН и зарегистрирован в Будапеште как некоммерческая организация. На его открытие в апреле 2017 г. в Венгрию приезжал тогдашний президент КАОН Ван Вэйгуан. Директор Института Европы КАОН Хуан Пин одновременно является президентом Института Китай — Центральная и Восточная Европа.

Целью деятельности Института Китай — Центральная и Восточная Европа выступает налаживание связей и укрепление партнерства с научными институтами и «мозговыми центрами» в Венгрии и других странах Центральной и Восточной Европы. Это направление нацелено на интеллектуальную поддержку механизма партнерства Китая со странами региона в формате «16+1». Предусматривается работа по проведению научных исследований, организации научных конференций, чтению лекций, подготовке кадров, осуществлению совместных издательских проектов.

Институт Японии КАОН был создан в мае 1981 года. Узкая научная специализация по одной стране отражает степень важности, которую китайское руководство придавало в начальный период реформ развитию отношений с Японией. Институт нацелен на комплексное изучение политики, экономики, дипломатии, общества и внешней политики этой страны.

В 1980-е годы предметом повышенного внимания было японское «экономическое чудо», в котором стремились найти полезные уроки для политики реформ и открытости в КНР. За это время экономическая динамика Японии заметно изменилась, ныне китайские ученые исследуют причины и последствия длительной стагнации, а также эффективность предпринимаемых властями мер по оживлению японской экономики. В поле зрения находятся проблемы финансового регулирования в Японии после финансового кризиса, ученые ведут сравнительные исследования экономики Японии и соседних стран, изучают место Японии в региональной системе разделения труда. В наши дни возросла актуальность изучения истории и современности торгово-экономических противоречий между Японией и США, в которых видят важный справочный материал в период обострения «торговой войны» между США и Китаем.

Одним из первых в 1980-е годы Институт начал систематически изучать современную японскую политику, включая политическую идеологию и культуру, политические институты, политические партии и систему выборов, внешнюю политику Японии и политику в сфере безопасности. Институт издает шесть раз в год журнал «Жибэнь сюэкань» (Изучение Японии).

* * *

Опыт становления и современной деятельности институтов Отделения международных исследований КАОН стал частью пути, пройденного за семь десятилетий истории КНР. Первоначальным импульсом для создания научных структур была потребность в разработке собственной внешней политики в отношении развивающихся стран в период ухудшения советско-китайских отношений в первой половине 1960-х годов. Вторая волна наступила с переходом к осуществлению политики реформ и открытости, породившей спрос на знания о развитых странах. В 1980-е годы институты КАОН внесли неограниченный вклад в расширение знаний китайской элиты о внешнем мире.

В наши дни исследование стран «пояса и пути» становятся для Китая все более актуальными. Простой грани между «развитыми» и «развивающимися» странами больше нет, поскольку в центре внимания ныне находятся не только Азия и Африка, но также государства Центральной и Восточной Европы. Современный китайский опыт создания на базе академических институтов международных мозговых центров наподобие Института Китай — Африка и Института Китай — Центральная и Восточная Европа указывает на серьезное внимание руководства страны к созданию гибких инструментов международного интеллектуального влияния.

Отделение международных исследований КАОН выступает в наши дни как уникальный по своей целостности набор научных подразделений, способных проводить комплексные всесторонние исследования практически всех стран и регионов мира. Помимо собственно научной деятельности, заслуживает внимания опыт участия китайских ученых в продвижении научной дипломатии. Развитие научных партнерских связей между Отделением глобальных проблем и международных отношений РАН и Отделением международных исследований КАОН является важным и перспективным направлением современного российско-китайского сотрудничества.

1. 2019 нянь шицзе цзинци синши фэньси юй юйцэ: [Анализ и прогноз положения мировой экономики в 2019 г.] / гл. ред. Чжан Юйянь. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2019.
2. Цюаньцю чжэнчи юй аньцюань баогао (2019): [Доклад о глобальной политике и безопасности (2019)] / гл. ред. Чжан Юйянь. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2019.
3. Юй Юндин. Шицзинсо цзоу го лэ 40 нянь: [Институт мировой экономики и политики прошел 40 лет] // Шицзе цзинци юй чжэнчи. 2004. № 10. С. 1.
4. Ло Чжаохун. Шини синши фачжань, тигао шицзе цзинци юй чжэнчи дэ кянь шуйпин: [Адаптироваться к развитию ситуации, повышать уровень научных исследований мировой экономики и политики] // Шицзе цзинци юй чжэнчи нэйцань. 1987. № 1. С. 3–6, 49.
5. Сяо Минь. Шицзе цзинци юй чжэнчи сюйяо шэньжу шэньтао хэ дэнцин дэ вэньти: [Вопросы, которые нужно углубленно обсудить и прояснить в мировой экономике и политике] // Шицзе цзинци юй чжэнчи. 1990. № 1. С. 40–46.
6. Чжан Хунмин. Чжунго дэ Фэйчжоу яньцю фацжань шуяо: [Очерк развития исследований Африки в Китае] // Си Я Фэйчжоу. 2011. № 5. С. 3–4.
7. Дандай Чжунго гоци чжэнчисюэ яньцю: [Исследования международной политики в современном Китае] / гл. ред. Чжан Юйянь. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2016. С. 3–4.
8. Чжань Шимин. Чжунго дэ «сицзинь» вэньти: яньпань юй сыкао: [Китайский вопрос «продвижения на Запад»: исследовательские оценки и размышления] // Си Я Фэйчжоу. 2013. № 2. С. 4–19.
9. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2019-04/09/c_1124344301.htm (дата обращения: 10.07.2019).
10. Лю Гогуан. Цзинь и бу шэньжу кайчжань дуй Сулянь цинци вэньти дэ яньцю — 1983 нянь 7 юэ 14 жи цай «Сулянь цинци лилунь вэньти таолуньхуэй» шан дэ цянхуа: [Углубить исследования проблем советской экономики — выступление 14 июля 1983 г. на «Конференции по проблемам советской экономической теории»] // Сулянь Дун Оу вэньти. 1983. № 5. С. 1–5.

Основные тренды в развитии литературы КНР с 1949 года по настоящее время

© 2019

Ю.А. Дрейзис

В статье описываются основные тенденции развития литературы материкового Китая за 70 лет, с 1949 г. — основания КНР — вплоть до современности. На протяжении всего этого времени китайские проза, поэзия и драма находились в прямой зависимости от изменений культурной политики, санкционированных КПК. «Оттепели» сменялись этапами реакции: с начала 1990-х годов на литературу стала оказывать влияние коммерциализация. На фоне роста открытости китайского общества литература Китая постепенно влилась в общемировой литературный процесс.

Ключевые слова: авангард, китайская поэзия, литературная политика, литературный рынок, современная литература.

DOI: 10.31857/S013128120007140-5

В июле 1949 года, еще за три месяца до официального основания КНР, КПК провела съезд более 800 представителей литературных и художественных кругов для консолидации культурной политики. На встрече было одобрено создание Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства (ВАРЛИ). В своем вступительном слове премьер Чжоу Эньлай призвал всех работников следовать руководящим принципам, изложенным в «Яньаньских выступлениях» Мао Цзэдуна 1942 г. Литература должна была служить государству, а государство — стать единственным арбитром в области литературы¹.

Уже в 1951 г. была начата первая из многочисленных кампаний по «выправлению стиля» (*чжэнь фэн*), чтобы переориентировать интеллектуалов с западных идей, на которых были взращены многие из них, на советские теоретические модели. Одним из значимых моментов кампании стала атака, вызванная письмом Мао в газету «Жэньминь жибао» о фильме «Жизнь У Сюня» (*У Сюнь чжунань*). Автором сценария и режиссером фильма был Сунь Юй (1900–1990), обучавшийся в США. В фильме была передана художественно переосмысленная история жизни реальной исторической фигуры — У Сюня, неграмотного бедняка, просившего милостыню для того, чтобы построить бесплатную школу для детей. Партийное руководство резко осудило картину за пропаганду «буржуазных настроений», назвав его «проповедником феодальной культуры»². Такая реакция на фильм наглядно продемонстрировала изменение как политического климата в стране, так и отношения к художественным произведениям в КНР.

Дрейзис Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры китайской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: xiaoyouliya@gmail.com.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН.

Другие меры реформирования включали реорганизацию университетов по советской модели, обновление учебных программ, а также критику и самокритику таких ведущих ученых, как Лян Шумин (1893–1988), Юй Пинбо (1900–1990) и Чжэн Чжэньдо (1898–1958).

В июле 1954 г. поэт и критик Ху Фэн (1902–1985) представил Мао Цзэдуну, Чжоу Эньлаю и Лю Шаоци «Отчет о практике литературы и искусства в последние годы» (*Гуаньюй цзиньянь лай вэнь шицзянь цинкуан дэ баогао*), также известный как «Книга в триста тысяч слов» (*Саньшивань янь шу*). Ху подверг критике догматизм культурного истеблишмента, некомпетентность руководящих кадров и шаблонный стиль письма, порожденный их культурной политикой. За свое откровенное инакомыслие Ху был объявлен выразителем контрреволюционных взглядов — антипартийных, антимарксистских, буржуазно-идеалистических и фракционистских в своей основе³. В январе 1955 г. была начата национальная кампания по выявлению «пособников» Ху. По иронии судьбы, некоторые из них никогда не встречались с Ху Фэном, а только читали его работы. Среди преследуемых оказались такие известные писатели и поэты, как Лу Лин (1923–1994), Ню Хань (1922–2013) и Цзя Чжифан (р. 1916). Сам Ху Фэн был арестован в мае 1956 г. и провел в заключении двадцать три года.

Земельная реформа и коллективизация в 1940-х и 1950-х годах привели к появлению «прозы земельной реформы», представленной в романе «В деревне Саньливань» (*Саньливань*) Чжао Шули (1906–1970)⁴, в «Солнце над рекой Сангань» (*Тайян чжао цзай Санганьхэ шан*) Дин Лин (1904–1986)⁵ и «Урагане» (*Баофэн цзоукой*) Чжоу Либо (1908–1979). Последняя работа с яркими персонажами и языком, богатым местным колоритом основана на личном опыте Чжоу Либо в Маньчжурии⁶. Его «Большие перемены в горной деревне» (*Шань сян цзюбянь*) по сути являются продолжением романа, посвященным хунаньскому быту⁷.

Революционная история также была увековечена в художественной литературе, что демонстрируют «В логове Черного Коршуна» (*Линь хай сюэ юань*) Цюй Бо (1923–2002)⁸, «Битва за Яньань» (*Баовэй Яньань*) Ду Пэнчэна (1921–1991)⁹, «Красное солнце» (*Хун жи*) У Цяна (1910–1990)¹⁰ и «Красный утес» (*Хун янь*) Ло Гуанбиня (1924–1967) и Ян Ияня (1925–2017). Многие из этих работ изображают гражданскую войну. «В логове Черного Коршуна» рассказывает о военной экспедиции Цюй Бо зимой 1946 года, когда он повел тридцать шесть человек в бой против превосходящих по численности войск Гоминьдана в районе реки Муданьцзян. «Красный утес» — повествование о подпольном сопротивлении КПК в послевоенном Чунцине, основанное на личном опыте авторов. Учитывая ограниченность разрешенных тем, неудивительно, что многие писатели обратились к коммунистической революции и создали новый поджанр, «новую революционную легенду» (*гэмин синь чуаньци*), используя методы и стили традиционной исторической прозы¹¹. Многие из этих текстов были настолько популярны, что в 1960-е годы удостоились экранизации. В последние годы некоторые из произведений «красной классики» (*хунсэ цзиндянь*) были адаптированы для экрана и превращены в популярные телесериалы¹².

В репрессивной среде 1950-х годов к публикации и распространению допускались только те работы, которые строго соответствовали официальной партийной линии. Многие писатели, которые были активны до 1949 г., вообще перестали писать. Некоторые посвятили себя классической науке, другие стали переводчиками. Весной 1956 г. в Советском Союзе началась «оттепель»; в ответ КПК предложила китайским интеллектуалам высказаться — в феврале 1957 г. Мао объявил: «Пусть расцветают сто цветов; пусть соперничают сто школ» (сокращенно — курс «двойной сотни»)¹³. Под первым имелось в виду искусство и литература, под вторым — академическая наука. Правительство убедило интеллектуалов в том, что они свободны мыслить независимо, обсуждать и критиковать. Эта кампания обозначила несколько новых направлений в литературе.

Одним из них стало появление «критического реализма», за который выступал Цинь Чжаоян (1916–1994), новый редактор «Народной литературы»¹⁴. Этот новый способ письма взяли на вооружение Лю Биньянь (1925–2005) и Ван Мэн (р. 1934). Свой первый роман «Да здравствует юность!» (*Цинчунь ваньсуй*) Ван Мэн закончил в 1956 г., однако произведение не было опубликовано вплоть до 1979 г.¹⁵ Вместо этого Ван стал знаменитым буквально за одну ночь благодаря рассказу «Новичок в орготделе» (*Цзучжибулай дэ няньцинжэнь*)¹⁶, где показал, как в битве молодого члена партии с бюрократией косные силы заботятся о самосохранении, а вовсе не о народном благе. Ван также сумел вплести в историю романтические отношения, хотя официально любовь считалась нежелательной темой. Лю Биньянь, утвердившись как переводчик с русского, в 1951 г. начал работать журналистом в газете «Китайская молодежь» (*Чжунго циньянь бао*). В 1956 г. он написал два репортажа для «Народной литературы»: «На строительстве моста» (*Цзай цяолян дэ гунди шан*) и «Что нового у нас в редакции...» (*Бэньбао нэйбу сяоси*), которые привлекли большое внимание своим глубоким анализом проблем в КПК¹⁷.

Другим событием стало появление новых журналов, в том числе «Поэтического журнала» (*Ши кань*). Его редактором был назначен Цзан Кэцзя (1905–2004). В первом выпуске были опубликованы восемнадцать стихотворений в классическом стиле и письмо Мао Цзэдуна, а также произведения таких известных авторов, как Ай Цин (1910–1996), Фэн Чжи (1905–1993) и Чэнь Мэнцзя (1911–1966). «Поэтический журнал», выходящий по сей день, стал ведущим периодическим изданием о поэзии в Китае.

Встревоженная лавиной критики в ответ на движение «ста цветов», КПК изменила свою политику и в 1957 г. запустила кампанию по борьбе с правыми элементами, чтобы заставить критиков замолчать. Идеологическая чистка охватила всю страну. Чтобы выполнить «квоту», установленную центральным правительством (или превзойти ее), рабочие подразделения шли на абсурдные меры, фабрикуя обвинения. В январе 1957 г. молодой сычуаньский поэт Лю Шахэ (р. 1931) опубликовал в журнале «Звезды» (*Синсин*) цикл стихотворений в прозе под названием «О травах и деревьях» (*Цаому пянь*). Его аллегорические стихи завоевали всеобщее признание. Однако когда политический расклад в стране за несколько месяцев изменился, Лю обвинили в том, что он сатирически изобразил партийные кадры и пал жертвой антипартийных настроений — поэт был сурово наказан¹⁸. Видные деятели не избежали преследований.

Когда кампания по борьбе с правыми элементами заставила замолчать интеллектуалов, Чжоу Ян (1908–1989), главный идеолог литературной политики КПК, начал пропаганду «настоящей пролетарской литературы»¹⁹. Его статья «Новые народные песни прокладывают новый поэтический путь» (*Синь миньгэ кайтаоэ шицзэ дэ синь даогу*), опубликованная в «Красном флаге» (*Хунци*) в 1958 г., запустила массовое поэтическое движение²⁰: миллионы крестьян, рабочих и солдат были призваны сочинять «новые народные песни». Поэты писали политизированные тексты, дабы воздать должное революции и новому Китаю. Эти лирические стихи, в которых звучал ораторский стиль, как нельзя лучше подходили для публичного исполнения и были наполнены образами отечества, красного флага, красного солнца и т.п.

Многие поэты этих лет вышли из армейской среды, например, Ли Ин (р. 1926), Гун Лю (1927–2003), Лэй Шуянь (р. 1942) и Чжоу Лянпэй (р. 1949). Одними из самых известных работ стали «Песнь о Лэй Фэн» (*Лэй Фэн чжи гэ*) и «Окно поезда на запад» (*Си цюй лечэ дэ чуанкоу*) Хэ Цзинчжи (р. 1924), а также «Командир: трилогия» (*Цзянцзюнь саньбуцзюй*), «Ода белому снегу» (*Бай сюэ дэ цзаньгэ*) и «Глубокое ущелье» (*Шэньшиэнь дэ шаньгэ*) Го Сяочуаня (1910–1970).

Го Сяочуань присоединился к КПК в 1937 г. Во время второй китайско-японской войны он написал множество патриотических стихов и заслужил репутацию «поэта-солдата». Его «Взгляд на звездное небо» (*Ван син кун*, 1959) посвящен завершению строительства Дома народных собраний на площади Тяньаньмэнь. Это объемное произведе-

ние в 230 строк, разделенных на четыре части: в первых двух частях поэт выражает осознание человеком своей незначительности на фоне величия и постоянства вселенной. Остальная часть стихотворения представляет собой обнадеживающий взгляд на будущее под началом КПК. Тем не менее, в нем обозначена едва ощутимая, неразрешенная напряженность между индивидуальным и коллективным видением, которая редко встречается в политической лирике 1950-х годов.

В области художественной прозы самым популярным произведением нового Китая стала «Песня молодости» (*Цинчунь чжи гэ*) Ян Мо (1914–1996). Ян родилась в Пекине в семье землевладельцев. В 1928 г. ей пришлось бросить школу, когда ее отец обанкротился; чтобы избежать брака, она убежала из дома. В 1936 г. Ян стала членом КПК и уехала на северо-запад, где работала с женскими ассоциациями и газетами КПК во время Второй китайско-японской войны. «Песня молодости», написанная между 1950 и 1955 годами, была опубликована в 1958 г.

Автобиографический роман, первоначально названный «Неугасимый пожар» (*Шаобуцзинь дэ ехо*), рассказывает о бурной жизни молодой революционерки в 1920-х и 1930-х годах. «Песня молодости» — это своего рода революционный роман воспитания, корни которого можно проследить в таких произведениях, как «Радуга» (*Хун*) Мао Дуня (1896–1981). Хотя роман был посвящен одной из немногих приемлемых в то время тем, а именно жизни коммунистического подполья в период до 1949 г., он не избежал критики как до, так и во время «культурной революции», за буржуазную природу главных героев и отсутствие внимания к крестьянам и рабочим. В ответ Ян Мо переписала историю, добавив элементы классовой борьбы в сельском Китае. Изменения не успокоили всех критиков, но популярность романа продолжала расти, особенно после того как он был экранизирован в октябре 1959 г.

Все эти годы драма в Китае представляла собой пространство относительной свободы, что позволяло включать элементы, которые были удалены из других родов литературы; все чаще она становилась единственным источником критики политики Мао Цзэдуна. Однако жена Мао Цзян Цин (1914–1991) начала пользоваться указанием на скрытую критику председателя как средством расширения собственной власти. Одной из ее мишеней стала пьеса 1961 г., написанная историком У Ханем (1909–1969), тогдашним заместителем мэра Пекина. «Разжалование Хай Жуя» (*Хай Жуи ба гуань*) рассказывает историю минского чиновника Хай Жуя (1513–1587), который ставит принцип выше личной преданности, и это качество приводит к его разжалованию, когда справедливость требует казни сына его бывшего начальника²¹. Поначалу эта работа получила похвалу от Мао, но Цзян Цин интерпретировала ее как завуалированную критику отставки генерала Пэн Дэхуая после критики им в 1959 г. политики Большого скачка. Цзян организовала публикацию статьи, критикующей У Ханя и двух его соавторов, в 1965 г. Это событие стало прелюдией к «культурной революции».

Неудачная экономическая реформа, известная как Большой скачок, привела к трем годам стихийных бедствий и небывалому голоду. На Лушаньской партконференции (1959 г.) Пэн Дэхуай раскритиковал Большой скачок за грубое неумелое руководство и «мелкобуржуазный фанатизм»²². Под давлением Мао подал в отставку с поста председателя КНР, но остался председателем КПК.

Осенью 1962 г. началось постепенное ужесточение политики: официальные идеологи предотвратили дальнейшие рассуждения о путях развития китайской литературы, «вернув ее в русло идеализации действительности, поощрения намеренного ухода художников от реальных противоречий и сложностей жизни и человеческих характеров»²³. Так было положено начало очередной проработочной кампании по «социалистическому воспитанию», объектом которой в первую очередь стала интеллигенция²⁴.

То, что началось как борьба за власть в высшем эшелоне КПК, быстро переросло в общенациональную кампанию с участием центрального правительства и местных

партийных кадров, которые воспользовались возможностью обвинить соперников в контрреволюционной деятельности. В разгар «культурной революции» вся страна была охвачена чистками и актами насилия. «Культурная революция» затронула все слои китайского общества и нанесла ему непоправимый ущерб. Хотя Мао официально объявил о прекращении кампании в 1969 г., хаос продолжался гораздо дольше.

Воздействие «культурной революции» на литературный мир Китая было непосредственным и масштабным. Многие писатели были заключены в «коровники»; другие — отправлены в школы кадров 7 мая. Интеллектуалы направлялись туда в целях «перевоспитания» с помощью тяжелых работ и изучения марксизма и маоизма. Например, в кадровой школе в Сяньнине провинции Хубэй находилось шесть тысяч интеллектуалов из Пекина; среди них были такие выдающиеся личности, как Бин Синь (1900–1999), Шэнь Цунвэнь (1902–1988), Цзан Кэцзя и Го Сяочуань. Множество писателей и интеллектуалов стали жертвами психического и физического насилия. Некоторые были убиты, другие доведены до безумия или самоубийства.

Разрушение культурных учреждений было столь же глубоким и широко распространенным. Школы, исследовательские институты, издательства, библиотеки и музеи были парализованы, большинство периодических изданий — приостановлены. К 1969 г. в обращении оставалось около двадцати журналов, по сравнению с 295 в 1950 г. Это самый низкий показатель в современной истории Китая²⁵.

Цзян Цин начала реформирование китайской драмы еще до «культурной революции». В феврале 1966 г., при поддержке Линь Бяо, она выдвинула идею «образцовых пьес» (*янбань си*) и теорию «тройного выдвижения» (*сань тучу*)²⁶, указав, что литературные произведения должны уделять внимание положительным персонажам, в еще большей степени — героическим персонажам и наибольшее внимание отдавать главному герою или героине. К декабрю 1966 г. были выбраны восемь «образцовых пьес»: «Красный фонарь» (*Хун дэн цзи*), «Взятие хитростью горы Вэйхушань» (*Чжи цюй Вэйхушань*), «Шацзябан», «В доках» (*Хайган*), «Внезапный удар по полку “Белый тигр”» (*Циси бай ху туань*), два балета — «Красный женский отряд» (*Хунсэ нянцзыцзюнь*) и «Седая девушка» (*Баймао нюй*) — и симфоническая сюита на основе «Шацзябан». Эти «образцовые пьесы» включали в себя аспекты традиционной пекинской оперы и западного театра, такие как реалистические декорации, западная музыка и западный стиль пения. В них не осталось места для «средних героев»: положительные персонажи не показывали ни малейших следов буржуазной мысли, а злодеи — ни намек на оправдывающие их качества. Между 1969 и 1972 гг. эти пьесы были адаптированы для радио, кино и телевидения, и в репертуар было добавлено еще несколько опер и балетов.

Мао Дунь описывал опустошение литературной сцены тех лет как «восемь образцовых пьес и один писатель»²⁷. Под «одним писателем» имеется в виду Хао Жань (1932–2008). Хао Жань родился в Хэбэе в семье бедняков и получил только три с половиной класса образования. Он начал писать в 1949 г. и работал в газетах и журналах в течение всех 1950-х годов. За свою карьеру Хао Жань опубликовал около восьмидесяти книг, но наиболее известен двумя романами: «Солнечный день» (*Яньян тянь*, 1962–1965) и «Золотой путь» (*Цзиньгуан дадао*, 1972–1977). В годы «культурной революции» «Солнечный день» разошелся тиражом с половиной миллионами экземпляров. Оба произведения сосредоточены на том, как крестьяне преодолевают бедность организованными коллективными усилиями. Типичный для литературы «культурной революции» главный герой «Золотого пути» Гао Дацюань абсолютно совершенен, и его история подчеркивает классовую борьбу между идеализированными бедняками и бывшими помещиками, богатыми крестьянами и их клеветами. Романы Хао Жаня высоко оценивала Цзян Цин, которая инструктировала его по поводу будущих работ.

В декабре 1968 г., чтобы сдержать хаос, порожденный действиями самых активных участников «культурной революции» — хунвэйбинов, Мао начал кампанию «вниз

в села» (*сясян юньдун*). Так называемую «образованную молодежь» (*чжэцици*) — в основном учеников городских средних школ — принуждали отправляться в отдаленную сельскую местность, чтобы работать бок о бок с крестьянами. Лишь в конце 1970-х годов большинству из них было разрешено вернуться в свои родные города. Их опыт станет одной из основных тем в литературе постмаоистского Китая.

Когда в области литературного творчества политический критерий окончательно возобладал над художественным, активно заявила о себе подпольная и самиздатская литература. В феврале 1963 г. Го Шиин (1942–1968), сын Го Можо (1892–1978) и студент философии Пекинского университета, сформировал подпольную поэтическую группу под названием «Х» вместе с тремя друзьями из старшей школы. За три месяца они опубликовали три номера рукописного журнала со своими стихами, который распространялся среди друзей. Все участники группы были арестованы в середине мая за контрреволюционную деятельность; их произведения были обвинены в антипартийных и антимарксистских настроениях. Пять лет спустя, 19 апреля 1968 г., хунвэйбины похитили Го Шиина в наказание за его литературные эксперименты; после трех дней пыток и допросов его выбросили из окна третьего этажа. Утверждалось, что он совершил самоубийство²⁸.

Как и поэты группы «Х», единомышленники Чжан Ланлана (р. 1943), студента Центральной академии художеств и сына художника Чжан Дина (р. 1917), собирались с однокурсниками по домам, не выходя из подполья. На поэтических чтениях, которые они организовали в 1962 г., Чжан прочел свое стихотворение «Пылающее сердце» (*Жаньшао дэ синь*), которое завершалось строкой «Мы — солнечная колонна!». После выступления студенты решили окрестить свою группу «Солнечная колонна» (*Тайян цзундуй*). Многие молодые писатели и художники принимали в ней участие. «Солнечная колонна», состоявшая в основном из детей высокопоставленных партийных кадров и видных деятелей культуры, имела доступ к частным библиотекам книг по искусству, философии и музыке, а также к так называемым «книгам в желтой обложке» (*хуанпи шу*) и «книгам в серой обложке» (*хуэйпи шу*) — переводам произведений из Западной Европы, Северной Америки и Советского Союза, которые были опубликованы для «внутреннего употребления» как объекты критики их «империалистического» или «ревизионистского» содержания.

В 1966 г. «Солнечная колонна» была названа «реакционной организацией». Чжан Ланлан бежал на юг, но был пойман; он получил смертный приговор, который был позже заменен заключением. Некоторые члены группы покончили жизнь самоубийством, в то время как другие продолжили успешную карьеру. До бегства Чжан записал в тетради своего друга Ван Дунбая «Верь в будущее». Эти слова так глубоко тронули другого молодого поэта, который посещал некоторые собрания «Солнечной колонны», что он написал стихотворение с таким названием, выражающее юношеский идеализм и оптимизм несмотря на окружающее запустение. Этим поэтом был Го Лушэн (р. 1948), также известный под псевдонимом Шичжи. С конца 1990-х годов Го был признан ведущей фигурой подпольной поэзии и достиг культового статуса.

Подпольная литературная деятельность никоим образом не ограничивалась Пекином. Например, У Вэньсянь (р. 1935), Сун Цзыжун и Чжоу Цзэсянь уже в 1950-х годах образовали в Гуйяне «Клуб Петефи» (*Пэйдофэй цзюйцзэбу*). Еще один литературный салон был создан в Гуйчжоу в 1963 г. — его главный идеолог, поэт Хуан Сян (р. 1942), жил на чердаке заброшенной католической церкви, которая стала местом встречи группы начинающих писателей. Хуан назвал группу «Дикие утки» (*Ея шалун*) в честь начальной школы, где преподавал один из участников. Хуан Сян был сыном гоминьдановского генерала, тайно казненного в Маньчжурии вскоре после 1949 г. С детства он подвергался преследованиям, был лишен возможности получать образование, и в течение двенадцати лет, с 1959 по 1995 г. шесть раз находился в заключении. В стихотворении «Зверь» (*Ешоу*) он сравнивает себя с преследуемым зверем, но даже бесчеловечность не может разрушить его неукротимую волю.

Несмотря на начавшуюся вскоре кампанию критики Линь Бяо и Конфуция, подпольная литературная сцена процветала. В поселке Байяндянь в центральной части Хэбэя сформировалась община из более чем шести сотен представителей «образованной молодежи», многие из которых жили до этого в Пекине и Тяньцзине. Ман Кэ, Додо и Гэньцзы, все родившиеся в 1951 г., вместе учились в средней школе и жили в Байяндяне с 1969 по 1976 г. Их посещали друзья из Пекина, такие как Бэй Дао (р. 1949), Цзян Хэ (р. 1949), Чэнь Кайгэ (р. 1952) и Янь Ли (р. 1954). Наряду с другими обитателями Байяндяня все эти молодые люди начинали писать стихи; большинство из них станут самыми известными литературными фигурами 1980-х.

Существование литературных салонов во время «культурной революции» является доказательством неудержимого стремления к свободе выражения. Читатели жаждали подлинного чувства, а не иллюстрированной догмы и в литературе. Из-за своей относительной краткости и мнемонических особенностей (таких как рифма) поэзия легко воспроизводилась и распространялась в китайском подполье. Однако несколько романов также пользовались огромной популярностью в рукописных копиях.

После смерти Мао Цзэдуна буквально за полтора года сменился экономический и политический курс КНР, пришло время «политики реформ и открытости» (*гайгэ кайфан*), а вместе с ней начался и новый виток развития современной китайской литературы — появление «литературы шрамов» (*шанхэнь вэньсюэ*). В 1977 г. в журнале «Народная литература» вышел рассказ Лю Синью (р. 1942) «Классный руководитель» (*Баньчжужэнь*)²⁹ — первая ласточка нового направления. Окончательно оно сформировалось к 1978 г., а свое название получило после выхода рассказа Лу Синьхуа (р. 1954) «Шрамы» (*Шанхэнь*), который был опубликован в газете «Литературный вестник». В дальнейшем в этом же направлении работали такие авторы, как Гу Хуа (р. 1942), Дай Хоуин (1938–1996) и другие.

Во всех произведениях в разных декорациях (город, деревня, школа) затрагивались схожие проблемы, и во всех ставился центральный вопрос: как жить дальше? Многие критики сходятся на том, что эстетическая ценность данных произведений была невелика: в них используется почти примитивный сюжет, линия повествования обрывиста, а критика груба и неприкрыта. Но тому были свои причины: во-первых, острая необходимость выговориться, а, во-вторых, снижение общего уровня эстетического восприятия в Китае.

Очень скоро «литературу шрамов» сменила «литература дум о прошедшем» (*фаньсы вэньсюэ*), которая продолжила традицию критики «культурной революции». Мемуары помогли по-новому зазвучать неодобрительным голосам. Дух скепсиса находил выражение в прозе, драме, поэзии, очерках и фильмах. После десятилетий коллективизации и классовой борьбы возникло стремление к гуманистическим ценностям.

Если одни работы были нацелены на то, чтобы восстановить веру в человечество, другие пытались сохранить старый Китай, который стремительно исчезал после десятилетий репрессий и демагогии. Сосредоточение внимания на местных культурах с их диалектами, фольклором, обычаями и образом жизни породило «прозу родного города» (*ши цзин сяошо*), также известную как «проза родных мест» (*сянтю сяошо*), которую можно рассматривать как предшественницу «литературы поиска корней».

Вскоре санкционированная партией «оттепель» сменилась новой волной реакции: критике подверглись произведения «буржуазно-либерального» толка. Разгорелся общенациональный спор о новой поэзии, в основном молодых авторов — Гу Чэна (1956–1993), Бэй Дао, Шу Тин (р. 1952). Дискуссия началась в августе 1980 года со статьи «Унылая туманность» (*Лин жэнь цимэнь дэ мэндун*) критика Чжан Мина, в которой порицалась непрозрачность некоторых недавно опубликованных стихотворений. Известные как «туманная поэзия» (*мэндун ши*), эти и другие произведения были обвинены в том же «буржуазном либерализме». Три статьи выступили в защиту «туманной по-

эзии». Эти тексты, известные под общим названием «три подъема» (*саньгэ цзюэци*), подтвердили историческое значение, новаторство и весомый вклад новой поэзии.

Атака на «буржуазный либерализм» вскоре стала частью кампании «против духовного загрязнения» (*цинчу цзиншиэнь ужань*) в период с октября 1983 по февраль 1984 г. Кампания якобы была нацелена на решение таких социальных проблем, как преступность, коррупция и порнография, но в действительности жертвами ее стали ученые, журналисты, писатели и художники. Все ведущие «туманные» поэты были подвергнуты критике. Пьеса будущего Нобелевского лауреата Гао Синцзяня (р. 1940) «Автобусная остановка» (*Чэчжань*) была запрещена после шести спектаклей в Пекине.

В декабре 1984 г. председатель КПК Ху Яобан призвал к «творческой свободе», тем самым положив конец очередной зачистке неугодных авторов. После четырех десятилетий идеологического контроля очередная «оттепель» превратилась в полномасштабный ренессанс, в терминах китайского общественного дискурса тех лет — новый век Просвещения (*синь цимэн*). В декабре 1986 г. тысячи студентов вышли на улицы Пекина, требуя политических реформ и протестуя против роста инфляции.

С открытием Китая внешнему миру в середине 1980-х годов маоистская утопия ушла на задний план, уступив место иной утопии, основанной на благоговении перед иностранными идеями и технологиями. Среди бесчисленных теорий, с которыми «широкий китайский читатель» познакомился заново в течение «культурного бума» (*вэньхуа жэ*) 1980-х, наиболее влиятельными были философия Ницше, теория психоанализа Фрейда и экзистенциализм Сартра. Если эти теоретические построения воздействовали на образ мыслей и мировосприятие китайских писателей, то произведения западного модернизма и постмодернизма обогатили их новыми концептуальными, техническими и стилистическими открытиями.

Литература стала новым способом переосмысления Китая за пределами устоявшихся способов мышления. Отказываясь от доминирующего дискурса и «высокого» исторического нарратива, авторы обратились к маргинализированным аспектам китайской культуры и истории для поиска альтернативных значений «китайской специфики». Хотя они разделяли критический дух эпохи «четвертого мая», эти писатели скептически относились к рациональной современности и одобряли «примитивное», мистическое и иррациональное. Они вдохновлялись мифологией, древней философией и культурами этнических меньшинств.

Конец 1980-х годов ознаменовался появлением целой когорты новых молодых авторов, которые перекроили лицо современной китайской литературы. Хотя писатели «новой волны» не создали своего литературного манифеста, начиная с 1987 г. они активно взаимодействовали под эгидой журнала «Урожай» (*Шоухо*). В нем были опубликованы первые рассказы Ма Юаня (р. 1953), Юй Хуа (р. 1960), Су Туна (р. 1963), Гэ Фэя (р. 1964) и Сунь Ганьлу (р. 1959). С легкой руки пекинских критиков Чэнь Сяомина (р. 1959) и Чжан Иу (р. 1962), ровесников молодых писателей, произведения этих авторов стали известны как «авангардная проза» (*сяньфэн сяошо*).

На экспериментальную литературу 1980-х часто навешивается не только критический ярлык «авангарда», но и «поиска корней» (*сюньгэнь*). Однако такое разделение вводит в заблуждение, поскольку две эти «школы» ни в коем случае не являются взаимоисключающими и на самом деле частично пересекаются. Предтечи и одного, и другого направления — это «литература шрамов», «литература дум о прошедшем», «проза родного города» и «туманная поэзия» самого начала 1980-х годов. «Авангард» также пересекается с «неореализмом» и «неоисторизмом» — все это термины, придуманные на закате десятилетия.

В декабре 1984 г. журнал «Шанхайская литература» и две организации из соседней провинции Чжэцзян софинансировали проведение конференции, объединившей писателей, редакторов и литературоведов из Пекина, Шанхая, провинций Хунань и Чжо-

цзян. Темой конференции стала «Литература новой эры: ретроспектива и прогнозы» (*Синь шици вэньсюэ: хуйгу юй юйцэ*). Эссе, изданные в сборнике конференции, образовали ядро эстетики литературы «поиска корней».

Поиск корней выражался в воссоздании региональной или этнической культуры — как в серии произведений Цзя Пинва (р. 1952) о родном Шанчжоу, рассказах Ли Ханьюя (р. 1957) о реке Гэчуань, текстах Урелту (Ужээрту, р. 1952) об эвенках Внутренней Монголии³⁰, повести Хань Шаогуна (р. 1953) «Папапа» (*Бабаба*)³¹. Открытие или восстановление местной истории и маргинальных культур становится характерной чертой направления. Оно не только обеспечивает перспективу за пределами официальной идеологии и господствующей (ханьской) культуры, но также становится источником возобновления творческой энергии. На авансцену выходят представители китайских национальностей — мусульмане северо-запада, тибетцы, хунаньские мяо.

На волне интереса ко всему экзотическому и внесистемному в литературе появляется стремление избавиться от оков рациональности. Отрицание повседневного опыта и обычной жизни — один из краеугольных камней в творческих установках китайского авангарда — приводит к формированию воображаемой, но более «истинной» реальности, где царят совершенно другие законы. Объектом внимания избирается ирреальное: помутнение рассудка, сны, иллюзии, галлюцинации, те сферы, что не подвластны повседневной логике (как в произведениях писательницы Цань Сюэ (р. 1953)).

Открытое изображение сексуального желания, насилия и жестокости — бунт против эстетических принципов реализма и модернизма. Деконструкция классической традиции и этики, на почве которых возрос кошмар коллективного прошлого Китая 1960-х — 1970-х, выливается в одержимость разоблачением лжи истории, в глубокое разочарование в идеях поступательного хода, прогресса и просвещения. 1980-е годы с их кризисом гуманистических установок, упадком идеализма, утратой уверенности в ясности «исторического курса» и исторической телеологии и радостным принятием консьюмеризма обратили внимание многих интеллектуалов в сторону понимания истории в духе Жака Деррида (мир как текст; история как писание, а не представление). Отсюда создание новой исторической прозы в форме «альтернативной истории» и историографического метанарратива³². Так, например, в «альтернативных историях» Гэ Фэя, Мо Яня (р. 1955), Лю Хэна (р. 1954) рассказ о революционных героях и их подвигах превращается в развенчание революционного мифа. Герои часто выглядят эгоистичными, мстительными людьми с безупречной моралью, которые борются за личные интересы и обладание властью. Так осуществляется деконструкция ключевых концептов революционной истории (в ее варианте, порожденном маоистским дискурсом): классовой борьбы, «типических характеров в типических обстоятельствах» и линейного прогресса истории, ведущего от победы к победе.

Во второй половине 1980-х годов на авансцену вышло и новое поколение поэтов. Известные как «третье поколение» (*дисань дай*), они опирались на каноническую «туманную поэзию» и каким-то образом реагировали на нее. Поэты нового поколения были моложе, лучше образованы и широко знакомы с переводами мировой литературы. Некоторые свободно говорили на иностранных языках. Что еще более важно, в то время как для «туманных» поэтов «культурная революция» была неотъемлемой частью сформировавшего их опыта, новое поколение росло в более открытом и процветающем обществе в разгар культурного возрождения. «Третье поколение» было далеко не однородной группой и демонстрировало широкий спектр стилей и эстетических позиций. Тем не менее, мы можем обнаружить две общие тенденции. Первая — это явный бунт против «туманной поэзии» в области содержания и языка. Вместо метафорического лирического языка новое поколение предпочитает прозаичный разговорный язык, практически лишенный тропов. Другая тенденция — стремление к конфессиональной поэзии, поэзии, выражающей ностальгию по природе, и поиск мистического и трансцендентного. Одним

из проявлений этой тенденции является укрепление позиций женской поэзии в лице Чжай Юнмин (р. 1955), И Лэй (1951–2018), Лу Иминь (р. 1962) и Тан Япин (р. 1964).

1980-е годы закончились печально известными событиями на площади Тяньаньмэнь. В результате многие авторы — Чжоу Лунью (р. 1952), Ляо Ю (р. 1958), Ли Явэй (р. 1963) — оказались в тюрьме. Индекс запрещенных книг и периодических изданий в трех томах был издан для внутрипартийного употребления. Многие эмигрировали. Те, кто остался — например, Лю Сяобо (1955–2017), уволенный из Пекинского педагогического университета, — принуждены были найти возможности для публикации за рубежом, в основном в Гонконге и на Тайване.

Инцидент положил внезапный конец культурной дискуссии 1980-х годов; идеализм и утопизм эпохи «нового Просвещения» почтили в бозе. Массовый исход интеллектуалов и писателей, а также разочарование тех, кто остался, породили более мрачный, пессимистичный и циничный настрой. Самоубийство поэта Хайцзы (1964–1989) 26 марта и смерть Ло Ихэ 31 мая 1989 г. на площади Тяньаньмэнь в результате инсульта были ретроспективно оценены как приметы конца целой эпохи.

Вскоре Дэн Сяопин призвал к более быстрым темпам экономических реформ, к интенсификации внешней торговли и инвестиций. XIV съезд КПК окончательно открыл шлюзы предпринимательства и коммерциализации, переориентировав недовольных на рынок. Некоторые авторы перешли от поэзии к более выгодной фантастике или от литературы к еще более выгодным сферам телевидения, издательского дела, рекламы. Рыночная экономика, что породила огромное богатство нового Китая, также создала огромный спрос на развлечения. Массовая культура — от «книг в мягких обложках» до таблоидов, поп-музыки, видеоигр, телесериалов — с 1990-х годов постепенно заменила литературу. Это напрямую связано и с потерей «авангардом» его движущего импульса, «выхолащиванием» экспериментального потенциала направления.

Пожалуй, никто лучше не воплощает дух литературы 1990-х, чем писатель Ван Шо (р. 1958) с его произведениями, населенными бунтарями, ниспровергающими социальные конвенции. Ван Шо описывают как создателя «хулиганской литературы» (и даже «литературы подонков» (*лицзы вэньсюэ*)). Десять из его рассказов были экранизированы, в том числе режиссером Цзян Вэнем, одним из столпов «шестого поколения» китайской режиссуры.

Если литература «поиска корней» была основана, прежде всего, на сельском опыте «перевоспитания» времен «культурной революции», другие писатели обратились к городу и фрустрации городской интеллигенции. Эти авторы не обязательно были моложе «кишущих корнями» и «авангардистов», но мир, который они изображали, сильно отличался. Вместо национальных аллегорий или размышлений об истории, пусть и в негативистском ключе, они подняли на щит юношеский бунт против всех авторитетов. Примеры таких авторов — Лю Сола (р. 1955), Сюй Син (р. 1956) и Чэнь Цунь (р. 1954). Художественная литература, посвященная городской молодежи, стала популярной тенденцией в 1990-х и начале 2000-х годов.

Экономические реформы изменили лицо современного Китая. Не удивительно, что многие писатели заново обращаются к прошлому, чтобы создать образ своей «малой родины». Город Сиань в «Павшем граде» (*Фэй ду*) Цзя Пинва рисуется пространством тоски и внутренней опустошенности. Еще один крупный автор из Сианя, который специализируется на описаниях сельской Шэньси, — это Чэнь Чжунши (1942–2016), чей роман «Равнина белого оленя» (*Бай лу юань*) завоевал множество призов, в том числе литературную премию Мао Дуня, и был экранизирован в 2017 г. в виде многосерийного фильма. Воссоздание гения места находит еще одно выражение в прозе А-лая (р. 1959), тибетского автора из северо-западной Сычуани. В 2000 г. А-лай стал самым молодым лауреатом престижной литературной премии Мао Дуня («Песнь о бесконечной тоске» Ван Аньи (р. 1954)³³ также была удостоена этой награды).

Жанр семейной саги оказывается неожиданно востребованным в литературе 1990-х и начала 2000-х. Именно в эти годы выходят большие романы нобелевского лауреата Мо Яня, серия романов Юй Хуа «Жить» (*Хочжэ*), «Как Сюй Саньгуань кровь продавал» (*Сюй Саньгуань май сюэ цзи*) и «Братья» (*Сюнди*)³⁴ — попытка представить страдания и беды, принесенные китайскому народу режимом, и разоблачить его жестокость и безумие.

В течение 1990-х поэзия все более маргинализируется в разнообразной, визуально ориентированной и коммерциализированной культуре. Дни, когда поэзию широко читали студенты и к ведущим поэтам относились как к рок-звездам, проходят. Многие перестали писать и занялись предпринимательством, однако они также начали использовать свои новоприобретенные состояния для поддержки поэзии в виде публикаций, премий и фестивалей.

В XXI веке старое различие между официальной и подпольной поэзией или, в более общем смысле, между официальной и неофициальной литературой, постепенно стирается. В поэзии происходит отход от бурного идеализма 1980-х годов. Поэт Оуян Цзяньхэ (р. 1956) предлагает называть новую манеру «творчеством среднего возраста» (*чжуннянь сецзо*), которое противостоит юношескому идеализму 1980-х. Доминирующее настроение имеет тенденцию быть либо элегически-интроспективным, либо иронично-пародическим. Многие обратились к нарративной поэзии, более простому и более разговорному стилю.

Некоторые поэты подчеркивают внутреннюю ценность поэзии как искусства и ремесла. Другие предпочитают разговорный язык более утонченному «поэтическому» языку. Видя поэзию как совпадающую с «жизнью», а не с «искусством», они используют «вульгарное» для пародирования реальности и деконструкции конвенций. Юй Цзянь (р. 1954) осуждает поэтический язык и критикует открытую вестернизацию. Столкновение между двумя противостоящими эстетическими позициями достигло своего апогея в 1999 г. в ходе Паньфэнской полемики (*Паньфэн луньчжань*). В течение двух лет шли жаркие споры между самопровозглашенными «народными поэтами» (*миньцзянь шижэнь*), которые инициировали дискуссию, и «интеллектуалами» (*чжишифэньцзы шижэнь*), занявшими оборонительную позицию. Эстетические различия двух групп привели к разногласиям, но не к конструктивному диалогу. Полные личных нападок, дебаты продемонстрировали шокирующе высокий уровень нетерпимости. В Паньфэнской полемике приняли участие около десятка поэтов с каждой стороны. Многие оказались не заинтересованы в словесной войне — некоторые из тех, кто придерживался нейтралитета, объединились в группу «третьего пути» (*дисаньтяо даолу*). Молодое поколение, известное как «поколение постсемидесятников» (*циши хоу*, т.е. тех, кто родился в 1970-х годах) и «поколение поствосемидесятников» (*баши хоу*), также не приняло участия в спорах.

Новых авторов привлекало расширение тематического диапазона — использование запретных тем было доведено до крайности двумя группами: «поэзией телесного низа» (*сябаньшэнь шигэ*) и «трэш-поэзией» (*лацзи шигэ*). «Поэты телесного низа» шокировали публику своими откровенными описаниями плотских желаний и сексуальных действий, отвергая «верхнюю часть тела» (интеллект, эмоции, традиции).

Рубеж веков ознаменовался появлением еще одного нового направления — «телесного письма» (*шэньти сецзо*). В прозе его лучше всего представляют две писательницы из Шанхая: Вэй Хуэй (р. 1973) и Мьянь Мьянь (р. 1970). «Крошка из Шанхая» Вэй Хуэй (*Шанхай баобэй*) и «Конфетка» (*Тан*) Мьянь Мьянь мгновенно стали бестселлерами³⁵, когда были запрещены из-за откровенных описаний секса и употребления наркотиков. Появление этих авторов знаменовало рождение нового рынка прозы для молодых независимых женщин.

Не случайно и Вэй Хуэй, и Мьянь Мьянь пишут о Шанхае, самом богатом и космополитичном городе нового Китая. После того как Дэн Сяопин заявил, что допустимо по-

зволить сначала разбогатеть небольшой части населения, Шанхаю досталась львиная доля этого богатства. Уже в 1980-х «Собачья жизнь» (*Фаньнао жэньшиэнь*) Чи Ли (р. 1957) и «Пейзаж» (*Фэнцзин*) Фан Фан (р. 1955) изображали попытки людей из низов выжить в городских джунглях³⁶. Эта натуралистичная линия была продолжена в книге «Весь пол в куриных перьях» (*И ди цзи мао*) Лю Чжэньюня (р. 1958), в которой мелочи повседневной жизни, легкие, «как перышко», складываясь вместе, создают бремя, которое истощает силы и крадет время, убивая любую романтику или идеализм.

Феминистская позиция, с которой играют Вэй Хуэй и Мян Мян, была впервые обозначена в китайской литературе еще в 1980-е и с 1990-х годов превратилась в один из четко наметившихся трендов, известный как «персонализированное письмо» (*сыжэньхуа сецзо/ гэжэньхуа сецзо*). Работы Линь Бай (р. 1958), Чэнь Жэнь (р. 1962), Сюй Сяобинь (р. 1953) и Хай Нань (р. 1962) фокусируются на описании сексуального желания и опыта женщины — в том числе мастурбации, аборт, лесбийских отношений и супружеских измен. Их главные герои — городские интеллектуалы, осмысляющие проблемы памяти, сексуальности, женственности и безумия.

Интерес к низовой культуре и быту наиболее бесправных слоев общества — один из главных трендов «нулевых». Жизнь мужчин с «тройным отсутствием» (то есть без квартиры, машины и сбережений) и их спутниц описывается в книгах Сюй Цзэчэня (р. 1978), Шэн Кэи (р. 1973), Би Фэйюя (р. 1964). Шэн Кэи — часть нового поколения писателей, родившихся в 1970-х годах. Шэн пристально изучает мир рабочих-мигрантов — например, в романе «Сестрички с Севера» (*Бэй мэй*), который частично основан на собственном опыте автора³⁷. Роман исследует жесткие условия, с которыми сталкиваются уязвимые страты — дискриминация, сексуальная эксплуатация, отсутствие стабильности и уверенности в завтрашнем дне.

Жизнь в деревнях, которые покидают мигранты, выглядит ничуть не лучше. В романе Янь Лянькэ (р. 1958) «Сон в деревне Динчжуан» (*Динчжуан мэн*) писатель обращается к одному из отрезвляющих социальных скандалов, который выводит на поверхность глубинные проблемы китайского общества: бедные сельские жители мечтают разбогатеть, и деревенское руководство находит идеальное решение — позволить местным предпринимателям организовать станции по забору крови. Жители деревни счастливо обменивают кровь на новые дома, новых жен и новые вещи. Скоро крестьяне начинают умирать один за другим, поскольку недобросовестность врачей приводит к массовой эпидемии СПИДа. Однако предприниматели используют эту трагедию как еще одну отличную схему монетизации человеческого ресурса — они открывают продажу гробов. История Янь Лянькэ кажется трагифарсом, но основана на реальном скандале, который потряс весь Китай (на этих же событиях базируется и роман Юй Хуа «Как Сюй Саньгуань кровь продавал»).

Роман Цзя Пинва «Счастливый» (*Гаосин*), действие которого разворачивается в Сиане, тоже посвящен животрепещущей теме трудящихся-мигрантов: они собирают отбросы растущего китайского мегаполиса и сами обращаются в его отработанный человеческий материал. В поэзии социальная тема ярче всего проявляет себя в творчестве поэтов из среды рабочих-мигрантов (*миньгун шижэнь*): Сюй Личжи (1990–2014), Чжэн Сяоцун (р. 1980), Го Цзинью (р. 1966), Чжан Эргуня (р. 1982).

За пределами новой социальной прозы и поэзии существует целый океан популярной литературы. Неудивительно, что первая строка в списке самых популярных художественных книг 2017 г. досталась детективному роману Чжоу Мэйсяня (р. 1956) «От имени народа» (*Жэминь дэ минь*). Еще одно лицо современной китайской литературы — это авторы, пришедшие в нее из блогосферы. Распространение Интернета становится новым важным фактором в литературной жизни Китая. Как и в других сферах, в мире современной литературы Интернет оказался мощной демократизирующей силой, которая создала равные условия и для трудящихся-мигрантов, и для миллионеров, и для

провокаторов от литературы. Социальные медиа не могут не менять современную поэтическую практику. В этом смысле очень показателен пример сетевого поэта Юй Сюхуа (р. 1976), чья звезда зажглась в январе 2015 г., когда WeChat, приложение для обмена сообщениями и одновременно соцсеть, способствовало скачкообразному росту ее популярности. Две книги Юй Сюхуа были опубликованы в течение одной недели, а 15 тысяч экземпляров проданы за одну ночь. Критики окрестили Юй «китайской Эмили Дикинсон». При этом Юй родилась в хубэйской глубинке с церебральным параличом и до сих пор продолжает вести хозяйство в родной деревне. Никто не знает, как сложилась бы ее судьба, если бы не блогосфера.

Гонщик, певец, блогер и голос целого поколения Хань Хань (р. 1982) тоже получил известность благодаря Интернету. В 2000 г. его роман «Тройная дверь» (*Саньчунмэнь*) разошелся тиражом свыше двадцати миллионов — это был самый успешный китайский роман за последние двадцать лет. В 2010 г. в возрасте двадцати восьми лет он вошел в список ста самых влиятельных людей по версии журнала «Тайм». Блог Хань Ханя до сих пор самый популярный в КНР.

Свои ниши занимают и менее популярные интернет-фигуры — например, Мужун Сюэцунь (р. 1974), автор из южной провинции Сычуань, который сейчас живет попеременно в Тибете и на острове Хайнань. Мужун достиг успеха на литературном поприще, публикуя свои работы на различных сайтах, и прославился благодаря роману «Чэнду! сегодня забудь обо мне» (*Чэнду, цзинь е цин цзян во иван*). Роман о Чэнду показывает Китай возбужденным обилием алкоголя, секса, азартных игр, коррупции. Он предстает местом, где герои губят и себя, и других. Мечта о жизни среднего класса оказывается выхолощенной в мире, где бал правят деньги. За книгу, разоблачающую финансовую пирамиду в провинции Цзянси, Мужун Сюэцунь получил государственную Народную литературную премию (2010).

Несмотря на расширение пространства для свободного высказывания, на протяжении всей эпохи реформ в КНР периодически возникают конфликты между политической властью и писателями или издателями. Журналы часто запрещают или они сами принимают решение о прекращении выхода после запугивания со стороны полиции. Об этом можно прочесть между строк в воспоминаниях известного поэта и редактора Чэнь Дундуна об издании журнала «Тенденция» (*Цинсян*)³⁸. Многие поэты и критики, даже не будучи близки к явному политическому инакомыслию или порнографии, тем не менее подвергались преследованиям, например Сюй Цзинъя (р. 1949), Ян Лянь (р. 1955) и Бэй Дао. Шанхайские поэты Мэн Лан (1961–2018) и Момо (р. 1964) были заключены в тюрьму в апреле 1992 г. за хранение, создание и распространение «незаконных публикаций»; их богатейшие коллекции неофициальных изданий были конфискованы. Это продолжение флуктуаций официальной партийной линии, которые в предшествующие годы приводили к тому, что санкционированные партией литературные «оттепели» (создание ВАРЛИ и Союза китайских писателей, курс «двойной сотни», политика «урегулирования» после Большого скачка) чередовались с жесткой реакцией (репрессии в отношении группировки Ху Фэна, Большой скачок и борьба с «ядовитыми травами» (*дучао*) в рамках борьбы с правыми элементами)³⁹.

Что касается цензуры в КНР, то сочетание неопределенных и многозначительных формул в сфере культурной политики с угрозой суровых санкций способствовало возникновению очень эффективного механизма самоцензуры, более действенного, чем в Советском Союзе⁴⁰. В настоящее время для китайского автора и издателя на практику самоцензуры, провоцируемую государством, накладывается глобальная самоцензура, создаваемая литературным сообществом⁴¹.

Тенденции развития литературы материкового Китая обнаруживают связь между китайской литературной теорией и современностью. Мы видим, как постепенно современная китайская литература переходит от исторического повествования к повествова-

нию о субъекте. Молодые китайские писатели ищут совершенно новых моделей творчества, заново открывая субъективность — силу «я» в противовес подавляющему «мы». Когда китайские авторы начали исследовать ранее запретные аспекты истории своей нации в последние десятилетия двадцатого века, они создали тексты, которые предвосхищали, отражали или подрывали социальные, политические и культурные тенденции.

Изображение личных и коллективных страданий в современной китайской прозе значительно отличается от стандартных текстов соцреализма и многих восточных и западных исторических повествований. Такие писатели, как Юй Хуа, Су Тун, Ван Аньи, Мо Янь, Хань Шаогун, Гэ Фэй, Ли Жуй (р. 1949) и Чжан Вэй (р. 1955) переформатируют общепринятые концепции развития современного Китая, применяя авангардные повествовательные техники латиноамериканского и евроамериканского модернизма, чтобы спроектировать парадоксально «некитайское» антиутопическое видение и критический взгляд на человеческую культуру и этику.

В эпических нарративах современной китайской художественной литературы широко используются магический реализм, сюрреализм и необычные трактовки исторического времени. Эти романы, в которых представлены графичные изображения секса и насилия, а также мрачной комиксы, отражают недавнюю историю Китая, от свержения монархии в начале XX века и возникшего в результате хаоса революции и войны до социальных проблем, вызванных к жизни индустриализацией Китая и ростом его в качестве новой мировой державы.

Начиная с 1990-х годов китайские литературные энтузиасты открывают новые возможности для творческого самовыражения в Интернете, создавая современные форматы письма, который меняют китайскую культуру и общество. Веб-литература — от авторефлексирующего авангарда до порнографии и эротики — вводит инновационные формы, темы и практики в китайскую литературу и ее эстетическую традицию.

Это создает уникальный мир постсоциалистической китайской культуры, избегающий одномерных репрезентаций контроля. Китайское правительство по-прежнему строго регулирует издательский мир, но оно все более терпимо относится к интернет-литературе и ее издательской практике, в то же время задавая четкие, но постоянно меняющиеся идеологические пределы.

1. *Hsia, C. T. A History of Modern Chinese Fiction, 1917–1957.* New Haven and London: Yale University Press, 1961. С. 324.
2. *Фролова М.Е.* Сун Юй и его кинокартина «Жизнь У Сюня»: причины критики и забвения // *Asiatica. Труды по философии и культурам Востока.* 2015. Вып. 9. С. 137–142.
3. *Liu Kang, Aesthetics and Marxism: Chinese Aesthetic Marxists and Their Western Contemporaries.* Durham: Duke University Press, 2000. С. 91–93.
4. *Чжао Шу-ли.* В деревне Саньливань / пер. В. Смирнова, А. Тишкова // *Иностранная литература.* 1955. № 3–5.
5. *Дин Лин.* Солнце над рекой Сангань / пер. Л. Позднеевой. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950.
6. *Чжоу Ли-бо.* Ураган / пер. В. Калинокова, В. Рудмана. М.: Издательство иностранной литературы, 1957.
7. *Чжоу Ли-бо.* Весна приходит в горы / пер. В. Кривцова. М.: Издательство иностранной литературы, 1960 (первая часть романа); *Чжоу Ли-бо.* Чистые ручьи / пер. В. Кривцова. М.: Издательство иностранной литературы, 1962 (вторая часть романа).
8. *Цюй Бо.* В логове Чёрного Коршуна / пер. И. Марморигтейна, В. Смирнова, М. Шнейдера. М.: Военное издательство Министерства Обороны Союза ССР, 1963.
9. *Ду Пэн-чэн.* Битва за Яньань / пер. А. Гагова, В. Кривцова. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1957.

10. У Цян. Красное солнце / пер. В. Семанова, В. Смирнова, М. Шнейдера. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1959.
11. Wang Yu'an. Fiction in Modern China: Modernity through Storytelling // A Companion to Modern Chinese Literature / ed. Yingjin Zhang. Oxford: Wiley Blackwell, 2016. С. 204.
12. The Making and Remaking of China's "Red Classics": Politics, Aesthetics and Mass Culture / ed. Li Li, R. Roberts. Hong Kong: HKU Press, 2017. Робертс и Ли упоминают во Введении, что «термин "красная классика" впервые появился в ранний постмаоистский период и утвердился в китайском культурном дискурсе в течение 1990-х годов» (с. iiх). Тем не менее, они не указывают точное происхождение термина. Николай Волланд также отмечает неопределённость его генеалогии: он, вероятно, прослеживается в маркетинговых программах по продвижению сборника нескольких социалистических романов издательства «Народная литература» или «Хуашань Вэньи» в середине 1990-х годов (Volland, N. Socialist Cosmopolitanism: The Chinese Literary Universe, 1945–1965. New York: Columbia UP, 2017. С. 6). Ван Чуньянь предлагает другое вероятное происхождение этого термина: он, возможно, был взят из названия альбома 1992 г. «Красное солнце» (*Хун тайян*), сборника революционных песен, положенных на современные диско-ритмы. См. Ван Чуньянь. Обзор исследований «красной классики» (*Хунсэ цзиндянь яньцзю цзуншу*). URL: <http://www.360docs.net/doc/info-6add8738580216fc700afd5a.html> (дата обращения: 06.03.2019).
13. Мао Цзэдун. К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа // Революция и строительство в Китае. М.: Общество дружбы народов и сотрудничества с зарубежными странами, 2002. С. 389–393.
14. Yeh, M. Chinese literature from 1937 to the present // The Cambridge History of Chinese Literature, ed. K.-I Sun Chang and S. Owen. Cambridge: CUP, 2011. С. 601.
15. Фрагменты см. в книге Ван, Мэн. Избранное / пер. В. Малявина. М.: Радуга, 1988.
16. Ван Мэн. Новичок в орготделе / пер. В. Сорокина // Люди и оборотни. Рассказы китайских писателей. М.: Прогресс, 1982. С. 25–62.
17. Лю Биньянь. На строительстве моста / пер. А. Гатова // Октябрь. 1956. № 10. Он же. Что нового у нас в редакции... / пер. А. Гатова // Москва. 1957. № 1.
18. Hong Zicheng. A History of Contemporary Chinese Literature / trans. M.M. Day. Leiden and Boston: Brill, 2007. С. 326–327.
19. Yeh, M. Chinese literature from 1937 to the present // The Cambridge History of Chinese Literature / ed. K.-I Sun Chang and S. Owen. Cambridge: CUP, 2011. С. 603.
20. Чэжай Юэцинь. Монохорд: лирические голоса поэтов (*Дусюаньцинь: шижэнь дэ шуцин шэньинь*). Тайбэй: Сювэй цзиндянь, 2018. С. 29.
21. У Хань. Разжалование Хай Жуй / пер. В. Годыны, Л. Черкасского // Иностранная литература. 1976. № 10. С. 144–170.
22. Усов В.Н. Китайский Берия Кан Шэн. М.: Олма-Пресс, 2004. С. 195.
23. Никитина А.А. Эволюция персониферы китайской прозы второй половины XX века: дис.... канд. филол. наук: 10.01.03 [Место защиты: Санкт-Петербургский государственный университет]. СПб., 2017. С. 48.
24. Одним из проявлений нападков на интеллектуалов стала критика теории «среднего героя» (*чжунсин жэнь*) Шао Цюаньлиня, отражавшая пресыщение изображением идеальных персонажей. Дискуссии об изображении «среднего героя» и «углублении реализма» (*сяньшичжэу шэньхуа*) начала 1960-х годов были ключевым моментом литературной критики нового Китая. Сворачивание этих дискуссий продемонстрировало нежелание официального руководства идти навстречу деятелям литературы, боязнь партии упустить контроль над сферой культуры (Никитина А.А. Эволюция персониферы... С. 46):
25. Yeh, M. Chinese literature from 1937 to the present... С. 607.
26. Yang, Lan. Chinese Fiction of the Cultural Revolution: Studies in Honour of Derk Bodde. Hong Kong: HKU Press, 1998. С. 28–29.
27. Yeh, M. Chinese literature from 1937 to the present... С. 607.
28. Фэн Сиган. Последние годы жизни Го Можо: [Го Можо дэ ваньянь суйюэ]. Пекин: Чжуньян ваньсянь чубаньшэ, 2004.
29. Лю Синью. Классный руководитель / пер. А. Желуховцева // Люди и оборотни. Рассказы китайских писателей. М.: Прогресс, 1982. С. 84–106.

30. *Ужээрту*. Судьба охотника / пер. Е. Рождественской-Молчановой // Современная новелла Китая: пер. с кит. / переводы под ред. С. Хохловой. М.: Худ. лит., 1988. С. 308–323. *Он же*. Яптарный кустер / пер. Н.А. Спешнева // Современная китайская проза. Багровое облако / антология составлена Союзом китайских писателей. М.: АСТ; СПб: Астрель-СПб, 2007. С. 381–397.
31. *Хань Шаогу*н. Папапа. / пер. Н.К.Хузиятовой, Е.Т.Хузиятовой. // Папапа. Современная китайская повесть / пер. с кит. СПб.: Гиперион, 2017. С. 29–84.
32. *Lin Qingxin*. Brushing History Against the Grain: Reading the Chinese New Historical Fiction (1986–1999). Hong Kong: HKU Press, 2005.
33. *Ван Аньи*. Песнь о бесконечной тоске / пер. М. Семенюк. М.: Восточная литература, 2015.
34. *Юй Хуа*. Жить / пер. Р. Шапиро. М.: Текст, 2014; *Он же*. Как Сюй Саньгуань кровь продавал / пер. Р. Шапиро. М.: Текст, 2016; *Он же*. Братья / пер. Ю. Дрейзис. М.: Текст, 2015.
35. *Вэй Хой*. Крошка из Шанхая / пер. с англ. Е. Кудрявцевой. М.: Столица-принт, 2006; *Миан Миан*. Конфетка / пер. с англ. Т. Ждановой. М.: Столица-принт, 2005.
36. *Фан Фан*. Пейзаж / пер. М. Семенюк. М.: Восточная литература, 2017.
37. *Шэн Кэи*. Сестрички с Севера / пер. Н. Власовой. — СПб.: Гиперион, 2016.
38. *Чэнь Дундун*. Юйцы цзай юйжоу чжун чэнчжан: Чжунго дия шикань «Цинсян» шимо: [Рыбы кости растут в рыбьей плоти: начало и конец китайского андеграундного поэтического журнала «Тенденция»] // Вэньбао: [Литературная газета]. 1995. № 2. С. 48–50.
39. *Никитина А.А.* О влиянии политики коммунистической партии Китая (КПК) на изображение персонажей в китайской литературе 1949 — начала 1960-х годов // Вестник СПбГУ. Сер. 13: Востоковедение. Африканистика. 2013. Вып. 2. С. 80.
40. *Link, P.* The Uses of Literature: Life in the Socialist Chinese Literary System. Princeton: Princeton University Press, 2000.
41. *Azarova N., Dreyzis Yu.* Modern Poetry Magazines in China (Interaction of Official and Informal Discourse) // Parallel Processes in the Language of Modern and Contemporary Russian and Chinese Poetry / ed. by Yu. Dreyzis. М.: Институт языкознания РАН, 2019. С. 3–12.

Contents

TO THE 70TH ANNIVERSARY OF THE PRC

Note by the Editor

I. Morgulov, Deputy Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation. Russian-Chinese Relations at a New Historical Start of Development

Li Hui, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the PRC in the RF. Golden Decade of Sino-Russian Relations

G Kulikova. China in My Life

S. Luzyanin. Russia – China: Strategic, Military, Political and Economic Scales of Partnership in 2019

P. Troshchinskiy. Legislative Development in the New China

A. Ostrovskiy. 70 Years of Social and Economic Development in the PRC (1949–2019)

L. Bony. Rural China on the Eve of the 70th Anniversary of the PRC: Final Battle for Xiaokang

V. Portyakov. Foreign Economic Relations of the People's Republic of China

E. Bazhenova. China's Population: New Trends in the Era of Modernization and Economic Reforms

I. Ushakov. Ecological Civilization: Dream or Mirage?

S. Uyanaev. China's Foreign Policy in the Year of the 70th Anniversary of the PRC

A. Davydov. The Year 2019: "Big Three" in a Series of Jubilees

A. Vinogradov. The PRC and European Union Countries

E. Safronova. China's Relationship with Africa, Latin America and the Middle East in 2018

P. Kamennov. Russian-Chinese Military and Technological Cooperation

A. Lomanov. International Studies at the Institutes of the Chinese Academy of Social Sciences

Yu. Dreyzis. The Main Trends in the Development of Chinese Literature from 1949 to Nowadays

Contents

Summary

Summary

S. Luzyanin. Russia – China: Strategic, Military, Political and Economic Scales of Partnership in 2019

The article is focused on the key trends in current development of the Russian-Chinese strategic partnership. Special attention is devoted to analysis of the military-political interaction between the two countries in the circumstances of the aggravating international situation and the growing American pressure on Russia and China. The author highlights the specifics of the Russian-Chinese interaction in Eurasia and other regions of the world as well as offers recommendations on how to develop more profoundly the strategic and economic formats of partnership between Russia and China.

Keywords: Russia, China, security, containment, USA, alliance, partnership, conjunction.

P. Troshchinskiy. Legislative Development in the New China

The article is devoted to the investigation of the peculiarities in the evolution of legislation of the People's Republic of China during the period of 1949–2019. The uniqueness of the mechanism of legal regulation created by the Chinese authorities, aimed primarily at protecting national interests from external competition and threats, is noted. The law-making experience of the Chinese legislator by its success casts doubt on the exclusivity and “infallibility” of the models of legal development offered by the West. During the years of reforms China has proved to the world the possibility of the existence of other alternative and no less progressive models of legal regulation of the political and socio-economic spheres. Tremendous progress in development was achieved by China in the absence of a legal state, separation of powers, a system of checks and balances, a multiparty system, a democratic electoral system, etc. Despite this, thanks to a nationally oriented legal policy, the interests of the state, society, and, with certain reservations of the individual, have been under reliable legal protection.

Keywords: China, Chinese law, legislation, legal policy, legal system, legal regulation, rule of law.

A. Ostrovskiy. 70 Years of Social and Economic Development in the PRC (1949–2019)

The article is devoted to social and economic developments in the PRC during 70 years (1949–2019). The author analyses the results of social and economic development in China, determines two stages of it: 1) 1949–1978 – command and administrative planned economy; 2) 1979–2019 – economic reform. The period of transition from planned to market economy consists of four stages: 1) 1979–1984; 2) 1984–1991; 3) 1992–2003; 4) 2003 – till now. The great successes of economic reform in China are expressed in high growth rates of GDP and promotion of population living standard. Meanwhile at that period China's role in the world economy increased immensely due to the GDP and foreign trade volumes high growth and development of investment cooperation. The successes of Chinese economy for 40 years proved vital capacity of the economy transition model which incorporates larger state regulation and considerable investment programs for China's economic development.

Keywords: the PRC, gross domestic product (GDP), population living standard, planned economy, population, economic reform, social and economic development, transition to market economy

L. Bony. Rural China on the Eve of the 70th Anniversary of the PRC: Final Battle for Xiaokang

The article deals with the latest Chinese measures to finally complete the strategic program of building a normal prosperous society, particularly in rural areas on the eve of the 70th anniversary of the PRC. It analyses a new policy course “for primary development of agriculture and rural areas” announced recently to speed up completion of the work assigned and solution of problems connected with the “Xiaokang program”. This is the main driving force to intensify rural development and progress at the time, to provide priority material, financial and political support in order to complete the “Xiaokang program” and to supply favorable institutional conditions for socio-economic development of rural China.

Keywords: "Xiaokang", priority development, income gap, basic social services, poverty liquidation, resource distribution, integrated development of city and rural areas.

V. Portyakov. Foreign Economic Relations of the People's Republic of China

The article shows the dynamics of the foreign trade turnover growth of the People's Republic of China for seven decades, the main features of the modern commodity and geographical structure of its exports and imports. Also analyzed are China's trade in services, Beijing's attraction of foreign investment and export of Chinese capital abroad. The leading territorial forms of foreign economic openness of the country – special economic zones and experimental free trade zones – are considered. The place of Russia in China's foreign trade at the present stage is shown.

Keywords: People's Republic of China, foreign trade, investments, special economic zones, experimental free trade zones, Russia.

E. Bazhenova. China's Population: New Trends in the Era of Modernization and Economic Reforms

The article is devoted to the main aspects of population development of China from 1949 till nowadays, to the changes which occurred under the influence of socio-economic conditions and population policy. It should be noted that the Chinese government and the CPC connect the decision of demographic problem with the future of the nation, success of modernization policy, socio-economic progress and achievement of the status of the great power.

Keywords: economic reform, population development, living standards, migration, modernization, population policy.

I. Ushakov. Ecological Civilization: Dream or Mirage?

Year by year the problems of ecology cause the ever bigger impact on China's socio-economic development. The national leadership – in particular, after the start of the reforms – began to focus special and closer attention on environmental protection. Today, as the creation of the ecological civilization has been proclaimed, the CCP and its Secretary-General Xi Jinping actively attend to resolution of China's environmental problems. All these developments instill hope that the words on the eco-civilization and "beautiful China" will be realized into life.

Keywords: China, ecological civilization, environment protection, «red lines», natural utilization, maximum permissible concentration, greenhouse gases.

S. Uyanaev. China's Foreign Policy in the Year of the 70th Anniversary of the PRC

The article analyzes the main features and directions that characterize the foreign policy of China in the year of the 70th anniversary of the PRC and the establishment of diplomatic relations between Russia / the USSR and New China. The author pays special attention to the current state of Russian-Chinese relations, as exemplified by the events of 2018-2019, shows their achievements as well the issues still need to be resolved. The article concludes that the current foreign policy of the PRC is the international policy of a dynamically developing major power; Russian-Chinese relations are based on mutual interests. Therefore they have good prospects and should be developed in the sake of good neighborliness.

Keywords: China, Russia, foreign policy, anniversary, partnership, achievements, interaction, challenges.

A. Davydov. The Year 2019: "Big Three" in a Series of Jubilees

In this article, the author sums up the major outcomes of relations among Russia, China, and the United States as reached by the current year of 2019, which is a kind of a "jubilee year" for these three actors on a number of occasions. Some recommendations are offered on how to streamline their relations and to improve the climate inside the Big Three.

Keywords: Russia, China, US, mutual relations, Balance of forces, balance of interests.

A. Vinogradov. The PRC and European Union Countries

The article is devoted to the relationship of modern China with the countries of the European Union in the second half of 2018 - the first half of 2019. The author identifies and examines in detail three points that are most important for the development of China-EU relations: two trips of the Chinese leader

Xi Jinping to European countries and the China – EU summit held in spring 2019. According to the author, these events clearly characterize the main trends in the development of Sino-European cooperation.

Keywords: China, Europe, politics, economy, Xi Jinping, cooperation, investment.

E. Safronova. China's Relationship with Africa, Latin America and the Middle East in 2018

The article considers directions and dynamics of the development of the PRC relations with the countries of Africa, Latin America and the Middle East in 2018, shows new points in the contacts of the parties prompted by the events of the last year. The author specifies that the development of China's relationship with the three regions has been largely motivated by the task of connecting their potential to the implementation of the Belt and Road Initiative.

Keywords: China, Africa, Latin America, "China-Africa" Forum (FOCAC), BRICS, Middle East, Venezuela, Belt and Road Initiative (BRI).

P. Kamennov. Russian-Chinese Military and Technological Cooperation

The article discusses the main stages of development of the Soviet-Chinese and Russian-Chinese military and military-technological cooperation and its importance for creating the military-industrial complex of the PRC and transforming the PLA into modern armed forces corresponding to the international status of the PRC as a great power. These relations are analyzed in the context of the development of strategic partnership between the Russian Federation and the PRC, aimed at strategic interaction in the XXI Century.

Keywords: military and military-technological cooperation, strategic partnership, strategic interaction, military-industrial complex, deliveries to the PRC of Russian military equipment, joint Russian-Chinese military antiterrorism exercises.

A. Lomanov. International Studies at the Institutes of the Chinese Academy of Social Sciences

The article deals with the history of the formation of research system of world and regional problems in China. The connection of the state scientific policy with the diplomatic and economic demands of China's development is shown. The initial impetus for the establishment of scientific structures was in need to develop state foreign policy towards developing countries. With the transition to the implementation of policies of reform and openness there was a demand for knowledge about them. The main activities of the scientific institutes within the Department of international studies of the Chinese Academy of Social Sciences are characterized.

Keywords: world economy, reforms in China, research, Africa, Asia, Russia, America, Europe, "think tanks".

Yu. Dreyzis. The Main Trends in the Development of Chinese Literature from 1949 to Nowadays

The paper presents a description of the main trends in the development of mainland Chinese literature during the period from the founding of the PRC up to nowadays, covering a period of seventy years. Throughout this time, Chinese prose, poetry, and drama were directly dependent on changes in cultural policies authorized by the CCP. Brief "thaws" were followed by reaction. Since the early 1990s commercialization had also begun to influence the literary world. Against the background of the growing openness of Chinese society Chinese literature has gradually entered the global literary scene.

Keywords: avant-garde, Chinese poetry, contemporary literature, cultural studies, literary policy, literary market, modern literature.

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-Пресс» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социо-гуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

Ключевые направления:

- формирование учебно-методических комплексов
- внедрение новых стандартов научной периодики и коммуникации

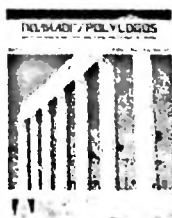
Деятельность «ГАУГН-Пресс» включает:

- принцип сетевой организации взаимодействия ведущих научно-методических, исследовательских центров, интеграции науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания

НАУЧНО-УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ ГАУГН

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

БАКАЛАВРИАТ

Востоковедение и африканистика

МАГИСТРАТУРА

Экспертно-аналитическое востоковедение

АСПИРАНТУРА

Обучение в Институте востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение восточным и английским языком. Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, член-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать во многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ. В нем публикуются основные научные результаты исследований по следующим отраслям науки (согласно Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени) – экономические, исторические, политические науки.

Издание входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) <http://www.elibrary.ru>.

В соответствии с издательскими требованиями все научные статьи, поступающие в журнал, проходят предварительное рецензирование с целью их экспертной оценки.

Подробная информация о правилах направления, рецензирования и опубликования статей размещена на официальном сайте журнала: <http://www.ifes-ras.ru/pdv>.

Подписной индекс издания в каталоге «Пресса России» – 70 758.

Возможно оформление льготной подписки в редакции.

По вопросам подписки обращайтесь к заведующей редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной (тел.: 8 (499) 124–02–15).

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935–01–01. С условиями подписки можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru.

*Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Проблемы Дальнего Востока» обязательна.
Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.*

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

научный журнал Российской академии наук

(свидетельство о СМИ № 0110158 от 05.02.1993 г.)

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32;

тел. (499) 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2019 г. Дмитрий Славинский

Подписано к печати 14.10.2019 г. Формат 70×100 1/16 Уч.-изд. л. 14,6
Тираж 500 экз., включая 5 экз. бесплатно. Зак. 14/5(1)а. Цена свободная.

Учредители: Российская академия наук; Институт Дальнего Востока РАН

Издатель: Российская академия наук

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-199-18 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
117418, г. Москва, Нахимовский проспект, 47

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

16+